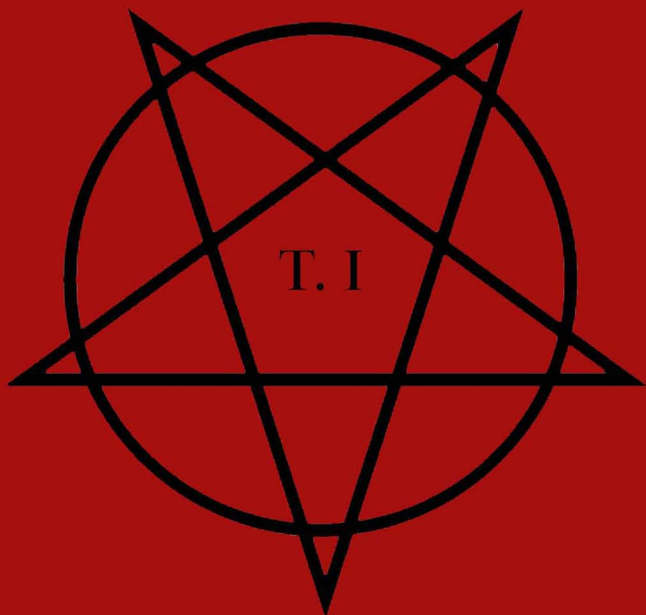
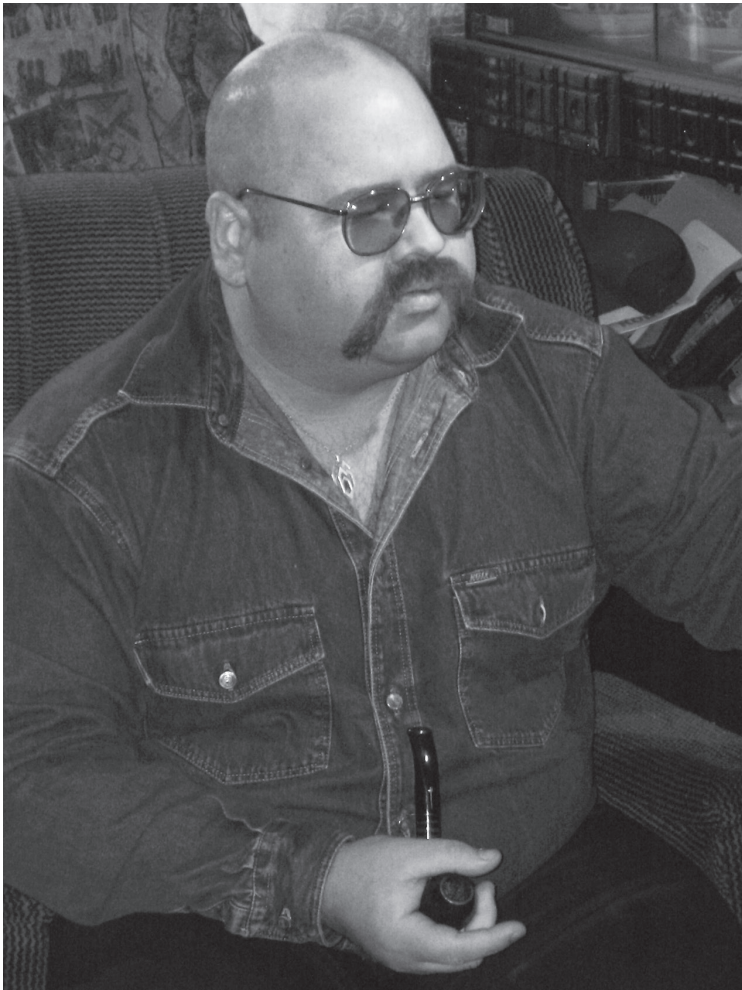

WARRAX

НЕ-УЧЕНИЕ ТЬМЫ.
САТАНИЗМ, ХХІ ВЕК

**НЕ-УЧЕНИЕ ТЬМЫ
САТАНИЗМ, XXI ВЕК
ТОМ I**

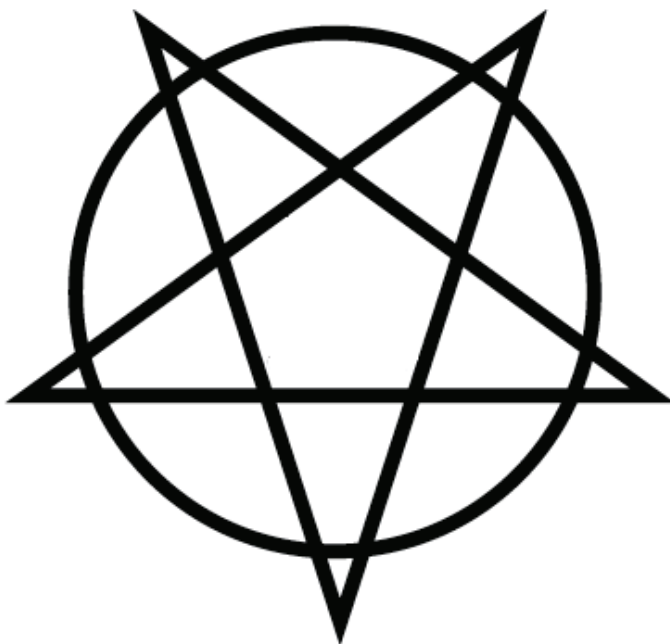

– Liber Scientia –

Warrax

Не-учение Тьмы. Сатанизм, XXI век

Древний Город
«Общество Сознания Смерти»

2011

*Warrax. Не-учение Тьмы. Сатанизм, XXI век. Т. 1. — Древний
Город: Издание «Общества Сознания Смерти», 2011 — 416 стр.*

*Книгу разрешается тиражировать всем желающим
и всеми доступными средствами
при условии полной идентичности текста.*

© Warrax, 2004-2011 *era vulgaris*

© Общество Сознания Смерти, 2011 *era vulgaris*

Оглавление

Предисловие V.L.S.L.V.	8
Предисловие автора	12
Princeps Omnium	15
Вступительное слово DoctoR'a	17
Предисловие к редакции 2.1	19
Intro	21
Доисторическая эпоха	30
Язычество	43
Зороастризм	85
Иудаизм	96
Каббала	110
Гностицизм	115
Дьявол в христианстве	120
Манихеи, павликиане, богомилы, катары	143
Ислам	153
Литература Нового Времени	158
Психопатологические сущности и рецидив дуализма	171
Добро/Зло — мифы и реальность	178
Психологические корни архетипа	219
Θελημα: взгляд мистиков на Единое и Иное	243
Развитие психологического начала в различных мировоззрениях	253
Сера как символ алхимиков	265
XV Аркан	272
Ассоциация Змея с архетипом Сатаны	277
Хаос и Сатана	280
Оккультные нюансы трактовки	287
Филология и фольклор	294
Иконография Дьявола	301
Размышления на тему	328
Outro	334
Теология сатанизма	335
Религиозный аспект	341

Профилактика возражений	345
Философский аспект	348
Психологический аспект	354
Бог как метафизическая Сила	358
Visio Vigilantium	360
Апофатика сатанизма	364
Вместо вступления	364
Эгоцентризм	367
Беспринципность	368
Подмена сатанизма в целом на одну из граней восприятия	369
Эскапизм от социума	370
Отсутствие творчества	374
Примазывание к «сильному мира сего»	374
«Все — сатанисты»	375
Восприятие как временного явления	376
Восприятие исключительно как разумного эгоизма	376
Восприятие себя как физического тела	377
Отсутствие этики	379
Исключительно виртуальная деятельность	380
Попытка разделить сатанизм на -измы	381
Нажива на идее	381
Вседозволенность	382
Позиция «плевать я хотел на других сатанистов»	383
Понимание оккультизма как «обретения могущества на Земле»	384
Поклонение	385
Восприятие сатанизма как религии	385
Определение сатанизма через некий набор черт	385
Восприятие самого себя богом	386
Сциентизм	387
Стремление подражать	388
Отождествление признака и явления	388
«Сатанинское счастье» — здоровье, деньги и власть	389
Гедонизм	389
Человеческое	389
Восприятие как субкультуры	391

Поиски «Красной Кнопки»	392
Отсутствие Сатаны	394
Essentia	396
Сатанист и социум	398
Рассуждение первое	398
Рассуждение второе	400
Рассуждение третье	401
Рассуждение четвертое	402
Рассуждение пятое	406
Рассуждение шестое	409
В заключение	410
Еще от Zardoz:	411

Предисловие V.L.S.L.V.

...В Род Богов не позволено перейти никому, кто не был Философом и не очистился до конца, — никому, кто не стремился к познанию.

(Платон, «Федон»)

В некотором смысле, слова сильнее людей. Слова управляют Миром: они пугают или привлекают, они становятся оружием или лекарством, они могут скрывать за собой бездны смысла или маскировать невежество говорящего. Современные люди так привыкли общаться на уровне одних лишь слов, что представляется удивительным, как они вообще могут понимать друг друга.

Когда *Warrax* произносит или пишет слово «Сатанизм», у подавляющего большинства слушателей или читателей это автоматически вызывает одну из **двух реакций**:

1) Если человеку *не нравится* это слово (точнее, то, что оно, *по его мнению*, означает), он презрительно кривит лицо и, не дослушав или не дочитав до конца, отворачивается с «праведным» чувством неприязни к личности автора;

2) Если человеку *нравится* это слово (точнее, тот смысл, который, *по его мнению*, оно несёт), он приходит в эмоциональное возбуждение и, не дослушав или не дочитав, проникается к автору симпатией, полагая, что тот находится «на его стороне».

При этом в обоих случаях реакция происходит механически, неосознанно, как бы сама собой, — практически *минуя Разум*.

Так человек упускает возможность задуматься и *осознать* нечто новое, *научиться* чему-либо, — он просто следует укоренившимся в нём **стереотипам и привычкам**:

1) Рассматривать не действительность, а скрывающие её ярлыки, которые на самом деле могут не соответствовать обозначаемым ими явлениям, воспринимая информацию не творчески, а механически, не увеличивая

степень собственной осознанности, а ища в рассматриваемом предмете повода для ещё большего укрепления в собственном эмоциональном настрое;

2) Воспринимать информацию не ради расширения собственного кругозора, а лишь для того, чтобы лишний раз убедить себя в «правильности» *своего* Мировоззрения и «неправильности» *чужого*, рассматривая получаемую информацию не в связи с её соответствием действительности, а исключительно в качестве подтверждающей либо не подтверждающей *уже* имеющиеся представления;

3) Делать всё словно *во сне* — бездумно и бесцельно, практически не приходя в Сознание.

В определённом смысле, обычный человек не в состоянии ничего «делать», — всё «случается» с ним само собой. **«Для того чтобы *делать*, необходимо *быть*»**, — говорил Г.И. Гурджиев, имея в виду неспособность обычного человека, не имеющего единого внутреннего центра и действующего обусловленно, механически, *делать* что-то по собственной Воле.

В каждый миг Жизни человеком управляют те или иные внешние силы, всевозможные посторонние влияния, а также его собственные неосознанные желания, вожеления и пристрастия, с которыми он *в настоящее время* отождествлён. Обычный человек не осознаёт себя и принимает свои *обусловленные реакции* за свою Истинную Волю. Между тем, он — лишь бессознательная игрушка в руках непонятных и неподвластных ему сил. Его личность не имеет единого центра, представляя собой скопище непрестанно враждующих друг с другом ложных «я», с которыми человек поочерёдно отождествляет себя, принимая желание каждого из них за манифестацию своей собственной Воли.

Потому первым шагом к обретению Истинной Свободы является осознание собственной обусловленности, т.е. того рабства, которое человек носит в себе. **Осознанность — это необходимое условие для того, чтобы по-настоящему *быть***. Лишь тот, кто действительно *есть*, — кто «кристаллизовал» в себе индивидуальность, способную управлять разрозненными «я», — может обладать Истинной Волей по ту сторону всех обусловленных желаний и вожелений.

Понимание этого позволит читателю вырваться из тисков механических реакций и начать *учиться* прямо СЕЙЧАС (при

условии, разумеется, что *учение* действительно входит в его намерения), воспринимая написанное как практику (определённого уровня) непосредственной работы с Сознанием.

Как, в свете вышесказанного, следует читать данную книгу? Прежде всего, нужно постараться понять тот *понятийный язык*, на котором говорит автор. Это необходимо для того, чтобы читающий не приписывал автору собственных мыслей, но воспринимал то, что действительно имелось в виду, — или, по крайней мере, чтобы максимально (насколько это возможно) приблизиться к авторскому пониманию.

Не следует быть заранее «за» или «против» авторской позиции лишь потому, что вы «за» или «против» того Мироззрения, принадлежность к которому автор декларирует в самом названии книги. Возможно, то, что он понимает под ним, *значительно отличается* от того, что понимаете под ним вы. Также не спешите переносить свои личностные симпатии или антипатии к автору на сам его труд; к тому же, если вы не знаете автора лично, а судите о нём исключительно по рассказам других людей, ваше отношение к его личности не имеет большого значения — хотя бы уже потому, что оно, в сущности, *не ваше*. Бездумное, механическое «согласие» или «несогласие» с авторской позицией — окажутся в равной степени бессмысленны и бесполезны для читателя, ибо станут лишь свидетельством того, что внутренняя работа оказалась не проделанной, что переход от обусловленного эмоционального восприятия к самостоятельному осознанию так и не произошёл. Данная книга — это не «Священное Писание», в которое «необходимо» слепо верить, а инструмент для раскрытия более глубокого взгляда на Мир и самого себя, на место человека во Вселенной и — одновременно — на место Вселенной в Сознании человека.

Эта книга *не для всех*. И не только потому, что для адекватного восприятия содержащейся в ней информации человеку необходимо обладать определённым интеллектуальным уровнем и остаточными базовыми знаниями (не говоря уж о доле здорового юмора), — но, прежде всего, потому, что она не призывает ни к банальной инверсии «общепринятого» Образа Мира, ни к переоценке *количественных* соответствий «положительного» и «отрицательного», а указывает Путь к выходу за пределы двойственности как таковой, к *качественному* переходу — к прорыву в *Иное*.

Эта книга — плод многолетних трудов автора — предназначена не для увлекательного времяпровождения, а для **серьёзной работы над собой**. В ней читатель не найдёт «жареной» информации о Сатанизме в его вульгарном или подростковом понимании, — здесь нет ни сочных описаний «Чёрных Месс», ни «Сатанинских оргий» с обнажёнными девственницами, ни «чудовищных» кровавых жертвоприношений, ни инструкций по полётам на метле, ни поцелуев Чёрного Козла в зад, ни прочей романтической чуши, привлекающей эмоционально возбуждённых недорослей, людей с явными психическими отклонениями и изолгавшихся ради очередной однодневной «сенсации» журналистов. Иными словами, на страницах этой книги читатель не найдёт ничего такого, с чем обычно связывается Сатанизм в представлениях обывателей, и от чего он столь же далёк, сколь далеки комиксы и кинематографические сказки о «Кинг-Конге» от реалий, с которыми имеет дело подлинная зоология.

Эта книга — Зов *Иного*, который будет в действительности *услышан* лишь теми, кому он предназначен.

Sapienti sat!

[2011]

Предисловие автора

Сатанизм — это не религия и даже не учение: сатанизму невозможно научить, можно лишь обнаружить Тьму в себе и развиваться самостоятельно.

Вы держите в руках двухтомник, в котором собраны мои работы на тему сатанизма, которые я отобрал для публикации в бумажном виде. Признаюсь честно: некогда я слишком увлекся написанием статей «против чего-то», и, хотя там всегда присутствовало значительное кол-во «про», тем, кто не в теме, надо было это еще разыскать. Да и ссылаться неудобно: «на эту тему прочтите несколько абзацев в середине такого-то разноцветного от комментариев текста». В этой книге — работы, которые писались «про» изначально, а всякие веселые «contra» вы можете почитать и у меня на сайте.

Первый том содержит самую большую работу на данный момент, «*Princeps Omnium*», написанную в соавторстве с Olegern'ом в 2004-м году, с моими небольшими пояснениями (выделены в тексте). Обращаю внимание: Р.О. — это не «описание архетипа Сатаны», как нередко приходилось читать в интернете, а психологическо-культурологическая работа, в которой описывается концепт с выделением архетипических черт. И уж тем более нельзя заявлять, что-де мы описали там все черты архетипа (видел я такие списки). Не буду страдать скромностью: я считаю, что эту работу обязан прочитать каждый, кто интересуется темой «что есть сатанизм». Сейчас, спустя столько лет, я отчетливо вижу недостатки книги — но они не критические, просто сейчас я бы написал все гораздо четче, подробнее и научнее. Через несколько лет я рассчитываю это сделать.

Также в первом томе содержатся материалы, издававшиеся ранее в бумажном виде в журнале «CONTRA DEI». «Теология сатанизма» была написана специально для первого номера, статья раскрывает точку зрения на монобога с т.з. сатанизма. Из второго номера журнала взята статья «Апофатика сатанизма», в которой я перечислил ряд концепций, которые время от времени пытаются «приклеить» к сатанизму: то, чем сатанизм не является. Также публикуется мое рассуждение на тему «сатанист и социум», и завершается первый том небольшим метафизическим эссе «*Essentia*».

Второй том содержит более разнообразные материалы. Начинается он с двух работ, не имеющих непосредственного отношения к сатанизму: «Вера» и «Скептицизм». Тем не менее, я считаю, что их необходимо прочесть, раз уж вы взялись за этот двухтомник. Возможно, вы в курсе, что я категорически возражаю против того, чтобы сатанизм называли религией, выступаю категорически против веры и т.д. В этих статьях подробно раскрывается, что есть вера и в чем ее вред, а также описана гносеологическая концепция скептицизма, которая позволяет обходиться без веры, чего всем и желаю.

Тему сатанизма во втором томе открывает работа «Концепт и архетип Сатаны: современное состояние», написанная по докладу, сделанному на научной конференции «От заката до рассвета. Ночь как культурологический феномен» (24-26 ноября 2003 года, Государственный институт искусствознания). В материалах конференции она была опубликована в сокращенном виде, здесь — целиком.

Далее опубликовано то, что получилось, когда Литературно-эзотерический журнал «Апокриф»¹ решил взять у меня интервью. Вопросы были интересные, я тогда как раз только что решил, что тему национал-социализма я проработал в достаточной степени и надо продолжать тему сатанизма — и решил ответить как подобает, на хорошем уровне. Когда дописал, то получилось не интервью, а сборник статей. Здесь публикуются: «Что есть сатанизм?», «Этика сатанизма», «Люди и анхуманы», «Атеизм, скептицизм и оккультизм», «Телема и сатанизм» и «Новый эон».

«Pentaculum elementorum» (в соавторстве с Т.Е.) — первая работа серии «Ad usum internum», в которой я собираюсь публиковать оккультные работы, рассчитанные на Тёмных оккультистов и требующих для восприятия соотв. подготовки. Статья содержит анализ 4- и 5-тичленных систем элементарных стихий, предложена пятая стихия и логичное графическое отображение системы, наиболее соответствующее сатанизму, также проведен нумерологический анализ числового ряда 1-10 с Тёмной стороны. Вторую работу серии «Zero non adaequat duo»² я решил не в двухтомник не включать, она по очень узкому вопросу, а тут все же не полное собрание сочинений.

¹ <http://cardshouse.castalia.ru/apokrif.php>

² <http://warrax.net/95/06/adi-2.pdf>

Также в книгу входит первая работа серии «Ad usum externum», в которой я собираюсь описывать то, что мне понятно «на подкорке», но неоднозначно трактуется другими. Начал я с описания базовых понятий, статья называется «Тьма, Хаос, Бездна, Ад».

Далее во втором томе опубликована еще одна работа апофатического характера «Не имеет значения», выдержки из нескольких интервью прошлых лет (ответы, которые полезно прочесть, не личного характера) и несколько художественных рассказов: «Дикая охота», «Дудочник не из Гаммельна», «Разговор о морали и мотивациях» и «Притчи», которые удались мне особенно хорошо.

Завершается второй том моим интервью издателям — и это не просто «довесок», а, пожалуй, лучшее интервью, на которое мне приходилось отвечать: вопросы интересные и важные, но при этом не требуют написания монографии на тему «Общая Теория Всего для чайников».

Satanas nobiscum!

Warrax
warrax@warrax.net

Olegern Warrax
Princeps Omnium

XXXVIII A.S.

Издание 2.1, незначительно исправленное и дополненное

*Посвящается всем идущим по
Пути левой Руки вне зависимо-
сти от того, как они называют
свое мировоззрение.*

Вступительное слово ДостоЯ'a

Терпеть не могу писать вступления... Объясняю — вступление всегда выступает в роли своеобразного анонса основного произведения.

Если во вступлении написать, что анонсируемое произведение — бред сивой кобылы с тяжелыми последствиями черепно-мозговой травмы, то такое вступление, скорее всего, не подойдет, и время, затраченное на его написание, будет являться единственным результатом подобной работы.

Если написать, что книга «вселяет», «вдохновляет», «нестандартно подходит» и т.д., то после каждого подобного эпитета элементарная скептическая честность заставит вставлять обороты «мне», «для меня», «по-моему» и пр.

Вступление, не являющееся «чистой рекламой», является «причесанным» частным мнением субъекта, который обязательно считает, что произведение достойно публикации (иначе он бы написал не вступление, а рецензию или фельетон). И, следовательно, все равно в той или иной мере оно рекламирует основное произведение.

Научные труды не нуждаются в рекламе — если кто-либо не заинтересован в получении конкретного знания, то дилетантская или поверхностная реклама (большого просто не позволит объем вступления) будет не в состоянии пробудить стойкого интереса, достаточного для погружения в тему. А предварительную ориентировочную функцию гораздо лучше, чем вступление, выполняет краткий авторский или редакционный дайджест книги (всего несколько строк) или ее реферат на 1-2 страницы.

Но в этот раз я все же занялся написанием вступления — и это связано с общественными стереотипами. Так как книга посвящена исследованию *сатанизма как мировоззрения*. Пусть читатель сам прикинет, часто ли в качестве ассоциации к слову «сатанизм» человеку в голову приходит слово «мировоззрение»? Я не имею в виду обывателя, у которого с сатанизмом связаны слова «кладбище», «кошка» и «младенцы». Я не имею в виду также ортодоксального христианина, который, услышав что-либо, связанное с сатанизмом, автоматически рисует рукой крест, начиная с верхней точки своего тела. Нет, я говорю о думающем образованном человеке, уверенном, что он не подвержен общественным шаблонам (по крайней мере в области научных исследований),

не верящим в привидения, знакомым с методологией научных исследований. Но...

По моим более чем трехлетним наблюдениям именно в этом вопросе у такого человека «методология не срабатывает». Шаблоны по поводу сатанизма сродни шаблонам по поводу СПИДа и Чернобыля. Они практически *одинаковы* для большинства — вне зависимости от образованности и степени развития интеллекта. Эти шаблоны могут быть по-разному выражены, высказаны в разных формах, но во всех в них отсутствует одно — тот самый научный методологический подход. Даже «философские рассуждения» по поводу сатанизма в конце концов сводятся или к христианской догматике (Бог-Дьявол) или к диалектическому материализму (единство и борьба противоположностей вида «хорошо-плохо»). Но религия и диамат — это не наука, это идеология на социальном поле. Даже ученый-естественник, как только речь заходит о сатанизме, забывает о том, что прекрасно известная ему методология научных исследований *не имеет ограничений* в применении. Тут имеют место два варианта:

Вариант первый — собственное мировоззрение субъекта настолько не продумано и догматично, что он не в состоянии методологически корректно оценить феномен сатанизма и принимает существующий общественный шаблон, не осознавая этого (часто хуже — не желая даже пытаться осознать).

Вариант второй — субъект считает, что метафизические (мировоззренческие) идеи не имеют эмпирического субстрата, поэтому они «непроверяемы». По поводу самих «идей» у меня, естественно, возражений нет. Я возражаю против вполне конкретных и совершенно необоснованных эмпирических выводов, которые делаются из этой посылки — «т.к. нельзя проверить, что есть на самом деле, мировоззрение формируется, исходя из воспитания и личных качеств субъекта». Хорошо воспитывали — «гуманист», плохо — «сатанист».

Почему такое заключение некорректно? А потому, что категории «хорошо» и «плохо» — сами изначально метафизичны, порождены разумом, а не природой. На уровне каждого конкретного разума они резко субъективны, на уровне «моря разумов» — социума — выполняют более сложные (регулирующие) функции, но тоже никак не становятся от этого «объективными категориями». Если из системы убрать «разум», из нее исчезнут и все метафизические категории, порожденные этим самым разумом.

Но любая метафизическая идея, реализованная в конкретных субъектах, имеет вполне эмпирические проявления, и, следовательно, эти проявления можно исследовать, применяя вполне научные методы. Вот именно эта банальная мысль просто не воспринимается большинством людей. И именно ради «озвучивания» этой мысли я сел писать это вступление. Авторы работали над темой сатанизма, исходя не из идеологических, а из *исследовательских* целей, их вел не прозелитизм или, тем паче, фанатизм, а *научный подход*. Насколько корректно этот подход реализован — судить читателю, но само по себе *исследование* сатанизма, а не его «порицание» или «прославление» — является достойным того, чтобы книга «Princeps Omnium» номинировалась и была рекомендуема именно как *монография по исследованию* сатанизма. Сатанизма как вполне объективного явления на уровне социума и полноценного мировоззрения на уровне субъекта.

DoctoR, ноябрь 2002

P.S. Если кто-либо, прочитав это вступление, решил, что «сатанист-DoctoR» *рекламирует* труд сатанистов Olegern'a и Warrax'a, то саму книгу он может и не начинать читать ввиду достаточно серьезных собственных проблем в интеллектуальной области.

Предисловие к редакции 2.1

Эта книга является именно исследованием архетипа и образа Сатаны. Это — *не* «учебник по сатанизму» или что-то подобное. «Что есть», а «не как надо делать» или «как стать сатанистом». Таким образом, она полезна не только для сатанистов и других Тёмных, но и для тех сапиенсов, которые хотят узнать, что есть сатанизм.

«Princeps Omnium» стал, можно сказать, классикой — не побойсь саморекламы. ЛаВеЙ был первопроходцем, и он был настоящим сатанистом — практически каждый раз, перечитывая его тексты, я понимаю что-то новое. Это новое не написано у ЛаВеЯ, но он «модулирует канал» связи с Тьмой, образно говоря.

Но объяснение «что и как» в историческом, психологическом и т.д. плане первыми написали мы с Олегерном. Значительно позже появились «Сатанинские хроники» Iss'a и «Система

Дьявола» Dazarat'a¹, причем они затрагивают более узкую область и менее научны. Больше оригинальных трудов на тему сатанизма на русском языке, сравнимых по объему, я не припоминаю.

Текст публикуется в редакции 2004 года, была приведена лишь небольшая литературная вычитка в 2005-м (ТНХ И. Крейну и bLizzard'у). Сейчас я перечитал текст перед отдачей на верстку и добавил несколько примечаний, в тексте они обозначены «W.:» в начале.

Понятно, что знаний и проч. у меня добавилось за эти несколько лет — честно говоря, некоторые разделы я бы серьезно переписал и все бы дополнил. Однако считаю логичным опубликовать as is. Во-первых, уровень изложения здесь оптимален для начинающих и просто любознательных «со стороны». Во-вторых, уже давно Олегерн ничего не пишет на тему сатанизма, и, насколько я в курсе, не собирается. Таким образом, я не буду в одиночку продолжать книгу, т.к. будет выглядеть странно: если этот текст у нас именно общий, то в случае моих добавлений авторство присваивать себе некорректно, а оставлять общим — еще более криво (я вполне могу добавить то, с чем Олегерн не согласится). Вероятно, я сам через несколько лет напишу на ту же тему свою книгу (похоже, она будет *очень* толстой).

Сейчас я жалею, что мы не делали список литературы, как положено. Тогда мы исходили из «не перегружать, писать публицистику, а не научный труд» — но сейчас я понимаю, что и сатанизм, и оккультизм надо выводить на новый уровень, более научный, чем это принято традиционно. Впрочем, все было взято из адекватных книг, так что нарушений фактологии в тексте нет.

Warrax, 13/11/11

¹ Ознакомиться с ними с моими комментариями можно на сайте: <http://warrax.net/91-92/01/iss.html> и http://warrax.net/91-92/01/satanism_traditio2.html

Intro

Знание — это барьер, препятствующий обучению.

Кода Бене Джессерит

Часто задают вопрос: как узнать, кто является сатанистом, а кто нет? Дайте четкое определение!

Конечно, можно потребовать от спрашивающего для начала определить, например, что значит «солёный» или «сладкий», чтобы он убедился наглядно в том, что даже общепризнанные и конкретные термины вовсе не так легко формулируются в иде определений¹. Можно дать ответ, против которого не возражал еще ни один сатанист: «имеющий инвольтацию к эгрегору Сатаны». Однако, если термины «эгрегор» и «инвольтация» понимаются компетентными оккультистами более-менее однозначно, то с эгрегором Сатаны возникает проблема, полностью аналогичная предыдущей. Впрочем, объяснить восприятие архетипа Сатаны² несколько проще, хотя кратко, как обычно просят, не получится — хотя бы из-за стандартных искажений, которые общеприняты и заслоняют реальность.

Та ложь, которая инкриминируется Сатане христианами и им подобными, например, в прозвище «Отец Лжи³», по сути исходит не от Сатаны, а обращена на него его противниками.

¹ Есть такое соединение — фенилтиомочевина. Часть человечества (это генетически обусловлено) считает, что она имеет интенсивно горький вкус, часть же, напротив, полагает, что абсолютно безвкусна. Вот и попробуйте объяснить тому, кто воспринимает ее горькой, что она безвкусна (и наоборот). А то, что могут быть разные и равноправные точки зрения на одно и то же, понимать начинают лишь с определенного уровня развития. Для подавляющего большинства чел-овечества изостеническое понимание недоступно по простейшей причине: непониманию разницы между реальностью (бытием) и действительностью.

Также см. «Отступление по поводу словарных определений» в «Гомогенезе» (книга тех же авторов) (W.: <http://warrax.net/gomogenez/start.html>).

² В данном случае можно условно считать, что архетип Сатаны — это «проекция» эгрегора на психику.

³ «Когда же услышишь, как назовут меня Отцом Лжи, спроси единожды, в чем ложь от меня.

И если я отец ее, разве кто может уличить меня в ней, а если может, то не он ли превзошел меня в ней?» — Mephistophel, Книга Ликов.

Характерно, что, несмотря на приписываемое ему звание «Отца Лжи», нет даже христианских легенд, в которых он *врет*, самое большее, он недоговаривает и поддавливает на неосторожности. Соответственно — в архетипе такой черты, во-первых, точно нет, во-вторых, архетип *иммунен* к попыткам прицепить ему таковую черту¹. Дополнительная иллюстрация несоответствия: Ложь — *намеренное* искажение информации — человеческое изобретение, во Вселенной *per se* ее не было, поскольку Вселенная безлична.

Однако это не значит, что с точки зрения сатанизма ложь — порок, а честность — достоинство. Любая информация адекватна реальности лишь в той или иной мере. И это связано не только с сознательной инверсией ее в каком-либо звене, но и с субъективным восприятием — выборкой фактов, акцентированием, самообманом и проч. Никакая информация не обязана (и не может быть!) быть абсолютно достоверной, ни приходящая, ни исходящая. Если некто в процессе верификации допустил просчет, это не только «его обманули», но в первую очередь — он обманулся сам. Попытка возвести честность в абсолютную добродетель — это попытка упростить мир, подогнать его тяжесть под свои силенки.

5. Знай же, что нет никого, кто не солгал бы хоть раз. Как нет и того, кто хоть раз не сказал бы правду.
6. Многие же лгут, считая, что говорят правду. Многие же говорят правду, уверенные, что лгут.
7. А есть и те, которые не лгут лишь потому, что не знают правды.
8. И что правда для одного, то ложь для другого.
9. Постоянно лгущий строит непрочную башню. Одно неосторожное слово — и рухнет она, погребя его под своими обломками.
10. Правдивый же открыт для всех. И лишь ленивый не уязвит его.
11. Ищи же середину и не уподобляйся ни одному и ни

¹ W.: Попытки оправдать ложь см. у некоего «Ученика Локи»: «Путь обмана» (<http://warrax.net/78/falsepath.html>) и «Исправление имен» (<http://warrax.net/79/words.html>). Уровень желающих лжи наглядно показан комментариями.

другому. Не громозди ложь, но и не открывайся всякому.

12. Тогда будешь ты силен, и уязвить тебя будет трудно.

13. Тогда и научишься отличать ложь от не лжи и правду от неправды.

Michael The Heretic, «Книга Лжи», гл. 1

Разобраться во всем этом незаинтересованному человеку сложно, и большинство тупо следует христианской пропаганде, поддерживаемой средствами массовой информации. Но, что интересно, архетип¹ Сатаны заимствовал из этих наветов то полезное, рациональное и целесообразное, что в них было... и развивался дальше. Сатанизм — это не конкретная историческая религия (и не религия вообще). Это следование определенному архетипу сквозь *все* религиозные и философские системы. Впитывая все, соответствующее развитию, и оставляя позади соответствующие очередной эпохе окаменелости, сатанизм всегда на гребне развития. Собственно говоря, **непрерывное творческое развитие** — это и есть один из главных аспектов данного архетипа.

Представьте себе христианина или приверженца иной монотеистической религии, говорящего: наш бог в непрерывном

¹ Мы подразумеваем, что читатель обладает определенным базовым набором знаний, но все же дадим здесь понятие архетипа, поскольку есть некоторые нюансы: слово происходит от греч. αρχη (начало) и τυπος (образ), в позднеантичной философии (Филон Александрийский и др.) — прообраз, идея. В аналитической психологии К.Г. Юнга — изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание т.н. коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в т.ч. художественной. Содержание коллективного бессознательного не является индивидуальным приобретением, в отличие от личного бессознательного, это глубинная часть психики, имеющая универсальную и безличную природу, связанную с наследуемыми факторами — инстинктами. Если не требовать точной научной формулировки, то под архетипом можно понимать идею, сформировавшуюся без *сознательного* участия человека, который позже лишь оформил в слова свое понимание — т.е. первичный образ «не-Я», символ, восходящий к древним, архаическим типам человеческого сознания и выраженный в некотором мифологическом, оккультном или психологическом образе. Термин «архетип» в этом значении введен в психологию Юнгом, но подобная концепция ранее развивалась Леви-Строссом в этнографии, а сравнительный анализ верований, выявляющий общие элементы, проводился еще Фрэзером.

развитии, наш бог адогматичен¹. Его распнут его же коллеги по вере, т.к. краеугольным камнем таких религий является статичность и неизменность бога². Это вполне очевидно. Признание того, что бог находится в постоянном развитии, равносильно признанию несовершенства божества³, что в монотеизме не практикуется, поскольку в этом случае все воздвигнутое здание религии рушится с треском. Понятие «прогрессивное развитие» обозначает фактическое признание неполноты, *несовершенства* нынешнего состояния. А монотеистические догматы всегда говорят с одной стороны о непознаваемости бога, что исключает всякую оценку его «текущего состояния», а с другой стороны — о демиурге, творящем «изначальное совершенство», не требующее дальнейшего улучшения. Мы уж не будем говорить о субъективности такого понятия, как «совершенство».

В этой работе мы попытаемся рассмотреть наиболее приближенный к целостному пониманию Вселенной и ее законов архетип⁴, который на протяжении тысячелетий некорректно и неполно представляется многими конфессиями и учениями,

¹ Особо эрудированные личности, впрочем, могут упомянуть течение под названием «теология процесса». Если упростить, то в соответствии с этой теологией, основанной А.Н. Уайтхедом, бог, давая миру свободу и импульс к развитию, не знает, как тот будет развиваться, и поэтому опыт бога постоянно обогащается за счет обновления мира. Таким образом, бог и мир составляют единый процесс вечного развития. Идеи Уайтхеда обрели немалое число последователей по всему Западу — как среди протестантов, так и среди католиков (Хартшорн, Кобб, Огден, Гриффин, Питиндорф, Гамильтон, Невилл и т.д.), но, тем не менее, противоречат одному из основных догматов христианства — всезнанию бога.

² Это верно даже для так называемых вневероисповедческих религий, таких как коммунизм, демократия, гуманизм и т.д., только возмущение будет направлено не на «оскорбление бога» за неимением такового, а на «попрание светлых идей всеобщего счастья» в конкретной формулировке.

³ Некоторые могут возразить, что библейский бог, к примеру, кается в своих поступках, передумывает (тот же потоп) и т.д. Но *эта* изменчивость — отнюдь не развитие, а изначальная безответственность в поступках. Кто не согласен — изучайте инструкцию, то есть Библию.

⁴ Поскольку архетипы относятся к *бессознательному*, перечислить *все* черты любого архетипа *невозможно*. Однако по поводу каждой мы можем сказать, принадлежит она архетипу или нет. Аналогия: мы не можем перечислить *все* простые числа, но при этом можем сказать по поводу любого — простое оно или нет. В данной работе мы затронем достаточное количество черт архетипа, чтобы создать цельный образ; но, разумеется, он будет незавершенным.

который на протяжении тысячелетий трактуется преимущественно в культурно-прикладном смысле — конфессионном, оккультно-мистическом, идеологическом, литературно-художественном и пр., вследствие чего зачастую искажается весьма вульгарно, в т.ч. с использованием небылиц о падших ангелах, актах купли-продажи, подписанных кровью, жертвоприношениях, оргиях и тому подобном. И который вследствие социального заказа практически всегда связывается с преступлениями уже не против «высших сил», а против субъекта и общества, а это связано с совершенно иными архетипами и подключает совсем другие эгрегоры...

Итак, отбросьте в сторону все, что вы слышали до этого, и читайте это исследование «с нуля». После прочтения Вы можете восстановить свои знания в памяти, и, если Вы обладаете ценными сведениями, которые не отражены в этой работе — мы будем благодарны, если Вы нам об этом напишете.

Несложно догадаться, что о Сатане, каким бы именем его ни называли, всегда существовало, по меньшей мере, хотя бы два мнения: наиболее популярное — тех, для кого он Ужас и Враг, и мнение того меньшинства, для которого он — Путеводная Звезда (причем не в смысле маяка, *к которому* надо плыть, а в смысле Несущего Свет — освещающего Путь)¹.

¹ W.: «"Светлый" и "Светоносный" — НЕ одно и то же. Светлый не просто склонен, но и ВЫНУЖДЕН нести людям свет ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ. Светоносный волен нести свет ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ. Образно: если Светлый — это светлячок, который не в состоянии в долю секунды погасить свой сияющий зад (когда ловишь светлячков, то они не гаснут и не прячутся во Тьме); то Светоносный — это индивид с фонарём, всегда способный этот фонарь выключить/зашторить и скрыть себя от посторонних глаз.

Светлые ПОЧИТАЮТ свой Источник Света.

Светоносные свой источник ИСПОЛЬЗУЮТ.

Светоносный волен ступить во Тьму и жить там сколь угодно долгое время.

Светлый вынужден ступать по своему проторённому-освещённому пути.

Наконец, Светоносный может и вовсе обходиться без источника света, а использовать его в НЕ жизненно-важных, но ПОБОЧНЫХ целях. Например, он может освещать дорогу (проливать свет на те или иные знания) тем, чьи глаза пока не привыкли видеть в Тёмноте. Причем будет освещать ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ. Если не захочет — может погасить свой источник и оставить ведомого разбираться со своими проблемами самостоятельно. Политика Люцифера — свет немногим, свет способным, свет тем, кто, шагая во Тьму, подает

Последнее мнение старательно вытравлялось представителями интересов толпы (себя они называют защитниками «общечеловеческих ценностей»¹) на протяжении тысяч лет. Собственно говоря, с того самого момента, как человек счел себя вправе вводить в мировоззрение в качестве якобы реальных искусственные понятия, созданные его фантазией, и начался этот процесс. Более того, характерная особенность чел-овечества не останавливаться на разумной середине привела к тому, что сейчас эти абстракции многими считаются более реальными, чем сама реальность.

Добро — это понятие, сотворенное и использованное богом ради его неправых целей.

А. Камю

Поэтому свидетельства тех, для кого Сатана — Враг, гораздо обильнее.

Этими свидетельствами вполне допустимо пользоваться, делая скидку на источник.

Различие легко понять, если вспомнить, насколько люди консервативны по своей натуре и склонны к свержобобщениям. То есть — все то, что они неспособны воспринять, они практически автоматом относят к «злу», и, помимо этого, распространяют любую ситуацию на себя: «если будут убивать всех дураков — то вдруг меня за дурака примут?».

большие надежды, но пока ещё не полностью сформировался. Свет тем, кто понравился.

Этим Люцифер отличается от Прометея — Он не будет отдавать всего себя серым массам ради их благосостояния. Не позволит себя заковать. Потому что Он НЕ светлый. Он — Тёмный. Светоносный Тёмный». — AleX KAiNiT, «Понятия "Светлый" и "Светоносный"» (<http://warrax.net/89/10/light.html>)

¹ Что характерно, *любые* «общепринятые системы ценностей», к чему бы они ни относились — к монорелигиям, язычеству, даже атеизму — сводятся к одному и тому же, а именно стремлению приобщить всех к серой обывательской массе. Люди за все время своего существования практически не изменились, все их системы мировоззрения остаются по-прежнему человеческими без стремления идти далее, от «человеческого, слишком человеческого». Относящих себя к «Тёмным» не любили никогда, ведь даже в виде религии их мировоззрение не человеческое, и даже не античеловеческое, но нечеловеческое. Просто во времена язычества люди более следовали законам Природы, соответственно и относились терпимее к альтернативным взглядам.

У большинства людей любовь к справедливости — это просто боязнь подвергнуться несправедливости.

Ф. де Ларошфуко

Раскрытие понятия архетипа Сатаны и посвящена эта работа¹.

Примечание первое: в тексте приводится множество фактов, но, за исключением тех случаев, когда непредставление ссылки выглядело бы явным плагиатом, мы умышленно не проставляли источники данных. В книге показывается общая картина, для которой совершенно не важно, кто первый обратил внимание на частность. Со всеми же ссылками текст походил бы на диссертацию, что неуместно в данном случае, поскольку научная работа — это всегда исследование снаружи, а не изнутри². Теми же причинами вызваны встречающиеся в тексте вульгаризмы и отступления от общего научного стиля.

Использование в качестве иллюстраций примеров из христианской религии связано с ее общеизвестностью и, соответственно, понятностью для большинства читателей.

Также приносим извинения за множество цитат: они привелись не для «придания веса» тексту (некоторые из них принадлежат вовсе не всемирно известным людям, а иногда даже попросту нашим знакомым). Перефразировать удачно сформулированные мысли нет резона, а уж не указывать при этом

¹ Обратите внимание на этот аспект, так как любые историко-мифологические данные можно трактовать множеством способов. Здесь мы рассматриваем проблему *только* с этой стороны, поэтому у специалистов-историков может возникнуть некоторое недоумение по проблемам, *не относящимся* к теме книги. К примеру, осознанная идея Сатаны не возникала в восточных культурах, а мы рассматриваем индуизм в качестве иллюстрации. Здесь, разумеется, исследуется вовсе не мировоззрение индуистов *as is*, но анализ *неосознанных* проявлений архетипа Сатаны даже в восточной культуре. Посмотрите на один из четырех эпитафов к работе, взятый из даосизма: если он идеально подходит к тексту, то это не значит, что даосы были сатанистами — просто они воспринимали *один* из аспектов (в этом конкретном высказывании) архетипа, используя его в своем мировоззрении.

² С другой стороны, социум и культура чаще всего исследуются именно изнутри, более того, очень часто культуролог просто *обязан* «пропустить через себя» соответствующие постулаты культуры, чтобы формулировать приемлемые модели и прогнозы, а эта книга вполне может расцениваться и как культурологическое исследование.

авторства — плагиат. В общем, мы писали так, как считали нужным, а не для того, чтобы произвести впечатление.

«Серьезность — это способ сделать простые вещи сложными». ©

Примечание второе: Бесплезно рассуждать о том, существует ли Сатана как личность. Любое личностное восприятие легко объясняется психологическими установками визионера (вспомните классический случай, когда Лютер кидался чернильницей в Дьявола, который пришел мешать ему писать). Мы утверждаем, что Сатана реален как архетип; но мы *не* утверждаем, что он — *не более* чем архетип (эгрегор)¹.

Итак, приступим к рассмотрению развития архетипа Сатаны с самого начала...

¹ См. также сноску на стр. 102.

Небо и Земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам жить их собственной жизнью.

Дао Дэ Цзин

...чтение сей книги требует постоянного напряжения ума, вооруженного суровой логикой вкупе с трезвым сомнением... Не каждому такое доступно, лишь избранным дано вкусить сей горький плод и не погибнуть.

Граф Лотреамон, «Песни Мальдорора»

Глупец прочтет сию Книгу Закона и комментарии к ней, но не поймет ее.

«Liber AL Vel Legis», III:63

Сатана старше годами всех могучих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества.

А. Амфитеатров

Доисторическая эпоха

Все, что не убивает, делает сильнее.

Ф. Ницше

Нередко приходится встречать мнение, что первобытный человек верил в добрых и злых духов. Это примитивное представление, основанное на моральном дуализме, появившемся гораздо позднее.

Даже в те времена, несмотря на то, что действие естественного отбора над человеческой породой не было еще нейтрализовано, представители человеческого рода стоили разного.

В любой культуре есть идеи, с которыми знаком и может ими оперировать далеко не каждый. Часто их суть скрывалась от обывателей, в противном случае они превратно и вульгарно ими понимались и толковались. Для ординарных представителей чел-овечества существовала персональная версия, как была особая версия для детей. Часто этнографы, набравшись в каком-нибудь племени сказок, которыми там забавляют подрастающее поколение (и взрослых, которые «более дети, чем сами дети»), считают, что достигли в этом вопросе дна. А немногочисленным проявлениям эзотерических идей просто не доверяют, подозревая, что «дикари» нахватались их при контактах с европейцами.

Между тем, отдельные представители «диких» проявляли мистические и философские взгляды на уровне Упанишад или почти научно-атеистический нигилизм в сочетании с твердой уверенностью в своих силах. Как отметил Мирча Элиаде, философы начнут появляться именно среди этих людей, страстно пытающихся разгадать тайны существования и по призванию склонных к экспериментальному познанию внутренней жизни.

В самом узком кругу жреческой элиты Новой Зеландии имелось в высшей степени абстрактное представления об Ио, высшем принципе, нематериальном, содержащем все сущее, источнике мысли, жизни и т.д., т.е. напоминающем Брахман или Абсолют и, вместе с тем, не нуждающемся в культе. Рядовые члены ново-зеландского общества об Ио вообще не ведали.

Другой пример: откровения, записанные этнографом В. Фольцем в начале XX века во внутренних районах Суматры. Европейец пытался вывести религиозные представления у представителя народа кубу, находящегося на очень низком уровне культурного

развития. И он нарвался на ответы, достойные наиболее просвещенного жителя Европы. Собеседник Фольца давал самые рациональные объяснения «таинственных» явлений, в крайнем случае, признавался, что не в курсе, и был полностью свободен от суеверного страха. В своей книге, вышедшей в 1929 году, Фольц сделал вывод, что у кубу вообще нет религии, что стало сенсацией в этнографических кругах. На кубу набросились экспедиции, которые без труда обнаружили религиозные представления. Благодаря этому энтузиазму, религия кубу очень хорошо изучена и играет теперь в соответствующей отрасли ту же роль, что и муха дрозофила в генетике.

Совсем неплохую космогонию создали африканцы. Если собрать отдельные кусочки, рассеянные в мифах разных народов, можно лишь поразиться, как точно они стыкуются, образуя целостную мозаику мироздания. Вселенная, полагают басуто, никем никогда не создавалась и не будет уничтожена, многие другие африканские племена считают так же: Вселенная вечна, ибо родилась из вечного Хаоса. Бамбара, как и греки, представляют этот Хаос в виде Пустоты, пребывающей в постоянной вибрации. Хаос не был чем-то застывшим и неупорядоченным, добавляют бете и догоны, он обладал спиральным вращением, иногда возмущаемым мощными взрывами. Басаа и дуала уточняют, что эта космическая спираль была огненной, и именно из нее произошел мир.

Уровень развития оккультного знания¹ в культуре не зависит от технического уровня цивилизации. Потому что носители его — это редкие личности, оторвавшиеся от уровня окружающей их массовой культуры и воспринимающие Мир не через ее призму, а непосредственно. Впрочем, такая формулировка — не точна, хотя и распространена. Непосредственное восприятие — это «восприятие без компаратора», как, например, у амебы. *Разумное* существо *всегда* воспринимает мир *опосредованно* — именно это лежит в основе любых идей о невозможности объективного знания. Мы подразумеваем то, что в данном случае «собственная Вселенная» не содержит в своей основе социальных заморочек — поскольку она действительно *собственная*, уникальная

¹ Только не надо приравнивать оккультистов ко всяким астральным палатинам, затачивающим астральным оселком астральный меч и идущим на астральную битву бороться с астральными сущностями и т.п.

для каждого воспринимающего, и включение в мироустройство «общественных призраков» — социальных, культурологических, этических — не имеет смысла, т.к. все это — признаки *общества*, а не Вселенной, которой глубоко плевать на внутривидовые амбиции Хомо.

...могущественная сила, пронизывающая и поддерживающая равновесие всей Вселенной, слишком обезличена, чтобы заботиться о счастье или беде существ из плоти и крови, живущих на шарике из грязи, что является нашим домом.

А.Ш. ЛаВей

Но вернемся к вопросу о «добрых» и «злых» духах. Духи, то есть наделенные сознанием силы (кем наделенные — в данном контексте не важно, как и их реальное существование), олицетворяли явления действительности. Действительность была сурова. Духи были... злые? Да, для рядового члена племени. Для колдуна они были опасными, но он знал, как с ними обращаться. Он и сам был опасным духом.

Колдуны знали, что в Мире за все нужно платить. Они достигали своего могущества сверхъестественными с точки зрения среднего человека усилиями и расплачивались за это тем, что обычные люди считают неотъемлемой частью себя. Достаточно вспомнить шаманскую практику посвящения — не имеет значения, происходит ли это «на самом деле», но претендент *умирает*, и рождается шаман — *иная* сущность, нежели тот человек, который рискнул перестать быть просто человеком.

А если платить нечем или страшно? Тогда рождается мечта о бесплатных благах¹.

Обычный человек устал от ужаса, который внушала ему Природа, и, чтобы отгородиться от страшной реальности, он придумал духов-покровителей и выстроил себе нору из стереотипов и предрассудков. От непонимания взаимосвязи природных феноменов родилась идея коллективной ответственности и система табу, в конечном счете — условности морали².

¹ Выражаясь попросту — о халяве.

² Вследствие безусловной эффективности коллективной деятельности при решении большинства проблем выживания племени определенные

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

Ф. де Ларошфуко

Прохристианские религиоведы иногда с сарказмом заявляют, что язычники торгуются со своими богами, имея в виду жертвоприношения. Не задаваясь здесь вопросом, насколько это справедливо по отношению к язычникам, заметим, что это всего лишь неудачная попытка осуществить принцип «за все нужно платить» на практике. Но насколько же нелепее идея, что можно получить все даром, благодаря тому, что «бог нас любит»! Нужно только не брыкаться, а позволить ему отлюбить вас: расслабиться, так сказать, и получать удовольствие...

Помимо того, те же презирающие «язычников-идолопоклонников» христиане могут изучить собственный Ветхий Завет, в котором книга Левит расписывает, как и когда им нужно приносить жертвы. Почему христиане не исполняют заповеди своего же бога — это уже другой вопрос¹. В любом случае,

общественные конвенции были просто необходимы. Упрощенно: лишь совокупные действия множества людей могут привести к значительному результату. А перерастание общественных конвенций в моральные догмы объясняется именно стремлением человека *быть как все* — это гарантировало ему тот минимум благ, который обеспечивался племенем. Более того, проявление индивидуальных стремлений, достижение целей, выходящих за пределы общепринятых, на первом этапе неминуемо вступало в конфликт с существующими конвенциями и традициями, выводило из равновесия не только общественные отношения, но и отношения с богами и покровителями — а на это сознательно могли пойти лишь единицы... те, кого позже назовут «творителями истории». Коллективная деятельность необходима, но гораздо целесообразнее строить такое взаимодействие на принципе *взаимовыгодного сотрудничества*, а не на морали и этике. Коллективная ответственность должна признаваться каждым членом коллектива в добровольном, а не принудительном порядке, в том числе — и вызванном воспитанием в обществе с соответствующими ценностями. Более того, само членство в коллективе также не должно быть априорным, а лишь по желанию индивидуума, в реальности же мы видим именно такое навязывание: от членства в семье до патриотизма.

¹ Часто христиане заявляют, что Христос отменил Ветхий Завет, заменив его Новым. Однако Иисус категорически утверждал, что он пришел не изменить закон или пророков, но исполнить.

иудео-христианский бог *требует* от своих почитателей если не жареного мяса, так определенного поведения. С языческими же богами можно привести такое сравнение: когда вы обращаетесь к другу с просьбой и угощаете его пивом, то это как — вы приносите ему жертву, подкупаете его или же просто выказываете уважение¹?

В любом случае вспомним, что первобытные представления не включали в себя понятия о «добрых» и «злых» богах — *все* духи были духами природы, а природа имморальна.

Здесь можно вспомнить миф о грехопадении во всей его красе. Жил-был человек, ничего не боялся и понимал природу, как самого себя. Потом вдруг что-то случилось, понимать природу он перестал и резко испугался. И увидел, что он наг, и познал, что такое добро и зло. Христианская позиция согласна с тем, что природа имморальна² и что добро и зло вошли в жизнь из-за неких изменений в самом человеке; более того — это положение практически они сами и выдвинули и держатся за него из последних сил. Однако при этом они *не дают определений* добра/зла, кроме как «добро — это то, что от бога». И суть приводимого нами тезиса не в том, что людям лучше бы не знать «добро» и «зло», а в том, что эти понятия не имеют денотата, то есть не соответствуют в реальности ни одному объекту, между тем преподносятся именно как некие *реально существующие* абсолюты, на которые надо равняться

Духи разделялись человеком в зависимости от того, как ему казалось, получает ли он от них пользу или вред. Это зависело от

¹ Конечно, можно возразить, что человеческие жертвоприношения сложно приравнять к угощению друга пивом. Но в те времена было несколько другое отношение к жизни и смерти, трудно представимое в рамках современной культуры. Подобный апофеоз часто признавался самым достойным, многие шли к нему сознательно. Это считалось благом, в том числе и для самой жертвы. Древние были убеждены в продолжении существования жизни и после смерти не только на словах, но и, условно говоря, на инстинктах. Идея принесения в жертву своих, пожалуй, даже более распространена, чем жертвоприношение врагов. И даже подлежащие заклятию чужаки часто подвергались ритуальной ассимиляции, иногда они усыновлялись.

² Скажем, неоднократно приходилось слышать настойчивые утверждения об имморальности природы в статьях того же Кураева. Впрочем, не будем утверждать, что такая точка зрения разделяется всеми христианами, слишком много среди них существует подвидов.

характера и культуры народа, климата и исторических событий. Отношение к духу могло меняться на противоположное в достаточно короткий срок, а затем — обратно.

Однако благотворные духи не были врагами духов зловерных, и как первые не были всегда благодетельными, так вторые — всегда вредными¹. Человек никогда не мог поручиться за настроение духов, под опекою которых он находился; боялся оскорбить друзей, боялся разозлить врагов, и, в равном усердии одинаковых средств, старался расположить к себе всех их, не вверяясь слишком — никому.

А. Амфитеатров

Можно, конечно, смеяться над дикарями, которые бьют своих идолов, если те не обеспечили удачную охоту, или мажут их кровью и танцуют в их честь, когда охота удалась. Эти насмешки — результат некомпетентности и поверхностного понимания культуры. Многие элементы современной культуры или обрядности ничуть не продвинутое упомянутых. Но обратите внимание на такой аспект: «дикарям» не вменяется в обязанность *бояться* тех сил, которые идолы олицетворяют. Если кто-то и боится их так, что может умереть от страха, то другие толкуют с богами на равных. Это еще один из аспектов архетипа Сатаны: он **не внушает страха** (если кто его и боится, то исключительно по собственной неспособности к восприятию). Дьяволу неизвестен эквивалент «страха божьего». Причем, как прямой, так и, с учетом толкований особо изворотливых церковников, страх «расстроить божество»² (в психологической трактовке — войти во временное противодействие архетипу).

¹ «Изъян и у доброго сыщешь, / А злой не во всем нехорош». — Один, Речи высокого, Старшая Эдда.

² «Я боюсь волка или носорога, но я, когда вижу птиц в саду, тоже боюсь, но боюсь спугнуть их громким голосом или резкими движениями. Кто-то боится маму, потому что она может выпороть, а кто-то другой боится свою маму огорчить или расстроить. Вот где кроется разница между чисто человеческим страхом перед чем-то страшным и тем страхом божьим, который есть для нас всех сокровище драгоценнейшее». — священник Г. Чистяков, «Страх божий — что это значит?» Здесь достаточно тонкое искажение семантики — страх божий (страх перед богом) не эквивалентен страху обидеть бога. В первой случае — это страх перед объектом, во втором — страх перед действием по отношению к объекту. Да и вообще: обидеть всемогущего и всезнающего — это, знаете ли, ни в какие ворота не лезет.

Собственно говоря, «страх божий» в описаниях большинства христианских толкователей — это классическая психиатрическая *фобия* — вполне определенное психологическое состояние, возникающее априорно, *до осознания*. Подробный разбор этого вопроса не относится к теме книги, важен лишь такой аспект: неосознанные реакции или инстинктивны (достались нам от предков), или стали таковыми вследствие длительного научения, в результате которого закрепились как бессознательные реакции. Человек приходит в конкретную религию с уже сложившимся «страхом божьим», просто еще не оформленным в виде образа. Конкретный бог еще не назван по имени (это зависит от среды формирования человека). Такой страх не возникает с номинацией веры, он рождается и формируется вместе с субъектом — с его слабостями, неспособностью противостоять чему-либо, желанием списать эти слабости на «неподвластную [высшую] силу». Подобные особенности субъекта наследуются под влиянием средового фактора, фиксируются в детстве, углубляются в процессе жизни, априорная боязнь «неподвластной силы» совмещается с верой в наличие таковой, наполняется ритуально, сопрягается с не менее априорным ее обожествлением, но часто — еще не осознанным, на уровне «что-то там такое есть, потому как не может не быть, я же это чувствую!». По мере взросления субъекта начинает работать внутренняя психологическая самозащита — ну как же, ведь нужно фактически признать, что «великая и ужасная» неодолимая сила — всего лишь собственная волевая, социальная и интеллектуальная импотенция... Слабый разум будет всячески оберегать своего носителя от подобных потрясений, и, скорее всего, приведет его в ту или иную религию (либо квазирелигию, где божество заменено абстрактной идеей, но сохранены вера и поклонение — напр. гуманизм, коммунизм и т.п.). С основным «оправдывающим» мотивом: *«Ну как же — не я один такой! Вон нас сколько, а 2.000.000 леммингов не могут быть не правы!..»*

Возвращаясь к колдунам и шаманам: обыватели относятся к превосходящим их со смесью почтения и страха. Толпе хотелось бы иметь таких же специалистов, но чтобы их можно было не бояться — добрых слугителей добрых богов. Кстати, еще раз обратите внимание, что природа имморальна — понятия «добро» и «зло» введены человеком именно из-за возникшего страха у людей, *потерявших понимание природы*. Точнее говоря, *подменивших* поле для ее понимания на поле собственных нужд.

У меня стало больше (еды, коров, женщин, почитания и пр.) — «хорошая сила [бог]». Появились дополнительные нужды (погибли посевы, украли коров, ушли женщины и перестали уважать в племени) — «плохая сила [бог]»!

Можно сказать, что это зачатки мегаломании на уровне всего вида: не просто считать себя «венцом творения», но еще и полагать, что законы природы на человека уже не распространяются, а дальше формируется совсем уж идиотская идея «природа создана для человека¹».

Чел-овечество оценивает действительность с точки зрения собственных потребностей и приписывает ей свои предпочтения, игнорируя то, что у бытия нет и не может быть каких-либо «плюсов» и «минусов». Любое ранжирование субъективно и возникает лишь в том случае, когда кому-либо что-то от бытия надобно. Природные же феномены *просто есть*, и любое их ранжирование — не более чем спекуляция. Люди более склонны диктовать природе свои условия, чем прислушиваться к ней, и даже когда делают последнее, они слышат лишь то, что сами уже успели продиктовать.

Больше всего доверяют ярлыкам те, кто их сам и навешивает.

Warrax

Так вот, эти желания «добрых богов» соответствовали чаяниям людей, но совершенно не соответствовали действительности; поэтому они были немощны, и вместо магии у них выступало чудо. Разница такова: магия² — это результат *собственной* деятельности, а религиозные чудеса творит посторонний дядя, которому это ничего не стоит (он же всемогущий!) — надо только попросить тем способом, который ему нравится (а нравится ему обычно, когда его во всеуслышанье называют «самым-самым», а себя перед ним — полным ничтожеством).

¹ Вам смешно, а в какой-то книге свидетелей Иеговы так и было написано: «Вселенная была создана специально таким образом, чтобы ее можно было видеть человеческими глазами» (цит. по памяти).

² Здесь и далее под магией понимается концепция, сформулированная Алистером Кроули с учетом поправки А.Ш. ЛаВея — то есть чисто бытовые действия, даже попадающие под критерий Желания по Кроули, магией не называются для предотвращения путаницы у не разбирающихся в оккультизме.

Итак, в результате народ получил «добрых» священнослужителей. Все прочие в глазах народа стали «злыми», хотя сами «злые» и не употребляли таких понятий, так как понимали, что у Вселенной нет «верха» и «низа». Но это выше понимания толпы.

3. Но оглянись вокруг себя, человеке. Где ты видишь зло?
4. Нет в этом мире ни добра, ни зла. Что же ты называешь этими словами? [...]
6. А где ты видишь зло в Природе? Ты просто не приемлешь Ее законов. Ибо не для человека они.
7. Зло приходит в мир лишь тогда, когда появляются глаза, видящие зло, там, где зла нет по сути. Когда появляется сердце, чувствующее зло, там, где нет его.
8. В этом сердце и рождается зло. А больше его нет нигде. И приходит оно в этот мир, когда кто-то пытается творить добро.
9. Ибо нельзя совершить добра, не причинив кому-то зла. Как нельзя причинить зла, не сделав при этом добра.
10. И ни зло, ни добро не властвуют в этом мире, ибо нет их. Они выступают лишь как проявление двух величайших сил, имя которым Необходимость и Целесообразность.

Michael The Heretic, «Книга Тьмы», гл. 7

«Злых» боялись и ненавидели. Отношение примитивных людей к колдунам, очевидно было обусловлено двумя факторами: страхом и завистью.

Страх базировался на непостижимости для вульгарного ума того, с чем связывается интеллектуальная элита. Это та же самая фобия, которая и сейчас существует в отношении не только магии, но и науки. Сюда же примешивается и ощущение своей незащитности, и неминуемого поражения в случае конфронтации. Отсюда желание заранее прижать к ногтю, поставить под контроль, запретить заниматься... А то вдруг, случись что, и не помогут боевые гориллы — единственная сила, доступная пониманию, и потому приемлемая.

О «злых» поползла молва, диктуемая страхом перед ними. Их обвиняли в каннибализме (там, где он не был распространен), в наведении порчи путем похищения у спящего надпочечного жира или крови из сердца, человеческих жертвоприношениях, позже — в сексуальных отношениях с Дьяволом, всемирном

заговоре и т.п. Их начали преследовать, объясняя их «кознями» все свои напасти.

Только в более позднее время в сознании людей все гадости взял на себя оптом Дьявол, а колдуны стали рассматриваться как его прислужники. В доисторическую же эпоху колдуны сами мыслились и организаторами и претворителями людских злоключений. Именно они, монстры в человеческом теле, часто являлись имперсонаторами того, что народ именовал «злом».

Стремление чел-овечества найти «козла отпущения» везде, где не хватает собственных сил для решения проблем, уже практически является инстинктом и, видимо, алгоритмы, облегчающие проявление и развитие подобных субъективных качеств уже зафиксированы генетически, как способствующие лучшей приспособленности к среде обитания Номо¹. Проистекает это из стремления сохранить целостность разума (того, что хуманы этим называют). Это сродни инстинкту самосохранения физического тела, и сформировалось, а затем генетически закрепилось на самых ранних этапах отделения «Я» от всего остального. Но подобные побуждения вполне контролируемы, это прямо зависит от воли и интеллекта. Интеллект в данном случае — это отстраненная, внешняя оценка ситуации и себя в ней, воля — способность принять эту оценку.

Зависть же по отношению к колдунам возбуждалась их уникальными способностями. Например, молва считала, что колдуны способны жить чуть ли не вечно, а ведь этого так хочется смертным людишкам. И поэтому хочется отомстить, убить... Причем зависть обычных людей — это одно. А зависть и соперничество со стороны их «белых» коллег — это уже другое, тут недолго и до организованной травли.

И еще одним раздражающим свойством колдунов часто была их своеобразная чужеродность. Они были «не такими, как все» — не разделяли многие интересы обычных сородичей, проходили иные обряды посвящения, часто не дорожили своим членством в обществе.

Где-то колдунов еще кое-как терпели, пока те еще не «пойманы

¹ Вспомните объяснения маленьких детей на тему «это кошка вазу разбила» или «варенье съела». А также «само упало» и т.д. Никто, разумеется, таким приемам избегания ответственности не учит — но они удивительным образом совпадают во всех «цивилизованных обществах».

с поличным», надеясь извлечь из них выгоду для себя. В других обществах колдунов изгоняли из общины, их стремились уничтожить, обычно каким-нибудь неприятным способом — закапывали живьем, сжигали и т.п. Это могло происходить либо сразу при выявлении, если уже само колдовство считалось страшным преступлением, либо когда колдун «переполнял чашу терпения».

В колдовстве подозревались люди с большими, чем у основной массы, способностями. Не умея поставить себе на службу эти способности, масса испытывала недоверие и опасение перед их обладателями. Групповая консолидация достигалась за счет выравнивания членов, отсечения и преследования всякой уникальности (кроме разве что дозволенного превосходства вождя). Такой путь ведет к стагнации общественной жизни во всех ее сферах и весьма подобен, пусть на менее развитом и потому явном уровне, современным демократическим и социалистическим общественным принципам, основанным на все том же пресловутом стремлении к «равноправию a priori». Но любая более-менее сложная социальная структура иерархична, т.е. неравноправие заложено в ее основы. И это гораздо выгодней учитывать, просчитывать и использовать, чем в очередной раз убеждать себя (вслед за штатными идеологами) в том, что истинно равноправные социальные отношения не только возможны, но и вот-вот наступят...

Преследование инакомыслящих и вообще «инаких» людей — симптом того, что общество вознамерилось намертво остановиться на достигнутом состоянии. Что характерно, инакомыслящих преследовали (в лучшем случае — отторгали из общества) в той или иной форме всегда и во всех социумах. Вот яркий пример тому — происхождение слова «идиот». Исходно греческое слово ἰδιος имело значения «свой», «собственный», «частный», «особый», «отличный», «иной»; отсюда ἰδιότης — частное лицо. Но греки были очень озабочены общественной жизнью и тот, кто ее сторонился, становился жертвой молвы. Так и слово это постепенно превратилось в плевок. И если у Геродота (484-424 до н.э.) ἰδιότης ἀνήρ — это «частный, стоящий в стороне от политики, от общественных дел», то у Плутарха (40-120 н.э.) термин уже используется как «несведущий», «непросвещенный» (ἰδιότης οὐχλος).

Упомянутый выше процесс не имеет конкретной исторической привязки. Это тенденция, реализация которой началась

в доисторическую эпоху и растянулась вплоть до нашего времени, поэтому мы считаем целесообразным с самого начала пояснить характерную особенность чел-овеческой психики: те группы населения, которые не считают нужным (либо не имеют такой возможности) вести максимально открытую жизнь, образуют самыми нелепыми слухами. Если же власть [над умами толпы] имущие видят в них потенциальную угрозу, то эти слухи формируются практически по одному стандарту: кровавые жертвоприношения, похищение/убийство детей, а также сексуальные действия, не принятые в социуме. В общем, все самое страшное/отвратительное с точки зрения обывателя. Все знают, сколько обвинений выдвинуто христианами в отношении сатанистов, а также и иудеев, от которых сами произошли (Действительно, на чем же еще мацу замешивать, как не на крови христианских младенцев? Особенно если учесть, что у иудеев вообще религиозный запрет на пищу с кровью). Также известны обвинения против катаров, тамплиеров и других, придерживающихся собственного мнения по поводу общепринятых религиозных представлений. Но — самое забавное — даже это христиане не придумали сами, а, как и остальное, слямзили у язычников. Причем, что не менее характерно, заимствовали не лучшее, а вовсе даже наоборот. Сравните сами:

Говорят, что они [христиане], не знаю по какому нелепому убеждению, почитают голову самого низкого животного — голову осла: религия, достойная тех нравов, из которых она произошла. ... Другие говорят, что эти люди почитают половые органы самого предстоятеля и жреца и благоговеют перед ним... Не знаю — может быть, это все ложно, но подозрение очень оправдывается их тайными ночными богослужениями. ... То, что говорят об обряде приема новых членов в их общество, *известно всем* (курсив наш — O.&W.) и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтобы обмануть неосторожных, покрыт мукой, и тот, обманутый видом муки, получив предложение сделать невинные будто удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда — о нечестие! — присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собой его члены. ... собираются для совместной трапезы со всеми детьми, сестрами, матерями,

без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино воспламенит в них жар любострастия ... в бесстыдной Тёмноте они предаются без разбора отвратительной похоти.

*Минуций Феликс, «Октавий»
(цитируется речь Корнелия Фронтонa, 143 г.)*

Замените «голову осла» на «голову козла» — и вы получите образец для статей про деяния секты сатанистов, публикуемых в газетах с обобщенным названием «Желтая Утка».

Но самое забавное, что эти инсинуации стали стандартом настолько, что применялись даже при разборках церковников между собой, к примеру, следующие тезисы взяты из диспута между доминиканцами и францисканцами в 1507 году (Бернская хроника *Calonius Gronnerius*, 1585, цитируется по Г.Л. Штрак, «Кровь в верованиях и суевериях человечества»):

Доминиканцы подали принятому в орден портному *Iezer*’у хлеб святых даров, окрашенный кровью Христа. Также ему предложили питье, приготовленное из Харизама, воды пасхальной купели, воска пасхальных свечей, освященной соли и из волос и крови ребенка.

Язычество

Учись возвышать себя над собой — возвысьсь над другими. ©

Как правило, в условиях язычества не было нужды концентрировать идею Сатаны до такой степени, чтобы она олицетворялась в едином персонаже. Практически каждый языческий бог имел аспекты, ассоциируемые с архетипом Сатаны, каким он видится сейчас.

Он еще не был страшен для масс, потому что язычники были отважны. Человек не боялся размаха природы, глубины мысли, высоты устремлений, даже смерти он смотрел в глаза далеко не с тем ужасом, который станет характерен для его христианизированного потомка. Конечно, так можно было сказать далеко не о каждом, но в то время еще именно такие люди были идеалом для народа.

Примечание: часто приводят как пример мужества поведение некоторых христиан, выражающееся в готовности идти даже на муки, а не просто на смерть. Однако при этом забывают, что вызвано подобное верой в счастливое *послесмертие* и *страхом* перед потусторонним наказанием, при этом характерно то, что христиане принимали смерть со смирением, практически не сражаясь за свою жизнь. Сравните это с подвигом Леонида и трехсот его воинов, оставшихся защищать Фермопильское ущелье против всей армии Ксеркса, не надеясь ни на воздаяние после смерти, ни на что-либо иное.

Путник, пойди и поведай гражданам в Спарте,

Что здесь, их заветы блюдя, мы костями полегли.

*Слова Симонида на постаменте статуи,
воздвигнутой на братской могиле павших*

Среди религиозных идей можно привести в пример представления викингов. Да, их герои отправлялись после смерти в Вальгаллу, но ведь и это было их временное пристанище. Совершив подвиг в своей земной жизни, они отправлялись к Одину, чтобы повторить его в космических масштабах и умереть уже окончательно.

Пройдем сквозь воду и огонь,
Сквозь круговерть.
В конце ждет не Небесный Конь,
Нас встретит Смерть.

Е. Трубицына

Даже благосклонные языческие боги хотя и не кровожадны, но вовсе не так иррационально добры, как видится, например, Христос влюбленным в него поклонникам. Их прекрасные образы содержали в себе и смерть. Возьмем для примера Артемиду, следящую за здоровьем всех зверей и людей, при этом уничтожая слабых, больных, малоумных и некрасивых. Артемиды защищала диких животных, и в то же время охотилась на них. Ее имя может происходить как от *αρτεμης* («чистый», «невредимый»), так и от *αρτακος* («мясник»)¹. Самая «чистая» и девственная из богинь соответствующего пантеона, она могла быть также многогрудой Артемидой Эфесской, богиней плодородия, культ которой был тесно связан с Кибелой и Великой Матерью богов. В своем Тёмном аспекте Артемиды отождествлялась с Гекатой, дочерью Ночи и Тартара, которая является Госпожой преисподней, хтонических ритуалов и черной магии.

Сама древнейшая Богиня-Земля содержала в себе парадокс: она даровала жизнь и в то же время и лишала ее, была местом рождения и местом погребения — лоном и могилой². В английском языке существует на этот счет эффектная игра слов: «a womb» (чрево) — «a tomb» (могила).

Корни Земли-Геи и всего на ней обитающего спускаются
в бездну хаотических вихрей, беснующихся под Тартаром

¹ Аполлон, брат-близнец Артемиды, также двойственен — в его ведении солнечный свет, чистота, разум и искусства; но он же может посылать болезни, стихийные бедствия и внезапную смерть. Эсхил, Еврипид и Платон выводят его имя от глагола *απολλυμι* («уничтожать»). Хотя куда вероятнее, что слово *αρτακος* произошло от *αρτι* и *τεμνω*, т.е. «искусно режущий». И в подкрепление этого вспоминается сюжет о ниобидах, когда за бахвальство матери Аполлон перестрелял всех ее детей, или еще более впечатляющий пример — сдирание живьем кожи с Марсия, вздумавшего соревноваться с Аполлоном в музыке. Кто-то придумал меткое сравнение: вы представляете себе Моцарта, сдирающего кожу с Мика Джаггера?

² В сатанизме это соответствует аспекту Белиала.

в ужасном мраке Эреба. Подобно этому корни души тоже поднимаются из тьмы первобытных чувств, вихрями крутящихся в лоне Кибелы. Эти чувства, мрак и страхи нужно пережить, чтобы освободиться от их тайной власти.

И. Ефремов, «Таис Афинская»

Еще более парадоксален образ Гермеса. С одной стороны — жизнерадостное божество скотоводства, путников, торговли, одновременно воров и мошенников, вестник богов, изобретатель лиры. С другой стороны — один из богов подземного мира, отправляющий души в преисподнюю (одно из прозвищ — Ψυχοπομπος, проводник душ в загробный мир), бог сна и сновидений. И, наконец, бог мышления и красноречия, интеллекта. Гермес Трисмегист (Τρεῖςμεγίστης — трижды величайший) отождествлялся с египетским богом письма и мудрости Тотом. Кроме Гермеса — вестника олимпийских богов существует и Подземный Гермес, являющийся властителем жилища Аида. Так, Плутарх говорит, что Аристид после битвы при Платеях приносит «в жертву быка Гермесу Подземному» («Аристид», 21).

Гадес, правитель подземного мира, властвовал над царством умерших душ и посылал гибель посевам, животным и людям. Но он же имеет второе имя — Плутон, в этом аспекте он является богом достатка и изобилия, так как подземный мир не только поглощает мертвых, но и выпускает и возвращает посевам весной, тем самым, возобновляя жизнь. Супруга же Гадеса-Плутона, Персефона, соответствует приходу весны, возрождения; но она же указывает путь Эриниям, духам воздаяния, когда те ищут объект мести.

Короче говоря, практически все божества пантеонов, не отравленных дуализмом, имеют двойственную сущность, благую для их адептов и уничтожающую их врагов. То же самое относится и к Сатане.

Представление о том, что «бог» и «дьявол» могут существовать в одном лице, стало чуждо западной и ближневосточной философско-религиозной мысли после воцарения там производных от иудаизма (христианства, ислама), обобщенно — монотеизма¹.

¹ А почему, собственно, такое произошло? Вследствие деградации среднестатистического уровня, утери знаний и подмены их верой по своему

В любой политеистической религии имеются кумиры на любой вкус. Каждый может найти в ней поддержку.

Как пел Виктор Цой:

Каждой звезде — свой неба кусок,
Каждому морю — дождя глоток,
Каждому яблоку — место упасть,
Каждому вору — возможность украсть,
Каждой собаке — палку и кость,
Каждому волку — зубы и злость.

Многое можно было сказать о человеке по тому, какие храмы он посещает. Скажите мне, кто ваш кумир, и я скажу, кто вы. У ублюдков и бог ублюдок¹. А если такой бог остается один?.. Получится мир ублюдков.

Это ж бурханчик такой христианский: крест, а к нему мужик прибит. Вот только не помню, надо ли ему простоквашей рот мазать... Чему такой идол может научить, кроме как на кресте болтаться?

С. Тиунов

Если бы кошки имели своего бога, то они приписали бы ему ловлю мышей.

Ксенофан (VI-V вв до н.э.)

Но и язычники стоили разного, разными были и их боги. Разберем это на примере индуизма.

Творцом, подателем власти и свидетелем прошлого в индуизме выступает Брахма. Он символизирует материю. Другой бог,

примитивному и вульгарному скотоводческому представлению. (Вообще, почему в Средней Полосе должна быть мораль ближневосточных скотоводов?)

¹ Просьба не обвинять огульно в эмоциональной несдержанности — термин приведен корректно. Помимо современного значения слова «ублюдок» в смысле «редкостная сволочь», изначально этот термин, аналогично английскому *bastard*, обозначал внебрачного ребенка, как правило, не признаваемого отцом (имевшим «благородное происхождение»), официально. Так и здесь — Христос по отношению к иудаизму является типичным бастардом — проиждойа от Яхве, он так и не добился своего признания в среде иудеев. Впрочем, не будем углубляться во внутриеврейские разборки — это их личное дело.

Вишну, считается хранителем того, что создал Брахма. Он символизирует пространство и настоящее. Наконец, третий бог, Шива, стал разрушителем настоящего. Он был провидцем будущего и символизировал время (одно из имен Шивы — Махакала — и означает «Великое Время»).

Эти три важнейших божества составляли Тримурти. Может, это и покажется странным, но наименее культовым из этой троицы был Брахма. Его существование для большинства индуистов ничего не значило. Они резонно относились к нему в соответствии с принципом: «Мавр сделал свое дело — мавр может уходить». А двое других возглавляли как бы кланы богов, которых чтили разные группы поклонников. Вишну — толпа, так как это был *бог всего приятного*: счастья, богатства, мирной жизни, тихих наслаждений, стабильности, а кроме того — ритуалов и четких предписаний. Шиву же чтили те, кто считал себя иным, чем толпа, так как Шива — это *бог всего грандиозного*: он бог того, что мы называем Силой в широком смысле. Он и боги из его компании курируют впечатляющие явления природы, например, грозу, и саму дикую, необузданную природу, а также разум и знания, в частности медицину, также войну в узком и широком смысле, все страшные для человека, считающего себя a priori слабым и ничтожным, аспекты реальности, включая смерть.

Шива покровительствует как интенсивному (йога), так и экстенсивному (тантра) пути развития. Йога представляет собой усилие, направленное на кратчайшее достижение цели. Это беспощадная дисциплина и подчинение воле всех элементов психики, а также тела, в конечном счете — природы. Тантра — это следование своей природе¹, преодоление желаний и интересов путем их насыщения. И то и другое представляет Шива.

Мистический аспект Шивы напоминает буддийскую нирвану. Индусы, «утомленные» бесконечной чередой перерождений, мечтают успокоиться, окунуться в «пропасть, где нет ни дна, ни ночи, ни бытия, ни небытия, есть лишь Тьма и Шива».

Божественной силы, называемой шакти, нужно было

¹ При этом, разумеется, надо уметь определить, что и кто ты есть. Следование своей природе — это вовсе не «делай, что только в голову взбредет». Хотя, с другой точки зрения, если есть какое-то желание — то проще его раз выполнить, чем кормить эту фантазию всю жизнь. Вот только не стоит всю жизнь тратить на фантазии. Рекомендуем ознакомиться с концепцией Желания Алистера Кроули.

добиваться путем подвижничества, требующего колоссальной воли. Мы часто видим Шиву за аккумулярованием этой энергии, в связи с чем его грандиозные деяния выглядят *заслуженными*. Вспомним хотя бы, что этот бог сам добился своего статуса. Когда первопредок людей, Дакша, собирался произвести первое жертвоприношение на вершине горы Химават, он пригласил всех богов, кроме Рудры-Шивы, так как воспитанные боги пренебрегли этим дикарем, а сам Дакша точил на Шиву зуб после того, как тот увел у него дочку. Шива же ворвался непрошеным и испортил все мероприятие: он уничтожил жертву, досталось и самим богам — многие из них трагически погибли. Но Шива, продемонстрировав *who is who*, сам и реанимировал пострадавших.

Так можно проиллюстрировать следующий аспект архетипа Сатаны: **каждый может стать богом самостоятельно** (в метафизическом смысле, разумеется).

До каких я великих высот возношусь,
И кого из владык я теперь утрашусь,
Если все на земле, если все в небесах —
Все, что создал аллах и не создал аллах,
Для моих устремлений — ничтожней, бедней,
Чем любой волосок на макушке моей.

Аль-Мутанабби

Вишну, напротив, представляет собой образ беззаботной счастливой жизни, особенно его аватара (воплощение) Кришна, выдвинувшийся у популярной в наше время секты на первый план. Что описывают мифы о нем? Игры, танцы, флирт, музицирование на флейте...

Знатоки индийской мифологии могут обвинить нас в предвзятости. Ведь поклонники Вишну сочинили ему немало подвигов. Что ж, присмотримся к этим подвигам, взглянем на самого «героя», выезжающего на битву, напудрив носик, подкрасив глазки и губки, надев любимые побрякушки¹. У них, не отказывающих

¹ Для объективности: в то время умащивать себя благовониями перед битвой и т.п. было общепринято и это не являлось чем-то странным. Но Шива и тут выпадает из общепринятых клише. Он ведет существование не богемы, как Вишну, а отшельника. Его описывают либо в героическом облике: в тигриной шкуре, со змеей, висящей на шее, с трезубцем (тут напрашивается ассоциация с иконографией Дьявола), луной в волосах; либо в аскетическом:

себе в сладости побед, не хватило фантазии (или честности?) эти победы оплатить. Понятия «борьба», «усилие», «напряжение» — не для них. Вишну поражает врагов одним щелчком. Для него это что-то вроде «охоты» на домашних кур или аквариумных рыбок. Вишнуиты старательно убеждают себя, что их кумир всемогущ, ему ничего не грозит, что всех своих врагов он заранее приговорил и убил, ему остается только это изобразить.

Аналогичным образом пылил по палестинским дорогам и христианский «спаситель», а с небес к нему тянулся страховочный тросик для «вознесения». Мечтатели о халяве и бога представляют себе халявщиком.

Соответственно, те, кто считает стремление к дармовой кормежке неестественным, позорным, недостойным, даже — не побоимся этого слова — безнравственным¹ в истинном смысле, объявляются «злыми», «антиобщественными» и так далее по знакомому сценарию. Отсюда сформировался еще один аспект архетипа Сатаны — **ставка на свои силы**, а не на помощь «сверху» или от кого-то еще. Никакой помощи извне не будет. Человек должен стать лицом к лицу с реальностью.

Очевидна тенденция вишнуизма к монотеизму. И последний шаг к этому, в конце концов, был сделан. Все прочие боги были объявлены функциями Вишну: чтобы творить — он становился Брахмой, чтобы уничтожать — Шивой и т.д. В последнее время предпринимались даже попытки отождествить имена Вишну с Иешуа, а Кришны с Христом.

сидящим на местах сожжения трупов, покрытым пеплом. К сведению: в индуизме аскетизм понимается не в плане «умерщвления грешной плоти», как в христианстве. В своем многообразии содержит всякие варианты подвижничества. В одних случаях, плоть воспринималась, как часть существа, связанная непосредственно с Майей. И если она отождествляется до прозрачности, то и Брахман через нее станет виднее. В конечном итоге ставилась цель слиться с ним. Но в других случаях, как раз характерных для шиваизма, подвижнические подвиги были способом накопления личной Силы, а высшая цель — стать богом, а не выслужиться перед таковым. Смысл такой аскезы в жертвовании одним ради другого, ведь за все надо платить. Индуистские мифы содержат примеры, когда риши (мудрецы), наращивали могущество до такой степени, что становились ровень с богами.

¹ Личная нравственность (если уж употребили термин) не имеет ничего общего с общепринятой моралью. Наиболее подходящим термином будет «личное достоинство». А этика, по выражению Бертрانا Рассела, это попытка придать всеобщую значимость некоторым нашим желаниям.

Рассмотрим в этой связи очень характерный и интересный момент: Кришна, согласно историям о нем, был чрезвычайно любвеобилен и любил заниматься сексом с тысячами женщин одновременно (не ясно, как это выглядит физиологически, но бог же все-таки). Кроме того, он вообще большой затейник: увидав однажды свое отражение в надраенном полу, он так в себя влюбился, что пожелал непременно поиметь себя самого, для чего обменялся телами со своей подружкой. Короче, с половой жизнью у него было все в порядке, и мы за него рады. Но как же это совместить с предписанием кришнаитов заниматься сексом исключительно ради зачатия детей?

А дело тут в том, что если в язычестве божества служат образцом для подражания, то в монотеизме подражать богу — *табу*, вплоть до того, что в исламе, например, запрещено изображать людей и животных, т.к. творчество — привилегия аллаха.

Характерны и требования, предъявляемые Шивой и Вишну к своим адептам. Чего стоило добиться расположения Шивы для Парвати, которая стала его шакти¹! Ей потребовалось наглядно доказать свое терпение и силу духа. А Шива при этом делал все, чтобы отворожить свою почитательницу. И многоголовый змей Шеша, служивший ложем для Вишну, по одному из мифов покинул своего лежебоку и много лет добивался допуска к танцу Шивы.

За покровительство Вишну цена такая же, как за покровительство Христа — не нужно обладать *никакими* достоинствами, но нужна собачья преданность: «Всегда думай обо Мне и стань Моим преданным слугой. Поклоняйся Мне и выражай Мне свое почтение», — требует он в Бхагавадгите.

Шива не вмешивается *специально* в людские дела, он не пастух, и он никому не навязывается. Те, кто достоин, приходят к нему сами, если хватает сил, да он еще сам чинит при этом препятствия. Это же можно сказать и о Сатане.

Вишну, напротив, очень озабочен судьбой и правильным поведением людей и активно вмешивается, когда те начинают слишком своевольничать, а именно: уделять ему мало внимания.

В индуизме не говорится о Шиве, как о боге «зла», хотя

¹ Шакти, божественная сила, персонифицируется в индийских традициях в виде жены бога.

некоторые его ипостаси и некоторые божества из его клана содержат намек на это. Само имя Шива переводится как «благой, приносящий счастье» — правда, странное имя для «демона-разрушителя»? Дело в том, что Шива, разрушающий в своем танце Вселенную в конце калпы¹, освобождает путь для *нового* — и против этого возражают те, кто цепляется за старое. Фактически же он действует постоянно. «Все течет, все меняется», — так говорил Гераклит. Шива олицетворяет одновременно как силы разрушения, так и созидания — короче говоря, **силы изменения**, и это также относится к архетипу Дьявола. Обращаем на это особое внимание, поскольку часто ошибочно (точнее, по наводке оппонентов) Шиве (как и Дьяволу) приписывают *только* разрушение. Но, если задуматься, любое разрушение созидает — хотя бы свободное место для чего-то нового. Противостояние идет не по типу «разрушение vs созидание», а «изменение vs сохранение неизменным».

Инерция приносит на самом деле гораздо больше вреда, чем демонический принцип борьбы, который создает, в конечном счете, больше чем разрушает.

Шри Ауробиндо

Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника — но это и есть созидающий.

Посмотри на правоверных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника — но это и есть созидающий.

Спутников ищет созидающий, а не трупов, а также не стад и не верующих. Созидающих так же, как он, ищет созидающий, тех, кто пишет новые ценности на новых скрижالياх.

Спутников ищет созидающий и тех, кто собрал бы жатву вместе с ним; ибо все созрело у него для жатвы. Но ему недостает сотни серпов; поэтому он вырывает колосья и негодует.

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»

Здесь необходимо пояснить еще один аспект: к архетипу

¹ Калпа — эпоха, по завершении которой вселенная уничтожается, чтобы воссоздаться вновь.

Сатаны относится **творчество**, как понятие, непосредственно связанное с изменением. Стандартное возражение против этого звучит как «это же бог сотворил мир?!»¹. Однако мы рассматриваем не библеистику, а архетипичность образа. Но даже если предположить, что бог (здесь рассматривается, разумеется, монотеистический, подразумеваемый в вопросе, чаще всего — Яхве) создал мир, то он все время стремился *сохранить его неизменным*. Вспомните возмущение изменением изначального порядка, когда было объедено дерево познания добра и зла, постоянные наставления *не делать* чего-либо, в конце концов — потоп, поскольку богу-творцу не понравились *изменения*. Так что идеал его творения (творчеством мы это назвать не можем) — это *статичный мир*, в то время как Сатана все время вносит *изменения*, что и является творчеством с подлинным смыслом этого слова. Если кто-либо сделал чистый блокнот, это можно рассматривать как акт творения, но творчеством будет написание на его страницах художественного рассказа, научной статьи либо эскизов художника.

Подробно расписав *объект* творчества, нельзя не упомянуть о его *субъекте*. Во всех монотеистических религиях правом творить наделен только «Создатель» (сама номинация говорит об этом). И часто у него все же есть право «перетворчества» — изменения сотворенных объектов (скажем, потоп в христианстве и иудаизме). Причем право это *абсолютно*. Мало того, любая попытка иного субъекта выступить в роли Творца жестко пресекается религией. И не только в рассуждениях и богословской литературе, но и *на практике* — вспомните «категорические протесты» и прочие палки в колеса по поводу генной инженерии, евгеники, синтеза ДНК et cetera.

Вернемся непосредственно к образу Шивы. Посмотрите сами на несколько из сотен его имен: куда его отнести, к «добрым» или «злым»? Угра — «яростный»; Шамбху — «милостивый». Ведический прототип Шивы, Рудра-разрушитель, насыляет смерть; но *он же* — лучший целитель. В точности так же дело обстоит практически у всех древних языческих богов — и это отражается

¹ Мало того, христианские идеологи любят отрицать саму способность Дьявола к творчеству, мол, этим он и отличается от бога, поэтому он только и способен к разрушению. Но такие утверждения настолько не соответствуют архетипам, что сколько их не повторяй как заклинание, реальность через него все равно просвечивает.

в таком аспекте архетипа Сатаны, как **неиспользуемость категорий добра и зла.**

Далее, очень интересно такое имя, как Бхава — «сущее». Вам ничего это не напоминает? «Князь мира сего». Даже, в данной трактовке, — *сам мир*. На этом примере легко видеть, почему сатанисты считают происхождение Сатаны гораздо более древним, чем появление имен Сатана, Дьявол и т.п.; древнее, чем появление слов, от которых произошли эти имена; даже древнее самого человека¹. Можно сказать, что *весь мир* — это олицетворение Сатаны. Разумеется, «древнее человека» здесь высказано в метафизическом плане. Архетип как феномен коллективного бессознательного не мог образоваться до того, как появились носители этого самого сознания. Шопенгауэр верно отметил, что без субъекта нет объекта. Однако Сатана как Сила олицетворяет *изменение*, которое свойственно любой материи (энергии), и хотя феноменологически архетип требует наличия кого-то, способного строить модели бытия, метафизически это не имеет никакого значения. В этом смысле архетип выступает в качестве одного из метасвойств материи, так или иначе проявляющегося на всех уровнях ее организации.

В соответствии с теоремой Гёделя о неполноте замкнутых формальных систем при их достаточной сложности часть предложений этих систем, будучи истинными, не будут иметь доказательств в рамках и средствами этих систем. Но из теоремы о неполноте вытекает еще один интересный вывод — если экстраполировать гёделевские истинные, но недоказуемые предложения на существующие философские категории, то подобные (недоказуемые) истины будут выступать в качестве метафизических. Т.е. их можно только принять (аксиоматизировать), разомкнув и расширив систему. Остальные (выводимые) истинные предложения будут эмпирическими — единожды сделанный вывод этих истин может быть повторен каждым и многократно. Таким образом, метафизика недоказуемости имеет место в любой системе, достигшей определенного уровня сложности. И эта метафизика, ввиду недоказуемости, может быть только отвергнута или

¹ Однако из этого отнюдь не следует, что сатанисты избрали Сатану из-за древности архетипа. Определяющим является соответствие реальному миру, а, поскольку мир существует много дольше, чем человечество — то древность Сатаны получается автоматически.

принята — аксиоматизирована (положена в основы последующих теорем-выводов). Естественно, что в сатанизме подобной метафизической основой является Сатана (архетип, эгрегор, Сила¹ и т.д.).

Человек на определенном этапе начал (как мы упоминали об этом выше) усложнять собственные картины миропостроения, вводя в него различные антропогенные сущности, наделяя их статусом реально существующих процессов и феноменов. Такая же участь лишней сущности постигла концепт Сатаны — в качестве *отдельного*, а не всеобъемлющего понятия. Когда кто-то ввел понятие добра — появилось зло, которого раньше не было; с появлением «духовной» жизни начали отличать «приземленную»; с введением «альтруизма» появился термин «эгоизм».

Это очевидно для любого непредвзятого взгляда. Вот сравните:

Когда все в Поднебесной узнают,
что прекрасное — это прекрасное,
тогда и возникает безобразное.

Когда все узнают,
что добро — это добро,
тогда и возникает зло.

«Дао Дэ Цзин»

Впрочем, это не обозначает ситуации «вы ввели добро, а мы — зло». Чел-овеками вводятся именно оценочные шкалы. Которые всегда и сразу содержат *весь* ранговый спектр — «слева зло, справа — добро», «слева черный, справа — белый» и пр. Главное, что подобное ранжирование всегда субъективно — вводится *человеком и на потребу человеку*. Нет *объективных* природных явлений, требующих для их описания подобных оценочных шкал. Потребность в подобной оценке всегда порождена разумом, осознавшим, что он существует, взаимодействуя как с природой, так и с другими субъектами, и разделяющим это взаимодействие на две большие группы — «за меня» и «против меня»².

Как легко видеть, на долю Дьявола приходились *естественные*, природные понятия, соответствующие изначальному вселенскому мирозданию, когда для них не требовалось специальных

¹ Nota bene: в скобках не синонимы, а «проекции Сатаны» на разные понятийные системы.

² Есть и третья группа — «не влияет на меня», но ее опускаем ввиду мотивационной пассивности.

названий. Это иллюстрирует такой немаловажный аспект, как **соответствие реальности** Вселенной. Те, кто воспринимает этот закон как слишком тяжелый и жестокий, акцентируют свое отношение к нему на том, что это *закон пожирания* сильными слабыми, и видят в этом демоническое начало или вмешательство. Что ж, *dura lex sed lex*. А бог хотел сделать так, что и кобры бы нападали не с укусами, а с поцелуями, до чего почти договорился Д. Андреев в «Розе мира».

Интересно, что «божественная» шкала тоже может быть все-сторонней и неделимой — см. тот же пантеизм. Но если в мирописании вводится бог, и если в то же время он называется «хорошим», «истинным», «моим» — *в тот же момент и в это самое миропонимание* введено что-то, что будет «плохим», «ложным», «чужим», т.к. оценочная шкала, содержащая «Добро», с необходимостью на противоположном крае содержит и «Зло». Пусть оно еще не названо, но оно *уже заложено* в картину мира, содержащую вышеупомянутого бога. И так уж получилось, что обывательская конвенция отдала все «небожественное» Дьяволу. Это — общее именование противоположной части ранговой шкалы, на другой стороне которой — бог, претендующий на единственность.

Многочисленность имен Шивы позволяет продемонстрировать также еще один интересный аспект: имя Ардханаршивара обозначает двуполое существо. Это не обозначает, что Шива физиологически был гермафродитом, а трактуется исключительно в оккультном смысле. Архетип двуполости четко прослеживается во все времена: адрогини древних греков, Адам Кадмон каббалистов, Бог ведьм Элифаса Леви, гермафродиты алхимиков et cetera. Чертами гермафродита наделяет средневековая иконография и Дьявола, украшая его женской грудью. В упрощенном толковании это трактуется как единство мужского и женского для развитого самосознания, единство сенсорики и интуиции, рационального и иррационального, взаимопроникновение друг в друга с образованием нового качественного уровня, объединяющего преимущества отдельных составляющих. Этот архетип, обозначающий **целостность**¹ во всех аспектах, условно говоря, является подмножеством архетипа Сатаны.

¹ У Юнга этому соответствует самость. Это не обозначает, что состояние самости может быть достигнуто только через архетип Сатаны. Есть и другие Пути, не связанные с сатанизмом. Сатанизм естественен только для сатанистов, как ни банально это звучит.

12. Зови Меня любим другим именем, ибо в каждом имени есть своя сила. Не разделяй мужские и женские имена, как не разделяй мою сущность. Ибо каждый постигает Меня по-своему.

13. И нет разницы, если ты скажешь: «Во имя Сатаны Светозарного» или «Во имя Сатаны Светозарной». Ибо это Мои имена.

Michael The Heretic, «Книга Тьмы», гл. 5

И все то же многообразие имен Шивы позволяет наглядно продемонстрировать уже не аспект Сатаны, а его особенность — *многогранность*. И, обращаясь к одной грани, одному аспекту архетипа, обращается ко всему в целом; ничто не мешает в другой раз взять иной аспект, подобно тому, как язычники обращаются к разным богам в различных ситуациях.

Для окончательного завершения картины обратим внимание на свиту Шивы. Многие ипостаси его супруги, Дэви, такие, как Дурга и Кали, чье имя также означает «Время», выглядят «сущим дьяволом». Однако Кали — исполнительница закона, она воздает существам по их деяниям, никто не может избежать своей участи. Она убивает демонов и людей, запутавшихся в сетях Майи (иллюзии), осуществляя тем самым естественный процесс эволюции вселенной. Собственно говоря, мы здесь могли бы раскрыть образ Кали вместо Шивы ровно с тем же успехом. Но книга у нас все же не по индийской мифологии, и достаточно одного глобального примера.

В свите Шивы находятся всевозможные духи и оборотни, питающиеся человеческим мясом и так далее. Но главой этой свиты является Ганеша, бог мудрости. Правда, есть повод задуматься? Мудрость не чурается изменения.

Примечание: мы четко разделяем суть мудрости и интеллекта, см. далее подробное освещение этого вопроса. Однако «мудрость» в разговорном языке употребляется и как полный синоним «интеллектуальности» и т.д. В книге, за исключением специально оговоренных в контексте случаев, термины употребляются именно как полные синонимы — это связано с тем, что архетипы «богов, имеющих отношение к разумности» формировались в те времена, когда мышление понималось без такого деления.

И напоследок: помните историю на тему, когда индийские

боги крутизной мерялись? Напомним: изначальное тело Шивы, или его «тонкая Сущность» — это Лингам (фаллос). Люди, духи и сами боги почитают его в этой непроявленной, наивысшей форме. Когда Брахма и Вишну спорили о том, кто из них «Наивысший Господь», перед ними явился огненный столб. *«Он выглядел как огонь, пожирающий Вселенную во время ее уничтожения, Он сверкал, окруженный языками пламени, Он не имел ни начала, ни середины, ни конца»* — Линга-Пурана.

Брахма и Вишну хотели измерить этот столб. Брахма обернулся лебедем и полетел вверх, чтобы найти его вершину; Вишну, став подводной черепахой, отправился вниз, в глубины океана, чтобы найти его основание. Однако великие боги не смогли найти ни его начала, ни конца. Тогда, поняв, что он бесконечен, и значит — Изначальный, Наивысший, склонились перед Ним в благоговении. Махэшвара (Шива) явился тогда из огненного столба, именуемого Махалингам (Великий Лингам), и предстал перед ними в своей обычной форме. То есть, услышав тему спора «кто из нас двоих круче», он им, грубо говоря, напомнил о себе и показал им всем... э-э... лингам. Согласитесь, с чувством юмора у Шивы все в порядке.

Впрочем, строго говоря, в данном случае, Лингам — это серьезно¹. А вот в скандинавских Эддах есть эпизод, когда ворвавшаяся в Асгард великанша потребовала ее рассмешить. Это выполнил Локи, персонаж, также часто отождествляемый с Дьяволом², — приспособив к своим половым органам козлиную бороду.

А теперь вспомните, как часто радостно смеялись или улыбались Яхве, Христос, Аллах? *Ни одного* такого случая не зафиксировано, за исключением злобного хихиканья, потирая руки³.

¹ Это дающее жизнь начало и символ творческой силы. Фаллос — заметный элемент в иконографии Дьявола. Этот символ и предмет стоит на почетном месте в любой морально здоровой идеологии, наряду с женским эквивалентом, разумеется.

² Несмотря на некоторые общие черты, Локи принципиально отличен от Дьявола. Локи — это персонификация архетипа трикстера, а в архетип Сатаны многие черты трикстера не входят. Наглядная иллюстрация: трикстер не пренебрегает прямым обманом; Сатана же лукав, но не лжив.

³ Монотеистические боги тоже любят пошутить — только юмор у них специфический. Например: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа

Чувство юмора — неотъемлемая часть архетипа Сатаны¹.

Наименее полезно прожит тот день, который мы прожили,
ни разу не засмеявшись.

Н. Шамфор

Кроме Шивы и компании в индийской мифологии есть еще одна категория персонажей, причастных к архетипу Сатаны. Мы должны упомянуть асуров.

Асуры — это оппозиция клану богов. По силам они вполне соизмеримы с богами и, случается, подходят очень близко к смене господства.

Они очень напоминают скандинавских ётунов, которых часто называют просто великанами. Однако, называя так, их смешивают с другими великанами, троллями, тупыми уродинами, олицетворенным плебейством. В Индии на месте троллей находятся ракшасы.

Асуры несут в себе много признаков, характерных для архетипа Сатаны. Они сильны и мудры, пользуются «черной» магией, не брезгуют «нечестными методами», совершают жертвоприношения... но только себе. При этом мифы почти не содержат о них подробностей. Они представляют собой почти безликий образ врагов, с которыми сражаются боги, в том числе и Шива. Дело в том, что Шива и Вишну, несмотря на весь их антагонизм, выступают на одной стороне. В противном случае возросла бы острота религиозных столкновений. Но в этом случае должна быть сила, против которой направлены героические усилия богов. Этим внешним врагом и выступают асуры.

и против Помазанника Его. "Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их". Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Нечестивый злоумышляет против праведника и скрежещет на него зубами своими: Господь же посмеивается над ним, ибо видит, что приходит день его». — Псалом 36:12-13. В Коране обстановка не лучше: «Те, которые порицают добровольцев из верующих за милостыни и тех, которые находят, (что дать), только по своему усердию, и смеются над ними, — посмеется над ними Аллах, и им — болезненное наказание!» — Сура 8 «Добыча», аят 80. Тоже весьма своеобразное чувство юмора.

¹ Для всех антижизненных религий, помимо веры и поклонения, характерна также такая черта, как запрет смеяться над положениями религии. Самоирония не допускается.

Очень похоже, что в асуров трансформировались персонажи доарийской религии Индостана. И то же самое специалисты относят к Шиве. А многие мифы о нем, в которых говорится о том, как он самоутверждался в качестве бога, символизируют прорыв этих древних элементов в круг благовидных арийских божеств.

Помимо того, борьба Шивы с асурами (а именно он с ними чаще всех и борется¹) демонстрирует, что представители архетипа Сатаны вполне могут враждовать между собой. А можно рассматривать эту войну и как *беспоощадность к самому себе* (принадлежат-то к одному архетипу), что также характерно для философии сатанизма.

Впрочем, здесь требуется пояснение. То, что инволютированные к одному архетипу могут конфликтовать между собой, вытекает из вполне возможного и допустимого конфликта частных реализаций в пределах одного Пути. Но прямой перенос подобного конфликта на *одну личность* (т.е. «вражда» в пределах личности — конфликт мотивов, побуждений, стремлений) — не правомерен. Цельная личность — это именно *личность*, успешно разрешившая принципиальные «конфликты аспектов архетипа», переставшая рефлексировать. Целостность выражена именно в том, что у нее сложились взгляды на мир, взгляды настолько однозначные, что с одной стороны они могут служить базой для ее активности, а с другой стороны — способны стать критериями однозначной оценки и самооценки. И беспощадность к самому себе — следствие элементарной *интеллектуальной честности*. Ведь не существует никаких разумных оснований подходить к самооценке с иными критериями, чем к оценке всего остального. Т.е. отсутствуют льготные шкалы «для себя», когда поступок других, например, оценивается, как «глупость», а точно такой же собственный — «не повезло»... Грубо говоря: «я настолько уважаю себя, что не нахожу нужным подыскивать оправдания собственным слабостям».

Таким образом, *беспоощадность к самому себе* относится к периоду *nigredo* становления сатаниста, когда индивидуум уже

¹ Опять же для объективности добавим, что про Вишну тоже полно таких историй, просто они плоские, в стиле: «Встретил Вишну демона, достал дубину, треснул его по башке и мокрого места не осталось, а сам даже не напрягся нисколько». Т.е. — не борьба, а так, демонстрация крутости — что характерно для любого *монотеистического* бога.

стоит на Пути, но еще формирует «скелет личности» — и это неизбежно связано с избавлением от «чел-овеческого, слишком чел-овеческого», порождающего когнитивный диссонанс. После того, как Личность сформирована в достаточной степени, становление переходит на стадию *albedo*, на которой отношение к себе (как и ко всему миру) спокойно-философское. Сам факт осознания того, что «самостроительство» и проистекающее из него «миростроительство», в общем, дало цельную и непротиворечивую картину — сопровождается вполне конкретными и явными психологическими и биологическими симптомами. Прежде всего, это резкое снижение тревожности, внутреннее спокойствие как проявление ощущения цельности базы мировосприятия

Стандартное непонимание этого аспекта в том, что эгоизм, поэтически выражаясь, — это любовь к себе, а любовь *люди* обычно понимают как нечто всепрощающее, долготерпящее, то, что «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (см. Павла 1-е Коринф., гл. 13); любя себя, они делают себе, любимому, поблажки (и это еще мягко говоря). Стандартное людское стремление к халяве: «Если ты меня любишь, то ты простишь что угодно».

Но любовь, соответствующая архетипу Сатаны, иная. Она требовательна и беспощадна, она требует *постоянного развития* объекта любви без каких-либо поблажек. *Perdurabo!*

Часто подобное называют «борьбой с собой», но такой взгляд, как только что пояснялось, имеет явные дефекты.

Борьба с собой... А есть ли вообще что-нибудь под этими словами? Положим, возникает внутренний конфликт, желания вступают в противоречия... Но ведь и те, и другие мотивы порождаются личностью.

Можно возразить, что витальные пристрастия имеют отношение не к личности, а к биологической сущности, но психика неотделима от тела, и эти два элемента всегда влияют друг на друга. Когда говорят «борьба с собой», обычно подразумевают силу воли как топливо этого процесса и направление — в пользу ментальных (или часто даже моральных) целей, преодолевая сопротивление «низменного». Но побеждает всегда то, что сильнее. Определяет это не некая «сила воли», а предпочтительность для индивидуума каких-то целей. Внутренний же конфликт, повторимся из-за важности вопроса, — это симптом *не цельной Личности*, а еще не сформировавшейся, у которой приоритеты

и пристрастия находятся в беспорядке.

Обобщая: если внутренние противоречия принципиальны, и они *осознаются и преодолеваются* — это становление личности. Если они *осознаются и принимаются* — это шизоидная или истероидная психопатия; а если они *не осознаются или подавляются* (чаще всего путем самооправдания и подстройки всего «под себя»), это — типичный представитель чел-овечества.

В Индии уже в древности различали йогический и тантрический пути. Первый обычно понимается как «борьба с собой». Второй — «следование своей природе». Но это не два разных пути, а два взгляда на одно и то же. Причем один внешний, а другой — внутренний. Снаружи смотрят: «О, как он себя многого лишает! Как он себя насилует! Борется с собой! Какая сила воли!!!» А йог, если бы ему было до того дело, подумал бы: «Да я делаю то, что хочу. Есть мотивы, которые вы не видите, но для меня перед ними становятся несущественными все ваши жлобские удовольствия и развлечения». Люди не могут вообразить себе многое, что слишком контрастирует с их мирком. Например, им трудно представить, что кто-то может не бояться смерти или запросто отодвигать на второй план половой инстинкт. Для них жизнь йога — одна борьба с собой и никаких послаблений, а для йога его жизнь и есть «следование своей природе». Точно также криво воспринимается другой взгляд, тантрический — в понимании обывателя это «жрать, пить, трахаться». Впрочем, и знаменитый Закон Кроули часто воспринимается той же категорией как «что хочу, то и ворочу»...

И напоследок приведем еще один значимый миф, характеризующий Шиву. Собрались как-то индийские боги взбить Океан, как яичный белок. В результате этого должна была появиться Амрита — напиток бессмертия (индийский аналог нектара или амброзии). Сил богов для этого не хватало, и решили подключить асуров. И тут Вишну предлагает кинуть асуров (а в лживости упрекают как раз их). Обделенные асуры решились повторить процесс самостоятельно. Но они не знали тонкостей технологии, и вместо Амриты получилась Калакута — ужасный яд, угрожающий сжечь всю Вселенную. Боги-мошенники во главе с Вишну дали деру от этой химической атаки. Положение спас Шива, выпив токсин. Правда, от него у Шивы посинела шея, а вокруг головы образовалось «радиоактивное» сияние — но именно он спас Вселенную. Этим он оказал и реальную услугу человечеству,

при этом не заботясь о нем и вообще относясь безразлично, по сравнению с теми, кто лишь декларирует заботу о людях, а реально своим вмешательством поработщает их.

Рассмотрим теперь аналогичную тему на более близких нам примерах.

Персонификацией добра и зла у славян, в частности, у северных венедов, были Белобог и Чернобог¹. Вместе со своим отцом они объединялись в образе Триглава — славянском варианте Тримурти: Свентовит играл в ней роль Брахмы, Белобог — Вишну, а Чернобог — Шивы.

Чернобог олицетворял собой «злое начало» высшего ранга. Похоже, что по типу Чернобога Пушкин создал своего Черномора, чье имя не имеет отношения к Черному морю, а означает «черная смерть».

При Чернобоге состояли боги низшего ранга, скорее даже демоны. У некоторых венедских племен наиболее популярным из этих демонов был Чарт или Чёрт, чье имя также означает «черный».

Пока еще очевидна субъективность зла, персонифицированного Чернобогом, — он олицетворяет неприятности, несчастья, злую долю. Тем не менее, Чернобог несколько не обделен вниманием по сравнению со своим антиподом: в «Славянской хронике» Гельмольда, автора XII века, описан ритуал пиршества, на котором пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени обоих богов — «доброго» и «злого».

Чернобог есть Тёмный лик Всебожья Родова; от него происходит разрушение и гибель как великого, так и малого. Тот, кто поистине связан невежеством своим да маятой мирскою ослеплен — страшится всеразрушающей силы Чернобога, проклиная ее как воплощение черного зла; очи его зрят лишь сиюминутное и жизнь его побеждена смертью, которую он носит в себе, разум его вовлечен в бессмысленную суету, а сердце сковано страхом и унынием.

¹ W.: Уточнение: эта концепция базируется лишь на одном иностранном источнике (хронике Гельмольда), но является общепринятой. В контексте рассуждения историчность означенных богов именно в таком виде не играет роли, под ними можно понимать соотв. аспекты разных богов.

Мудрые и у смерти жить учатся, сквозь маяту переходящего Вечное прозревая; глупцам же, от Лада Всемирья отчужденным, порой и жизнь не впрок. Иные рекут: следование Чернобогу — суть стезя наискорейшего *изменения*, а также *преодоления* собственной слабости и глупости. Действительно, путь к новому всегда лежит через смерть отжившего, поэтому всякое *преодоление* себя прежнего есть, в той или иной степени, *форма смерти* [Предки наши называли «дваждырожденным» того, кто еще при жизни в Яви земной прошел через Смерть и Воскрешение (от «Крес» — «Огонь») Силою Огня для жизни в Пакибытии].

Велеслав

Но там, где эта идея развилась дальше, в зороастризме, эти категории абсолютизируются и дальше, в христианстве, теряют равноправие (оба вопроса будут рассмотрены далее).

Сварог, почитаемый большинством современных язычников (часто, к сожалению, не разбирающихся в собственной культуре) как «светлый бог» — небесный кузнец (коваль). Он населил Землю, создал первых людей, пролил на них каплю своей крови. Он принес людям огонь (как и Прометей), подарил первый плуг и кузнечные клещи, научил выплавлять медь и бронзу, обучил людей кузнечному ремеслу — ковать железо (плуги и мечи), дал людям законы.

Его имя происходит от древнего ведического «svargas» — «небо»; также в этом слове представлен и корень «var» — горение, жар. Сварог — это стихия огня. И Сварог, и Люцифер, и Прометей принесли людям Знание. В этом отношении Сварог тождествен одному из ликов Сатаны — Люциферу¹.

Нельзя сказать, что архетип Сатаны противопоставлен архетипу «светлых богов», хотя бы по той причине, что деление на «Светлых» и «Тёмных» весьма условно (как показывалось выше на примере Шивы). Плюс к тому у Первобога-Рода — *граней архетипа великое множество* (как видите, многозначность и глубина архетипа является характерной особенностью всех языческих богов развитых цивилизаций). Ведь «бог умер», то есть, Первобог Род как бы «разделился на множество богов/ликов/ипостасей»,

¹ Если рассматривать стихии, то Люциферу соответствует Воздух, а не Огонь, но здесь отождествление идет именно как носителя Знания.

он «умер», обретя новое рождение во *всей* Вселенной и всем, что в ней (и во всех богах/ликах/ипостасях/архетипах)... Вряд ли можно назвать сатанистом того, кто отвергает дар Люцифера (Сварога) — Знание — и никак не соответствует этим архетипам. Так что нельзя однозначно сказать, что «сатанисты отвергают светлых богов» — это, все же, условное деление, применимое только к монотеистическим богам («светлым» по определению, причем их собственному), либо к совсем уж четко вырожденным, искусственно вымышленным богам, не основанным на природных архетипах.

Например, нельзя сказать, что Сварог — однозначно «светлый бог» (в смысле некое «абсолютное добро»), ибо сколько страданий и крови принесли эти знания.

То же касается и его супруги — Лады (богини любви). Не такая уж она и «пресветлая», эта Лада, как принято считать при поверхностном взгляде: сколько народу из-за так называемой «несчастной любви» окончило жизнь самоубийством, не считая неврозов, депрессий и т.д.. Из-за ее, Ладиного, дара [любви] — произошла куча войн, моря крови проливались на протяжении всей истории, да и до сих пор «*cherchez la femme*» действительно...

Так что Ладу — по одному лишь этому *следствию* ее «божественного дара любви», с учетом того, что от любви часто теряют разум и т.д. — вообще можно записать в разряд «злых» богинь (хотя, как уже сказано, этика «добра и зла» чужда язычеству¹). Как метко высказался о любви кто-то из древних греков: «Сильных она возвышает, слабых — унижает».

Точно так же нельзя сказать, что Чернобог и одно из его проявлений — Велес — «злые» боги или «однозначно Тёмные».

Чернобог, ну *чем* он вреден? Это вопрос, собственно говоря, относится к существу понимания язычества как такового.

Кощей (одно из проявлений Чернобога), например, это земледельческий бог или культурный герой, связанный с земледелием. Поближе к Нижнему миру, туда, где обретаются в Нави предки, где они готовятся к новому воплощению, Чернобог-Кощей-Вий-Велес в каждом из нас: он, вороша своими *кочергами* мертвую материю, подготавливает ее к новой жизни. Это как бы условно

¹ Хотя мы вынуждены констатировать, что современные язычники в массе имеют тенденцию к одностороннему восприятию язычества только со «светлой» стороны.

архетип Белиала по отношению к современному сатанизму, но еще, кроме этого, и Ярило (весеннее возрождение¹). Кощей — управитель вероятности возрождения в новой жизни. Можно предположить, что Кощей является Тёмной ипостасью навьего бога — Велеса, аналогично тому, как есть Гермес Подземный (Аид) и есть просто Гермес.

Он того же корня, что и Мать Случая — Макошь, она же «пряха», которая, как и греческие Мойры, прядет нить судьбы на своем Веретене — одному она нарядит достойную судьбу, а другому жестокою судьбину. Так что Мать-Макошь тоже нельзя назвать «абсолютно доброй», а ведь ее на Руси очень и очень почитали.

Интересна параллель Макоши с Гекатой и соответствия пар Велес/Макошь и Гермес/Геката. Кратко поясним: Геката Трития — покровительница путей и перекрестков. Макошь (Яга) — покровительница путей и проводник из одного мира в другой. Гермес и Велес — покровители путешественников и Проводники в Иной мир. Геката — богиня магии и колдовства. «К Мокуши ходят гадать» даже в девятнадцатом веке. Яга — ведунья и колдунья. Гермес и Велес — боги магии и волшебства, а в простонародном понимании — боги скота. Геката — богиня случая, удачи, счастья, судьбы. Яга дает герою вещи, которые приносят ему удачу на охоте ли, в добывании чего бы то ни было, в походе. Она дает путеводный клубок, помогает герою в состязании и игре обыграть более сильного противника, того же Змея Горыныча. Макошь — богиня судьбы, мать случая (ма-кощ). Гермес — бог удачи, бог богатства, покровитель в бедах (Гомер, «Одиссея», XXIV:10). В его руках «состязание и жребий наград» (Пиндар, «Олимпийские песни», 6:4э.) Велес — бог богатства и покровитель купцов и путешественников, бог удачи. И Гермес, и Велес — покровители искусства, культуры (Искусство и культура происходят от фантазии человека, т.е. находятся изначально в мире придуманном, нематериальном, духовном, мире воображения, т.е. Нави).

А «врагом» и «злыднем» Кощей (Чернобога, Велеса, и т.п.)

¹ Строго говоря, Белиал, которому из элементов соответствует Земля, тоже может восприниматься как возрождение: новые всходы на удобренной телами мертвых почве.

сделали христианские сказочники и их последователи¹ (не путать со славянскими *кощунниками*) да современные горе-интерпретаторы.

Тот же Велес — он и Тёмный, и светлый (кому как)². Велес — «скотий бог», сын небесной Коровы³, у него есть сын Ярило (тоже «корович») — «коровий бог сшибает рога с зимы».

Он, Велес, открывает свою светлую ипостась крестьянам, жизнь которых зависит от скота и урожая хлеба (но Велес может и наказать за нерадивое ведение хозяйства, он любит деловитых и трудолюбивых).

Для крестьян Велес (в основном) стоит наравне со «светлыми богами». И не зря *до сих пор* (!) сохранился обычай оставлять часть пшеничного поля нескошенной, а на скошенной части оставлять один сноп — это дар Велесу. А после урожая (в Белоруссии, например) этот сноп даже в дом тащат, ставят его под иконами (забавно...) и обвязывают красной лентой. Считается, что если этого не сделать, то в амбаре могут мыши завестись или амбар может даже сгореть, или на следующий год урожай с гнильцой будет, или плохо уродится. Архетипы быстро не умирают, в отличие от памяти неблагодарного народа.

То есть, крестьянин или простой обыватель получает посвящение в Яви, его мир — *явный*. Но герой и волхв идет через Навь, сражается с Навью и получает посвящение в Нави. А если кто-то трусит перейти через Калинов Мост, если он пугается Тьмы, если ему горький мед не по вкусу — то это еще не значит, что другие не найдут мужества и разума пройти туда и получить Силу Предков. Для магов (*волхвов*), занимающихся *волхованием*, магией, и хранящим народные знания, *Волос-Велес* является богом мудрости,

¹ К сожалению, в современности есть тенденция воспринимать древние архетипы через призму монобожия, деля богов на добрых/злых и т.п. Более того, выделять «главного» согласно привычным с детства христианским канонам; к примеру, Один — главный бог, Бальдр — и.о. Христа, Локи — соответственно, Сатана. К собственно *язычеству* это отношения не имеет.

² Кстати, интересно, что и отдельно архетип Велеса (включающего в себя еще и «Велеса молодого» — Ярилу, тоже «коровича») вполне соответствует главному свойству Сатаны — изменению. Зима, а за ней весна. То есть — смерть, мор, мороз, разрушение, а вслед за этим рождается жизнь, уже измененная, новая.

³ Из вымени которой течет Молочная Река, кстати, Млечный Путь. Собственно, так и есть на самом деле: ведь Земля (архетипы: Велес = Белиал) — это «дитя галактики», так сказать (нашу планету «породила» наша галактика).

знаний, музыки и поэзии (те же Бояны, стихотворцы-былинники, умеющие играть на гуслях, вещие старцы, калики перекрестные, и т.п. — это все жрецы и служители/почитатели *Волоса/Велеса*). Тут уже «богатство» другого рода — обладание не стадами скота и амбарами зерна, а Знанием и Навыками. Так что Велес в ипостаси Стража Нави и проводника душ мертвых, «Тёмный» Велес — это навий бог, бог магии, безвременья, а не просто бог скота и богатства.

Законы Велеса — природные (логика, законы физики). Велес следит за законами природы, законами Сил, законами внутренними, которые не писаны на бумаге, но они есть и действуют. Велес — не бог-творец, он не создавал мира творением небес, светил, стихий... Велес — бог живого, первозданного, дикого мира (просматривается аналогия с Хаосом), который Сварог стал упорядочивать. То, что использует Велес — это неявное, это вдохновение, например, фантазия, память, секрет — т.е. именно навье в отличие от явьего — явного.

Если же, повторимся, экстраполировать архетип «Тёмного» Велеса на индуизм, то его аналог — Рудра. А Рудра-разрушитель соотносится с Шивой так же, как Род с Велесом. Только в рудраизме-шиваизме Шива — это Род, а вот в Брахманизме — он уже Велес. Просто Рудра — это бог ведийской общности, а Шивой он стал именоваться за несколько столетий до нашей эры и стал во главе пантеона в начале первого тысячелетия нашей эры.

Роль	Создатель	Хранитель	Разрушитель
Индуизм	Брахма	Вишну	Шива
Славянское язычество	Род	Свентовит	Велес

Интересно, что для древнего европейского мировоззрения идея личностного демиурга, который продолжает курировать созданный им мир, не характерна. Творение происходит в результате *взаимодействия хтонических сил* (Земля, Хаос и т.д.). И уничтожают Творение они же (или такие же силы) в час

Рагнарок. Идея творца как личности появилась только на этапе гностицизма и герметизма на основе проплатоновских философских идей (а до этого говорилось о «едином» или о «первоэлементе») и под влиянием иудейского монотеизма.

Навь — это не «разрушение» или некое «зло». В Велесовой Книге (нас интересует не ее подлинность, а отражающиеся в ней архетипы) упоминается, что «Навь — это то, что было *до* и будет *после*» (безвременье). Навь — это Тайные Силы, Память, Знания. А имя Велес само говорит за себя. Воля — это раз, но также и древнейший корень «vel» — *смерть*.

Велес в своей Тёмной ипостаси — навий бог, как и Один-Вальфэдр (эддические слова с корнем Вел- или Vall- ясно об этом свидетельствуют — Вальгалла, валькирии, Вальгринд, Идавель-поле...). Один — это одновременно и Вальфэдр, Отец Павших, и Навь-бог, он — бог смерти и владеет частью «душ» умерших. Один — Исторгатель и Морок, Губитель в битвах, злой гений, что похищает «души» посредством Валькирий и собирает небесное войско мертвецов в Вальгалле, куда путь им через ворота Вальгринд.

Велес — один из древнейших богов славянского пантеона. Имя его содержит индоевропейский корень *wel/wal/f(w)il*, столь же старый, сколь стары сами индоевропейцы. Под этим именем, несколько измененным в различных случаях, этот бог известен всем народам балто-славянской общности. Помимо основного имени Велес, славяне употребляют имена Волос, Велс, балты — *Wels* (лит. и лат.), *Velnias*, *Velinas* (лит.), *Veins* (лат.).

Основную смысловую нагрузку в имени Велес несет, конечно же, основа, связанная с переходами между мирами. Смерть — это один из возможных способов перехода. Узко «загробное» значение основы реконструируется на всем североевропейском материале. Можно сравнить: балтийское *welli* — «день мертвых» (в этот день молились Велесу о душах усопших, дабы он проводил их в Сваргу); литовское *veles* — «тени усопших», *vele* — «душа»; скандинавское *valkyrja* — «валькирия», *Valhalla* — Вальгалла, чертог, где собираются павшие в бою герои, Вальгринд — ворота Асгарда, города (мира) богов, Идавель-Поле — особое место (мир?), где боги играют в мяч и т.д.

Связью с загробным миром и путешествиями сквозь реальность значение основы *wel/wal/f(w)il* не исчерпывается. Велес — бог мудрости, волшебных ремесел и магического знания: русские

слова волшебство, волшба, волшебник содержат все ту же древнюю основу. Поэзия, одно из древних магических искусств, также находится «в ведении» этого бога; отсюда — вельва, а также волхвы и филиды — вещие певцы (и священнослужители) у славян и кельтов соответственно (здесь вспомним, что «Боян — Велесов внук»)¹.

Во временном аспекте группа Род-Велес-Ярило образует естественный Триглав, именуемый в изустной народной традиции коленом Дед-Отец-Сын или старый-зрелый-молодой, или же прошлый-настоящий-грядущий. Каждый из трех названных богов воплощает энергию, но на разных уровнях и в разных формах. У Ярилы это самая низшая — животная форма, его призывают, чтобы оплодотворить женщину и землю. У Рода — самая высшая, древняя и первородная — он оплодотворил Вселенную. Поскольку Род (как и Брахма в позднем индуизме), выполнив главную свою функцию устроителя Мироздания, отошел от дел, часть его обязанностей перешла по наследству к Велесу. Который и воплощает Волю Рода, волю жить и возрождаться — он Страж и Властитель Перехода между Мирами, и никто не минует его, чтобы умереть в одном мире и появиться в другом. Род олицетворяет Правь (законы), Велес — Навь, Ярило — Явь, таким образом, образуется естественный триглав.

Еще одно сходство *Велеса* и *Велиала*² (одного из главнейших Ликов Сатаны): большинству язычников (кои «белосветники») к Велесу лучше вовсе не соваться. А то просто пришибет и раздавит. У него очень тяжелая энергия. Велес, в общем-то, ни в ком не нуждается, он напротив, выбрасывает и отталкивает поначалу, и к нему просто так не подойдешь, если *уже не будешь внутренне готовым*, надо обладать соответствием на ментальном плане, а также готовой к восприятию психикой. Так что у молодых неподготовленных дурней, которые думают, что Велес — это всего лишь «скотий бог», может просто проехать крыша, после того как Велес их огреет своей медвежьей лапицей (медведь — одно из воплощений Велеса). Велеса очень трудно «использовать» без последствий — Велес «хозяйственный» во всех отношениях,

¹ Данные по: Антон Платов, «Дорога на Хай-Бразил».

² В написаниях древних имен «б» и «в» часто взаимозаменяемы. Например, еще одна пара: Баал — Ваал. Существовали и еще более интересные фонетические различия: скажем, в классической латыни везде вместо «j» употребляется «i», а буквы «v» и «u» обозначались одинаково.

и ему надо *заплатить*, сослужить службу. Велес за бесплатно не работает.

Сравните это с Сатаной¹: сходство очевидно. Даже требования вполне схожи: плата взимается не за отдельные действия, а оптом и авансом, за что выдается некий «кредит доверия», «подъемные» (причем далеко не любому, кто пожелает), и дальнейшее «отношение» зависит от того, как именно будет отработан «кредит». Платой же является чел-овеческая сущность. Именно отсюда пошли легенды о продаже души и т.д. Не будем говорить о вульгарном представлении, но психика изменяется достаточно значительно — в случае неудачного подключения вполне можно сойти с ума, в случае удачного — исчезают многие качества, считающиеся «истинно человеческими», связанных с чисто чел-овеческой неуверенностью, размытой эмоциональностью и самокопанием... Впрочем, это даже полезно, так как это «чел-овеческое, слишком чел-овеческое» существенно мешает путешествовать по дорогам Ада или просторам Нави, раз уж говорим языческими терминами.

Возвращаясь к вопросу архетипа: здесь еще раз демонстрируется антагонизм к самоуверенным невеждам, обязательность **полной ответственности за свои поступки**, а также **необходимость платить за все**, на основе взаимовыгодного сотрудничества, причем без поблажек «за красивые глаза».

Несмотря на очевидные общие архетипические черты языческих богов, местные различия выражаются во внешних проявлениях архетипов.

Различные представления, образы фантазии, события, в которых дуализм находит форму и выражение, отражают не только характер и культуру народа, дающего ему место в системе своих верований, но также и климат, природные условия, ход истории.

А. Амфитеатров

Обитатель жаркой страны видит действие злого духа в дыхании Сетха (несмотря на сложившееся написание имени как «Сет», такое написание более соответствует оригинальному

¹ Здесь — не конкретно с Белиалом, а общий принцип взаимодействия.

наименованию¹): ветре, дующем из пустыни, раскаляющем воздух и убивающем посевы.

Между тем, предания индоевропейских культур, чья колыбель находилась к северу от теплых морей и залитых солнцем равнин, хранят смутные воспоминания о ледниковом периоде. Они повествовали об изначальной Зиме, сковавшей холодом и мраком Мировую Душу; о вечной Ночи, укрывавшей Зло и Смерть; о Водах Смерти — Мировой Реке, впадавшей в кровавый Океан; о предвечном Хаосе, царившем в мире. Лучше всего эти образы сохранились в памяти тех племен, которые не переселились в более теплые земли, а остались на месте или даже проследовали на север за ледником, видимо потому, что зима для этих народов не прекращалась никогда, она лишь перестала быть вечной.

Но и эмигрировавшие на юг народы сохранили память о Великой Зиме. По одному из вариантов иранских мифов власть злого духа, Аримана, зародилась тогда, когда боги нашли себе убежище в подземном мире, а на Земле властвовали невыносимый холод, вечная зима и беспросветный мрак. Зло и смерть поселились за порогом уютной теплой пещеры, где пылал неугасимый огонь.

Очень яркий образ!

Не евший яблок с дерева в раю,
Слепой щенок забился в щель свою.

Омар Хайям

Здесь не только воспоминания о Великой Зиме, но и нарисована модель Вселенной: пещера символизирует мир, созданный и управляемый богами, она символизирует свет. И этот мир находится где-то среди тьмы и холода, куда лучше не соваться, потому как силенок маловато, да и страшно очень. Испугавшись оскала Тьмы, толпы дрожащих существ прячутся от нее под одеяло.

Соответственно, при этом лишаются возможности узнать, а вдруг за оскал они приняли приветственную улыбку? Так

¹ Или же, точнее, оно также обосновано, как и общепринятое «Сет» — а тех, для кого древнеегипетский является родным разговорным, спросить несколько затруднительно. Здесь мы применяем такое написание в частности для отделения древнеегипетского Сетха от измышлизмов Майкла Аквино и прочих из Temple of Set.

и дрожат, закрыв глаза и заткнув уши от ужаса, ничего не видя и не слыша вокруг...

В мифах спрессованы память и мистический опыт культуры. Спрессованы настолько, что каждому элементу можно сопоставить целый ряд истоков. Идея о Великой Зиме как воспоминании о ледниковом периоде удачно вписывается в индоевропейские культуры. Но сходные представления совсем не к месту у африканцев. А ведь представления о том, что современному миру предшествовал и окружает его в настоящем более фундаментальный мир, существуют в человечестве повсеместно. Видимо, здесь можно говорить об инстинктивном понимании, мистическом опыте или об элементарном логическом выводе.

Скорее всего, именно последнее — истоки подобного заключения лежат в изначальной индуктивности любого опыта, не суть важно — опыт это людей или опыт поколений. А опыт говорит только одно — все, что имеет границы, чем-то окружено. Представления о безграничности/бесконечности никак не могут быть выведены из опыта, безграничность ненаблюдаема хотя бы потому, что у каждого способа восприятия есть свой порог/предел. Вполне естественно, что чисто индуктивно делаются два вывода — о конечности «ощущаемого» мира и о том, что он окружен чем-то более глобальным, стоящим «над» и «сверх», страшным и тревожным ввиду полной неопределенности.

Схоже и отношение к этому фундаментальному миру. Его определяют в таких словах, как Хаос, Мрак, Холод, Тьма... «До создания Земли уже был Нифльхейм (мир мрака)», — повествует Младшая Эдда. Вспомним греческую мифологию, повествующую о рождении Космоса из предвечного Хаоса. «Прежде всего во вселенной Хаос зародился», — пел Гесиод. Из Хаоса произошли «черная Ночь и угрюмый Эреб» (Мрак), породившие впоследствии Свет и День. И так далее, из культуры в культуру. В даосизме ключевым понятием выступает Великий Предел. В буддизме — Великая Пустота.

Но если не испугаться ее, если пройти насквозь, абсолютная пустота окажется абсолютной полнотой. Там, где нет ни одной готовой, сотворенной формы, течет источник творчества всех форм.

З. Миркина, Г. Померани, «Великие религии мира»

Из этого видно, что в действительности чел-овечество считает Всевышним, и само же в ужасе от этого понимания настолько, что боится признаться в этом себе. Если бы существовал герб чел-овечества, то на нем бы был изображен ребенок, забившийся в ужасе с головой под одеяло, на фоне Тьмы, и начертан девиз: *Damnant quod non intelligunt*.

Кроме того, помните рассуждения выше об изначальности Сатаны? Тьма и Хаос всегда ассоциировались с Сатаной, поэтому, согласно этим легендам, выходит, что Сатана *древнее* нашего мира. В самом деле, глупо привязывать такой глобальный архетип к чисто чел-овеческому пониманию локального жалкого мирка на окраине бесконечной и вечной Вселенной.

*K'aemn'h kh'rn K'aemn'h kh'r K'aemn'h kh'rmnu!*¹

Кроме природного источника «зла», можно выделить и социально-политический.

Пока народ верует в себя, у него — свой бог. В своем боге народ чтит условия, благодаря которым он на высоте, в нем он чтит свои доблести... Когда народ гибнет, когда он чувствует, что его вера в будущее иссякает, надежда обрести свободу окончательно гаснет, когда покорность представляется ему полезным делом, а добродетель побежденного — первым условием сохранения жизни, тогда обязан переменитьсь и бог...

Ф. Ницше

Свирепый Яхве был олицетворением злой судьбы еврейского народа, белый и пушистый Иисус — его надеждой. Более точно — надеждой той части еврейского народа, которая потеряла мужество и отказалась от борьбы за собственную судьбу. Яхве в подсознании верующего иудея неизбежно выступал как «союзник угнетателей», так как кто же, кроме бога, виноват во всех бедствиях, постигших еврейский народ? (При этом они все равно уповали на своего бога, надеясь на его милость: «внемлет нищим и не пренебрегает узников Своих» (Пс. 68:34)) Но сознательно протестовать против бога иудеи, конечно же, не смели, поэтому у наиболее страдающих от психического разлада сознательного

¹ Древние были, Древние есть, Древние будут снова (из ритуала «Зов Ктулху», А.Ш. Лавей, «Сатанинские ритуалы»)

с подсознательным и возникла легенда о приходе Христа как мессии, чем они поставили человека *рядом* с богом — начальное христианство стояло куда ближе к позиции обожествления Христа как рожденного человека, и только через пару веков установилась церковная позиция снисхождения бога к людям, *деградация* его до человека, в связи с чем терапевтическая роль мифа практически исчезла. Осталось только подсознательное восприятие распятия, как мести богу-отцу в образе единокровного сына, т.е. — успокоение без какой-либо тенденции к развитию в случае восприятия образа человекобога.

Народ, побежденный неприятелем, подвергшийся нашествию и порабощению, не упустит случая перенести на злого духа, в которого он верит, наиболее ненавистные черты народа-угнетателя.

Например, шумерийский демон Асаг или ассирийский и вавилонский Асакку получили свои имена от прозвища кочевых варваров, нагнавших в свое время много страха на оседлых земледельцев междуречья.

Другой характерный пример — судьба культа Сетха в Египте. В эпоху Древнего Царства это божество было в величайшем почете. Причем настолько, что фараоны вставляли в свой титул прозвище «любимец Сетха» (даже в эпоху Нового Царства, когда против Сетха уже запустились репрессии, фараонам давали имена: Сети, Сетнахт), а на барельефах изображаются цари, получающие от Сетха символы силы, жизни и мудрости в том же самом порядке, как получали они такие же дары от Гора и других солнечных божеств; более того, иногда Гор делает это совместно с Сетхом¹, иногда в то время их изображали как единое двухголовое божество. Сетх также изображался научающим фараонов стрельбе из лука. По всей вероятности, он в это время был главным солнечным богом южного Египта. Изменило это положение вторжение гиксосов, семитских кочевых племен, со стороны аравийского полуострова. Более чем на сотню лет Египет оказался под их пятой. И божество гиксосов отождествилось с Сетхом.

Плохую услугу культу Сетха оказало его отождествление с Баалу (Ваалом) — богом гиксосов во второй переходный

¹ Сохранилось изображение этой сцены по отношению к Сети I, девятнадцатая династия.

период. Постепенно начинают превалировать представления о нем, как о воплощении зла, появляются специальные тексты проклятий Сетху, и даже его имя в надписях заменяется пустым местом.

П. Монтэ, «Египет Рамзесов»

Отождествлению Сетха с кумиром интервентов способствовал тот факт, что Сетх для египтян был богом пустыни, которая мыслилась как «чужая земля», через которую (Ливийскую и Аравийскую) в Египет попадали «злые» иноплеменники. А непосредственным логовом Сетха представлялась пустыня между Нилом и Красным морем, а также Синайский полуостров. После изгнания гиксосов Сетх представлял собой уже своего рода Дьявола, бога зноя, пустынь, песчаных бурь, убийцу Осириса и т.д.

Что особо интересно, так это то, что «переработанные в соответствии с требованиями времени» легенды о Сетхе где-то с VIII века до н.э. упоминают его *только* в аспекте разрушения и даже отождествляют его со змеем Апопом. Характерно, что *изначально*, в ранних египетских легендах, Сетх *спас* самого Ра от Апопа. Как вам такое искажение роли? В дальнейшем мы увидим, что подобное встречается не так уж редко — демонизация ранее относительно «добрых» божеств — весьма давнее изобретение, имеющее своих верных последователей во все времена¹.

Интересна еще одна параллель: согласно мифам, Сетх заманивает Осириса в сундук и топит в Ниле, где его находит Исида и воскрешает своего мужа (и брата). Осирис *должен был умереть*, чтобы затем ожить и своим воскрешением дать чел-овечеству надежду. То есть — убийство Осириса Сетхом было *необходимым* актом, но его поступок, как впоследствии и «предательство»²

¹ Проблема «отцов и детей» встает в кругу богов регулярно. Олицетворения стихий (титаны) уступают место богам-цивилизаторам (олимпийцам), теряя при этом благоприятный имидж. Великие Матери матриархального «золотого века» превращались в фурий и девиц, уступая место богам-героям бродячих народов. Наконец, языческие пантеоны демонизировались полным составом, оттеняя эгоцентричного «единого бога». При этом иногда возникала забавная путаница и мешанина. Так, например, в Индии боги-дэви — объекты поклонения людей, а асуры находятся на положении «врагов наших друзей». В Иране же у Заратустры были иные симпатии. Ахуру-Мазду (асура) он сделал главной лапочкой, а дэвов или дивов ославил как чертей.

² Обсуждение этой темы выходит за рамки нашей работы, отметим только

Иуды Искарриота, не считается заслугой и даже осуждается.

Так и формировался постепенно архетип Сатаны, вбирая в себя могущество богов прошлого, включая и их изначальные сущности.

Аналогичная демонизация произошла с хаанитскими богами — Баал, отождествляемый также с Хададом, богом молнии и грома, после перехода аморитян к оседлому образу жизни стал земледельческим божеством; Дагон был богом растительности, в первую очередь — зерновых культур. Теперь же они известны как демоны.

Необходимо отметить, что именно языческая культура задала мощный импульс такому аспекту Сатаны, как **Знание**, которому последующая монотеистическая идеология раскрыла «тормозной парашют» (и он окончательно не отвалился до сих пор).

Восхититесь идеями античных мыслителей, например, атомами Демокрита¹:

Начала Вселенной, — писал он в «Великом диакосмосе», — атомы и пустота, все же остальное существует лишь в мнении. Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничто не возникает из небытия, не разрешается в небытие. И атомы бесчисленны по множеству, носятся они во Вселенной, кружась в вихре, и таким образом рождается все сложное: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние есть соединения некоторых атомов. Атомы же не поддаются никакому воздействию и неизменяемы вследствие твердости.

Аналогичные взгляды высказывал и Гераклит:

два очевидных аспекта: Иисус *доверял Иуде*, так как именно он был хранителем казны апостолов; Иисус *знал*, куда и зачем пошел Иуда, т.е. очень вероятно, что он сам его и послал, чтобы исполнить предназначение (здесь мы используем религиозную трактовку, а не жизнь Иисуса как реального проповедника), но евангелист писал: «впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается» (Лука 22:22).

¹ Да все что угодно, собственно. География, геометрия, математика, механика (в основном в военном деле) и т.д., и т.п. К стати, а какую науку изобрели и поддерживали монотеисты? Хоть одна есть такая? Разве что теологию считать наукой, что, извиняемся за тавтологию, просто ненаучно.

Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерно загорающимся и мерно потухающим.

К самому понятию атомов еще раньше подошел Анаксагор. В дошедших до нас отрывках его труда «О природе» он утверждал, что нет ни возникновения, ни уничтожения — существует только соединение и разъединение различных веществ. Таким образом, он предвосхитил принцип сохранения материи и энергии и, кроме этого, — космогоническую теорию Канта-Лапласа, считая небесные тела каменными массами, раскаленными или холодными.

Еще более шокируют «догадки» представителей Милетской школы. Например, заявления Анаксимандра (VI в. до н.э.!) о том, что где-то и когда-то из «первоначального огня» рождались светила и планеты; о том, что планеты — это остывшие, а некогда раскаленные, огненные тела; о том, что жизнь зародилась в воде; о происхождении первых людей «из животных другого вида».

Идею о суточном вращении Земли высказывали Гераклит Понтийский (IV в. до н.э.) и Аристарх Самосский (IV-III вв. до н.э.).

В Акраганте Эмпедокл выдвинул идею, что для прохождения из одной точки в другую свету требуется время. В Элее Парменид провозгласил, что Земля имеет шарообразную форму, разделил планету на пять поясов и заметил, что освещенная сторона Луны всегда обращена к Солнцу. В Фивах пифагорец Филолай сместил Землю из центра Вселенной и низвел ее до статуса одной из многих планет, обращающихся вокруг «срединного огня». Ученик Филолая Левкипп объяснил происхождение звезд воспламенением и концентрацией раскаленных частиц, «кружащихся в общем вихре». В Абдерах Демокрит, ученик Левкиппа и вавилонских мудрецов, описал Млечный Путь как скопление мелких звезд и резюмировал астрономическую историю как периодическое столкновение и разрушение бесчисленного множества миров. На Хиосе Энопид открыл наклонение эклиптики.

В. Дюрант, «Жизнь Греции»

То было время, когда homo еще не поработили sapiens'ов¹. И кто знает, как далеко бы продвинулась наука, если бы после расцвета греко-римской культуры на смену не пришли христиане?

Говорить, что цивилизация держится на христианстве — то же самое, что утверждать, будто висельника удерживает веревка.

С. Романов

Отметим существование общепринятого мнения о том, что Эллада к тому времени сама себя изжила, а закат Рима начался еще до завоевания ойкумены христианством, которое пришло чуть ли не на пустое место — достойных конкурентов уже не было.

Такое впечатление старательно веками формировалось христианской пропагандой, как обиженной на конкретных императоров, так и стремящейся замести великолепие языческой культуры в целом, дабы самому христианскому миру не выглядеть на этом фоне жалким и вонючим.

На иллюзию упадка играли некоторые причины.

В Риме, да и уже в эпоху эллинизма, было несколько иное отношение к философии, искусству, открытиям. В Греции преуспевающие на этом поприще воспринимались как звезды первой величины. В Риме же все было достаточно обыденно. Однако и техника, и культура в эпоху Империи продвинулись далеко вперед.

Глядя на римские сооружения, в христианскую эру отказывались верить, что такое наворотили люди, и приписывали некоторые постройки Дьяволу — многочисленные базилики, мосты, дороги, валы.

А в области философии не следует забывать, что наследие многих умов, которые были современниками христианства и занимались его критикой, такие как Цельс, Порфирий и Юлиан, в последующую христианскую эру постарались предать забвению (при этом практикуя физическое уничтожение текстов) и довольно успешно.

¹ Хотя процесс этот уже начал развиваться. Так, в Афинах демократическими законами в самый разгар перикловой эпохи было запрещено заниматься астрономией.

Достаточно часто встречается контраргумент вида «науки развились благодаря христианству». А. Мень, «Истоки религии»:

Едва ли двадцать пять веков назад люди были умственно слабее наших современников. Вспомним хотя бы всеобъемлющие исследования Аристотеля, математические теории Евклида или инженерный гений Архимеда. По каким же причинам прогресс науки и техники оказался настолько замедлен? Античный мир располагал для него всеми предпосылками, но остановился на полпути. По-видимому, важнейшим препятствием оказалось здесь языческое обожествление природы, которое преодолела лишь библейская вера. В ней были заключены те семена, которые дали восходы в новое время. Согласно Библии, человек создан по образу Божию, призван повелевать миром и созидать, а сам мир понимается в Библии как процесс, который должен подчинить мироздание духу. Все эти идеи стали основанием для развития естествознания XVI-XVII веков, из которого родилась современная наука.

Такая точка зрения является обычной ошибкой типа *post hoc non propter hoc*. Если во времена христианства и развилась наука, то это еще не значит, что это произошло *вследствие* христианского мировоззрения. Да, многие верующие ученые черпали вдохновение из стремления узнать «мир, созданный богом для человека» — но спрашивается, почему для этого пришлось ждать более 16-ти веков, и почему первые монотеисты — иудеи — не отличились на ниве науки в древности? Куда логичнее предположить то, что к упомянутому времени просто накопилась достаточная сумма знаний для образования науки как строгой дисциплины. Помните знаменитый ответ Лапласа на вопрос Бонапарта, почему он в своих трудах не упоминает бога: «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе?»

Что же касается тезиса «единый бог подразумевает стремление познать бытие как единое связанное целое, что способствовало развитию науки» — то извините, но о едином законе Вселенной говорил еще Анаксимандр, в Индии была философия материализма — локаята. Да и Гераклит ввел понятие Логоса задолго до монотеизма...

Следует отметить, что языческие мировоззрения отличались

не только богами, но и способом их понимания.

...прежде всего, бросается в глаза контраст между греческой и римской религией: насколько та трансцендентна, настолько эта *имманентна*. Верующий грек насколько бы не удивился, если бы ему где-нибудь на дороге встретилась его Деметра в виде высокой и полной женщины, с ласковой улыбкой на лице; римлянин никогда в такой женщине не признал бы своей Цецеры, — она объявляется ему исключительно в растущем хлебе. Затем, я нарочно сказал: в *растущем* хлебе: пока хлеб еще не взошел, а посеянный покоится в земле, им ведает не Цецера, а Сатурн; когда он уже вырос и цветет — Флора; когда он готов к жатве — Конс (Census). Как видно отсюда, божество пребывает не в предмете, а в акте...

Ф.Ф. Зелинский, «Рим и его религии»

Можно сказать (эту мысль выдвигал и сам Зелинский), что римские божества были объективациями Мировой Воли (термин Шопенгауэра).

...развитие заключалось в том, что качество, за которое богу воздавалось почитание, мало-помалу было отделяемо от бога и обоготворяемое как таковое. Стоит вдуматься в психологию этого акта. Юпитеру, как покровителю верности договорам, был воздвигнут храм на Квиринале, как Dio Fidius; греки переводили имя бога по-своему через Ζεὺς Πίστιος — и были, вероятно, убеждены в том, что понимают его точно так же, как и его непосредственные почитатели. И все-таки они ошибались. Грек при мысли о Ζεὺς Πίστιος думал прежде всего о своем Зевсе, образ которого он представлял себе вполне точно, приписывая ему среди других качеств и то, о котором идет речь. Римлянин, напротив, говоря о Dius Fidius, думал не столько о Юпитере, сколько о самом акте соблюдения верности, в котором чувствовал божественную силу; в его уме не Юпитер, а сама верность была господствующим представлением, и ему было безразлично, воздавал ли он ей почитание как Dio Fidius или просто как Fidei. [...] Конечно, со временем и эта последняя связь должна была исчезнуть, чему содействовало также

и то, что одно и то же качество могло принадлежать различным богам. Была Venus Victrix, но была и Jupiter Victor; положим, победа Венеры — не то же, что победа Юпитера; но интеграция была возможна, и она дала Викторию просто, независимо от того или иного божества.

Ф.Ф. Зелинский, *op.cit.*

В Риме появились храмы Надежды (Spes), Согласия (Concordia), Благополучия (Salus) и т.д.

Богам да почитают также и те качества, которым человеку дается доступ в небеса, как Благоразумие, Доблесть, Благочестие, Верность; и этим добродетелям да воздвигаются храмы...

Цицерон, «О законах», II: 19

Таким образом, существовала вполне достоверная возможность перехода от политеизма к некоему философскому пониманию мира, никоим образом не мешающему материализму и развитию науки. Но эта возможность не реализовалась — черни, помимо хлеба и зрелищ, требовались *вера и поклонение*. И *надежда* на лучшую жизнь. Если не на Земле, то хотя бы в некоем «послесмертии». И этим устремлениям миропонимание, ничего не говорящее о жизни после смерти, каких-нибудь инкарнациях и прочем, не соответствует. В результате по миру распространило свою заразу совсем другое мировоззрение, основанное как раз на слепой вере и загробном воздаянии за свое убожество при жизни.

Отметим в этой главе еще один очень познавательный, но малоизвестный факт. Для начала вспомним, что тот самый знаменитый Логос (см. Иоанна 1:1) был позаимствован христианскими мистиками у язычников-греков. Λογος как понятие ввел в философию знаменитый Гераклит. Этот термин куда более многозначен, чем можно понять из евангелия. Он обозначает не только «слово» или «речь», но и «довод», «учение», «соотношение», «закон», «смысловую связь» и много чего еще. В понимании Гераклита Λογος существует вечно и все в мире происходит согласно ему. Это некий *абстрактный* закон, согласно которому функционирует Вселенная. В принципы Логоса входят принципы борьбы

противоположностей, постоянной изменчивости и относительности, что показывает соответствие Логоса скорее архетипу Сатаны, чем отождествлению с Христом. Но все еще интереснее и нагляднее: вспомним, что Гермес даровал человеку речь, т.е. мифологически был отцом речи; он же был отцом Пана. Приведем свидетельство Платона в диалоге «Кратиль»:

Сократ. — Также и в том, что Пан — двуобразный сын Гермеса, есть доля разума, друг мой.

Гермоген. — Каким образом?

Сократ. — Ты знаешь ведь, что речь (Λογος) все (το παν) обозначает и все вращает и обращает всегда (πολει αει), а также что она двуобразна — правдива и лжива?

Гермоген. — Конечно.

Сократ. — Далее, ее правдивое естество и гладко, и божественно, и обитает в вышних с богами, лживое же внизу, среди толпы, будучи косматым и козловидным (τραυικον): там ведь пребывает большая часть мифов и вымыслов, в «трагической обстановке».

Гермоген. — Конечно.

Сократ. — Итак, по справедливости, речь (Λογος) все (το παν) обозначающая и всегда вращающаяся (αει πολων), будет пастухом (αι-πολος) Паном, двуобразным сыном Гермеса, сверху гладким, снизу косматым и козловидным; а, стало быть, Пан, раз он сын Гермеса, будет либо Логосом, либо братом Логоса; а что брат похож на брата — в этом нет ничего удивительного.

Теперь вспоминаем самого козлоногого Пана непосредственно — бога дикой природы. Изначально Пан был персонажем аркадской мифологии, но затем распространился на всю природу, олицетворяя всю ее в совокупности, приобрел пантеистическое толкование и в герметизме он стал одной из первых фигур.

Таким образом, Пан-Природа одновременно является и Паном-Логосом, что вполне естественно: Природа живет по своим законам. И эти законы отнюдь не требуют какого-то «единого бога», пытающегося узурпировать Λογος для своих нужд¹.

¹ Обратите внимание на близость концепций Логоса и Дао.

И тщетна надежда монотеистов, распространяющих легенду о том, что «Великий бог Пан умер», — Пан жив, пока существует Вселенная. Другое дело, что большинство людей не воспринимают (и не хотят воспринимать) идею Логоса, что отмечал еще Гераклит. Но как писал ЛаВей: «Действие Сатанинских Сил не требует людского одобрения. Оно не обязательно. О нем даже и не спрашивается».

Ю, Пав!

Именно из-за восприятия язычеством Вселенной как единого целого, частью которого являются сами язычники, ценностью в язычестве является то, что вошло в архетип Сатаны: **полноценная жизнь здесь и сейчас**¹: *virtus ad beate vivendum se ipsa contenta est*. Причем важно, что этот принцип продвигается последовательно и *независимо от наличия веры в загробную жизнь* — скажем, Цицерон признавал посмертие. Или викинги и т.д.

Пришедшее же на смену язычеству христианство заменило *μεγαλοψυχία*² языческого мира на *смирение* как основное миронастроение вкупе с заменой жизни на надежду на таковую после смерти.

В заключение этой главы необходимо отметить нюанс: некоторые любят возражать, приводя примеры, когда язычество вовсе не способствовало свободе мышления. При этом обычно упоминают осуждение Анаксагора и Протагора, казнь Сократа за «оскорбление богов и развращение молодежи». Это были чисто политические акции, прячущиеся под религиозным предлогом³. Первые двое пострадали как окружение Перикла. А «Большая Муха» (Сократа сравнивали с оводом) просто раздражала

¹ Это не обозначает кондового атеизма а ля совок. Мы не знаем, есть ли «жизнь после смерти», поэтому живем здесь и сейчас, идя Путем Сатаны; если вдруг «там» что-то есть — Путь продолжится и там; если же ничего нет — это ничего не меняет в мотивациях сатаниста. Сатанист следует своей природе, а не стремится к некоей «конечной цели».

² Буквальный перевод — «величие души». Обозначает миронастроение человека, который знает себе цену и ставит себя в соответствии с этой ценой — не выше того, чего достоин, но и не ниже.

³ Однако стоит признать, что несмотря на политические причины, *поводы* выбирались как раз относящиеся к страху толпы перед новым и стремлению сохранить традиции, что было свойственно любым «народным массам» во все времена.

раздавленный войной народ своей возвышенной моралью. Причем ему предлагали уехать из города, но он, в соответствии со своими принципами, отказался и выпил яд.

А вместе с тем — Гераклит, резко критиковавший религию и суеверия, спокойно жил при храме Артемиды, открыто высказывались скептики, сеяли имморализм киники и киренаики, мифы же не были чем-то незыблемым, а творились драматургами.

Даже из бытового опыта несложно заметить, что обывательское понимание Сатаны прямо связано с чел-овеческим незнанием. Оно всплывает везде, где пасует интеллект. Классический пример: неграмотный аксакал называет поезд «Шайтан-арбой», но верующий в Аллаха машинист того же поезда совсем не видит в нем Шайтана — т.к. он прекрасно знает устройство локомотива. Но и у него есть свое поле для Шайтана, связанное уже с его собственным незнанием. Христианская фраза «от Лукавого» изначально применяется в качестве «универсального объяснения» ситуаций и явлений, для которых у объясняющего нет рассудочного объяснения. «Вот это я знаю, а все остальное — от Лукавого». Далее этот оборот становится более универсальным, распространяясь и на морально-этическую сферу — теперь «Лукавый» назначается ответственным за те ситуации и явления, которые идут вразрез с нормами и догмами говорящего. Но изначально с Сатаной все же связывается неведомое, непознанное — и подобная «сатанинская» (здесь — с т.з. христианства) окраска позволяет говорящему избавиться себя от действий по поводу изучения и понимания неведомого: ведь все, что связано с Сатаной — грешно!

Зороастризм

Нет ничего страшнее деятельного
невежества.

И.В. Гете

В среде сатанистов обычно уважительно относятся к Заратустре, так уж сложилось благодаря Фридриху Ницше. Но смешивать Заратустру, выведенного Ницше, и его исторического прототипа отнюдь не стоит.

Понимать зло как субъективное отношение — слишком тяжелая задача для заурядных мозгов. Значительно легче развести добро и зло по разным лагерям, отнести к различным источникам, субстратам и психическим способностям, к разным породам людей, нежели выявлять их в характере противоборства сил, явлений, индивидуумов, общественных групп.

Зороастрийцы первыми возвели в абсолют относительные понятия, избыточные для мироздания. Сознание порвали надвое, и оно перестало адекватно воспринимать мир; после отторжения же одной из половин восприятие мира получилось полностью неадекватным, что и стало, так сказать, доброй традицией чел-овечества вплоть до настоящего времени. Как вам заявление типа: «Ян обязательно победит этот мерзкий инь!»? Есть мнение, что иудеи переняли идею абсолютной полярности добра и зла во время вавилонского плена. Моральный дуализм именно из этой пробы заразил все чел-овечество.

Здесь можно отметить, что *отсутствует* в архетипе Сатаны: в нем не было, нет и никогда не будет дуализма как противопоставления сражающихся *иллюзорных сущностей*.

Если первоначально маги¹ приносили дань уважения обоим началам, то все дальнейшее развитие морали (а также мировосприятия) было заложено однобоким. Поздний текст присяги приверженца зороастризма уже начинается с проклятия дэвов. А в персидском эпосе, прекрасно изложенном Фирдоуси в «Шахнаме», симпатии конкретно определены и содержится уверенность, что «Добро, несмотря ни на что, победит, поставит Зло на колени и зверски убьет». «Зло» изображено предельно

¹ Изначально магами назывались зороастрийские священнослужители.

отталкивающим. Например, Зоххак: царь-тиран, поклонник Аримана, от поцелуя которого на его плечах выросли две змеи. Чтобы змеи не тревожили царя, им ежедневно давали на обед мозги двух юношей (любой биолог, думается, подтвердит, что этот рацион обычен для змей). Образ явно создан внушать отвращение. Вообще, все поклонники Аримана в «Шахнаме» представлены из разряда жестоких тиранов и захватчиков.

В древнеиранской религии враждебные человеку сверхъестественные силы образуют целое царство. Возглавляет его Ариман (Ангро-Майнью, что означает «Злая Мысль») — злой бог разрушения, соединяющий в себе Айшму (Хищничество, Разбой), Друджу (Ложь) и олицетворения иных пороков. Проникнув в созданный добрым богом Ормуздом мир, Ариман испортил многое из того, что первоначально было совершенным. Огонь осквернен дымом, пресная вода — солью, цветущая земля — бесплодной пустыней, а неподвластные увяданию и гибели растения, животные и люди — смертью. В дальнейшем он со своим воинством либо разрушает то, что необходимо людям, либо создает то, что для них пагубно: например, злобных колдунов, гнет чужеземных правителей, «сверхшатание мыслей», грех педерастии, неурочные регулы, вредных животных и насекомых, холодную зиму и т.п. Бог Тьмы есть, таким образом, первоисточник всякого физического, социального и морального зла: и дурной погоды, и отклонений в нравах, и вообще он один во всем виноват.

Дух разрушения считался злобным по сущности, а не под давлением обстоятельств. Он совершает зло добровольно и вместе с тем в соответствии со своей природой, которая неизменна. Даже будучи побежденным, он не может служить благу людей. Поэтому зороастризм видел финал мировой драмы не в господстве добра над злом, а в окончательном отделении сил света от сил тьмы и полном уничтожении последних.

Дуалистическое мировоззрение отрицательно оценивает взаимопроникновение, смешение, диффузию сущностей. Чистота в такой системе ценностей приобретает исключительное значение.

Можно на примере Аримана показать характерную особенность добавления к архетипу Сатаны Тёмных Богов — поскольку характер таких сущностей всегда впоследствии искажен белосветниками, то происходит любопытный процесс: образно говоря, «по характеру» добавляется изначальное, не половинчато-обрубленное, а гармоничное с Природой толкование, а «по

силе» добавляется «жуткий демон», который берет силу не только от почитания своих сторонников, но и от ужаса перед ним их противников, что весьма усиливает соответствующий эгрегор.

Всякая сила вызывает перед собой преклонение, а средневековый католицизм сделал из образа Сатаны такую силу, которой в конце концов стала страшиться даже сама создавшая его римская церковь.

Н. Сперанский, «Ведьмы и ведовство»

Добро, согласно зороастризму, существовало отдельно от зла в первоначальном божественном творении Ормузда (Ахура-Мазды, «Владыки Всеведающего») и должно было снова обособиться на третьей стадии космической истории, после уничтожения зла. Вторая историческая фаза, когда добро сражается со злом¹, — худшее и тяжелейшее время. На этой фазе линия фронта проходит через всю вселенную. Добрым язатам противостоят злые дайвы, миролюбивым арийцам — коварные чужеземцы, скоту и собакам — ядовитые мухи и змеи, злакам и плодовым деревьям — сорняки и колючки, ласковому солнцу — Тёмная зимняя стужа. Вредоносны также люди, отмеченные физическими недостатками и болезнями: прокаженные, слепые, глухие, горбатые, карлики, слабоумные, страдающие горячкой и грыжей. Тёмные силы просачиваются и начинают концентрироваться в любой точке земли, там, где силы добра ослаблены болезнью, смертью или гниением.

Обратите внимание, что здесь еще сохранились крупницы языческого здравого смысла: физические болезни и слабоумие считаются дефектом, вредоносным фактором. В дальнейшем чел-овечество утратит и эту крупницу — в «цивилизованном обществе» (т.е. — с прохристианскими ценностями, как сложилось

¹ Любое открытое сражение *равноправно* для сторон — равноправно в средствах, методах, подвигах и мерзостях. Которые являются таковыми только в оценке идеологически ангажированных историков, а по сути — логически выверенными тактическими приемами. А логика неморальна и внеэмоциональна — на то оно и открытое сражение, что в нем *нет ограничений* для прав и возможностей сторон. Но в результате предварительной довольно элементарной манипулятивно-психологической обработки действия «своей», «доброй» стороны воспринимаются, как подвиги и героизм, а действия «злых врагов» — как жестокость и коварство.

исторически) богоугодны блаженные и убогие. Юродивые станут считаться более близкими к познанию Мира, чем крупнейшие ученые и философы¹... Отметим на этом примере очередной аспект архетипа Сатаны: **стремление к развитию**, в первую очередь — *умственному*.

В таком «военизированном» мире у человека не может быть нравственно нейтральных действий. Все, что он совершает, полезно либо Ормузду, либо Ариману. Зороастр впервые уподобил чел-овеческую душу укреплению, каждый уголок которого, незанятый своим богом, будет занят чужим. Субстанциализируя враждебность, это мировоззрение формировало фанатичное отношение к жизни. Перед лицом вездесущего врага человек не может позволить себе даже малейшей расслабленности и распушенности, непрерывно сосредотачиваясь на действиях и помыслах относительно внушенных ему иллюзий.

Архаичность зороастрийского дуализма обнаруживается в сближении физического и морального зла. В этом учении не только нечистота, но также тьма и холод выступают ипостасями зла. Подобная тенденция характерна для древнейших культур.

Еще у Гомера свет отождествляется с жизнью, счастьем, здоровьем. Приравнивание тьмы и холода к несчастьям, безобразию, болезням, нищете, неурожаю отмечено в древнеславянских верованиях. В большинстве культур зло ассоциируется с черным

¹ В. Рыбаков, «Дерни за веревочку»: «...Вид в целом каким-то образом получает информацию из будущего. Особенно это касается информации о близких катаклизмах. Никакая отдельно взятая особь не осознает ее ни в малейшей степени — но вид в целом как бы чувствует впереди и заблаговременно старается как-то перегруппироваться, реорганизоваться, с тем, чтобы избежать катастрофы. [...] "объехать" поджидающую в Тёмноте пропасть можно, только стимулируя поведение *маловероятное, ненормальное*. Мертвая материя всегда движется по *наиболее вероятному* пути, даже случайности не нарушают закона неубывания энтропии. Живая — способна нарушать этот закон и уподобляться струйке воды, карабкающейся вверх по стене. В домеханистических культурах существовали институты, как-то защищавшие таких людей. Категории "святости" или "блаженности" в христианстве либо исламе или, например, "благородного мужа, не встретившего судьбы" у конфуцианцев...» — обратите внимание, что не предлагается механизм, как, собственно, отличать «благородных мужей» от просто сумасшедших? И монотеистические культуры обожают всех сумасшедших, чье помешательство имеет сколько-нибудь религиозную форму и устраивает их содержанием бреда. Если же не устраивает — то это уже не блаженный, а одержимый демонами. Весьма здравый подход, ничего не скажешь.

цветом¹. Тьма воспринимается как физическое зло, потому что погруженный в нее человек беззащитен по отношению к опасности. Во тьме таится неведомое, а это — один из обликов зла для обывателя. Однако есть принципиальное нововведение: теперь от доброго духа исходят уже не только свет, здоровье, все, что поддерживает и умножает жизнь, но еще и святость, понимаемая как совокупность всех добродетелей; от злого духа приходят не только тьма, болезни и смерть, но еще и грех.

С подобной точки зрения нравственный порок сродни тьме и потому предпочитает ее свету. В Библии разъясняется, что «всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Ин. 3, 20). Сокрытая от людских глаз аморальность преуспевает, а при свете гибнет. Здесь отражаются людские чаяния бесплатного блага для всех, которые можно утрированно выразить так: «Будь на свету, и ничего плохого с тобой не произойдет». Однако, постоянно находясь «на свету», человек лишается возможности на личную жизнь — все находится на всеобщем обозрении (вспомните прозрачные дома в известной антиутопии «Мы» Замятина). Чтобы скрыться от толпы, надо уйти во Тьму, где толпа боится появляться. Этим подтверждается такой аспект архетипа, как **индивидуальность**².

Индивидуальность не может существовать как таковая сама по себе. Это значит, во-первых, что нечто (или некто) должно

¹ Эта ассоциация характерна даже для чернокожих африканцев (хотя в Мозамбике известен демон Музунгу Майя, «белый злодей»). Одним из немногих исключений является Египет, где черное никогда не воспринималось как злое. Самоназвание страны — Хэм — обозначает «черная земля». Вероятно, дело в том, что черный цвет в Египте ассоциировался с плодородной почвой и контрастировал с красным цветом пустыни. Но и при этом черный — это цвет Анубиса, судьи мертвых, а Сетх иногда являлся в форме черной свиньи. Кстати говоря, красный цвет также часто ассоциировался с Дьяволом. Наиболее вероятно, что это связано с красным цветом крови. Однако кровь — это символ *жизни*.

² Приходилось встречать утверждения, что быть во Тьме — значит *бояться* показаться на Свету, полностью открыться, показать уязвимые стороны. Ну, если кому-то хочется рассматривать дело именно так — ваше право. Но это, с нашей точки зрения, не проявление страха, а вполне разумная забота о своей безопасности, точно так же, как закрывание двери в квартиру на ключ. Номо *hominī lupus est* — и, как бы ни протестовали наивные идеалисты, этот принцип существует до настоящего времени и не собирается меняться на какой-либо другой.

выявить свои индивидуальные качества в сравнении с чем-то другим, отличить себя от других, а во-вторых, что некий беспристрастный взгляд должен выделить это нечто из массы других нечто благодаря тому же сравнению. Вне сравнения и сопоставления с другими нет никакой индивидуальности. Об этом говорилось и в древней метафизике: Тьма есть праоснова вещей, в которой вещи неразличимы и не отделены друг от друга; и лишь возникновение светотени высвечивает все вещи как обособленные и отличные друг от друга индивидуальности. Но, как показано в данной работе, люди (в том числе и древние) *боятся* Тьмы, не различают оттенков черного цвета; *для них* во Тьме вещи неразличимы. Для обитателей же Тьмы обособление ее составляющих не представляет проблемы.

Ариману в его борьбе помогают семь главных демонов, помимо мелких. Перечислим: Ярость, Несправедливость, Отступничество (Ересь), Анархия (Безначалие), Разногласие, Самонадеянность, Голод и Жажда¹. Последние два пункта явно добавлены как физиологическая боязнь соответствующих состояний, а вот остальные представляют интерес для нашего исследования. Что является противоположностью ярости? *Смирение*. В каком смысле, как думаете, понималась несправедливость в те времена, когда человек *не мог себя помыслить вне рода, семьи, общины?* Ересь вообще не нуждается в комментариях, как и безначалие. Разногласие относится сюда же; иметь собственное мнение — грешно! Самонадеянность же тесно переплетается с гордостью, но поданной со стороны противников таковой (опять же *смирение*). Не правда ли, очень характерная картина?

Субстанциализация зла, финальное разделение мировых сил, отождествление порочности с тьмой и грязью сохранены с соответствующими модификациями в некоторых направлениях греческой философии, в учениях христианских отцов церкви, в гностицизме и манихействе. Но зороастризм обладал и специфическими чертами, которые либо отвергли, либо затемнили другие варианты дуалистического мировоззрения. Во-первых, полагая источник зла во враждебной и агрессивной духовной субстанции, Заратустра не осуждал материальности, телесности как таковой. Более того, он восхвалял тучность и жирность скота,

¹ Голод и Жажда — это один «демон».

пастбищ, вообще восхвалял многое из живого и материального¹. Во-вторых, зороастризм очень высоко ценил созидательную деятельность человека, особенно земледелие и скотоводство. Борьба со злом — это не только истребление тех существ, которые называются «храфстра» (хищников, скорпионов, ос, змей, жаб), не только соблюдение правил ритуальной чистоты, но и забота о земле, выращивание полезных растений и скота, деторождение, приготовление пищи. Подобные действия считались ослабляющими могущество Аримана. Оптимистический взгляд на земное существование и ориентация на творчество значительно снижали фанатический потенциал идеи о мировой войне добра и зла. В дальнейшем чел-овечество, идя, так сказать, к «духовному совершенству», творчески разовьет это наследие и отметет все это как ненужное. Вдумчивый читатель, вероятно, уже понял, что при этом произойдет: все, относящееся к материальному, живому, развивающемуся, творческому — перейдет к архетипу Сатаны как отмеченное белосветниками.

Следует отметить, что Зороастр по доброте душевной оставил в наследство еще несколько идеологических «подарков» специфического характера.

Зороастризм — это первая религия *откровения*. Если ранее религиозные верования развивались веками, отражая изменение окружающего мира, и принимали в этом участие сотни адептов и гораздо большее количество «рядовых верующих», то ко времени, когда жил Зороастр (около 1200 г. до н.э.), глупость чел-овеческая уже достаточно созрела, чтобы множество народу с ходу поверило в созданное одним человеком. Воистину, сумма разума на Земле — константа, а население все растет... Гносеологическая суть откровения — *безусловное* приятие некоей аксиоматики, ее универсальная, *внефактическая* истинность. А интеллектуальный, рассудочный подход требует *выбора* подходящих аксиом — т.е. активного осознания субъектом тех проблем и противоречий, которые будет призвана объяснить и разрешить принимаемая база, иными словами — *понимания* познавательной

¹ Интересно отметить остатки разумного подхода — в зороастризме грехом считалось воздержание и вообще любая форма аскетизма (это рассматривалось как отказ использовать творения этого мира для предназначенных им целей).

ситуации в целом. Откровение позволяет обходиться без подобного понимания — если безусловно принята база, то все, что из нее следует, будет принято *так же* безусловно, а все, что из нее не выводится — не менее безусловно отброшено или/и проклято. Итого: откровение переводит субъект из познающих в разряд пассивно принимающих, исключает его активную мыследеятельность по осознанию. Удобно. Для очень многих удобно... Да и психологическим костылем является очень надежным: «*да, я не учил ваших наук, но я совсем не дебил, а избранный, удостоившийся откровения — ответа на все вопросы*».

Ранее верили, что существуют три ахуры: Митра, Варуна и Ахура-Мазда. Зороастр же объявил, что, начиная с текущего момента, Ахура-Мазда является *единственным* владыкой Аши (порядок, праведность, справедливость); теперь из ахур только он признается (правда, вдвоем с Ариманом) несотворенным богом, существующим вечно, творцом всего благого, включая и всех других добрых и благих божеств. И как вы думаете, каким образом обосновал Зороастр такие кардинальные изменения в вере (и, соответственно, в представлениях о мироздании)? Очень просто: «Он [Ахура-Мазда] мне сам сказал!». Все.

Немало литературных произведений обязано своим успехом убожеству мыслей автора, ибо оно сродни убожеству мыслей публики.

Н. Шамфор

Думаете, этим дело ограничилось? Никоим образом. Великий реформатор продолжал дальше. На совести исторического Заратустры (чем больше изучаешь эту тему, тем менее становится понятно, почему Ницше назвал так *своего* героя) также числится введение понятий ада и рая (*tertium non datur*); он учил о Страшном Суде над каждым человеком; о воскрешении после смерти и вечной жизни после. Венцом изобретений стала вера в приход Саошианта (Спасителя). Заратустра учил, что после него придет «праведный человек благого происхождения» (Ясна 43:3), который и займется спасением чел-овечества. О, это извечное стремление к халяве! И почему люди не поклоняются богу с таким именем¹?

¹ Можно формально возразить, что справедливое воздаяние (противоположность халяве) является коренным представлением практически всех

Люди верят, что будет наставник ниспослан судьбой,
Чья высокая речь зазвучит над безмолвной толпой.
Не томись в ожиданье, надежду оставь, земножитель!
Для тебя твой рассудок — единственный руководитель.

Аль-Маарри, (Сирия, X-XI вв.)

Немаловажно отметить, что этим Зороастр не ограничился, его врожденная скромность привела к очередному откровению, а именно, что при его рождении Ангро-Манья обещал даровать ему власть на Земле, если он отречется от Ахура-Мазды, но он, конечно же, гордо отказался (Видевдат 19:6).

Лирическое отступление к читателям, выросшим в христианизированной культуре: вам все это, случаем, ничего не напоминает?

Собственно говоря, в плане развития архетипа Сатаны зороастризм дал крайне мало, а именно то, что Сатана (здесь, конечно же, Ариман) — **противник людям**. Однако повторимся, эзотерики того времени чтити оба начала.

Хотя, если задуматься... это уже стало штампом.

Сатана — противник людям. Неужели? За что такая немилость? А точнее — такое внимание? А как Сатана относится к сусликам?

Собственно говоря, Сатане начхать на людей, как и на любую частность. А Врагом его объявили сами люди, следуя принципу: «Кто не с нами, тот против нас». Таким образом, более точно будет сказать, что чертой архетипа является **безразличие к людям. Нечеловечность**.

Если взглянуть с такой стороны, то законы реальности — это и есть характер Сатаны (чему и посвящена, собственно, эта работа). В согласии с этими законами люди — самые преуспевающие на Земле животные¹. Так получается, что *пока* Сатана благоприят-

теистических религий, за исключением гностических. Именно это дает повод атеистическим (а не прохристианским) религиоведам критиковать любую форму теизма как «торгашество» с богом. Но возражение лишь формальное — во всех случаях справедливость незаметно подменяется угождением богу, т.е. справедливо то, что сказал бог в священных книгах или через жрецов.

¹ Это связано только с *отсутствием конкуренции* на поле разума. Все, что не обладает таковым — изначально неконкурентоспособно из-за отсутствия способности обобщать прошлое, изменять настоящее и планировать будущее. Но сейчас уже появляются сапиенсы, которые не хотят относить себя

ствует человечеству. Пока не появится структура, более совершенная, чем человечество.

А вот с обратной стороны, пожалуй, можно сказать, что люди как раз — противники Сатаны, так как они в массе своей упираются, пытаются не допустить выдвигания из своей среды чего-то нового и иного. Это называется стремлением социума к стабильности, можно назвать это «общественным инстинктом самосохранения».

Из вышесказанного следует вывод: Путь Сатаны исключает этот инстинкт, его место занимает все та же синергетическая оптимальность или гармоничность желаемого состояния социума, из которой следует не только его нынешняя псевдостабильность, но и максимально возможное количество «путей перехода», а также полная готовность подтолкнуть этот переход, если это будет целесообразно.

Отметим также, что зороастрийцы стали основоположниками еще одной традиции религий, которая забавляла бы, если рассматривалась отдельно, без учета влияния на развитие умов. Имеется в виду зурванизм, одно из течений зороастризма, которое можно уже с полной обоснованностью классифицировать как квазимонотеизм. Исходя из священных текстов, а именно из следующего: «Действительно, есть два первичных духа, близнецы, известные тем, что они враждуют» (Ясна 30:3), а также из вполне логического соображения, что у близнецов должен быть отец, решили назначить на должность такового Зурвана («время» — авест.).

Взаимоотношения богов, их взаимодействие с миром и т.д. всегда были запутанны во всех развитых религиях (достаточно припомнить египетскую либо индийскую мифологию), но до этих логомыслов все обычно понимали в мистическом, архетипическом плане. В самом деле, неужели викинги, находясь в море, думали, что они плывут по Мировому Ясеню? А здесь практически впервые возникла и закрепились традиции буквального понимания эзотерической литературы. Причем, обратите внимание, заодно заложили начала всеразличным теологиям, которые не просто строят логические выводы на нелогичном базисе (точнее — на произвольных, совершенно субъективных посылах),

к чел-овечеству. И хотя их сейчас крайне мало, кто поручится, что станет в будущем с чел-овечеством?

но и полностью игнорируют при этом неудобные им факты.

Впрочем, дальнейшее развитие зороастризма внесло свою лепту в развитие архетипа Сатаны. Само изначальное появление морального дуализма, четко выраженное в зороастризме, вызвало обратную защитную реакцию посвященных. Эта реакция проявилась в секретном движении Yatukan, основанном персидским черным магом Aztya. Роль Зурвана как верховного божества была пересмотрена и дополнена. Результатом явилась магическая концепция Azrvan Akarana — сочетание пусть даже стоящего «по ту сторону добра и зла», но все же строго созидательного Бога Времени Зурвана с женственной, но чертовски разрушительной энергией Аз, в дальнейшем отображенной перенявшими легенду древними арамеями как Ru'ha, в антропоморфной форме отождествленной с Лилит.

Лилит¹ напоминает характером Люцифера. В более позднее время ее стали интерпретировать как первую жену Адама, созданную одновременно с ним. Отказавшись потакать амбициям первого человека, она послала его подальше... и стала демоницей.

Последователи Yatukan были de facto первыми организованными сатанистами этой планеты, теми, кто не просто следовал Пути Тьмы, но и *противопоставил* себя «белосветникам» с их лицемерием. У них даже существовала своя «Черная Месса», восславляющая Аримана (Ангро-Манью) и представлявшая из себя ритуал, противоположный по форме и содержанию зороастрийской церемонии посвящения Var Nirang (вопрос Черных Месс будет подробно рассмотрен впоследствии). Именно от Ятукана ведут свои корни магические практики Йезидов, окончательно сформулированные в неизвестных Черной Книге («Mishaf Resh», Master Hasan Basri, 734 A.D.) и Книге Теней (или Книге Проявлений, «Kitab al Gilwah», шейх Ady ibn Musafir el-Hakkari, 1075-1162 A.D.).

¹ Наиболее вероятным прототипом Лилит является месопотамская демоница Лилиту (Ардат Лили).

Иудаизм

О, если бы хоть один бог призвал:
«Верьте мне!», а не «Веруйте в меня!»

С.Е. Лец

Ветхозаветный бог сам по себе пугало, поэтому иудаизм не особо нуждался в специальных кошмариках. Яхве в изначальном иудаизме как в истинно монотеистической религии един¹ и объемлет собой без разделения все добро и зло. Он ревнив, свиреп, неумолим и часто несправедлив. Классический пример — Книга Иова, где праведник становится жертвой пари, причем бессмысленного — всезнающий бог должен был знать все наперед. Поведение Яхве и его защитников в Книге Иова настолько бросается в глаза, что еще в древности известный талмудический авторитет Иохоан огорченно заметил: «Если бы такое не стояло в Библии, не следовало бы это говорить, ибо бог представлен как человек, который дал себя провести другому» (Бава-Батра, 16а). Причем Иов последовательно и логично разбивает доводы всех оппонентов², но тогда появляется Яхве в роли *deus ex machina*, произносит самовосхваляющую речь, и Иов говорит свое «отрекаюсь и раскаиваюсь». Обратите внимание на последние проблески разума в болоте слепой веры: иудеи еще осмеливаются роптать на бога «по мелочам», хотя и полностью подчиняются его велениям.

Кары Яхве редко пропорциональны размерам совершенных преступлений и почти всегда несут месть чудовищную, слепую,

¹ Яхве, по-видимому, изначально был родовым, племенным богом, сородичем (в древности были имена Ахия — «брат Яхве», Авияху — «отец — Яхве» и т.п.). Постепенно культ Яхве перерос в национальную религию, а представление о кровном родстве с богом, типичное для язычников, переросло в идею «завета» между Яхве и Израилем (см. Второзак. 4:23 и далее). Интересно, что изначально «завет» не требовал признания Яхве единственным существующим, общемировым богом, а только единственным богом Израиля, точно так же, как Кемош был богом моавитян, Милком — аммонитян и т.п. (естественно, что служители Яхве утверждали, что он могущественнее богов соседей). Так, в Книге Судей вождь израильтян Исафай обращается к царю аммонитян: «Не владеешь ли ты тем, что дал Кемош, бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Яхве, бог наш» (Судей 11:24 и след.) (прим. — в синодальном переводе транскрибировано «Хамос», а имя Яхве заменено на «Господь Бог»).

² Рекомендуем читать не синодальный перевод, содержащий множество ошибок и исправлений, а академический: Рижский М.И. Книга Иова. Из истории Библейского текста. — Новосибирск: Наука, 1991, — 248 стр.

бестолковую, поражая без разбора виноватых и невинных, людей и животных, взрослых и детей. Законом кары божьей по Ветхому Завету является месть невинным за поступки их предков либо просто за то, что они оказались не в то время не в том месте. Этот бог опутал свой народ мелкой сетью таких подробных предписаний, что вся жизнь евреев обратилась в непрерывный страх оступиться в грех и погубить тем не только себя, но, по круговой поруке, и семью свою, и потомство, и род, а иногда — весь народ. Достаточно сказать, что иудейский закон состоит из 613 правил (248 предписывающих заповедей и 365 запрещающих).

Те, кто не желает жить в религии страха, ему ненавистны: они — язычники, с ними Израиль должен беспощадно воевать, истребляя мечом населения покоренных городов. А боги этих ненавистных израильтянам народов представляют собой еще прототипы (точнее, дополнения к уже дано существующему архетипу) позднеиудейского и христианского Сатаны.

Двойственный характер Яхве выражен устами Исаяи: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня; [...] Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». (Исайя, 45:5-7). Таким образом, какая-то часть представлений о Сатане была заключена в самом Яхве, как «злая» часть его характера, вредная сторона его власти. Те духи зла, которых знает Ветхий Завет — не более как его слуги, чиновники по особым поручениям, род небесных жандармов и палачей. Более того, иудейская религиозная концепция вообще не допускает никакой возможности бунта ангелов или чего-то подобного. Как было сказано: «Христиане не перевирают, а творчески переосмысливают в свете 1-го съезда *Єове*... апостолов христианской церкви» © Г. Кардиналов. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Еврейская концепция понятия Сатаны полностью отличается от христианской. В иудаизме отсутствует понятие абсолютного зла и нет Дьявола (Сатаны, Люцифера и т.п.) в смысле, понимаемом христианами. Евреи считают, что ни один из ангелов никогда не выступал, не выступает и не может выступить против воли Яхве, т.к. ангелы не наделены свободной волей и являются лишь посланцами (еврейское слово «мальак» (ангел, написание со всеми положенными значками см. на рисунке) — переводится как «вестник», греческое *αγγλος*¹ имеет

¹ В греческом языке в двойной гамме при произношении первая гамма

аналогичный перевод) Всевышнего в общении с физическим миром. Соответственно, ни одного случая противления ангелов воли Яхве в иудейской религиозной литературе не зафиксировано. Это наглядно показывает, что, в отличие от человека, у ангелов в иудейской мифологии отсутствует свобода воли. Ангелы только исполняют задачи, поставленные перед ними Богом, и не могут действовать сами по себе¹. Достаточно точной аналогией представляется создание дублей в «Понедельник начинается в субботу» Стругацких.

В уже упомянутой Книге Иова, к примеру, сатана является среди ангелов неба и отнюдь не представляется заклятым противником Бога и разрушителем его создания; Книга Иова, гл. 1²:

6. И был день, когда пришли сыны божии³ предстать перед Яхве; пришел также среди них и сатана⁴.

7. И сказал Яхве сатане: «откуда ты пришел?» И отвечал

читается как «н», поэтому произносится «ангел». Если же читать, как написано, то выйдет «аггел». Исторически сложилось, что соратники Сатаны называются именно аггелами — то есть произносится *без учета человеческих правил*, а по сути написанного.

¹ Это относится к изначальному иудаизму. Далее религия становится все более дуалистичной, а в Завете Двенадцати Патриархов Сатана (Велиал) четко связан с нравственным злом (Яхве, разумеется, с добром), а в каком-то из апокалиптических произведений появляется даже «аггел Сатаны» в явном виде — т.е. Дьявол уже полностью независим от Яхве и имеет свое войско. Кумранские тексты также пропитаны дуализмом: «Князь Света правит всеми детьми праведности; а все дети лжи блуждают во мраке и правит ими Князь Тьмы» (Общий Устав, 3), причем, что характерно, отвечает за все тот же садист-демиург: «для Бездны сотворил Ты [Бог] Сатану, Ангела Злобы; его [власть] во Тьме, и назначено ему содействовать пороку и беззаконию» (Военный Устав, 13). Кажущаяся непоследовательность введения элементов дуализма в монотеистическую религию легко объясняется психологически: авторы кумранских летописей твердо верили в то, что Мессия вот-вот явится, и они вскоре будут избавлены от власти Сатаны, так что они и не помышляли упрекать Яхве за власть Сатаны на земле, которая, по их мнению, подошла к концу. Позволим себе немного поехидничать: вместо явления Мессии они дождались прихода легионов Тита (и разрушения Храма).

² Книга Иова здесь и далее цитируется по переводу М.И. Рижского.

³ В масоретском тексте — «сыны элохим», т.е. те самые «м'ляхим» — ангелы. В Септуагинте это место переведено как «αγγελοι του Θεου» — «ангелы божьи», чтобы исключить всякую возможность политеистического толкования.

⁴ В иудаизме «сатана» — это не имя собственное, в отличие от христианства и т.д., а, условно говоря, должность.

сатана Яхве, и сказал: «Я ходил везде по земле и исходил ее».

8. И сказал Яхве сатане: «Обратил ли ты внимание твое на раба моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный и справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла».

9. И отвечал сатана Яхве и сказал: «Разве даром богобоязнен Иов?»

10. Не ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его ты благословил, и стада его распространились по земле;

11. Но прости-ка руку твою и коснись всего, что у него, и он, наверно, проклянет¹ тебя в лицо твое».

12. И сказал Яхве сатане: «Вот, все, что у него, в руке твоей; только на него [самого] не простирай руки твоей». И отошел сатана от лица Яхве.

Согласитесь — вполне милый разговор между старыми знакомыми, находящимися пусть не в равных, но вполне в дружеских отношениях. Сатана здесь дух-скептик, близость которого к чел-овеческому сомнению и протесту против фатума прельстит впоследствии так много поэтов и философов. Власть его — по доверенности от бога. Ответственность за страдания праведника бог принимает на себя. Дьявол Книги Иова только порученец по такого рода делам, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило бы идею ее совершенства. Заместитель бога по делам, могущим испортить имидж². Но с другой стороны, как не заметить в Книге Иова то, что господь бог охотно прислушивается к мнению «эксперта по человеческим делам» — Сатаны.

Еще выразительнее роль Сатаны в иудейском понимании прослеживается в эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, Тёмного, Дьявола и т.п. Он — ангел

¹ Дословно здесь, как и в Иова 1:5, стоит глагол, обозначающий "благословлять", но в некоторых случаях его употребляли в качестве эвфемизма вместо «хулить», «бранить», «проклинать», если эти слова находятяся оскорбительно рядом с «Яхве», «бог», «царь» и т.п. (см. также 3 Царств 21:10)

² См., например, историю с Асмодеем и Сарой в Товит, гл. 3. или с Саулом в 1 Царств 16:14-16, там же — 18:10-11, 19:9-10, аналогично 2 Царств 24:15-17 и т.д. Кстати, история Иова полностью аналогична сюжету 2 Пар. 18:18-22.

как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчеловечные бойни: избиение первенцев египетских, истребление Сеннахеримовых полчищ и прочее.

Здесь уместно также обсудить само значение слова «satan», от которого и произошло применяемое в наше время имя «Сатана».

Еврейское слово имеет значение «противник»¹ или «обвинитель». Вероятно, слово возникло как производное от корня (Sin-Tet-Nun), который означает «обвинять». В позднем же арамейском (времен Иисуса) слово вероятнее всего произносилось как «С'тана». «Сатана» — это уже греческая калька с этого слова, где «ш'ва» передали через «альфа».

Следует отметить, что в настоящем существует также ашкеназское произношение, характерное для идиша: «Сотона»². Однако исторически верным произношением является именно сефардское, т.к. в Септуагинте «камац гадоль» везде передавалась через «альфу», а не через «о мега» или «о микрон». Интересующихся темой адресуем к статье современного библеиста Р. Хазарзара «Сатана в Библии»³.

Слово *hassatan* (существительное с артиклем) лучше всего передается английским *the adversary* или *the accuser*. Например, Захария 3:1-2 переведен на русский как *«И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, да запретит тебе Господь, избравший Иерусалим! не головня ли он, исторгнутая из огня?»*. Однако еврейская традиция и исторический

¹ Часто христиане переводят как «противник бога» либо «противящийся богу». Никакой почвы под собой такое творческое дополнение перевода не имеет.

² Хотя в современном идише это не совсем так. Однако сам идиш фонетически весьма разнообразен по произношению гласных. Уверенно можно сказать лишь то, что «Сотона» ведет свое начало от ашкеназских искажений, которых немало. Например, в Литве и Белоруссии камац-гадоль произносится как [o], а на Украине — как [y]. Причем еще многое зависит от ударения, которое в идише могло быть перенесено как угодно. Видимо, в разных еврейских общинах это слово произносилось в ашкеназском варианте по-разному — от «Сотан», «Сотон» до «Сутан» и «Сутун».

³ http://warrax.net/48/satana_in_bible.html

контекст показывают, что пророк не мог поименовать самаритян и лично высокопоставленного персидского чиновника, активно препятствующих восстановлению храма. Поэтому пророк назвал их просто — «противник»¹.

Позднее, под влиянием верований соседних народов, это место начало трактоваться в метафизическом смысле: Сатана — специальный ангел, «прокурор» Яхве. Сатана книги Иова — это поэтический образ ангела-прокурора. Но еще раз повторим: этот ангел полностью подчинен Яхве и является его посланником.

Дополнительное пояснение: слово «l'satan» (см. рис.), встречающееся в Библии, вообще не является существительным. Это наречие — «супротив» «против» и т.п.

לְשַׂטָּן

В герметических книгах есть интересный сюжет: В то время как Гермес заканчивал конструирование человека, к нему явился один из его предыдущих созданий по имени Мом и раскрыл намерения творца: «Ты полагаешь, что будет хорошо, если будет свободен от хлопот этот будущий исследователь прекрасных таинств природы? Ты хочешь оставить его без проблем — того, чья мысль достигнет границ земли? Люди вырвут корни растений, изучат сущность природы, рассмотрят природу камней, вскроют не только диких тварей, но и сами себя, желая узнать, как они устроены. Они протянут свои смелые руки на море, и, срубая древесину девственных лесов, они переплывут с одного берега на другой, чтобы найти друг друга. Они проследят самые сокровенные тайны природы вплоть до небес и пожелают изучить движения неба. Но и это еще не все: им останется только узнать крайнюю точку земли — они захотят найти последний край ночи. Если они не встретят препятствий, если они будут жить без проблем, защищенные от всех хлопот и страхов, то даже небо не остановит их дерзость, и они захотят достигнуть власти над стихиями».

И после этого предупреждения Гермес решает обременить человека всяческими психическими барьерами (упоминаются надежды и разочарования, взаимная любовь и т.д.) или, как говорится в штудиях, законом Необходимости.

¹ Подтверждение такой трактовки можно найти и в Евангелии: «Он же, обернувшись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое» — Матфей 16:23.

Очевидно сходство Мома и Сатаны из Книги Иова. Во-первых, оба строят козни человеку. Во-вторых, очевидно и сходство методов — суггестия идей главному воротиле.

Однако в этом отрывке указаны препятствия, охраняющие сакральность призов, к которым стремится любой сатанист. Они же, эти препятствия — это черты, отличающие человека от сатаниста.

Кстати, возвращаясь к теме архетипа: ангел в должности сатаны занимался обвинением людей в их грехах и т.п.; современные же сатанисты занимаются, в частности, обличением чел-овечества в главном «грехе»¹ — глупости. Не то чтобы мы ставили себе такую цель — просто получается само собой. Можно сказать, что работа, начатая в то время, успешно продолжается. Отсюда же следует, что Сатана — вовсе не противник *бога* (современный сатанизм в основном стоит на атеистических позициях²), а именно обвинитель, **противник людей** (вспомните первые проявления этого аспекта у Аримана).

Мимоходом целесообразно разобрать часто встречающиеся ошибки (а также намеренные искажения) библейских текстов по данному вопросу.

В Книге Бытия часто сваливают раздачу яблок на Сатану; однако, это дело именно змея как такового: «Змей был хитрее

¹ Сатанинские «грехи», перечисленные ЛаВеєм, по концепции отличаются от религиозных. В религиях грех требует покаяния, а под грехами понимается то, чего избежать практически нельзя; ЛаВей же писал: «более ясные цели и направления должны быть определены не только в отношении того, к чему мы стремимся, но и того, чего мы стараемся избегать, с чем не согласны». И *не более того*. Причем избегать этих «грехов», начиная с глупости, вполне целесообразно.

² Ответим на напрашивающийся вопрос: конфликта между сторонниками личностного и безличностного понимания Сатаны нет. Сатанисты имеют привычку видеть *суть*, а не внешние формы. И какое дело до личного восприятия соратника в общем деле? Если не правы те, кто воспринимает личностно — то ничего для них и остальных не меняется, поскольку это *их* восприятие, которое им удобнее. Если вдруг окажутся не правы те, кто воспринимал безличностно — что ж, Сатана не какой-нибудь бог-ревнитель, ему нужны *дела*, а не распевание славословий.

Интересно, что еще Фома Аквинский проводил параллель: как христиане являются членами мистического тела Христа, так и грешники — члены мистического тела Сатаны. Таким образом, уже им Сатана рассматривается не [только] как некое «начало Зла», но как *структурирующий принцип*.

всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей женщине: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю» (Бытие 3:1). То есть никакой Сатана здесь не фигурирует, и все приписываемые ему соращения Евы — чистейшей воды инсинуации. Да и само «соращение» весьма показательно под углом понимания сути христианства: «вкусить от Древа *Познания*» Вот истинно страшный грех христианства: послушание должно быть *безусловным, вне- и надразумным*.

Что интересно, христиане часто именно на основании этого эпизода именуют Сатану «Отцом Лжи». Мало того, что он тут ни при чем, как ясно из процитированного¹, но, более того, даже имеющийся в наличии змей ни слова не солгал: «только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей женщине: нет, не умрете». Если сравнить это с 2:17: «а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь», то очевидно, что никто никого не обманывал — была сказана чистая правда. Адам после этого далеко не одну сотню лет прожил... но это мы несколько отвлеклись от темы. Тем не менее, интересно отметить наличие архетипа змея — в подавляющем большинстве культур змей олицетворяет [в частности] мудрость.

Кстати, интересно отметить один нюанс: а *когда*, собственно, Сатана начал своевольничать? В описанном выше случае с яблоками? Но тогда как быть с историей в Бытии 6:1-4? А если Сатана пал только тогда, когда по Земле кочевали трибы потомков Адама, то возникает вопрос — а почему, собственно говоря, наказали не его, и даже не конкретного, скажем, боа-конкистадора, раздающего казенные яблоки, а вообще всех змеев оптом?

Иногда в качестве доказательства существования падшего ангела цитируют Исаия 14:12 «*Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы*». Особенно внушительно это звучит, когда слово денница оставляют в его латинском звучании — Люцифер (Lucifer на латыни означает сияющий, денница, «несущий свет»):

¹ Разумеется, мы не отрицаем архетипическую связь Сатаны и образа змея (не только Эдемского) — см. соотв. главу; речь идет исключительно про «фактологию» Библии.

Quomodo cecidisti de caelo lucifer qui mane oriebaris.

Однако внимательное чтение всего контекста стиха и некоторое знание истории раскрывает, что под псевдонимом «денница» скрывается Вавилонская империя. Одним из главных божеств Вавилона была Иштар — богиня утренней звезды (аналог Венеры). Сияющий денница, сын рассвета, *lucifer* — переводится как «утренняя звезда». Пророк избегал упоминания имени псевдобожества, с его точки зрения, Иштар. Прочитав стих четвертый той же главы: *«ты произнесешь победную песнь на царя Вавилонского и скажешь: как не стало мучителя, пресеклось грабительство»*, легко понять, что речь идет о царе Вавилона и его народе. Т.е. никакого Люцифера нет, но есть противник еврейского народа. Судя по всему, первым отождествил Сатану и Люцифера известный богослов Ориген, он же провел параллель с Левиафаном, и вообще стремился к объединению всех падших ангелов, чудовищ и просто нелестных эпитетов в один образ Дьявола (хотя он и сохранил концепцию «природных демонов» в отдельных местах). Это было связано с его позицией решительного отрицания каноничности Книг Еноха и борьбой как с гностиками, так и с критиками христианства. Стремление создать универсальную концепцию у Оригена из-за множества поставленных им перед собой задач привело к эклектичности его взглядов, так, например, пытаясь все свести к Дьяволу, он, тем не менее, писал: «Божественный логос, Который правит всем миром, поручает злым демонам некоторые дела» и совсем уж открыто: «Подобно палачам, они по Божественному определению получили власть вызывать эти несчастья либо ради обращения людей, либо ради [их] научения». Любопытно, что Ориген выдвинул концепцию¹, согласно которой Христос приносит себя в жертву не Яхве, а Дьяволу²; Яхве же не требовал жертвы Христа, а лишь позволил ей

¹ Сведения по тетралогии Дж. Рассела.

² Объяснение вкратце таково: Яхве должен был заплатить Дьяволу выкуп за человечество, чтобы не нарушать справедливости. Единственным подходящим для этого (за все человечество все-таки!) был совершенный человек, которым и являлся Иисус. Дьявол согласился на сделку и организовал муки и смерть Христа. Но, поскольку Христос также был богом, то он воскрес и отправился восвояси. Спрашивается: и кто в таком случае «князь лжи»? Отсюда же ясно, почему «искупительная жертва» Христа не привела ни к чему — не надо мошенничать при сделке.

свершиться, как средству для низвержения сил зла.

Напоследок упомянем еще один эпизод Ветхого Завета. Согласно традиции ангелы бесполоы. Но далеко не все знают, что так было не всегда.

Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны божиии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал господь [бог]: не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины¹, особенно же с того времени, как сыны божиии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. — Бытие, гл. 6:1-4

Интересно, что Септуагинте «сыны божиии» — בני־הַאֱלֹהִים «б'нэй ха-Элоһим» (см. рис.) переведены как αγγελοι (этому варианту перевода следует также Филон Александрийский), но затем перевод был подогнан к христианской трактовке, и ангелы божьи были заменены на сынов (υιοι) божьих.

Подробнее об этих событиях рассказывает Книга Еноха². Предводителем спустившихся ангелов (а не падших, кстати) был некий Семиаза³, но нас более интересует то, что эти ангелы называются Бодрствующими⁴. Видимо, те ангелы, которые не отходили далеко от бога, были сонными (безынициативными). Бодрствующие же научили людей различным ремеслам и умениям, выполнив функцию, аналогичную Прометею⁵ (и поплатились за

¹ Их называли *нефилимами*.

² Также известна как Эфиопский Энох, так как сохранилась только в эфиопской версии. Дата написания — приблизительно 60-200 гг. н.э.

³ Его имя можно интерпретировать как «бунтовщик» или «бодрствующий». Показательно.

⁴ Рассматриваются два множества ангелов, но Бодрствующие еще не отделяют себя от Яхве — см. Дан. 4:10,14 «И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес *Бодрствующий* и святой. ... Повелением *Бодрствующих* это определено, и по приговору Святых назначено, чтобы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет, и поставляет над ним уничиженного между людьми». Обратите внимание: хотя *Бодрствующие* еще работают совместно со *Святыми*, это *отдельные* сообщества (подвиды?): Бодрствующие — это *не-Святые*.

⁵ Достаточно часто приходилось слышать что-то типа «А почему бы вам

самоуправство подобно ему же¹). Что немаловажно, Яхве не смог справиться с нефилимами — несмотря на то, что он послал четырех архангелов (Уриила, Рафаила, Гавриила и Михаила) убить исполинов, и те это сделали, их призраки по-прежнему продолжают противодействовать воле Яхве (Ен. 15:11). Эта история олицетворяет мстительность монотеистического бога ко всем, кто нарушает его предписания, и одновременно — возможность продолжать свое дело даже после его кары.

О *Бодрствующих* также упоминает Книга Юбилеев² (4:15), в которой сказано, что они пришли на землю не для греха (что им инкриминируют ортодоксы), а чтобы «научить детей человеческих, чтобы вершить суд и установить справедливость на земле». Видимо, точка зрения на справедливость Яхве была несколько другой. Характерно и то, что после всех коллизий Яхве производит «децимацию наоборот» — разрешая десятой части ангелов остаться с Мастемой (отождествляемым с Сатаной³), а девять десятых обрекая на заточение в «месте проклятия». То есть он не только попустительствовал греху изначально, но впоследствии одновременно наказал большинство исполнителей и разрешил продолжить свои деяния меньшинству. Комментировать это, с нашей точки зрения, не требуется — и так все ясно.

Небезынтересно также то, что в «Дамасском документе» (Кумран) написано, что «*Бодрствующие* пали по гордыне сердец своих», а в «Книге Тайн Еноха»⁴ также сообщается, что ангелы восстали вследствие свой гордости.

Из вышесказанного видно, что пол у ангелов, вопреки некоторым представлениям (сразу вспоминается фильм «Догма»), был,

не назваться по имени Прометей? Его устремления очень похожи на ваши, и народ его любит, в отличие от Сатаны». Дело как раз в том, что Прометей совершил свой поступок *ради людей*, и этим он отличается от Сатаны, которому люди безразличны. Таким образом, архетипы, хотя и имеют общие черты, расходятся принципиально.

¹ Вообще как-то не припоминается ни одного монотеистического бога, который нес бы людям *знания*. Что характерно.

² Написана между 135 и 105 г. до н.э. фарисеями, которые ожидали немедленного наступления царства Мессии.

³ Дополнительно: в «Завете Дана» (109-106 г. до н.э.) сказано, что именно Сатана был предводителем *Бодрствующих*.

⁴ Эту книгу также называют Славянским Енохом (или Вторым), единственная полная версия сохранилась на славянском языке.

и даже вполне определенный. Однако потом он куда-то делся, и сейчас ангелы считаются бесполоыми. Если вспомнить христианскую легенду о бунте Люцифера и о том, что вместе с ним ушла треть ангелов, все становится на свои места — сбежали те, которые не согласились остаться в божьем раю ценой кастрации¹.

Можно сказать, что здесь апофатически проявлен такой аспект архетипа, как **сексуальность**.

Сатана имеет отношение к сексуальности в контрасте с некрофиличными идеологиями, третирующими все, на чем держится жизнь. Строго говоря, под сексом подразумевается целых два аспекта: сакральный и гедонический. В сакральном смысле подземный мир всегда был связан с плодородием — естественно, что Дьявол ассоциировался также и с сексуальностью. Трудно найти что-либо, имеющее для бессознательного значение, соизмеримое с идеями оплодотворения и порождения; разве что смерть, но и она завязана с ними в единый узел.

С точки зрения гедонизма, секс является одной из его составляющих. Гедонизм в целом также является чертой архетипа Сатаны. Это следует понимать так, что в сатанизме нет осуждения витальных интересов, соответствующих животной форме тела-носителя разума, из моральных соображений. Причем речь идет не только о естественных и умеренных потребностях тела, но и о развитых, которые моралисты склонны называть извращениями. Диапазон приемлемости в сатанизме ограничивается только соображениями разумности или целесообразности, т.е. осознанием и учетом *всех* последствий. И каждый только сам может установить цель и цену, которую он готов заплатить за удовольствия своими силами, временем, деньгами или чем-либо еще. Но зато сексуальность в рамках сатанизма свободна от побочных эффектов в виде ревности, моногамии, бесконтрольной рождаемости и т.д.

Другое дело, что гедонизм не является приоритетной гранью архетипа. О гиперпроявлениях гедонизма, например о сексомании, речи не идет. Это не порицается, просто особь, у которой сексуальная составляющая либидо² развивается за счет разума, не соответствует другой грани архетипа Сатаны, и в противоречие

¹ Подобная судьба ждет после воскрешения и верующих — см. Матф. 22:30

² Мы пользуемся трактовкой Юнга, который включил в либидо и жизнеутверждающие не-сексуальные функции, в отличие от Фрейда.

вступает не гиперсексуальность сама по себе, а именно отход от разумности¹. Именно поэтому нет и не может быть какой-либо «сатанинской нормы» в сексе. Все очень индивидуально. Вполне реальна ситуация, когда сатанист не проявляет интереса к сексу, кухне (в смысле еды), комфорту, окружающей обстановке ввиду того, что полностью поглощен более важными для него занятиями, иными словами — он в состоянии адекватно определить собственные приоритеты. Обычно витальные ценности идут в уплату за могущество (в метафизическом смысле, не путать с пошлой чел-овеческой жадной власти ради власти) в числе первых жертв. Но никогда в сатанизме они специально не избегаются и не осуждаются ни в форме, ни в количестве; значимо только отношение со стороны личности.

Да и вообще само понятие «норма» как какой-то общественный эталон — идеологично по определению, т.е. связано с конкретным общественным устройством и призвано держать членов общества в единых рамках. Но с субъективной (единственно значимой для субъекта, который именно что индивидуален, отделен от всего остального) точки зрения норма как оценочная категория просто не может иметь никакого смысла, кроме темпорального. Чтобы ранжировать (отнести к «норме») — нужно сравнить. Нет никакого субъективного смысла сравнивать с *другими* — «они не я», остается сравнивать только *с самим собой*. Сравнение должно быть уникальным, нетождественным, несимметричным — а для этого подходит единственная несимметричная шкала, не меняющая направления — шкала времени. Т.е. субъект может определить что-то «нормальным» для себя, сравнив себя нынешнего с собой прошлым. А вот *социальные* шкалы, основанные на моральности, этичности, популярности и пр. — не подходят в качестве ранговых шкал для определения «нормы» ввиду диффузности, слабой прогнозируемости и социальной конъюнктурности этих понятий. К примеру, полностью перечеркнуть прошлые общественные нормы может смена даже не общественного строя, но всего лишь общественного лидера.

Возвращаясь к теме — легко понять, что разумные сущности на другой основе могут не рассматривать сексуальность как

¹ Полная аналогия: сатанист вполне может коллекционировать марки, но если филателия мешает как-либо его саморазвитию — то это не сатанист.

атрибут Сатаны. Возможно, место секса в человеческом понимании у них будет занято иными процессами. В метафизическом же смысле секс — прообраз любого творчества (синтез, слияние или взаимопроникновение неких сущностей ради создания новых).

А всевышнему так понравился процесс кастрации по отношению к окружению, что он даже постановил следующее: «животного, у которого ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны, не приносите Господу, и в земле вашей не делайте этого» (Левит 22:24) при этом он, видимо, все желает делать собственноручно: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Второзак., 23:1) — то есть те, которым и при жизни не повезло, однозначно лишаются рая, поскольку господь бог не получит удовольствия от самоличного отрывания им яиц (а зачем они в раю, если он не мусульманский?). По логике, при его всемогуществе он бы мог их приделать обратно, а потом уже отрезать в свое удовольствие, или вообще выращивать гениталии как шампиньоны и косить их снова и снова, но до этого всезнающий, видимо, не додумался¹.

¹ Кстати, рекомендуем не забывать, что архетип представляет собой объединение всех своих черт, и невозможно рассматривать отдельные черты без взаимодействия с остальными.

Каббала

Тот, кто присягает на Библии, вовсе не обязательно знает ее содержание.

Л. Крайнев-Рытов

Глава об иудаизме была бы неполной без упоминания каббалы. Сразу скажем, что образ Сатаны в каббале в явном виде не используется. Однако при этом каббалистическое понимание бога гораздо более глубоко и многогранно, чем религиозное. Как мы писали в начале главы, иудейский единый бог в ответе за все — и за «добро», и за «зло», так что проявления архетипа Сатаны следует искать в нем самом.

Для начала отметим, что буква, соответствующая Сатане, «син» (ש), как написано в одном из древнейших каббалистических трактатов, «Сефир Йецире», входит в тройку «букв-матерей», самых основных, наравне с «алеф» (א) и «мем» (מ). Каждой букве алфавита, согласно каббалистам, ставится в соответствие один из архетипов состояния сознания, при этом ש соответствует «дух бога» (не путать со «святым духом» в христианстве). В каббале «дух бога» — это *активное* начало, производящее *изменения*.

Согласно учению каббалы, бог имеет двойственную сущность, как мужское, так и женское начало, что соответствует *андрогинности* Сатаны. Кстати говоря, эта трактовка куда более логична, чем традиционная христианская, т.к. как мог Элохим создать мужчину и женщину по своему образу и подобию, не будучи сам и мужчиной, и женщиной (женский аспект бога называется в каббале Шекиной¹)? Дальнейшее развитие эта концепция получает в виде Адама Кадмона.

Вселенная согласно каббале вообще создана на принципах пола и секса (в метафизическом понимании), т.е. на основах гармоничного союза двух противоположностей — мужчины и женщины,

¹ Значение корня «шин-кап-нун» весьма объемно. Прежде всего, оно означает «обитать», «присутствовать». Этот корень не только в слове «шекина» (в современном иудаизме — «присутствие Божие»), но и в слове «скиния» (мишкан), то есть «жилище». В Пс. 54:7 (Т'хеллим. 55:7) этот же корень присутствует в «успокоился бы», когда успокоение ассоциируется уже с обретением истинного «жилища».

соединяющихся с целью сотворения новой жизни¹, включающей свойства их обоих, но отличной от них.

Но не думайте, что в каббале все так прогрессивно. Скажем, материальный мир для каббалистов — «зло», так как, по их мнению, материя стремится только получать, а не отдавать (интересна психология стереотипа: «получать [от меня] — зло», «отдавать [мне] — добро». В основе — все то же стремление получить на шару...).

Вообще, ход мыслей каббалистов часто весьма странен. Рассмотрим Эц Хайим, Древо Жизни. Нас интересует в первую очередь левая колонна. Она носит также название «Наказание» в противопоставление правой («Милосердие»), которая, как и средняя («Умеренность»), к сатанизму явно не относятся, и олицетворяет с точки зрения каббалы, как ни странно, пассивные женские качества (не видно связи).

Сефирот² третий, Бина — Понимание (развитие). Олицетворяет то, что вмещает Хокму (второй сефирот, мужское активное начало), а также то, из чего все происходит (рождается). Для нас интересным является то, что одним из символов Бины является Сатурн, который отождествляется со всепоглощающим Кроносом. В египетском пантеоне ассоциируется с Маат.

Сефирот пятый, Гебура — Наказание, Сила, Суровость³. Также и Правосудие и Страх. Ассоциируется с богом войны Марсом, в египетском пантеоне — с Сетхом. Этот сефирот — огонь, способный как разрушать, так и созидать. Интересно, что противостоит ему сефирот Хесед — Милосердие, и одной из важнейших функций Гебуры является ограничение милосердия Хесед.

Сефирот восьмой, Ход — Величие. Отождествляется с Меркурием (Гермесом, см. стр. 44), в египетском пантеоне — с Ану-бисом. Ход — вместилище **интеллектуальных способностей** человека. Противостоит же этому сефироту Нецах, который

¹ Мелкая, но интересная деталь: иудаизм не знает таких извращений, как монастыри или культ девственности.

² Вообще говоря, правильное «сефира» — женского рода. «Сефирот» — это множественное число. Но в русском устоялось «сефироты», а не «сефиры», поэтому мы будем придерживаться такого написания.

³ Сразу заявляем, что мы не понимаем, как эти черты можно отнести к *женской пассивности*. Особенно, если учесть, что противоположный сефирот — это Милосердие, которое куда сильнее ассоциируется с женственностью. Тёмна вода в облаках каббалы...

символизирует инстинкты и эмоции, групповое сознание; это исключительно иллюзорный уровень. Правда, показательно?

Человек имеет животные инстинкты, но держит их (в идеале) под контролем. Точно также следующая эволюционная ступень должна включать в себя человеческие инстинкты, но под контролем.

Warrax

Именно в Ход инстинкты Нецах перерабатываются и переходят в **действие**. Кроме того, в практической Каббале Ход — сфера **магии**.

Символично то, что Путь на Древе Жизни, символизирующийся XV-м Арканом, соединяет Ход и Тифарет и олицетворяет «разум возобновляющий». Ход описан выше — воображение, фантазия, интеллект. «Дурной» стороной Ход есть «сдерживающий аппарат, накладываемый воспитанием и обучением». Так вот, движение по Пути, символизируемом XV-м Арканом, приводит к центральному сефироту Тифарет — Красота, гармония и жизненная сила, Солнце, а в психологическом плане — разум, достигший наивысших своих способностей. Это максимум, который может быть достигнут в неизменном состоянии сознания.

Как видите, «Тёмный» левый столб Древа Жизни во многом соответствует архетипу Сатаны. Интересно отметить еще один малоизвестный факт: в Эц Хайим есть скрытый сефирот Даат — Знание¹.

Согласно каббалистике, когда космическая энергия изливается из Кетер (первого сефирота), ее сила не полностью стабилизирована и из этого излишка энергии возникают враждебные сефироты, или клифот². К'лифóт (или к'липóт, קליפוט) от к'лифá

¹ Расположен между сефиротами Хокма и Бина, т.е. архетипическими Отцом и Матерью, обозначает единство космических противоположностей с целью проявления. На материальном плане это секс, именно поэтому в Торе используется термин «познать» в плане совокупления.

² Иногда термин используется в другом смысле, как «оболочки», «астральные сущности», представляющие собой остатки или «оболочки» некогда живших существ. Собственного разума не имеют, но являются оптимальной средой для внедрения злонамеренных разумных существ. В данном контексте — «пустая оболочка» без какого-либо собственного внутреннего содержания, которое давно уже устарело и исчезло с течением времени.

(или к'липа קל'יפא); а слово к'липа¹ — это что-то вроде антонима слова к'душá (קדוּשָׁה) — святость.

Соответственно получается система сефиротов, противоположных Эц Хайим — несбалансированных² и хаотических. Но это согласно каббалистам. Трактовать же можно совершенно иначе: бог как сдерживающая Сила пытается упорядочить Изначальный Хаос, создавая этим Древо Жизни, а «древо inferнальных сфер» — это *изначальная* система, не отвергающая Хаос, которая *неподвластна* богу³.

Интересно, что согласно Каббале первые две сферы, соответствующие Кетер и Хокма, «пусты и неупорядочены», а соответствующая Бина трактуется как «вместилище мрака». При этом Кетер соответствует Самаэль, «ангел смерти», напрямую ассоциирующийся с Сатаной. Таким образом, очевидно, что «пустота и мрак» в inferнальных сферах существует только для тех, кто смотрит со стороны Света, сами же inferni прекрасно себя в них чувствуют. Из Тьмы хорошо видно, что происходит на Свету, но из Света Тьма непроницаема; поэтому люди, принадлежащие Свету, всегда боятся Тьмы, но никогда — наоборот.

Ад малюют черными красками те, кто не надеется туда попасть.

Г.Л. Уилсон

¹ К'липа — от глагольного корня, который в современном иврите переводится как «лущить, облуплять».

² Это согласно традиционной каббалистике. Мы же несбалансированными их не назовем. Они соответствуют сефиротам, только, грубо говоря, вместо ангелов там демоны. Каждый, кто оступился в путешествии по сефиротам, оказывается во власти клипотичных сил (опять традиционная трактовка). Клипот — аналогия бессознательному, скрытому. Единение с демонами Клипот равнозначно восхождению по сефиротам, но *люди* так боятся Тьмы...

³ W.: Это если рассматривать «снаружи и через каббалу». Но возникает резонный вопрос: а с чего это основываться на еврейской системе? Пусть даже «европеизированной» потом (каббала Кроули и иудейская — это не одно и то же), но все равно остается и еврейский алфавит, и Древо Сефирот, и т.п. А, главное, основывается это все на Едином боге — и никуда от этого не деться. Завязанность на каббалу — одна из глобальных проблем современного оккультизма, от этого надо избавляться.

Таким образом, если «снаружи», то «через каббалу» — как-то странно, заранее понятно, что будет искажено. А если «из каббалы изначально», то получится не Иное, а «наизнанку». Аналогично: дьяволопоклонничество, «христианство наизнанку», не является сатанизмом.

И совсем уж недвусмысленно выглядит такая каббалистическая трактовка: inferнальное древо рассматривается как чудовище Левиафан, как **змей**, занесший свое жало над Малкут — сефиротом материального мира, мира *людей*. Здесь Древо — еще и «карта психики» человека, где клипот — бессознательное, сефирот — осознаваемое.

В завершение главы отметим забавное обстоятельство — использование ЛаВеем имени Шемхамфораш. Это «страшное сатанинское заклинание» обозначает не что иное, как «разделенное имя божие» в каббале. Оно зашифровано в книге Исход¹ 14:19-21. На языке оригинала каждый из этих стихов состоит ровно из 72 букв. Если записать все три стиха один над другим, причем средний — в обратном порядке, то получится 72 столбца по три буквы в каждом. Каждая такая комбинация представляет собой трехбуквенное имя иудейского Б-га. Это и есть шемхамфораш, или разделенное имя бога, считающееся в каббале весьма могущественным инструментом.

Представляем, как ухохатывался Антон Шандор, слушая повторения «сатанинского заклинания» всяческими «адептами сатанизма». А ведь он честно предупреждал во вступлении к «Сатанинской Библии»: «Здесь вы увидите правду и *фантазию*». С нашей точки зрения, использование «шемхамфораша²» наглядно показывает, что ЛаВей ни в коем разе не писал СБ как «священную книгу» и даже встроил в нее противоядие против такой трактовки.

¹ Только не надо *нас* спрашивать, почему именно там и именно таким способом.

² Слово составлено из «шем» = «имя», «һа» — опред. артикль, «м'пораш» — от «объясненный», «прокомментированный», «понятный» или от того же корня — «выделяемый», «отделенный», «отлученный». Читается как «шем һампораш» (или, по современному и средневековому — «шем һамфораш»).

Гностицизм

*Гениальное произведение и дурак поймет.
Но ведь совершенно иначе!*

С. Е. Лец

Гностицизм (от греч. γνῶσις, знание) — чрезвычайно сложное и многоликое мировоззрение, развивавшееся в I–III вв. н.э. одновременно с христианством, в борьбе и симбиозе с ним. По заключению многих исследователей гностики соединили зороастрийский дуализм добра и зла с платоническим дуализмом духовного и телесного, небесного и земного. Это соединение дало крайне пессимистическую картину мира. Космос есть царство мрака, скорби и страданий, и не только из-за того, что он сотворен из материи, но и потому, что несет на себе печать моральной¹, познавательной и творческой ущербности своего творца и устроителя. Творец мира оказался либо слишком слаб, либо слишком злобен, чтобы сделать его совершенным.

Происхождение испорченного чувственного мира — центральная проблема гнозиса — объяснялось, в основном, двояко: 1) грехопадением одной из божественных сущностей (Симон Маг, офиты, Керинф, Карпократ, Валентин и др.); 2) вмешательством чужого и злонамеренного бога (Василид, Мани и др.)

В первом варианте идея эманации соединена с идеей грехопадения и переосмыслена в антропоморфном ключе. Божественный дух или разум изначально пребывает в виде Плеромы — божественно-световой полноты, единства многообразного. Вследствие трещины в Плероме один из низших эонов (вечных сущностей) обособляется и отпадает от единства². Это отпавшее

¹ Не забывайте, что терминология не наша, а гностиков. Далее — аналогично.

² Иллюстрация одной из самых распространенных человеческих догм: «Отторгнутый кусок всегда хуже целого». Эта догма обычно завуалирована, но подобный шаблон отрабатывается практически всегда и везде — в быту, в политике, в искусстве, в общественных отношениях. Отделившаяся часть отвергается целым и априорно номинируется «злой» и «ущербной». Есть, конечно, и противоположные примеры, но их крайне мало, да и «хорошесть», «прогрессивность» отделившегося устанавливается, как правило, *post factum* — в исторической перспективе. Понятно, что этот шаблон никак не обоснован: факт отделения как таковой никоим образом не может нести оценочной нагрузки, оценка всегда связана с деталями каждой конкретной ситуации.

существо гностики представляли по-разному. Чаще всего им была София, или Эннойя, — мудрость или божественная мысль, женское начало, отделившееся от мужского. Следует отметить, что первопричина зла мыслилась при этом не как злонамеренность, а как женская слабость. Симониане, например, считали Эннойей Елену — жену своего учителя Симона, найденную им в одном из публичных домов Тира. В образе женщины-блудницы представляли гностики и чел-овеческую душу. У бога, отца своего, душа была чистой, блаженной девственницей. В мире ее втягивает водоворот демонических сил и плотских страстей, подобно тому, как женщиной, попавшей к разбойникам, овладевают по очереди, кто обманом, кто насилем, передавая из рук в руки. Она же отдается каждому из них, надеясь найти в нем верного мужа. Брошенная, в конце концов, на произвол судьбы, одна, с детьми разврата, слепыми, больными, слабоумными, страдает она, пока не будет спасена богом.

Падение Софии повлекло за собой цепь катастрофических событий вплоть до образования земного мира. Он создан детьми Софии — Ялдаваофом, протоархонтом, и другими архонтами — из материи по искаженному и замутненному образу божественной мудрости. Искры духа и света, оторвавшиеся от Плеромы, пребывают в этом мире на чужбине, в плену и неведении, как дети, забывшие своих родителей. Земное существование для них — это своего рода инобытие, отчуждение, утрата своей сущности.

Во втором, радикально-дуалистическом варианте гностицизма, отклоняющем миф о падении Софии, сотворение несовершенного земного мира было вменено в вину злому богу или демону, которого отождествляли то с ветхозаветным богом гнева Яхве, то с Сатаной. Близкий к гностикам Маркион сравнивал правящего миром ветхозаветного бога с античным деспотом, который жаждет превыше всего почестей и покорности своих подданных, стремится быть справедливым, но слишком глуп, мелочен и пристрастен для этого. К данному варианту примыкали учения мандеев и манихеев. Мандеи¹ считали земной, планетный и звездный миры порождениями дьяволицы Рухи и ее сына Ура, пребывающих в «черной воде» и противоборствующих

¹ Гностическое учение, возникшее в Месопотамии в I в. н.э. Они почитали Иоанна Крестителя пророком, но не принимали учение Христа, а название происходит от арамейского «*manda*» — «знание».

«белой воде» (эфиру) и ее главе Царю Света. Мани¹ восстановил зороастрийскую идею нападения царства тьмы на царство света. Тёмное царство мыслилось им одновременно как собрание демонов, возглавляемых Князем Тьмы (он же Ариман, Сатана, Главный Архонт и т.д.), и как материя, тождественная хаосу, беспорядку и даже похотливости. Тьма и ее порождения стремятся поглотить световые частицы и держать их у себя в плену. Земные вещи и люди суть сгустки тьмы с большими или меньшими световыми вкраплениями. Князь Тьмы распространяет зло, разжигая в людях вожделение, дабы они, размножаясь, увеличивали количество тюрем для света. Но материальная тьма способна к самопожиранию, и задача манихея заключается в том, чтобы данной способности содействовать. В конце истории, после мирового пожара, материя во всех ее проявлениях и со всеми жертвами будет навечно свернута в шар и упрятана в гигантскую яму. (Как и в чем можно вырыть яму, если материя уже «в шаре», просьба не спрашивать, не мы это придумали).

К архетипу Сатаны относится то, что, несмотря на свои весьма странные фантазии, гностики высоко превозносили Знание. **Знание** — это важнейшая составляющая архетипа Сатаны. Что характерно, с этим согласны даже церковники. В качестве иллюстрации приведем мнение Жана Бадье, демонолога, написавшего свой труд «*Daemonomanie des Sorciers*» в 1580 году:

Нет сомнения, что дьяволы имеют во всем глубокие познания. Ни один богослов не истолкует священное писание лучше, чем они; ни один юрист не знает более детально, как составлять завещания, договоры и акты; ни один врач или философ не сможет лучше них разобраться в человеческом теле, в небесных силах, звездах, птицах и рыбах, деревьях и травах, металлах и камнях.

Олицетворением гнозиса, верховным главой небес и эонов, совмещающим в своем лице всю их полноту, символом высшего единства всех потенций человеческой души (а не отдельно «добрых» и «злых»), был Абракасас (Αβραξας) Как вы думаете, что впоследствии стало с одним из олицетворений Знания? Правильно, он тоже был зачислен в демоны, соратники Сатаны.

¹ Подробно о манихействе будет далее в соответствующей главе.

В заключение главы приведем одну из гностических легенд, которая вполне подходит к теме сатанизма. По ней Землю создал не бог (Ялдаваоф), а Сатана (Сатанаил), а бог, придя позже, «отретушировал» творение по-своему и самозвано объявил себя создателем. Потому-то так и живет на Земле, что изначальная гармония нарушена. Сатана же ушел творить миры дальше. Эстетическим штрихом к легенде служит обоснование того, почему людям так нравится смотреть на безоблачное звездное небо: они видят звезды, которые сотворены совершенными и до которых не добрался «ретушер».

Концепции создания Земли злым богом также придерживался один из ведущих гностиков II-го века Марикон. Согласно его учению, Демиург, создатель материального мира, одновременно выступает как *conditor malorum*. Благой же Бог — добр и милосерд, однако до миссии Христа о нем вообще ничего не было известно, да и после картина не особо прояснилась — он остается «сокрытым». Неизвестно в точности, представлял Марикон Сатану как творение Злого Бога или им самим, так как не сохранилось его высказываний на эту тему. Первый вариант был бы излишним усложнением (что, впрочем, гностики любили делать), кроме того, Тертуллиан в сочинении «Против Марикона» пишет, что бог-творец у того именовался как *auctor diadoli*.

Нужно заметить, что, помимо Знания, необходимо для развития также и **творчество**, что тоже относится к архетипу. Так сказать, творческое переосмысление действительности в случае, когда она не устраивает — а где вы видели реальность, устраивающую полностью? В сатанизме существует уважение к любому творчеству, как бы оно ни было идеологически окрашено, ибо, даже если нет уважения к содержанию, может быть уважение к безупречной форме. Творец оценивается по мастерству, что позволяет исключить как ненужные, загромождающие общую картину, иные параметры, будь они связаны с происхождением мастера, его убеждениями, личностными и моральными качествами. Что касается последнего, упрек в аморальности справедлив, если можно так выразиться, поскольку моральные критерии попросту не вводятся.

Архетипу, которому посвящена эта книга, соответствует также переосмысление мифа о грехопадении. Поскольку Демиург не является истинным богом, то бунт Адама с Евой против Яхве

имеет прямо противоположный христианскому смысл, а Змий рассматривается как благодетель человечества, который обучил людей гнозису, познанию добра и зла¹, который бог-творец пытался от них скрыть. Гностические течения сефиан, наасенов и офитов непосредственно почитали Змия.

Следует отметить, что мы вовсе не превозносим гностицизм. Их стремление к знанию на практике не лучше многого незнания. Да и теософия — его, гностицизма, дитя. Мистика — мистикой, но нельзя же с умным видом рассуждать обо всех этих эманациях и пр. Не Платоновы ли это идеи, оспоренные еще Аристотелем, и выраженные другими словами? И в придачу ко всему все это запутано донельзя, приправлено неизвестно откуда взятыми измышлизмами и просто неверными представлениями.

К примеру, гностицизм (скажем осторожнее — основная его часть) отрицал Яхве как высшее божество. Казалось бы, отрицание Яхве можно записать в плюс, но при этом эти же гностики вводили некоего Пантократа, забывая (или не зная), что в Септуагинте это слово — обычный перевод слова «Саваоф» («Ц'баот»). Но ведь Сына Божия в лице Иисуса Христа гностицизм признавал (Христос — не сын иудейского Яхве, но Первоначала). Или, что еще запутаннее, «расщеплял» его на Иисуса, Христа, Сына, Логоса, Свет, Мудрость, Спасителя и т.д.

Таким образом, гностики наглядно иллюстрируют не только проявление отдельных черт архетипа Сатаны, но и извечное желание чел-овечества подогнать реальность под себя, а не изучать мир *as is*. Декларируя стремление к знанию, гностики подменяли знания «духовными мечтаниями» © А.Ш. ЛаВей, и, что характерно — при этом совершенно искренне считали, что именно к знанию они и стремятся.

¹ Добра / Зла, разумеется, нет (см. соотв. главы), здесь мы лишь использовали цитату из ВЗ в неявном виде. Впрочем, возможна трактовка выражения «станете как боги, знающие добро и зло» в смысле «узнаете, что это — лишь иллюзии».

Дьявол в христианстве

Разум есть величайший враг веры; он не является помощником в делах духовных и часто борется против божественного Слова, встречая все, что исходит от Господа, с презрением.

Мартин Лютер

В иудаизме назревала потребность обелить единого бога, очистить его от злого элемента, раз уж такое понятие окончательно сформировалось в умах толпы. Это привело его на ступень христианства¹, в котором бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательной силой, выделившейся из его компетенции. Ответственность за существование этой силы возлагается на Сатану, врага бога, который своими кознями подлил дегтя в богово творение, а также на человека, который поддался искушению Дьявола, ступив на путь греха (интересно, что на заре христианства Ориген считал, что в самом конце все раскаются и придут к богу, включая всех демонов и Сатану лично. Но эта точка зрения не распространилась, так как при этом пугать прихожан более затруднительно).

Эта «злая» Сила захватила власть над миром и испортила его настолько глубоко, что громадный период человеческой истории до явления «спасителя» проходит в христианских понятиях под властью Сатаны, от которой не могут избавить человека ни вера в бога, ни добродетельная жизнь: все ветхозаветные праведники очутились в аду и были выведены оттуда Христом. Для спасения чел-овечества становится необходимою жертва со стороны самого всемогущего бога²: сын божий должен предать себя в добычу смерти, которую хитрость Сатаны ввела в мир³.

¹ Однако начался этот процесс раньше — с развития дуализма в иудаизме после вавилонского плена. Сравните 2 Цар. 24:1 (довавилонский период): «Гнев Господень опять возгорелся на Израильтян, и возбудил он в них Давида сказать: пойди, исчисли Израиля и Иуду» и 1 Пар. 21:1 (поствавилонский период): «И восстал сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян».

² Непонятно, каким образом возникает *необходимость* для *всемогущего*, но здесь мы не занимаемся критикой противоречий христианской мифологии.

³ Это психологическая трактовка, ее очень подробно разбирал Карл Густав

Соответственно, как мы и показывали ранее, одновременно с вводом людьми излишней сущности в мироздание появляется противоположная, отвечающая реальному в Природе¹. Так одновременно с появлением Христа возник Антихрист². С учетом того, что сейчас существует множество конфессий подобного плана (только христианских насчитывается около двух тысяч), то сатанизму присущ **антимонотеизм**³. В иудаизме, несмотря на наличие единого бога, антимонотеизм невозможен из-за того, что иудеи считают своего Яхве делающим как добро, так и зло людям (как атеизм или антитеизм, конечно же, вполне может быть, но

Юнг. С точки же зрения теологии развитой концепции такого в дохристианском иудаизме нет и, думается, еще долго бы не было, если бы не сама нелепая смерть Иисуса. Развитие самой этой концепции не наблюдается в речах самого Иисуса (предсказание о своей смерти не только приписаны ему, но и не несут той казуистики, которую мы знаем по христианскому учению). Она есть в Новом завете в речах апостолов (Деян.8:30 и след.), но наиболее развита у Павла. Хотя, что примечательно, Павел, как и другие апостолы, рассматривает в качестве жертвы не Бога, а Совершенного Человека (Второго Адама).

¹ В теориях, претендующих на объяснение реальных фактов, излишние сущности *всегда* вводятся парами, просто это не все и не всегда замечают. Объяснение — в неравновесной термодинамике.

Пусть существует сложная динамическая система, находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия. Это условие просто необходимо, если описывается именно *система*, а не процесс. И пусть существует теория, пытающаяся описать внутреннюю структуру этой системы. Идеальная теория: непротиворечивая, предсказательная и не имеющая избыточности (лишних сущностей) — полно и адекватно описывает эту систему. Если же в эту теорию внести значимую избыточность, появится вектор, пытающийся «столкнуть систему» в неустойчивое состояние. Но так как *de facto* система (не путать с состоянием системы) *устойчива*, в теорию просто необходимо ввести *еще одну* лишнюю сущность, которая будет *противостоять* первой, обеспечивая баланс устойчивости, наблюдаемый в реальности. Иначе теория будет просто отвергнута как неадекватная. Вот и получаются строго противоположные сущности-пары: позитив/негатив, добро/зло, бог/черт, творец/деструктор и т.д.

² Известный манихей Лактанций (245-325) в своих «Божественных установлениях» писал (2:8): «...он [бог] привел эти два начала к борьбе, но одно из них возлюбил как сына, а от другого отрекся как от дурного».

³ Антимонотеизм нельзя назвать чертой архетипа Сатаны, хотя он имманентно присущ сатанизму. Дело в том, что это понятие вторично и не универсально — ведь если не было бы монотеизма, то откуда бы взялся антимонотеизм? В архетип Сатаны входит не антимонотеизм *per se*, а черты, которые антагонистичны многим архетипическим составляющим монотеизма. Так что в первой редакции у нас здесь была ошибка.

архетипическое развитие невозможно).

Правильнее сказать, христианский бог решил устроить фарс: предвечная божественная сущность корчится, изображая смерть на кресте, прекрасно зная, что, сыграв эту комедию, она отправится «домой», к «папочке». Собственно говоря, учитывая то, что сам Христос знал о предстоящем воскрешении, то фраза «Иисус умер за нас» абсолютно эквивалентна «Христос принял снотворного и выспался за нас». И, как ни странно, верующим этого вполне достаточно для объявления его «Спасителем». Стоит ли удивляться, что «искупление» не принесло никакого практического эффекта?

Нам говорят: «Христос воскрес»,
И сонмы ангелов с небес,
Святого полны умиленья,
Поют о дне освобожденья...
И больше тысячи уж лет,
Как этой песне вторит свет...
Но отчего ж со всех сторон
Я слышу вопли, плач и стон?..

Петр Ткачев. 1862 г

Если сам принцип Сатаны как противника бога христианство одолжило из персидского зороастризма, то его атрибуты и характеристики подхватило из языческой культуры Римской Империи. Образ Дьявола (Сатаны) был переработкой иранского Аримана. А в дьявольское воинство были разжалованы «чужие боги», т.е. боги тех народов, религия которых потерпела поражение в борьбе с иудаизмом.

Действительно, не творением ли Сатаны был пестрый политеизм, который очаровывал и соблазнял души? Юпитер, Меркурий, Венера, Марс и все боги Олимпа не были ли его воплощением, или, по крайней мере, служителями его воли, исполнителями его планов? Жизнерадостная, роскошная культура язычества, процветание искусств, отважная философия, власть богатства и честолюбия, идеалы героизма и гедонизма, беспредельная радость жизни — не его ли все это обманы, не способы ли и орудия его владычества? Римская империя — не царство ли Сатаны? О, конечно! Это Сатану обожают в храмах, это его славословят на публичных празднествах, это Антихрист сидит на троне цезарей.

Именно благодаря Нерону, который первым из римских императоров начал гонения на христиан, как раз и возникло то самое засекреченное имя — 666.

Впрочем, неких смутьянов (может, и христиан) гонял еще Клавдий. Но на Нероне настаивал тот же Тертуллиан, поэтому эта версия принята в качестве «официальной». Р. Хазарзар, рассматривая эту проблему в своей книге «Сын Человеческий», писал: «До Нерона христианство не подвергалось крупным гонениям со стороны Рима, ибо в глазах столицы империи оно являлось всего лишь одним из течений культа Яхве. Тертуллиан пишет: "Нерон был первым, кто стал преследовать наше учение, когда, покорив весь Восток, стал особенно свирепствовать в Риме¹. Мы хвалимся таким зачинателем гонения, ибо кто же, зная его, не подумает, что Нерон не осудил бы христианства, не будь оно величайшим благом" (Tert.Apol.V.3; Eus.НЕ.II.25:4)».

Следует отметить, что количество христианских мучеников неимоверно преувеличивалось официальной церковной историографией. См. по этому поводу К. Дешнер, «Криминальная история христианства», т. 1: «Серьезные исследователи оценивают число христианских жертв по случаю, не бесспорно, в 3000, в 1500 человек — *за все три столетия!* ...Ориген — чей собственный отец был мучеником и был подвергнут пыткам, — называет число христианских мучеников-подвижников "маленьким и легко исчислимым"». Такое беззастенчивое передергивание основывается на стандартной чел-овеческой черте, о которой писал Ницше:

Мнимые ступени истины. Одно из обычных ошибочных умозаключений состоит в следующем: так как кто-то правдив и искренен в отношении нас, то он говорит правду. Так, дитя верит в суждения своих родителей, христианин — в утверждения основателя церкви. Точно так же не хотят допустить, чтобы все, что люди защищали в прежние века, жертвуя своим счастьем и жизнью, было только заблуждением; вместо этого говорят, что это были ступени истины. Но, в сущности, полагают, что когда человек искренне верил

¹ Не будем придирааться к плохому знанию Тертуллианом римской истории. Не Нерон покорял восточные провинции. Разве что он пытался это сделать с помощью искусства, когда гастролировал по Греции.

во что-либо, боролся и умер за свою веру, было бы слишком *несправедливо*, если бы его одушевляло, собственно, только заблуждение. Такое явление представляется противоречащим вечной справедливости; поэтому сердце чувствующего человека всегда утверждает против его головы следующее положение: между моральными действиями и интеллектуальными познаниями всегда должна иметься необходимая связь. К сожалению, дело обстоит иначе: ибо вечной справедливости не существует.

Как известно, книга Апокалипсис по сути положила начало истории христианства. Когда же христианство окончательно отпочковалось от иудаизма в самостоятельную и враждебную иудаизму религию, то проиудаистская книга Апокалипсис Иоанна Богослова была чуть ли не еретическим произведением. После IV столетия Апокалипсис вместе с еще несколькими десятками книг не включается в чтение во время богослужения, не истолковывается церковными деятелями, не переписывается. В православной, католической, армяно-григорианской и иных исторически древних церквях Апокалипсис и сейчас по традиции не читается в храмах, исключен из богослужебного цикла. Однако в 692 году христианская церковь передумала и приняла решение включить Апокалипсис в число книг священного писания¹, уж очень хорошо им было стращать верующих. Надо сказать, что это уже был не тот Апокалипсис, который писал Иоанн на острове Патмос. Это был даже не тот Апокалипсис, что был известен христианам 3-4 столетия. Существовало мнение, что изначально в Апокалипсисе число зверя равнялось не 666, а 616².

¹Апокалипсис изначально не всеми принимался в качестве канона. Многие апологеты на него не ссылались как на авторитет. В первой четверти IV века Церковь не признавала богодухновенности большинства так называемых соборных посланий и Послания к евреям (Евсевий, Церковная история, VI.13:6). Согласно Лаодикейскому собору 363-го года, в состав Нового завета вошли 26 книг (кроме Откровения Иоанна). После этого вопрос о новозаветном каноне подвергался обсуждению еще на двух соборах — Гиппонском (393 г.) и Карфагенском (419 г.), — пока, наконец, не был «окончательно решен» в 692 году на Трульском соборе. — Р. Хазарзар, «Сын человеческий».

² W.: Интересный факт: некогда в Москве в Черемушках существовал автобусный маршрут №666. С перестройкой активизировались верующие, и номер автобуса сменили. На №616. То ли кто-либо знающий сделал, то ли Сатана пошутил.

Выдающийся деятель раннего христианства Иринеи Лионский (140-202 гг.) писал, что некоторые еретики ошибочно используют 616 (Иринеи, Против ересей, V 30:1). В 542 году цитирует Апокалипсис с числом 616 известный богослов Цезарий из Арла.

Возвратимся к числу Апокалипсического зверя. Официальный титул Нерона был «Nero Caesar», Неро Кесарь (в классической латыни «С» произносится как «К», в средние века произношение изменилось на «Ц»). В еврейском алфавите нет гласных букв; при написании слов гласные буквы или пропускаются или обозначаются диакритическими знаками под или над согласными. Звук «О», например, обозначается буквой «В» (вав) с точкой над нею. Таким образом, титул Нерона иудеи тогда писали так: «רנס ורנ». Кто из евреев умел считать («имел ум»), то, принимая буквы за цифры (соответствие букв числам характерен для той эпохи), мог подсчитать «число Зверя».

Титул и имя Нерона — кесарь Нерон (קסר נרון), то есть: $100 + 60 + 200 + 50 + 200 + 6 + 50 = 666$.

С другой стороны, латинское Nero уже в древности записывалось в еврейском и греческом как נרון и как Νερων. То есть в латинском n произносилась, но в именительном падеже не записывалась (при склонении сразу же появлялась, ибо присутствовала в основе). А в еврейском и греческом не только произносилась, но и записывалась.

Таким образом, получаем $50+200+6+100+60+200 = 616$. А в случае «Нерон Кесарь» добавлялась буква «נ» (нун = 50), почему в списках Апокалипсиса в подсчетах числа зверя и появляется число 666. Это число вошло в канонизованный в 692 году текст Апокалипсиса.

Хотя опять же — вероятно, как говорилось выше, что евреи очень даже писали нун в конце. Скорее уж латиняне, глядя на латинское письмо, считали по еврейским значениям и не досчитывали 50 (конечного n). Отсюда и появились еретики, о которых упоминает Иринеи, так что все-таки 666 — более предпочтительно для оригинала, ибо он был не латинским, а греческим, написанным евреем. Но все это малосущественно в контексте нашей книги.

В качестве развлечения и демонстрации «ценности» такой игры цифрами, приведем следующие вычисления: в официальных документах папа римский называется «Наместником Сына Божьего», на латыни «Vicarius Filii Dei». Подсчитаем численное значение папского титула: V=5; I=1; C=100; A=0; R=0; I=1; U(V)=5;

S=0; F=0; I=1; L=50; I=1; I=1; D=500; E=0; I=1; 112 + 53 + 501= 666.

Со средневековых времен по настоящее протестантские церкви считают папу римского апокалипсическим зверем, число которого 666.

Что интересно, многие даже не догадываются, что это число — изначально солярный символ, имеющий непосредственное отношение к Каббале. 666 — сумма чисел магического квадрата, соответствующего демону¹ Солнца. Если учесть, что Солнце дает жизнь всему земному — то весьма показательно, что христианская религия, антижизненная по сути, борется против такой символики.

Впервые назвали Сатану Дьяволом (от греческого διαβολος — клеветник) 70 толковников Септуагинты, пытаясь сделать образ максимально непривлекательным. Это новое слово отдаленно напоминало латинское слово Deus — бог. И когда подразумевались языческие боги, можно было, исковеркав слово, назвать их не Deus'ом, а Diabolus'ом. При этом так и осталось непонятным, на что же Дьявол, собственно говоря, клеветает (стандартный пример про изгнание из рая разобран выше). Как легко видеть, концепция «сатаны-прокурора» в иудаизме и «Сатаны — пугала для верующих» в христианстве значительно отличаются. Однако, как мы замечали выше, такое отношение верующих лишь подпитывает соответствующий эгрегор.

Христианство было палимпсестом², оно впитало фрагменты и мифы из многих других религий (Сравните с зороастризмом выше. Даже водное крещение практиковали ранее в митраизме). Кое-какие черты были перенесены на своих героев, большинство

¹ Греческое δαίμων обозначает вообще божество, без различий по шкале добра/зла, как стали делать христиане позже. У Гомера δαίμων является полным синонимом θεός, а полное определение демонов как «злых» произошло только в Септуагинте.

² Интересно, что при нашем исследовании постоянно приходится наткнуться на интересные совпадения каламбурного характера (помните, выше было про «ублюдка»?). Вот и здесь, хотя мы изначально имели в виду под палимпсестом повторно использованный пергамент со стертым ранним текстом, выяснилось, что в медицине термин обозначает «выпадение из памяти значительных промежутков времени в состоянии алкогольного опьянения» и является одним из признаков хронического алкоголизма II-б степени, что тоже вполне подходит к ситуации христиан как «Иванов, родства (и много чего еще) не помнящих» (скажем, многие возражают против того, что Христос — еврей).

же элементов наклеили на Дьявола. Боги, потеряв свои храмы и алтари, не умерли, не исчезли, но влились в образ Дьявола. Трансформировав старый культ в объект страха и отвращения, христианство сплотило толпу против «общего врага».

Таким путем Сатана как единый образ унаследовал от сонма древних богов весь мир. Все, несовместимое с христианством как религией греха, страха и покорности, пресекающей жизне-радостность, прямой взгляд на вещи, свет, веселье и наслаждение; несовместимое с религией, враждебной природе и жизни... Обобщая: под властью Сатаны оказался *весь* мир — весь, кроме иллюзорных «духовных» мечтаний.

Но даже они частично оказались под эгидой Дьявола: с точки зрения ортодоксального христианства он помогает еретикам (помните знаменитые карикатуры типа «Дьявол диктует Лютеру»?).

На Дьявола было взвалено столько ответственности, что убрать из мира столь деятельную и творческую силу, и даже уни-зить ее, оказалось невозможно.

Под протекцией Сатаны оказались и природа, и социум.

Христианство в своей ненависти к природе, инстинкту и разуму прокляло жизнь и сатанизировало мир.

В любой антропоцентрической эзотерической системе сказано, что человек несчастен из-за эгоизма, ибо эгоизм при само-насыщении лишь разгорается (постулат, верный для носителей «чел-овеческого, слишком чел-овеческого»). А что такое эгоизм и гордыня? Согласно Шопенгауэру — прямые следствия «мировой воли», воли к жизни (природы — в язычестве). Потому-то шопенгауэровское убийство в себе воли к жизни в иудаизме и христианстве, например, называется отрешением от эгоизма. Ну а свято место пусто не бывает. На место воли к жизни придет святой дух (человек, по христианскому учению, — храм для Духа Святого).

Жизнь с ее ежечасными, ежедневными, еженедельными и ежегодными, маленькими, большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее неудачами и разочарованиями — эта жизнь несет на себе такой явный отпечаток неминуемого страдания, что трудно понять, как можно этого не видеть, как можно поверить, будто человек существует для

того, чтобы быть счастливым.

А. Шопенгауэр, «О ничтожестве и горестях жизни»

Вот такой пессимизм. Прогресс — суета, «нет ничего нового под солнцем», Иисус отрицал материальные блага. Можно ли «искупиться»? Можно. По Шопенгауэру — через убийство в себе воли к жизни¹; по христианству — через веру, что обозначает то же самое: убийство в себе жизни ради посмертия.

Если бы свои последние слова я хотел пояснить примером и, следуя философской моде нашего времени, попытался превратить в основные понятия моей философии глубочайшее таинство церкви, то я мог бы, с допускаемой при подобных толкованиях вольностью, сделать это следующим образом. Святой Дух, это — безусловное отрицание воли к жизни.

А. Шопенгауэр, «Идея этики»

Сатанинский же подход к этой проблеме более оптимистичен:

Глупец рыдает и рвет на себе волосы, когда его желания не исполняются. "Все зло от человеческих желаний", — говорит, глядя на него, аскет и уходит в пустыню. Но он ошибается: зло не от желаний, а от глупости, с которой человек полагает, что все его желания обязаны непременно исполняться.

Warrax, «Мысли вслух»

Ubique daemon! По Иерониму², весь воздух полон демонами, дрожит от их крика и плача о смерти богов, в каждом цветке, в каждом дереве — демон, потому что он — радость и плодородие, богатство и красота (Sic!). Еще глубже это почувствовали в средние века. Аббат Рикальм заявляет:

Дьяволов в воздухе, — что пылинок в солнечном луче;
более того, самый воздух есть род дьявольского раствора,

¹ Что он, по-видимому, позаимствовал из буддизма.

² Отшельник, один из «отцов церкви» (второй по значению после Августина), живший в IV веке. Более всего прославился переводом Библии на латинский язык с попутной адаптацией ее под христианские идеи. Именно этот перевод, известный как Vulgata, был признан католической церковью каноническим — "подлинным и богодухновенным".

в котором утоплен человек. В каждой складке жизни сидит демон. Дьявол ревет в ветре, пылает в пламени, чернеет во мраке, воет в волке, каркает в вороне, шипит в змее, прячется в плоде, в цветке, в песчинке.

Он — всюду, он — душа вещей. А где же, скажите, единый бог?

Упомянутый аббат Ментальской обители, Рикальм, возлагает на бесов и Дьявола ответственность за каждую бытовую мелочь, вплоть до каждого побуждения к почесыванию, чиху, зевоте. Вот уж, действительно, кто оказался вездесущим и без чьего ведома не упадет с головы ни единый волосок!

Подданными царства Сатаны оказалось практически все человечество. Он был патроном всего бесконечного разнообразия слов, дел, помышлений, обычаев, которые христианская совесть классифицирует под именем «греха». Каждая мысль, не направленная к богу — грех. Девица, бессознательно вызывающая влюбленные вздохи юношей, грешит и уже этим одним, по мнению святого Киприана, теряет девственность. Женщина, которая прекрасна, бессознательно грешит, ибо вследствие красоты своей она уподобилась серпу, которым Сатана жнет свою жатву. Супруг грешит, если делу деторождения уделяет больше интереса, чем любви к богу. Монахиня, моющаяся больше, чем два раза в месяц, грешит. Августин объявил любую исследовательскую и научную деятельность «грехом очей». Папа Григорий Великий даже запретил мирянам обучаться грамоте. Интеллектуальность, свойственная Дьяволу, заставляла церковь подозревать в сношениях с ним каждого ученого и по возможности уничтожать его как ученика Сатаны¹.

Особо интересно отметить здесь разницу между устоявшимися со времен начала христианства терминами. Последователи Христа всегда называли себя *рабами* божьими² (К примеру, Рим. 6:22

¹ Сравните с цитатой из А. Меня на стр. 79.

² Иногда священники пытаются сказать, что употребленное в оригинале слово «значит слугитель или соратник Божий и одновременно отрок, то есть ребенок, который уже вырос, но еще не совсем. С ним уже можно общаться как со взрослым, но при этом еще можно заботиться о нем как о ребенке — вот что такое "раб Божий!"» (свящ. Г. Чистяков, «Страх божий — что это значит?»). Но, во-первых, почему в современном языке используется именно «раб», и ничто иное? Во-вторых, слово оригинала עַבְדָּ «эвед», обозначающее в современном иврите только «раб», действительно в древности

«Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная»), между тем, как верно заметил Климент Александрийский (150-210 гг.), Сатана не делатель (*εφευρος*) греха, но помощник (*συνεφευρος*) в грехе. Как сказал Д. Линкольн: «Дьявол — джентльмен; он никогда не входит без приглашения». Пытаясь обосновать свободу воли верующих в связи с проблемой теодицеи, богословы способствовали формированию черты архетипа, которую условно можно высказать как **«Сатана не навязывает свои услуги, но помогает сумевшим к нему обратиться»**. Впрочем, это не является чем-то новым — см. главу про язычество, Тёмные боги древности отличаются этой же особенностью, которая сохранилась в архетипе.

Итак, с т.з. христианства всюду грех, всюду вечное проклятие, всюду власть Сатаны. Если христианский бог только *провозглашается* всемогущим хозяином Мира, то христианский Дьявол является им *фактически*. Он даже не разделял с Богом власть над Миром, не просто получил свою вотчину — Ад, который по современной христианской мистике, определяется уже не как кухня с котлами и сковородками, а как место, где бога нет (Бойтся появляться? И что там насчет вездесущности?), — а захватил весь Мир целиком.

Сатана — *действительно князь мира сего*.

Что же осталось под властью бога «добра»? Ничего, кроме надежды на посмертие в головах верующих в него, их страха и немощи! Ну, разве что еще некий «рай», о котором даже верующим ничего точно неизвестно, кроме того, что там опупеть как хорошо.

Это один из аспектов представления о Сатане. И в этом аспекте его в наших глазах не в силах затмить ни жалкий лепет о всемогуществе бога, ни гротескный портрет Дьявола, разработанный для внушения страха и отвращения пастве.

Христианство пыталось обратить Сатану в своеобразную систему народного воспитания «от обратного». Проповеди почти исключительно вертелись вокруг Дьявола и адских казней, порожденных дикой фантазией священников. Сатана стал героем бесчисленных дидактических легенд и притч, отвечающих решительно на каждый случай, на каждую мысль житейского обихода.

имело еще значение и «слуга». Но никак не «соратник». Перевод же «отрок» остается на совести Чистякова.

Пастве внушалось: если не с нами, то, значит, с Сатаной, а что такое Сатана — вот, любуйся. И христианство лепит портрет дьявола из понятно какого материала, причем выделяет этот материал оно же само.

ДЬЯВОЛ — главный министр небесного двора, рычаг, при помощи которого работает церковь. Бог одним словом мог бы повергнуть его во мрак небытия, но он остерегается это сделать: бог сильно нуждается в нем, так как на его счет он может относить все глупости, в которых могли бы обвинить его самого. Поэтому он оставляет дьявола в покое и терпеливо переносит все его выходки по отношению к своей супруге, к своим детям, к самому себе. Бог не может обойтись без дьявола, богобоязненность часто не что иное, как страх перед дьяволом. Не будь дьявола, многие набожные люди никогда не помышляли бы ни о боге, ни о его духовенстве.

Аббат Бернье¹, «Карманное богословие»

Именно из этого источника растут корни тезиса массовой культуры «сатанизм — это христианство наизнанку»². Как всегда, популяризация приводит к максимальному упрощению концепции вплоть до полной потери главного содержания — как мы показали в работе, сатанизм *de facto* значительно древнее христианства.

Частью этой тощей фантазии является и стереотип дьяволопоклонника, язычника, еретика, не говоря уже о ведьмах и колдунах³. Их портрет делается максимально отталкивающим для

¹ Псевдоним Поля Гольбаха.

² Сравните: И.П. Павлов неоднократно в 30-х годах, когда занялся психиатрией, по разным поводам он говорил: «...это все равно, что исследовав шизофреника, начать заявлять, что у всех остальных — явные отклонения в психике, т.к. они не испытывают тех же бреда и галлюцинаций». См, например: Павлов И.П. Полное собрание сочинений в 6 томах. Издание второе. — Москва-Ленинград: Изд. Академии наук СССР, 1952

³ Несколько не в тему, но весьма любопытная историческая справка: если про деяния инквизиции знают все, то мало кто слышал о постановлении падерборнского собора 785 г. (не отмененного другими соборами до сих пор): «Кто, ослепленный дьяволом, подобно язычнику, будет верить, что кто-либо может быть ведьмой и на основании этого сожжет ее, тот подлежит смертной казни». Между тем, даже когда инквизиция канула в прошлое, гонения на «ведьм» продолжались и продолжались. Последней женщиной, официально

обывателя, причем обращение идет к одним и тем же образам (мы уже раскрывали эту тему). Правда, христианским художникам фантазии явно не хватает, и они применяют одни и те же сюжеты к римским императорам, к язычникам, к представителям конкурирующих церквей, к еретикам, к опальным тамплиерам, к ведьмам, к евреям, к масонам, наконец, к неоязычникам и современным сатанистам. Им инкриминируются половые оргии, заклятие младенцев, целование дьявола в задницу, всемирный заговор, патологическое стремление делать гадости¹... И нет никакого намека на действительную суть того или иного течения. Это и понятно, ведь христианская доктрина зачастую куда более убога, чем представления ее оппонентов, не укладывающиеся по сей причине в христианские понятия, а идеология не занимается «сутями», ее прерогатива — состояние и реакции социума и ничего больше.

Появились и те, кто к радости христиан взялся реализовывать их сценарий дьяволопоклонничества. Фантазии стало возможным подкреплять хоть каким-то фактическим материалом, размахивая им, дабы заслонить этим дутьшем реальную суть Сатаны.

Что интересно, наиболее связываемый с таким поклонением ритуал — Черная Месса — изначально обозначал вовсе не то, что сейчас. В момент возникновения термина так называли все то, что делалось не по канону католической церкви, включая службы других христианских конфессий².

Естественно, такая деятельность привела к тому, что популярное мнение о сатанистах стало весьма своеобразным. Что характерно, не по их вине. Поиск запретных (для обычных людей)

осужденной за ведовство, если мы не ошибаемся, была Анна Мария Шведелин из Лахена (Германия). Ее сожгли на костре в одном из баварских аббатств в самом конце XVIII века.

¹ Это понятно с точки зрения психологии влияния: интуитивно подбираются своеобразные «образы зла», которые будут затрагивать стандартного субъекта практически любого общества, любого сословия, любого уровня развития. Основы — эмоционально-побудительные реакции: «отвращение-отвержение», «ужас-избегание», «стыд-неприятие». В общем — обычная манипулятивная тактика, в данном случае преимущественно интуитивная, хотя изредка к этому прикладывали руки и профессионалы.

² Т.е., к примеру, православная служба — это черная месса по изначальному определению.

знаний был заменен в общественном восприятии на имидж примитивных идиотов, практикующих жуткие обряды. Обратите внимание: если ранее эта тема была побочной (а еще они детей режут!), то теперь стала главным лейтмотивом.

Классический образчик такого рода деятельности: вторая половина XVII века, Катрин Деше (Ля Вуазэн).

В прошлом эта особа была парфюмершей, которая, погрязши в абортах и изготовлении самых действенных ядов для дам, желающих убрать неудобных мужей или любовников, нашла вошедшее в поговорку внезапное пристрастие в огненных обстоятельствах проведения «месс нуар».

Смело можно сказать, что 1666-ой год вошел в историю как год проведения первой «коммерческой» Черной Мессы. В районе к югу от Сен-Дени, который нынче называется Ля Гаренн, большой, обнесенный высокой стеной дом был куплен Ля Вуазэн и оснащен аптекой, камерами, лабораторией и часовней. Вскоре, не только для знати, но и для менее важных дилетантов стало de rigueur¹ присутствовать и принимать участие в проводимом там виде службы, упомянутом ранее в этой главе. Организованное там шарлатанство попало в историю под названием «настоящей Черной Мессы».

Когда Ля Вуазэн была, наконец, арестована 13-го марта 1679 года (по странному совпадению, — в церкви Пресвятой Богородицы Благовещения), клеймо уже было выковано. Упадочная деятельность Ля Вуазэн отдалила торжество сатанизма на многие годы.

А.Ш. ЛаВей, «Сатанинская Библия»

Однако даже из этого ушата дерьма, в котором радостно плескались отдельно взятые индивиды, к архетипу добавился интелесный нюанс — ужас обывателя перед Сатаной. За все это сатанизм несет такую же ответственность, как Наполеон Бонапарт за выходки всех «наполеонов» — пациентов психиатрических клиник, но сказать, что это вообще никак не относится к архетипу — уже невозможно. Яркие образы часто привлекают психопатологических индивидов.

¹ De rigueur (фр.) — согласно этикету, обязательно для поддержания статуса.

В XIX веке французский писатель Жюль Мишле, много писавший о ведьмах, увидел в черной мессе иной смысл: «Пренебрежение царством небесным, братство всех людей, поклонение божеству, олицетворявшему силы природы, принявшее неестественную и извращенную форму — вот истинный смысл черной мессы». Почти правильная мысль, разве что «братство всех людей» не имеет отношения к делу (а неестественность и извращенность рассматриваются с точки зрения христианства).

К сожалению, так называемый романтизм средневековья (возникающий в головах тех, кто реально не имеет познаний в истории, чтобы понять весь кошмар того времени), вкупе с непрерывной пропагандой христианами таких инсинуаций в течение нескольких веков, привел к забавному факту: отморожков, больных на всю голову, с которой не дружат, называют «истинными сатанистами», при этом напрочь забывая, что это мнение инспирировано как раз христианами. Картина полностью аналогична тому, что Россию обзывают «исконно православной», забывая про предков-язычников.

Обратите внимание, что по теме христианства ничего существенно нового к архетипу не добавилось, хотя повсеместно считается, что сатанизм в первую очередь является противостоянием именно христианству. Догадываетесь, почему? Правильно. Именно потому, что архетип уже давным-давно сложился, а вовсе не возник после распространения христианства, и добавлять к нему существенно уже нечего.

Единственное, в чем христианство сыграло значительную роль — это в фиксации в архетипе Сатаны **гордости**. Эта черта всегда была свойственна Тёмным богам языческого пантеона, но именно в христианстве она зафиксировалась за архетипом. Богословы выдвигали разные теории причин, по которым Сатана отошел от бога, вплоть до зависти людям, но в конце концов пришли к верному (в рамках мифа) выводу, что в любом случае все сводится к **гордости**: Сатана пожелал не зависеть от бога, а быть источником *собственной* славы. Разумеется, христианская традиция, апологеты которой сводили роль всех к рабам бога, сочла этот грех главным.

Эта черта архетипа прочно связана со **свободой воли** — помните, в иудаизме ангелы *не обладали свободой воли*? Т.е. Сатане надо было перейти на новый уровень развития, обрести **независимость**. В язычестве свобода воли была естественной, христианство же пытается то скинуть ответственность за «плохие

поступки» на Дьявола, то изобрести отмазку в виде «первородного греха». Августин заявляет: «...свободная воля в управляемом дьяволом человеке только к греху достаточно сильна, к хорошей же и благочестивой жизни бессильна, если сама предварительно не призвана к настоящей свободе божьей благодатью». De facto признается, что свободное волеопределение ведет человека отнюдь не к богу. Оправдания с применением концепции первородного греха здесь не работают — это аргумент теологический, а не архетипический, даже не метафизический. Августин просто подменил «свободу воли» некоей «свободной», но при этом *довлеющей* «божьей благодатью», *предопределяющей* волю и поступки человека: «...благодать дается человеку... все заслуги святых исходят от нее. ...венчая наши заслуги, Бог венчает только свои собственные дары». Сравните с Цицероном: «Своих добродетелей никто никогда не ставил в счет бессмертным богам»¹.

Благодаря христианству зафиксировалась еще одна черта архетипа. Учение Христа последовательно стоит на позиции милосердия. Скажем, в трактате V века «Против сект» Эзника Христос и Сатана спорят в Аду, кому достанутся души, и Христос утверждает свое милосердие, попирая требования Дьявола о соблюдении воздаяния по справедливости (см. также легенды на стр. 297). Противоположностью же милосердия является не жестокость, которая не противоречит сатанизму, но не входит в архетип², а именно **безжалостность**³.

Справедливость — это универсальный принцип, обладающий собственной ценностью. Он, может быть, не является

¹ В раннем христианстве еще встречались остатки языческой гордости, к примеру, пелагиане говорили богу: "Ты сделал нас людьми, но праведниками мы сделали себя сами". Но дальнейшее развитие христианства шло исключительно по пути все большего принижения человека перед богом.

² Может возникнуть вопрос: как же не входит, ведь согласно народным представлениям и т.п. в Аду всех пытаются и прочее. Дело в том, что подобные действия входят в концепт Дьявола декларативно, без какого-либо мотивационного обоснования (кроме как «так церковникам удобнее»). Обратите внимание — подобные сюжеты не встречаются в народных сказаниях и т.п., а только в церковно-пропагандистской литературе.

³ В том случае, когда на нечто обращается внимание. Милосердие подразумевает не только жалостливость, но и сочувствие; первому аспекту в обсуждаемом контексте противопоставлена безжалостность, второму — безразличие.

единственной ценностью (есть и другие), но, по крайней мере, он «светит собственным светом». Милосердие же вовсе не является принципом и не обладает собственной ценностью; это, скорее, «определенный способ утверждения определенных ценностей» [...] Милосердие — как луна, оно светит отраженным светом.

Это видно из простого примера. Можно вообразить полнейшее «торжество справедливости», fiat justitia, pereat mundi. Представим себе (например), что могучие маги заклинали неких духов, которые наполнили собой все стихии и стали строго осуществлять законы немедленного воздаяния: за каждый удар по чужому лицу невидимая рука из воздуха выдавала бы увесистую оплеуху, каждое бранное слово начинало бы звенеть в ухе ругателя, и т.д. и т.п. Это был бы строгий и не очень веселый мир, но жить в нем было бы как-то можно.

Но невозможно *представить* себе торжество милосердия, «полнейшее всепрощение» как принцип жизни — и даже не потому, что первый попавшийся «нарушитель спокойствия» быстро поставил бы всех на уши. Просто в таком мире само понятие милосердия быстро потеряло бы всякий смысл. Если уж милосердствовать по любому поводу, то надо прощать и отступления от милосердия: прощать как зло, так и месть, так и ненависть к обидчику, так и желание справедливости и его осуществление. В обществе сплошного милосердия быстро появились бы не только преступники (это бы ладно), но и их судьи.

К. Крылов, «Справедливость и милосердие»

В архетип входит безжалостность (не-милосердие), а не некая абстрактная справедливость. «Справедливость» — это выкидыш из того же места, что и «добро», «правда», «истина», «свобода». Это одно из химерных понятий, утопия, которой развлекает себя чел-овечество¹. К нему прибегают все кому не лень для оправда-

¹ W.: Вероятно, некоторые тут возмутятся — как так, тут написано против справедливости, а Warrax в работе «Нации и идеологии. Позиция русского социалиста» (<http://warrax.net/nhrs/nn00.html>) основывает социализм на справедливости! Это же противоречие! Ни разу — учитывайте контекст. Здесь речь идет о справедливости с т.з. «общечеловеческих ценностей» — универсальной справедливости действительно нет. В упомянутой же работе четко

ния своих притязаний, и она с легкостью натягивается на любую форму. Что служит мерой справедливости? Вспоминается Протагор: «Человек — мера всех вещей». И сразу же — Станислав Ежи Лец: «Человек — мера всего, до чего же удобно! Раз меряют великаном, раз карликом». Справедливость по своей сути — фактическая или мифическая оценочная конвенция о том, как «дóлжно», она всегда субъективна и временна, и далеко не всегда добровольна и разделяема. Реально подобные конвенции просто навязываются более сильной стороной.

Еще в древности делались попытки вывести релятивистскую формулу справедливости. Например, скептики, начиная с Пиррона, анализировали противоречия между представлениями о справедливости в различных культурах и делали вывод, что она состоит в следовании законам и обычаям своей страны. Но этим они практически привесили этот термин к *другому* понятию — благоразумию (которое в данном случае ничем не отличается от конформизма). А справедливость в частном смысле конкретного субъекта — это соответствие реальности интересам этого субъекта. Но тут вспоминается другой Крылов: «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать...».

Кроме того, христианство способствовало окончательному объединению диссоциированных ранее черт архетипа в единое целое и, как следствие, получению архетипом конкретного наименования¹. Христианству же сатанизм в первую очередь

указано, что социализм — это понятие, зависящее от менталитета нации. Именно поэтому социализм — т.е. общество, основывающееся на социальной справедливости — может быть лишь гационал-социалистическим.

¹ Почему именно «сатанизм», а не «шайтанизм» или «шиваизм», объясняется очень просто: de facto термин стал употребляться только с конца XIX-го века, а широко известен стал вообще благодаря ЛаВею, ранее гораздо чаще использовалось обозначение «дьяволопоклонник» ("devilworshipper"), а термином «сатанизм» обозначалось что угодно, противоречащее официальной церковной доктрине без какого-либо выделения конкретного феномена. А в XX-м веке наиболее развитыми странами, в культуре которых можно было найти все черты архетипа, являлись именно прохристианские страны, чья мифология основывалась на иудейской, где впервые и был упомянут Противник человечества, плюс на протяжении веков все хором думали о Сатане, подпитывая эгрегор. Так что имя «Сатана» наиболее соответствует архетипу.

«You impose your magical will, using the metaphors or images you feel most aligned with. You aren't limited to Judeo-Christian myths — though we do call our

противостоит исключительно из-за того, что христианство антижизненно по своей сути и широко распространено; более того — является социально приемлемым.

Интересно, что христиане и сами иногда проговариваются о том, что полноценная жизнь — это Сатана:

Та религия античности, о которой идет речь, была, правда, побеждена христианством, но не уничтожена им; она всплывает наружу везде, где светоч христианства тускнеет, и если бы современной науке о мире, чином начальником которой признается Дарвин, удалось выработаться в цельное интеллектуально-этическое миросозерцание, то им стала бы именно античная религия иммермановского сатаны. [...]

Итак, живи всюю, живая тварь, развивай зародыши всех сил, вложенных в тебя природой; в этом не только наслаждение, но и заслуга. Раз вне жизни нет ничего, то закон жизни остается единственным обязательным для нас законом, единственным мериллом, дающим нам познать ценность всего, что окружает нас; хорошо все, что способствует осуществлению жизни. Хороша деятельность, но деятельность полная, всесторонняя, затрагивающая и призывающая к жизни по возможности все части нашего существа; хорошо напряжение этой деятельности, делающее человека героем, когда жизнь бурной волной разливается по жилам, когда чувствуешь, что все полно тобою и ты полон всем, когда все прошлое, все настоящее сливается в один упоительный миг; хороши страсти, ведущие к этому торжеству, — и отвага, и гнев, и любовь... особенно любовь. Тут закон жизни действует с удвоенной силой; природа, озабоченная сохранением и развитием породы также и вне существования особи, окружила всеми чарами, которые были в ее власти, момент этой передачи, этого излучения жизни. Она хотела, чтобы все стремились к этому высшему наслаждению чувств, так как только при этом всеобщем стремлении возможно всеобщее совершенствование и победа совершеннейших, с нею — передача достоинства, а с этой — постепенное

religion by the name of the antagonistic Judeo-Christian deity, Satan, because the majority of Western culture is still Christian» © LaVey (цит. по В. Barton, «Church of Satan»).

совершенствование породы, высшее осуществление закона жизни. Такова религия сатаны¹.

Ф. Зелинский, «Трагедия веры»

Стоит упомянуть об одном рецидиве в истории христианства, о повторении и развитии мотива, очень напоминающего иудейскую концепцию. Примат всемогущества бога перед идеей непричастности его ко злу еще раз блеснул во время реформации. И выдвинули его главные столпы реформации — Лютер и Кальвин. И тот и другой категорически отрицали, что свободная воля совместима со всемогуществом бога — если что-то существует в мире, то только потому, что бог этого пожелал, и наоборот: ничто не может существовать, если это существование богу не угодно. Он управляет каждой пылинкой во Вселенной и всеми созданиями, и Дьяволом.

Но зачем тогда нужен культ, наставления в вере, «борьба со злом», да и само пришествие Христа? И не следует ли из всего этого, что сам бог ответствен за «зло»? Лютер эти вопросы игнорирует. Раз зло существует, то на это есть воля божья. Но бог желает, чтобы добро боролось со злом.

Лютер различает два аспекта бога — ветхозаветного сурового и неумолимого судью и милосердного, любящего, благого, доступного только через Христа. Причем Лютер постоянно подчеркивает, что это только видимость: есть только один Бог, но ограниченным людишкам он кажется двойственным.

Дьявол — орудие бога, словно секатор в руках садовника. «Выполняя свои решения через посредство Сатаны как орудия его гнева, Господь направляет цели людей так, как Ему угодно, пробуждает их волю и укрепляет решимость», — говорит Кальвин.

Воля Бога может совпасть с желанием Дьявола, но цели у них разные: у бога цель всегда благая, у Дьявола — наоборот. Секатору нравится срезать сухие ветви, так как разрушение — его цель; но он никогда не сможет порезвиться там, где садовник не пожелает. И несмотря на то, что садовник своим секатором «делает больно» бедным веточкам, его благая цель — устроить прекрасный сад. Почему нужно разбивать этот садик таким примитивным образом, если ты всемогущий? Почему бы все сразу не вырастить,

¹ Все сказанное, впрочем, относится и к язычеству. Просто часто для христиан все, что не их конфессия — сатанизм.

как нужно? А это тайна! Мотивы божьих деяний человеку часто недоступны. Его ограниченному пониманию одно кажется злом, другое — благом, но в конечном счете любое зло оборачивается благом, поскольку все, что творит бог, есть благо.

Человек не располагает никакой свободой воли. Он подчинен либо божьей воле, либо сатанинской. Душа, поэтизировал Лютер, подобна лошади: когда на ней едет бог, она бежит туда, куда ее направляет бог, когда же на ней скачет Дьявол, она мчится туда, куда хочется Дьяволу. Оба всадника спорят между собой, кому принадлежит лошадь, но сама лошадь не имеет выбора: она подчиняется тому, кто в седле.¹ Те, кого избирает бог, не могут ему противиться, остальные же никоим образом не могут спастись.

Отсюда остался один шажок для абсолютного фатализма: бог своей волей определил судьбу всякого существа еще предвечно. Одних назначил для вечной жизни, прочих — обреч на вечное проклятие. И даже Христос, умерев, принес искупление не всем, а лишь избранным.

Примечательно, что то, о чем в Европе рискнули заговорить лишь в XVI веке, в исламскую доктрину входило изначально, над чем так любил иронизировать Омар Хайям:

Если я напиваюсь и падаю с ног, —
Это богу служение, а не порок.
Не могу же нарушить я замысел божий,
Если пьяницей быть предназначил мне бог.

Этот дуэт, Лютер и Кальвин, по ряду направлений добрался до логического предела. Правда, часто эти направления плохо согласовывались между собой. И все эти теологические изыски на практике не имели никаких последствий. Они ведь достаточно гибки, чтобы оправдать любую линию поведения. Например, можно задаться вопросом: «За что нужно было сжигать на костре Мигеля Сервета, если сам бог определил ему открыть функцию крови в организме и внушил не разделять взглядов Кальвина?» Ответ: «Но ведь и Кальвину сам бог предопределил требовать

¹ Обратите внимание, здесь о Дьяволе говорится так, будто он обладает волей и свободой, вопреки сказанному ранее. Т.е. и здесь проявляется архетипика: даже при постулировании отсутствия свободы воли для всех, кроме бога, у Сатаны она тем не менее присутствует. Шила в мешке не утаишь...

казни для Сервета».

Кальвин зашел дальше и был более последователен. Лютеру, видимо, мешали его личные отношения с Дьяволом, который спал с ним, по его собственному выражению, чаще, чем жена.

В заключение: можно даже *условно* сказать, что *первые* христиане по некоторым параметрам соответствовали сатанизму. Смотрите сами: они отвергали закостеневший иудаизм с его бессмысленными законами, вырабатывали *свою* философию, *свое* мировоззрение, преодолевая современное им общественное мнение¹... Почему «условно» — надеемся, понятно.

Я не ненавижу Христа, а, скорее, восхищаюсь им со своей точки зрения. Разве любой другой смертный (да, смертный, а не сын бога) человек когда-либо занимал умы людей в течение 2000 лет после его смерти? Нет! Мы знаем, что Христа можно было бы назвать самым великим сатанистом из всех! Как это так, Вы спрашиваете? Это очевидно: он велел каждому быть подвластным ему, он превознес себя как "Король Королей", заставил большую часть населения поклоняться ему, целовать его задницу, и это его желание осуществляется в течение двух тысячелетий²! Если бы я только мог

¹ До Савла иудаизм христианством, вообще говоря, не отрицался. Как и само мессианство. Первому епископу первой Церкви — Иакову, брату Господню — по исполнению предписаний Торы мог бы позавидовать любой фарисей. Потому-то множество фарисеев и перешло в христианство. Да и какая там была новая философия? Все тот же иудаизм с принятием верования в искупительную жертву Христа (ну и воскресение, разумеется). То, что первые христиане не видели в Иисусе Бога, сомнению даже не подлежит. Обожествление Христа происходило позже. Мессия вообще не должен, по воззрениям древних евреев, быть богом. Мессия — посланный Яхве человек, который должен установить Царство Небесное, которое в некоторых местах напрямую отождествляется с монархией евреев (1 Пар. 28:5; 2 Пар. 13:8). Теорию Мессии изобрели не кто иные, как пророки, а потом экзальтированные хасидеи, из которых вышли фарисеи и ессеи. Причем все они, кроме, быть может, ессеи и некоторых пророков (против царей выступал Иеремия, против священников — Исая), ратовали за спасение их от иноземного владычества, а не от бедности (хотя материальные блага и не отрицались) и не от собственной «верхушки».

² Следует отметить, что современное христианство и то, чему учил Христос — «две большие разницы», как говорят в Одессе. Но для формирования архетипа имеет значение общественное мнение, бессознательное восприятие,

управлять людьми подобно ему! Действительно, это был бы подвиг магии, любой человек был бы горд работать ради этого! ЛаВей называет его "Король Рабов", но все же я имею большее количество презрения для его последователей, чем для Короля непосредственно. Нужно признать, что количество власти, которую Христос имеет над людьми, беспрецедентно, и каждый сатанист должен стремиться к вершине этого подвига!

*Phil Marfuta aka The Dead Messiah,
Son of Ungod (CoS member)*

Впрочем, это лишь одно из мнений. С нашей точки зрения сатанисту не к чему стремиться к власти ради самой власти, а власть Христа не обретаена им самим, это власть его жрецов, эксплуатировавших его образ даже без его согласия. Так что цитата приведена просто как иллюстрация нестандартного взгляда на ситуацию.

которое может быть искаженным впоследствии, но при этом архетипические черты сохраняются (пример: свастика). С Иисусом же дело обстоит куда хуже: его учение исказили с самого начала. Таким образом, все, что вошло в коллективное бессознательное, является следствием деятельности христианских церквей, и не более того. Интересующихся Иисусом как исторической личностью адресуем к книге Р. Хазарзара «Сын человеческий».

Манихеи, павликиане, богомилы, катары

*Тот, кто живет для потустороннего
мира — опасен в этом.*

Р. Ингерсолл

Весьма часто называют сатанистами (или просто обвиняют в связях с Дьяволом) многие еретические течения христианства. Как правило, это делается безосновательно. Но, так или иначе, мы не можем обойти это вниманием.

Вернемся почти в начало христианской эры, в тот момент, когда зарождалось одно очень неприятное для церкви явление, ставшее основой многих ересей более поздних времен.

Речь пойдет о манихействе. Это учение возникло на Ближнем Востоке в III веке и представляет собой синтез халдейско-вавилонских, персидских и христианских мифов. Известное влияние на него оказал и гностицизм.

Мани или Манес (216-273 гг.), основатель данного учения, происходил из богатой парфянской семьи. Его отец был членом секты эльхаизитов (по взглядам родственной секте ессеев¹ у иудеев). Мани сначала целиком принимал христианство и даже был пресвитером в Агваце, но за следование идее дуализма был отлучен от церкви.

В своем мировоззрении Мани перемешал не только зороастризм и христианство, но также и буддизм, и вообще все, с чем был знаком. Согласно преданию, он проповедовал свое учение не только в Персии, но и в Средней Азии, Индии, Китае (странно, как Японию упустили). Ему приписывалось семь религиозно-этических сочинений («Книга гигантов» и т.д.). По его мнению, все религии — это одна и та же истинная вера, искаженная людским непониманием. Знакомая мысль, не правда ли? Очень популярная среди «духовных следопытов» настоящего и недавнего прошлого. Можно вспомнить теософов: (Блаватскую, Безант, Штейнера), а также Рериха, всенепременно Андреева с его «Розой мира» и т.п.

Судя по его учению, мироощущение Мани можно описать

¹ Примечание: достаточно распространенное мнение о тождественности эбионитов и ессеев ошибочно. Это одна из множества теософских подтасовок, не имеющих отношения к исторической науке.

крылатыми словами: «Весь мир — дерьмо». Он развил зороастрийский дуализм, придумав, наконец, критерий, по которому даже самый тупой мог провести границу между царством добра и царством зла. Согласно Мани и некоторым гностикам, материальный мир — полное воплощение зла¹.

Простой зороастрийский дуализм рассматривает вселенную как произведение творческих сил Ормузда и Аримана, причем каждый из них старается парализовать действия другого, откуда и в жизни и в природе происходит бесконечная борьба между добром и злом. Это учение объясняет причину существования зла и в то же время призывает людей прийти на помощь Ормузду, поддерживая его дело добрыми словами, добрыми помышлениями и добрыми делами. Под влиянием гностических умозрений Мани изменил это учение, отождествив добро и свет с духовным миром, а зло и тьму — с материей. Каждым из этих «департаментов», как и в зороастризме, руководит отдельный бог. Между этими богами идет постоянная борьба (добро в итоге, как обычно у таких проповедников, победит и зверски расправится со злом, а праведники получают возможность испытывать вечный кайф, наблюдая за муками грешников). Бога первого царства окружают чистые духи — эоны, второго — духи тьмы.

Такой взгляд неизбежно вел к пессимизму и крайностям аскетизма, так как душа могла выполнить свое назначение только при условии подавления и умерщвления плоти. Сам Мани полностью отверг все мирское. Его последователи разделялись на избранных и слугителей. Первые должны были отказаться от всяких телесных наслаждений, от всего, что могло омрачить небесный свет. Требования, предъявлявшиеся ко вторым, были не так суровы. Обе эти категории могли достигнуть бессмертия посредством очищения в озере, находящемся на Луне (крещение небесной водой), и освящения солнечным крещением (крещение небесным огнем).

Озеро на Луне... Каков полет фантазии! Но это еще цветочки! Послушаем метаисторию манихейства:

¹ Вообще интересно наблюдать, как люди пытаются уйти в свои мечтания, отвергая материальный мир вообще (вспомните подобную идею в каббале). Как говорил С. Тиунув: «Христиане делят себя на тело и душу, а затем удивляются воспалению вдоль линии распила».

Однажды демоны увидели привлекательный блеск царства света и из зависти напали на него. Но отец света для защиты границ своего царства произвел из себя Эон-Матерь жизни, который уже для непосредственной борьбы с духами тьмы произвел еще один новый зон — Первочеловека, которого манихеи называли Христом и т.п. Первый человек с пятью чистыми стихиями вступил в борьбу с демонами, но ослабел в ходе ее до того, что демоны сумели овладеть частью его светлого существа. В таких обстоятельствах Отец света произвел на помощь ему еще один зон — Животворящего Духа. Этот Дух освобождает от опасности не согрешившую часть Первочеловека и помещает ее в солнце. Эта часть зона есть бесстрастный Иисус, или Сын Человеческий, часть же, поглощенная царством тьмы, — страждущий Иисус. Чтобы поставить предел освобождению страждущего Иисуса, Сатана предложил своим духам собрать все имеющиеся в царстве тьмы части света в одно место и заключил их в материю. Проделав все это, Сатана, таким образом, творит человека по образу Первочеловека, красотой которого он был поражен. Чтобы разумная душа не узнала о своем духовном происхождении, Сатана задумал раздробить разум души. Из материи и оставшихся частей света он создает жену, в которой берет перевес материя, чувственность. Разумная душа, разделенная по отдельным личностям, дробится на мелкие частицы, которые удобно удерживать в материальных телах как в Тёмницах. Стремясь освободить свою страждущую половину, Бесстрастный Иисус сходит на землю, принимая вид человека-Христа.

В ходе обрушившихся на манихейство преследований некоторые его сторонники были вынуждены отказаться от почитания Мани и выбирать себе других кумиров. Например, апостол Павел, — ну чем не авторитет! Секта имени этого героя, павликиане, обособившаяся в VII веке, достигла значительных политических успехов. В середине IX века они создали в Малой Азии собственное государство, которое, правда, было быстро ликвидировано византийцами.

Их учение в подробностях отличалось от фантазий Мани, сказывалась близость очага христианского менталитета. Но общий принцип был тот же: два равносильных начала — Бог

и Сатана — из которых первый был творцом мира невидимого, духовного и вечного, а второй — мира видимого, вещественного и тленного. Иегова Ветхого Завета — это Сатана, а пророки и патриархи — его Тёмные слуги, и поэтому надо отвергнуть все книги Ветхого Завета. Новый Завет является истинным Священным Писанием, но Христос не был человеком; это был призрак, фантом. Сын бога, он только, по-видимому, родился от Девы Марии, но в действительности сошел с неба, чтобы разрушить культ Сатаны. Переселение душ обеспечивает награду добрым и наказание злым. Таинства признавались не имеющими никакого значения, а священники — простыми наставниками.

«Возрождение» идей манихейства происходит при появлении производных от него течений — богомильства, катаризма — и других подобных.

Богомильство зародилось в Болгарии в X веке и быстро распространилось в балканских странах. Формальным родоначальником его был поп Богомил, о чьей жизни известно крайне мало.

Согласно учению богомилов, Высочайший Бог имел первородного сына, Сатанаила, который захотел сделаться независимым от Отца и с частью подчиненных ему духов восстал против него, за что был низвергнут Отцом с неба. Тогда Сатанаил задумал основать свое независимое царство. Он сотворил видимый мир. Именно Сатанаил сотворил моря и океаны, создал растения и животных. Он же сотворил и тело Адама, но дать ему живую душу не смог. Вот почему он обратился с просьбой к Отцу, чтобы тот послал божественное дыхание для оживления человека. При этом он говорил, что он будет властвовать над телесной природой человека, а Отец над духовной и что человек своей духовной природой заменит Отцу падших ангелов. Однако затем Сатанаил решил совсем покорить себе род человеческий. Для этого он вошел в Змея, соблазнил Еву и произвел от нее Каина и его сестру Каломену.

Продолжение последовало на юге Франции. В XI веке там развернулось движение катаров. Название это, скорее всего, происходит от греческого слова «чистый» (καθαρος). Однако противники их дразнили котярами (такое созвучие имеется в некоторых европейских языках). При этом тыкали в привычку катар собираться по ночам.

Катары называли себя истинными христианами (впрочем, как

и любая христианская конфессия) и ставили своей целью восстановление чистого евангельского христианства, извращенного церковью. Они отвергали церковную обрядность, таинства, Ветхий завет, культ богородицы, мощи, иконы, крест, считая его сатанинским орудием, с помощью которого по наущению Сатаны был убит Спаситель чел-овечества (хоть у кого-то из христиан сохранились зачатки разума¹).

Учение катаров принципиально не отличалось от богомильского: мир сотворил злой бог Сатана, о котором и говорится в Ветхом Завете, в отличие от доброго бога, невидимого Отца, сыном которого был Христос. В человеке духовное противопоставляется телесному. Телом человек принадлежит Тёмному богу, душой — Светлому. Тело рассматривалось как Тёмница, в которую Сатана заключил плененную им душу. Причем Сатана «дал тела для их поругания», и в качестве особого извращения приделал к ним половые признаки, чтобы способствовать большему порабощению их душ.

Вполне естественно, что катаров и прочих манихеобразных обвиняли в поклонении Дьяволу. Люди, сроднившиеся с повседневной церковной практикой, с покупкой всего просимого и желаемого ценой молитвы, вкладов и добрых дел, конечно, думали, что манихеи, признававшие Сатану творцом всего вещественного, призывали его, испрашивая себе земных благ. Земледелец не мог, например, просить Бога о даровании ему богатого урожая, но должен был молить об этом Дьявола, которого считал создателем хлеба. Впрочем, говорили о некоей секте люцифериан, которые боготворили Сатану, считая его братом бога, несправедливо изгнанным с неба, и раздавателем земных благ, но к катарам она не имели прямого отношения.

Хотя есть сомнения в таких исторических данных. К примеру, инквизитор Конрад Марбургский подвергал свои жертвы изощренным пыткам (за что он и был убит в 1233 г. несколькими

¹ На заре развития христианства крест не являлся соответствующим символом. Сначала его роль играло изображение рыбы — намек на род занятий большинства апостолов (также широко известна анаграмма того времени $\text{ΙΧΘΥΣ} — \text{Ιησους Χριστος Θεου Υιος Σωτηρ}$). Появление его в таком значении относится к границе II-III веков, когда казнь через распятие была отменена более сотни лет, и воспринималась несколько абстрактно. Вообще, интересный философский вопрос: если бы Христа не распяли, а посадили на кол — то какой символ и где носили бы христиане?

рыцарями), добиваясь от них признаний именно в поклонении Люциферу. На этом основании церковники стали именовать сторонников многих сект «люциферианами», особенно в Германии. Священники никогда особо не заботились о выяснении истинных мировоззрений еретиков, главным было осудить обвиняемого.

Кроме того, ортодоксы того периода (XIV в.) просто брали описание люцифериан IV в., последователей епископа Люцифера из Кильяри, который никакого отношения к Дьяволу не имел¹, и применяли его на общины еретиков на основании того, что «все еретики — последователи Дьявола и могут именоваться люциферианами».

Другая среда, где в средневековье подозревали ростки сатанизма — лолларды. Вообще-то это были самодеятельные религиозные активисты, не контролируемые церковью, предтечи реформации. Часто их проповеди были социальны, антифеодалного и антиклерикального характера, весьма популярным в их среде было выражение: «когда Адам пахал, а Ева пряла, кто же тогда был дворянином?» Естественно, с точки зрения протестантской церкви это была ересь и дьяволопоклонство. Впрочем, не стесненные официальными рамками представители лоллардов представляли существенное разнообразие взглядов. Некоторые исследователи полагают, что в их среде было и Тёмное течение, хотя нам это кажется маловероятным.

Первоначально катары делились на «совершенных», «верующих» и «сочувствующих». «Совершенные» являлись распространителями веры и организаторами. Они вели крайне гнусный образ жизни в невероятной строгости нравов и мертвящем аскетизме. Они не позволяли себе даже шуток; избегали всего, что «вело к воспроизведению животной жизни», то есть соблюдали абсолютное целомудрие, считая, что любое сношение между мужчиной и женщиной равносильно кровосмешению (и вообще половые органы даны людям для поругания собственных тел и душ); не ели ничего животного (мясо, яйца, сыр), только водное (т.е. рыба позволялась) и растительное; три раза в неделю не ели ничего, кроме хлеба и воды и соблюдали сорокадневный строгий пост

¹ Обратите внимание: раз епископа звали Люцифером, Дьяволу это имя тогда еще не приписывали, ergo именование Сатаны Люцифером — однозначно более позднее измышление.

четыре раза в году (св. Бернар, говоря о приметах этих еретиков, отмечает: «щеки их бледны от постоянных постов»). Принимая такие обеты, они также клялись не отрекаться от веры даже под пытками, говорить только правду и... клялись не клясться. Они не занимались никаким трудом, так как их деятельность в целом заключалась в проповеди. Им поклонялись как святым, и они имели силу простым наложением рук очищать человека в его предсмертный час и предавать его в руки Доброго Бога.

Понятно, что такое «жизнерадостное» учение, как катаризм, могло распространиться с поразительной быстротой лишь благодаря массовому недовольству церковью за ее лицемерие и тиранию.

Ватикан заерзал, поняв, что теряет своих данников. И, как водится, объявил крестовый поход против альбигойцев — так именовали еретиков по названию одного из их центров на юге Франции.

Ситуация получилась симметричная: две религиозные структуры схватывались за духовное господство. Но обе они не имели мускулов, чтобы делать это лично. За католичество выступали крестоносцы в основном с севера Франции. А в одной упряжке с катарами, на свою беду, оказались дворяне Лангедока. Когда-то они, спасаясь от поборов католической церкви, предпочли катар; теперь им приходилось расплачиваться за это всем, что имели. Их богатства должны были стать призом для крестоносцев, поэтому лангедокские феодалы не имели возможности переметнуться и должны были взять на себя защиту катар и «грех войны». Катары считали грехом ношение оружия и убийство по любому поводу, даже животных. Это убеждение использовалось католиками для обнаружения упорствующих катар — подозреваемый должен был убить собаку.

Лангедокская война продолжалась почти всю первую половину XIII века и закончилась полным уничтожением альбигойцев с большей частью населения Лангедока в придачу. Она была крайне жестокой со стороны крестоносцев, примером чему может служить истребление всего населения г. Безье — около 20 тысяч человек без разбора пола, возраста и вероисповедания. Именно там была произнесена знаменитая фраза: «Убивайте всех, бог на небе узнает своих!»¹. В пламени этой войны дозревала гнусная

¹ По разным источникам, фраза принадлежит одному из двух папских

личность Доминика Гусмана, основателя ордена доминиканцев. Еще одним выводом Ватикана из этой истории было учреждение священного трибунала — инквизиции.

Но мы не будем спешить оплакивать альбигойцев, а прислушаемся к выводам Генри Ч. Ли, известного специалиста по истории инквизиции:

Какими бы ужасными ни казались нам средства, направленные к подавлению ереси, каким бы чувством сострадания ни проникались мы к несчастным жертвам убеждения, мы без всякого колебания можем утверждать, что при тех условиях вопрос о католицизме был также вопросом и о цивилизации и прогрессе. Если бы катаризм стал господствующей религией, то, несомненно, его влияние было бы губительно. Если бы аскетизм, возводимый катарами в догмат в вопросе о половых сношениях, стал общим, то он неизбежно повлек бы за собой вымирание человеческого рода... Осуждая видимый мир и вообще все вещественное, как дело рук Сатаны, катаризм наносил тяжелый удар стремлению людей к улучшению внешних условий их существования; поэтому, если бы это верование распространилось среди большинства людей, оно привело бы Европу в дикое состояние первобытных времен. Проповедь катаров не была только восстанием против церкви, но и отрицанием человека перед природой.

Сразу оговоримся, что «прогрессивность» ортодоксального христианства заметна только на фоне производных от манихейства учений, придерживающихся крайнего аскетизма. А причина этой относительной умеренности заключается в том, что католичество не шибко стремилось соответствовать своим идеалам «святости» на деле. А в идеале оно представляло собой гнусность того же порядка. И природу ортодоксальное христианство третировало не менее истово. Основатель богословской школы в Сен-Сюльписе Жан Жак Олье, например, заявляет, что нужно ненавидеть свою плоть, что нужно питать отвращение к самому себе, что человек в своем настоящем виде должен быть презираем и что, поистине, нет такого зла, такого бедствия, которые не должны бы обрушиться на него за его грешную плоть. Такое

легатов — Арнольду де Сато либо Арно Амори.

отношение заставляет усомниться, что всеблагой Бог, начало абсолютного добра, мог быть творцом такого отвратительного существа, как человек. Но в католичестве сама постановка этого вопроса была объявлена ересью. В этом оно было менее последовательно, чем еретики, но кому из паствы (стада) нужна эта последовательность? «*Et mortuus est Dei Filius, prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit: certum est, quia impossibile est*», как замечательно сказал когда-то Тертуллиан (*De Carne Christi*, 5), в нескольких словах обрисовав всю сущность христианства¹.

Однако явная антижизненность учения катар вовсе не оправдывает крестовых походов и преследований инквизиции, как утверждают иногда даже называющие себя гуманистами, постулируя в случае гипотетической победы альбигойцев возврат к первобытной дикости, засилье самого мрачного аскетизма и т.д. Гораздо более вероятно, что, сбросив гнет папского престола, воинствующий аскетизм потерял бы поддержку народных масс. Инстинкт самосохранения взял бы верх над фанатизмом. В результате, вероятнее всего, получился бы гибрид католичества с зороастризмом без централизованного церковного аппарата. Впрочем, скоро появился бы и аппарат. Однако в целом картина представляется более отрадной, чем историческое развитие событий².

Для нас смысл манихейства, учения катар выражается в капитуляции «Бога Добра» перед реалиями Мира. Он не вписался в его повороты и вылетел с трассы куда-то в область розовых иллюзий. Если вычесть из него «духовный» пласт, питаемый «греховными страстями», а также интеллектуальную деятельность, памятью св. Августина³, то Добрый Бог окажется пустым и легким, как мыльный пузырь. Зато Дьявол полностью выдержал экзамен на

¹ Обычно этот принцип выражается более кратко: «*Credo quia absurdum est*».

² Мы честно признаем, что строить параисторические гипотезы, т.е. пользоваться сослагательным наклонением по отношению к фактически свершившимся событиям — дело не совсем корректное. Точки бифуркации всегда фиксируются и описываются *post factum* — исключите любой элемент из зоны аттрактора, и не останется абсолютно никаких валидных способов построить вероятную альтернативную модель развития и будущего состояния системы. И в соответствии с природой психики на выходе будут только модели, желаемые лично «историческим мечтателем».

³ И не только. «Тот, кто хочет быть христианином, должен выдрать глаза у своего разума» — Мартин Лютер.

бога, продемонстрировав всем мыслящим, что **его законы — это законы природы.**

Другой урок, который мы должны вынести из этой истории, в том, что все подобные организации, последовательно стоявшие на исходных принципах христианства, разделили участь Иисуса Христа — их попросту замочили.

Завершая разговор о манихейских ересях, хотелось бы упомянуть, что среди еретиков встречались и редкие философские умы, которые сумели отрешиться от нелепых богословских умозрений и предвосхитили теорию современного рационализма и религиозного эволюционизма. В глазах этих людей Природа заняла место Сатаны. Бог, создав мир, поручил его управление Природе, силе творческой и все уравнивающей. Даже произведение новых видов — не действие божественного промысла, а лишь проявление движения природы — эволюции, по современной терминологии. Эти натуралисты, как они себя называли, отрицали подлинность чудес, старались их объяснить. Признавая, что природа управляет стихиями, они утверждали, что незачем обращаться к богу с молитвой о ниспослании благоприятной погоды и т.п. — в общем, даже в глазах верующих начал сдавать свои управленческие функции¹.

¹ В дальнейшем подобным путем возник деизм — учение, соглашающееся с тем, что бог создал Вселенную, но потом устранился от влияния на нее. Очевидно, это была уступка ученых церковникам: «Видите, мы согласны, что бог есть? А теперь отойдите и не мешайте работать, в науке ему не место!» Но, кроме того, деизм является прибежищем тех, кто не видит оснований вводить бога на активную роль, но боится остаться без «высшего существа», которое якобы дает «смысл жизни».

Ислам

На Аллаха надейся, но не забудь привязать своего верблюда. ©

К монотеистическим религиям однозначно относится и ислам, со всеми стандартными установками: «Что постигнет тебя хорошего — от Аллаха, а что постигнет другого — от самого себя» — Коран 4:41. Мусульманство родственно христианству и в некоторой степени иудаизму, так как ислам более строго монотеистичен, чем христианство:

...Веруйте же в Аллаха и его посланников и не говорите — три! Удержитесь, это — лучшее для вас. Поистине, Аллах — только единый бог. ... — Коран, 4:169

Для начала отметим общеизвестные вещи: в исламе наблюдается практически полный эквивалент Шайтан = Сатана в паре с Иисус = Иса. В исламе чтут Ису (Иисуса) как одного из пророков Аллаха (единого бога), но не признают сыном бога, самым богом и т.п. Однако при этом Иса не рядовой пророк, а особенный:

...Мессия, Иса, сын Марйам, — только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марйам, и дух Его — Коран 4:169

Подобно Адаму, Иисус сотворен повелением Божиим: «Будь!», а не просто рожден и не просто избран:

Поистине, Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: «Будь!» — и он стал — Коран 3:52

Как мы видим, Иисус, согласно Корану, был, как и Адам, создан из праха, однако Коран также утверждает, что Иисус был рожден от девы и воплощенного духа:

И вспомни в писании Марйам. Вот она удалилась от своей семьи в место восточное и устроила себе пред ними завесу. Мы отправили к ней Нашего духа, и принял он пред

ней обличие совершенного человека. Она сказала: я ищу защиты от тебя у Милосердного, если ты богобоязнен. Он сказал: я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого. Она сказала: как может быть у меня мальчик? меня не касался человек, и не была я распутницей. Он сказал: так сказал твой Господь: «это для Меня — легко; и сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием»; дело это решено. И понесла она его и удалилась с ним в далекое место. — Коран 19:16-22

С одной стороны, согласно Корану, Иисус еще в колыбели говорил:

Я — раб Аллаха, Он дал мне писание и сделал меня пророком. И сделал меня благословенным, где бы я ни был, и заповедал мне молитву и милостыню, пока я живу, и благодать к моей родительнице и не сделал меня тираном, несчастным. И мир мне в тот день, как я родился, и в день, что умру, и в день, когда буду воскрешен живым! — Коран 19:30-34

С другой стороны, Коран утверждает, что Иисус не был убит, а был живым взят богом на небеса. Так, Аллах говорит, что он наказал иудеев:

...за их неверие, и за то, что они изрекли на Марйам великую ложь, и за их слова: «мы ведь убили Мессию, Ису, сына Марйам, посланника Аллаха». А они не убили его и не распяли, но это только представилось им [...]; Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр! — Коран 4:155-156

Таким образом, в Коране в отношении Исы просматриваются следы учений эбионитов (Иисус — праведник, помазанник и пророк Бога), докетов (Христос не был распят, а казнь была только кажущейся — «только тенью страдал») и священника из Александрии Ария (ок. 280-336 гг.), который утверждал, что Христос не единосущен и не равночестен Богу, а лишь подобосущен, являясь творением Бога и посредником между Богом и миром материи.

Резюме: хотя в исламе и существует Иисус/Иса, он не является настолько значительной фигурой, как христианский Христос,

и Шайтан имеет дело с Аллахом напрямую.

Особенностью ислама можно считать, пожалуй, наличие своеобразного ангела-палача, ангела смерти Азраила. Это в какой-то мере трансформация ветхозаветного ангела-прокурора. Азраил является в смертный час, чтобы своим мечом отделить душу от тела. Обычно он невидим, но, если кто ему не понравится, он может явить ему свой лик, а вид у него жуткий, у бедолаг как раз от этого происходит агония¹.

В Коране у Дьявола два имени — Иблис и Шайтан. Очень вероятно, что «Иблис» происходит от *δίαβολος*, и Мухаммед услышал этот термин от христиан. «Шайтан» же может происходить от арабских корней «быть далеко от» и «быть рожденным со гневом»², но под влиянием христианства и/или иудаизма Мухаммед связал слово с «противником» на иврите:

...они призывают только сатану, отступника — Коран 4:117

...не поклоняйся сатане: сатана ведь ослушник Милосердному! — Коран 19:45

Интересно, что если в христианстве Сатана всегда в единственном числе (и в иудаизме), но могут быть «дьяволы» во множественном, то в исламе наоборот — Иблис однозначно является именем собственным, а шайтанов может быть много:

...Поистине, мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют! — Коран 7:26

В Коране не объясняется четко, что представляет собой Сатана/Иблис. С одной стороны, его относят к джиннам («...Был он один из джиннов и совратился с пути Господа своего..» — 18:48), которые были созданы из **огня**³ («И гениев⁴ Мы раньше сотворили

¹ Азраил никогда не ассоциировался с Иблисом. Это именно «вестник» Аллаха, один из четырех главных. Другие: Джебраиль, который передает божественные послания; Микаил — этот наблюдает за порядком во вселенной; Исрафил, который должен будет протрубить в рог в день Страшного Суда, а до тех пор бездельничает.

² Дж.Б. Рассел, «Люцифер», С.-П., Евразия, 2001, стр. 58.

³ По отношению к Иблису лично см. суру 7, аят 11.

⁴ Другое название джиннов, вызывающее интересные ассоциации.

из огня знойного» — 15:27, также 55:15), которые были амбивалентны по отношению к добру/злу аналогично греческим *δαίμον*. Доисламские арабы связывали джиннов с кладбищами, Тёмнотой, подземным миром и т.д. С другой стороны:

И поклонились ангелы все полностью, кроме Иблиса. Он отказался быть с поклонившимися. — Коран 15:30-31

Как видите, здесь полная аналогия с христианским Сатаной. Но кем он был — непонятно, так как ангелы и джинны — разные категории существ. Кроме того, если Иблис был всего-навсего джинном, то с чего бы Аллаху обращать на него столь особое внимание (рассказ о гордом отказе Иблиса поклониться¹ повторяется в разных вариациях в Коране, если не ошибаемся, семь раз). Аналогично христианскому богу Аллах без проблем позволяет Иблису искушать людей и т.д. Причем точно также Шайтан лишь предлагает, а не заставляет противиться воле Аллаха. Аналогично же утверждается, что Иблис «дает лишь обольщение» (4:119), но это никак не доказывается, как и заслуженность титула «Отец Лжи» в христианстве. Не было найдено (поскольку невозможно) и приемлемого логически разрешения проблемы теодицеи, все опять сводится к «Аллах обладает властью над злом, но не является его причиной: Аллах позволяет зло, не желая его» (Аббад ибн Сулейман из Басры, ум. 864 г.) Как и в христианстве, Иблис умен, как Шайтан² (sorry за каламбур).

¹ Некоторое отличие заключается в том, что Иблис отказался поклониться кому-то, *кроме* Аллаха, христианский же Сатана отказался поклониться и самому Яхве. Аль-Халлай (857-922 гг.) вообще говорил, что когда Иблису было приказано склониться перед Адамом, он отказался именно потому, что он знал, что следует почитать только Аллаха. Аналогичный тезис выдвигался и в суфизме, где Иблис иногда описывался вообще как олицетворение преданности идеалам и данному ранее слову.

² Кстати говоря, помимо теодицеи есть еще одна богословская проблема: если Сатана очень умен, то он не может не осознавать своей неминуемой гибели в конце от руки бога. Однако он при всем этом еще иногда помогает «Единому» в его делишках, и вообще никак не озабочен такой перспективой. Подозрительно, не так ли?

Из FIDO: «По описанию Armageddon — это последняя битва между Светом и Тьмой. Все умершие будут воскрешены и весь народ, накопившийся за минувшие тысячелетия, разделится на два лагеря: Тёмных, во главе с Сатаной, и светлых, скорее всего с новым мессией. По библейскому сценарию

Можно еще упомянуть отдельные породы джиннов — ифритов и гулей. Первый из этих видов джиннов, это демоны мщения — духи умерших насильственной смертью или родившиеся от пролитой крови. У них призрачный вид и налитые кровью глаза. А гули — обычно существа женского рода (мужской аналог — кутруб), охотящиеся на людей методом заманивания с целью употребления в пищу. Иногда это имя (Гуль или Голь) употребляется и в значении «дьявол». Любопытно, что арабские звездочеты отыскивали его на небе — звезда Алгол[ь] («ал» — это артикль).

Особо интересующиеся Шайтаном могут почитать о культуре йезидов у ЛаВея в «Сатанинских ритуалах», но мы не будем отстаивать достоверность приведенных там сведений.

у Тёмных собирается самый продвинутый народ, а у светлых, как всегда, убогие да юродивые. Тёмные их собираются мочить, но светлые дружно молятся и тут же побеждают. У сатанистов последний пункт оспаривается».

Литература Нового Времени

*Не допустим победы сил добра над силами
разума! ©*

Ощутимый вклад в реабилитацию Дьявола внесла литература. В Средние века ей не было дано иной возможности, кроме как повторять корявые фантазии проповедников и развивать их в художественном ключе. Самым знаменитым памятником этого жанра является «Божественная комедия» Данте Алигьери (XIV век).

Положение изменилось к XVI веку, когда потоки мысли провалили канализацию, выстроенную для них христианством. Когда читаешь «Опыты» Мишеля Монтеня, хочется отнести их к временам Вольтера, когда уже многие освободившиеся от вериг умы действовали под лозунгом «раздавите гадину» (имея в виду христианство), так он свободно рассуждает о свободе совести, сексе, уважительно отзывается об обычаях других народов, — в истинно языческом стиле. Но нет, это всего лишь XVI век, раньше, чем был сожжен на костре Джордано Бруно.

В XVII веке подтянулась и художественная литература. В это время великий английский поэт Джон Мильтон и голландский трагик Йост ван Вондел создали колоссальные поэтические произведения, повествующие о войне восставших ангелов с сателлитами бога и дальнейших связанных с этим событиях, описанных в Библии: трагедии Вондела «Люцифер», «Адам в изгнании», «Ной» и поэма Д. Мильтона «Потерянный рай».

Как впоследствии писал романтик П. Шелли, анализируя значение, которое оказала данная поэма на мировой литературный процесс: «Ничто не может превзойти энергию и величие образа Сатаны [...] в "Потерянном рае". Ошибочно считать, будто он был предназначен стать общедоступной иллюстрацией воплощенного зла [...] Мильтон настолько исказил распространенное убеждение (если это можно считать искажением), что не дал своему богу никакого нравственного превосходства над своим дьяволом».

Люцифер как литературный персонаж, конечно, не отождествим напрямую с архетипом Сатаны, но его вполне можно назвать сатанистом. Исходный сюжет — библейские дни творения. Это, так сказать, вводная. Как поведет себя в этих условиях

сатанист? Люцифер и многие ангелы с ним вырываются из-под колпака, потеряв, на первый взгляд, все — в действительности же встав наравне с богом.

Обретишь свободу движения тогда, когда утратишь связь с тем, кто тебя породил.

Дао Дэ Цзин

Обратите внимание, что Люцифер поднимает бунт не ради власти, как инкриминируют ему церковники, а ради свободы — чтобы вырваться из оков четко регламентированного рая. Он просто *не может* оставаться в навязанных ему рамках.

— Друзья, — сказал Сатана собравшимся вокруг него, — нет, мы не станем воевать с небесами. Хватит борьбы за власть. Война порождает войну, а в победе коренится поражение. Победенный Бог станет Сатаной, а победивший Сатана станет Богом. Пускай судьба избавит меня от этого чудовищного жребия. Я люблю Ад, который закалил мой дух. Я люблю Землю, на которой я совершил хоть немного добра... Теперь, благодаря нашим усилиям, древний бог лишился своего земного царства, и всякое мыслящее существо на этой планете либо презирает его, либо не знает. Но что толку в том, что люди больше не подчинены Иалдабаофу, если дух Иалдабаофа до сих пор жив в них; если они, подобно ему, до сих пор завистливы, жестоки, сварливы и алчны, до сих пор ненавидят искусство и красоту?... Что же до нас... мы уничтожим Иалдабаофа, нашего Тирана, если уничтожим в самих себе Невежество и Страх. Лишь с самими собой, и только с собой должны мы воевать, чтобы уничтожить Иалдабаофа.

Анатоль Франс, «Восстание ангелов»

Дьявол в этих произведениях вызывает у свободных читателей горячую симпатию. В его облике появляются мотивы, не связанные с «олицетворением зла»: трагизм, красота. Он начинает вселять не страх, а глубокую печаль¹, это уже не отвратительный

¹ В чел-овеческом восприятии, разумеется. «Бе-е-еденький...» — это не к Сатане.

монстр из преисподней, а таинственная личность с ярко выраженной нуминозностью. Восхищает его независимость, дерзость, энергия, интеллект, терпение. Он, его поступки и слова, выглядят ярко и рельефно, в ритме Вагнера¹, по сравнению с плоской линией бога-отца, бога-сына и их спутников. Будучи, казалось бы, загнанным в угол, Сатана находит нетрадиционные решения и вырывается из положения. И этому противостоят сонные действия, схоластические выкладки и моральная жвачка его противников. Всомогущество бога, которым тот в итоге разрешает проблему, выглядит в сюжете неестественно и незаслуженно, как грубое шулерство. Но и оно приносит сторонникам бога победу в битве, а не в войне. Насколько реальны эти события? Настолько же, насколько и любые фантазии, включая сам Мир.

Любопытно то, что авторы этих произведений не стремились восхвалять Сатану. Так уж получилось. Не могло не получиться, если подходить к вопросу последовательно и честно.

Вондел, например, будучи ревностным католиком, проводил параллель между своим Люцифером и Мартином Лютером. В предисловии он проводил такую мораль: Люцифер, ниспровергаемый господней молнией в ад, есть «несомненное зеркало всех неблагодарных честолюбцев, упрямо смеющих восставать против освященных властей, величеств и законоустановленного начальства». Мильтон же написал, кроме того, «Христианскую доктрину».

Тем не менее эти литераторы создали большую головную боль критикам вплоть до нашего времени, которые стараются оправдать их шедевры перед христианскими воззрениями. Мол, Сатана может показаться кому-то привлекательным, но автор не это имел в виду, он его осуждает. Действительно, слова осуждения в тексте встречаются часто, но Дьявол все равно внушает симпатию.

Можно даже сделать смелое (и, к сожалению, не верифицируемое) предположение о том, что Вондел или/и Мильтон в действительности симпатизировали Сатане не только как герою своих произведений, но и в области идеологии и мировоззрения. Просто в ту эпоху они не могли высказать свои взгляды иначе, чем зарядив ими формально отрицательного героя. Нам не составит труда привести пример аналогичного приема. Так, на Востоке

¹ Прежде всего вспоминается «Полет Валькирии».

в средние века мало кто издевался над религией больше, чем Омар Хайям в своих стихах и образе жизни, он же расшатывал ее своей научной деятельностью. Тем не менее в своих научных работах он традиционно регулярно благодарит аллаха, он совершает хадж в Мекку, а в переписке с духовенством играет роль исламского ортодокса так, что получает от них прозвище «Плечо веры» (Гияс-ад-Дин).

В более поздние времена появление дьявола в литературном сюжете уже совсем не преследует цели вызвать ужас и отвращение у читателя: возьмите Мефистофеля из «Фауста» Гете, Демона из поэм М. Лермонтова, Воланда из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Уже назрела переоценка церковных понятий «добра» и «зла». Это выражается в и словах Мефистофеля: «Часть силы той, что без числа / Творит добро, всему желая зла».

Как известно, многие произведения европейской классики представляют собой проработку народных сюжетов. «Фауст» впитал в себя германские народные романы, известные по меньшей мере уже в XVI-м веке. Герой этих произведений — ученый-чернокнижник, имеющий «быстрый ум и малую охоту к богословию». Ясное дело, что ему хочется знаний сверх тех, которые можно получить от людей. К кому обратиться? Разумеется, к Дьяволу. Примечательно, что демон, которого вызывает Фауст, отнюдь не встречает его с распростертыми объятиями, как можно было ожидать по церковным представлениям, представляющих демонов торговыми агентами, скупающими души оптом и в розницу.

Напротив, он пытается устроить и отвратить ученого. Но, «того, кто к черту стремится, ни вернуть, ни спасти уже нельзя».

Контракт на 20 лет был заключен. В этот период, используя возможности Дьявола, он путешествует с ним по «знаменитым городам и землям», выпытывает сведения о природе, истории и метаистории. При этом не отказывает себе в гастрономических и сексуальных удовольствиях, для развлечения разыгрывает с людьми «злые» шутки (то рога кому-нибудь вырастит, то денег займет под залог собственной ноги, которую тут же отпилит и вручит¹). Впрочем, он оказывает и приятные услуги тем, кто ему нравится. Но, прежде всего, его интересует топливо для ума; и аппетит его в этом не знает предела: он путешествует по звездам,

¹ Это из народных сказаний, а не из текста Гете, разумеется.

совершает экскурсию в Ад, добивается аудиенции у князей Ада. Примечательно, что Фауст проявляет себя не просто как экскурсант, отвесивший от изумления челюсть. Он работает с полученными сведениями, например, составляет календарь и т.п.

Конечно, авторы романа отдают необходимую в их положении дань христианскому окружению: тут и осуждение Фауста на каждом шагу, и «раскаянье Иуды». Но герой этих произведений вызывает скорее симпатию и интерес у вдумчивого читателя. У мелкого и плоского, конечно, вызывает и осуждение — под влиянием многочисленных оговорок и формальных пояснений, что он, дескать, не прав. Но не никак не отвращение!

Еще одна прелюбопытнейшая деталь: Дьявол обещает наделять Фауста «стальным телом и душой», чтобы тот не страдал в Аду, как обычные его обитатели. Можно сказать, он вступает в Ад не как узник, а как бы на правах гражданина. И этот момент можно проинтерпретировать как художественный прием подмены причины и следствия, т.е. чтобы не страдать в Аду, нужно не получить определенный дар защиты, а соответствовать самому Аду.

По прочтении этих гениальных произведений рядовой читатель делает естественное *для себя* заключение: в конечном счете, действия Дьявола оказываются ловушкой. Он, мол, обещает золото, а расплачивается битыми черепками. Отсюда выводится мораль: зло имеет привлекательную упаковку. Но страх уже внушается не клыками и когтями дьявола, а его интеллектуальностью — представление о сатанизме как о примитивном дьяволопоклонничестве уходит в прошлое¹. И желания и цели человека, вступившего в контакт с Сатаной — жажда знаний, вызов

¹ Вот вполне официальное наблюдение: «...у населения уже сформирован не соответствующий действительности образ "сатаниста", мучающего животных и пакосящего людям. Исследования, проведенные разными организациями, подтвердили, что речь идет о двух разных, враждующих друг с другом движениях: сатанистах и дьяволопоклонниках (сотонистах). Выявленные же в Санкт-Петербурге формирования сатанистов не агрессивны, интеллектуальны и мало что общего имеют с их карикатурным изображением в желтой или религиозной прессе. ... Было установлено, что в России действительно отсутствуют факты преступной деятельности со стороны формирований, относящих себя к сатанистам». — «Асоциальные молодежные формирования», Комитет по молодежной политике Администрации Санкт-Петербурга, 2001.

высшим силам, достижение могущества, выход из-под опеки, опора на интеллект, игра ва-банк, — сродни вызову, брошенному некогда самим Люцифером.

На большее решилась лирика. Возможно, потому, что от нее ожидается не пространность, а афористичность. К XX веку появились великолепные стихи, открыто прославляющие Сатану и проводящие олицетворенные им идеи безо всяких оговорок.

Прекрасно писал на эту тему замечательный русский поэт Константин Бальмонт. Возьмите его стихи «Голос Дьявола», «Мститель», «Скорпион» и некоторые другие. Но наряду с этим он приобрел известность иными, «добропорядочными» стихами. Бальмонт не был сатанистом, дьяволопоклонником или кем-то в этом роде. Просто он был очень пронизательным человеком, способным становиться на любую точку зрения. Условно и образно можно сказать, что он прогуливался по самому краю Света и порою заглядывал в глаза Тьмы, но так и не решился погрузиться в нее. И его личное отношение к этому вопросу, наверное, представлено в стихотворении «Бог и Дьявол»: «Я люблю тебя, Дьявол; я люблю тебя, Бог...».

Во Франции же жил скандальный поэт, в чьем творчестве идеи, подобные сатанинским, проходят генеральной линией. Это Шарль Бодлер. Некоторые произведения из его сборников «Цветы зла» и «Мятеж»: «Эпиграф к осужденной книге», «Авель и Каин», «Отречение святого Петра» и, конечно же, «Литании Сатане», — открыто прославляют Сатану и наводят на противные христианству мысли:

О мудрейший из ангелов, дух без порока,
Тот же Бог, но не чтимый по милости Рока.

Вождь изгнанников, жертва неправедных сил,
Побежденный, но ставший сильнее, чем был.

Все изведавший, бездны подземной властитель,
Исцелитель страдальцев, обиженных мститель.

Из любви посылающий в жизни хоть раз
Прокаженным и проклятым радостный час.

Вместе с Смертью, любовницей древней и властной,
Животворец Надежды, в безумстве прекрасной,

Зажигающий смертнику мужеством взор —
Не казнимым, но тем, кто казнит, на позор.

Даже в толщах земли узнающий приметы
Подземелий, где Бог утаил самоцветы.

Сквозь граниты умеющий в недрах прозреть
Арсеналы, где дремлют железо и медь.

Закрывающий пропасть гигантскою дланью
От сомнамбул, вдоль края бродящих по зданью.

Охраняющий кости бездомных пьянчуг,
Когда хмель под колеса кидает их вдруг.

Давший людям в смешенье селитру и серу,
Чтоб народ облегчил своих горестей меру.

Соучастник, клеймящий насмешливо лбы
Подлых Крезов, бездушно глухих для мольбы.

Вызывающий в женщинах странным дурманом
Доброту к нищете, сострадание к ранам.

Бунтарей проповедник, отверженных друг,
Покровитель дерзающей мысли и рук.

Отчим тех невиновных, чью правду карая,
Бог-отец до сих пор изгоняет из рая.

Шарль Бодлер, «Литании Сатане»

Многие другие стихи Бодлера, например «Пададь», коробят общественную нравственность. Некоторые («Украшенья») недопустимо сексуальны для той эпохи.

Причем интересны не столько психологические мотивы Бодлера, толкающие его лично на вполне сознательный эпатаж

и провокации на поле общественного мнения. Важно то, что его стихи *читали*, т.е., говоря современным языком — у продукции появился значимый потребитель, прохристианская литературная (культурная) основа перестала быть монопольной.

Можно упомянуть еще много менее известных авторов: К. Случевский («Мефистофель в пространствах»), А. Чижевский («Одиночество»)...

Сатана начинал мыслиться в роли двигателя прогресса, скептического (*nota bene!*) начала, побуждающего человека **творить** и **познавать**, бунтаря против консерватизма и тирании, существующего порядка, серой стадности.

Сатане — славословье!
О бунтарь непреклонный,
О победная сила
Мысли освобожденной!
Вдаль стремится, как буря,
Как гигант-победитель.
Это он, о народы,
Он, великий воитель!

Джозуэ Кардуччи, «К Сатане» (1863)

Кроме того, начала появляться литература, которую вполне можно назвать сатанинской, хотя в ней и не содержится его имени напрямую — скажем, знаменитые «Песни Мальдорора», написанные графом Лотреамоном, произведения Лавкрафта и так далее. Прекрасным примером служит последнее путешествие Гулливера, описанное Джонатаном Свифтом: люди (йеху) по сравнению с гуинггами вызывают лишь отвращение, причем автор тщательно и последовательно проводит параллели с йеху так называемого «цивилизованного общества», современного ему, и понятен в связи с этим ужас Гулливера, понявшего это соответствие, и его судьба по возвращению на родину.

А к концу XX столетия, когда сатанизм легализовался и стал наращивать обороты, появилась литература, в том числе и поэзия, созданная теми, кто открыто стоит на этой точке зрения.

Что интересно, и сейчас далеко не все произведения, которые являются вполне сатанинскими по сути, написаны сатанистами. В качестве примера можно привести замечательный рассказ С. Логинова «Живые души».

— Во всяком случае, сотворив сущее, бог немедля раскаялся в содеянном и принялся его уничтожать. Так что, смею вас уверить, Армагеддон уже давно начался. И страшный суд тоже начался в момент сотворения. Вернее, всем нам уже вынесен приговор. Все сущее, людей и нелюдей, разумных и безмысленных, живых и неживых, грешников и праведников, ожидает одна судьба. Все мы должны воссоединиться в господе, всех и вся он собирается сожрать с потрохами и дерьмом, чтобы вернуть себе былое всемогущество.

— Вполне понятное желание, — заметил Егор. — Ну а вы, в таком случае, чем заняты? Из ваших слов я понял, что господства над миром вам не видать, так чего ради вы занимаетесь вот этой коммерческой деятельностью? — Егор широким жестом обвёл уютный интерьер.

— Помилуйте, какое господство, зачем оно? Мы всего лишь хотим жить. [...] Сама материя, вещный мир сопротивляется разрушению, и именно туда направлены основные силы бога. Впрочем, до сих пор бывший творец не выходил за рамки законов природы, сложившихся в миг творения. Когда это произойдет — нам придется выступать немедленно. Вот для этой битвы мы и вербуем себе сторонников.

— А душа того, кто пошёл на сотрудничество с вами, значит, воскресает для новой жизни?

— Я не стану врать, я уже сказал, что человек смертен и живет только здесь. Душа — это тот запас силы, который человек собрал за свою земную жизнь. После воскресения человек уже ничего не приобретает. А после Армагеддона те люди, что выживут, не смогут даже толком порадоваться своей победе. [...] То же самое можно сказать и о нас. Те из нас, кто уже умер или умрет, не дождавшись апокалипсиса, воскреснут для последней битвы, но после нее исчезнут окончательно. Конечно, не бесследно, ведь в случае нашей победы останется живой мир.

— Но зато погибнет живой господь, этот мир создавший, — объективности ради напомнил Егор.

— Конечно. Но здесь уже ничего не поделаешь, каждый борется за то, что ближе и родней ему. [...]

— Большое спасибо, вы рассказали удивительно интересные вещи. Мне искренне жаль, что я ничем не могу помочь вам. Поймите и вы меня, я не осуждаю тех, кто закладывает душу ради счастья близких, но я одинок и потому душой торговать не стану. [...]

Егор повернулся, чтобы закрыть дверь и уже через порог сказал ждущему дьяволу:

— Я не верю ни единому вашему слову. Но если вдруг... чем черт не шутит... если вдруг битва, о которой вы рассказывали, все же состоится, то не забудьте прислать мне повестку. Я пойду добровольцем.

Более того, совершенно не обязательно описывать в литературном произведении что-либо, напрямую относящееся к сатанизму — скажем, роман Булгакова «Собачье сердце» более соответствует сатанинскому мировоззрению, чем его же «Мастер и Маргарита». Суть не в словах, а в образах. И профессор Преображенский, несмотря на несоответствие «типичному сатанисту»¹ — поступает как сатанист практически во всех случаях, описанных в романе, исключая только интеллигентское непротивленчество.

Появились другие произведения искусства, напрямую или косвенно относящиеся к сатанизму (скажем, картины Гигера, Абрахамсона), кинофильмы, как халтурные, так и настоящие произведения искусства, начиная с классического «Ребенка Розмари» Поланского, который, как писал ЛаВей, послужил для CoS прекрасной рекламой², разрушив чел-овеческие стереотипы о сатанистах.

Следует заметить, что нельзя путать образ Сатаны и обычной «нечистой силы» в народном понимании. Хорошей иллюстрацией служат произведения Гоголя, описывавшего чертей как нечто вульгарное и низменное, а главное — *чел-овеческое*. Как отмечал

¹ Имеется ввиду внешний облик, созданный СМИ и иже с ними. Разумеется, «типичным» сатанист быть не может — индивидуализм никоим образом не состыкуется с какой-либо типичностью.

² Другой вопрос, что сатанизм рекламировать не стоит: он никогда не предназначался для массового сознания, а реклама ведет к таким эксцессам, как возникновение моды на сатанизм среди экзальтированной части толпы, когда каждый подросток, нацепивший на себя три-четыре пентаграммы и научившийся произносить «Ave Satanas!» без ошибок, уже считает себя соответственно трижды-четырежды сатанистом. Иллюстрация моды: кто-либо в состоянии объяснить, зачем создатели игры Quake сделали артефактом неувязимости именно сатанинскую пентаграмму, при этом специально заявив, что не являются сатанистами?

Впрочем, так называемые «подсатанники» — те, которые в поисках готового мировоззрения обнаруживают сатанизм и он им нравится в той мере, в какой они способны его воспринять, также симпатии не вызывают.

Д. Мережковский: «Гоголь первым увидел черта без маски, увидел его настоящее лицо, страшное не своей необычностью, а обычностью, паскудством; первый понял, что лицо черта является не чужим, странным, фантастическим, а знакомым, вообще реальным "человеческим, слишком человеческим" лицом, лицом толпы» в ее «бессмертной вульгарности». В народном фольклоре черт может быть обычным паскудником; но это восприятие не имеет отношения к образу Сатаны, который *а-человечен*¹.

Аналогичной ошибкой является проекция на inferнальные образы все того же «чел-овеческого, слишком чел-овеческого». Вспомним лермонтовского Демона:

Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья,
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

Демон, в неизбывном отчаянии бороздящий просторы Вселенной, — фигура, несомненно, трагическая, но имеющая к архетипу Сатаны весьма косвенное отношение. Романтическая тоска Сатане не присуща. Тот, кто привык *творить* — *тосковать* не будет.

В творчестве литераторов-романтиков демоническая суть неразрывно связана со смертью, с дыханием бездны, Хаоса. И это верно, но *метафизически* — смерть в отношении к Сатане должно рассматривать как уничтожение старой сущности и рождение новой; смерть — это танец Шивы, а не гниение плоти и не стабилизация ψυχή в вечно-блаженном состоянии бессознательной эйфории.

Романтиков же подводит *чел-овеческое восприятие*. Итогом демонического развития им видится остановка. Этот мотив остановки звучит во всех «страшных» произведениях романтизма (см., к примеру: «Манфред» и «Тьма» Байрона). Именно в остановке

¹ Предвидя возражение «Ага, вам такие черты не нравятся, вот вы их в архетип и не вводите!», поясняем: мы исследуем и раскрываем архетип именно Сатаны, а не мелкой нечистой силы. Наглядно принципиальную разницу можно проиллюстрировать на простейшем примере: чертям и прочей мелочи *гордость* не свойственна, в отличие от.

в конечной мере и кроется исток ужаса; но этот ужас — следствие неспособности проникнуть сквозь барьер, отделяющий *антропоцентрическое* восприятие от сущности Вселенной — см. цитату из рассказа «Патрон Доктора Фауста или Черное смещение» далее на стр. 204. Дьявол у романтиков — это метафора пустоты, небытия и одновременно символ переходящей в бунт тоски по жизни иной, нездешней; то есть — чувствуется чел-овеческая неполноценность, но нет сил от нее оторваться...

Orkkh, «Моему Сатане»

О, как ты одинок! Ту силу зла,
Которой ты исполнен от рожденья,
Тот гнев войны, то страсти вдохновенье,
В тебе не любят. Так мала
Душа любого смертного. Презренье —
Вот все, чего достоин человек!
А ты, свободы воплощенье,
Ты, вечный символ мудрости — и власти,
То жарок, словно ад, то холоден, как снег,
Внутри себя обрек ты смерти счастье.
Ты — не для всех... Ты слишком храбр для всех.

Lay Ervit, «Сатане»

Там, где бредит толпа и жует
Рацион общих мест,
Обозвав
Чепуху ритуалом общенья,
Тебя нет,
Тебе скучно и тягостно здесь
Быть козлом,
Стародавним козлом отпущенья.
Кто-то хнычет, стонет и бьет
Об пол собственный лоб,
Возмечтав,
Будто с крыши слетит утешенье.
Кто придет,
Если в вечность вопит остолоп,
Убежденный,

Что глупость достойна спасенья?
Ты — молчание, проблеск идей
Из-под взмаха ресниц,
Краткий жест,
Подтверждение сжатой ладони.
Ты — везде,
Твоя сущность не знает границ:
Нет предела
Могуществу собранной воли.
Ты — уверенность, гордость,
Спокойствие собственных сил.
Твое имя —
Знак власти над созданным миром.
Ты — творитель —
Свободными нас сотворил,
И себя
Называть не придумал «Единым».

Психопатологические сущности и рецидив дуализма

*Нельзя дважды войти в одну и ту же реку,
а вот вляпаться в одно и то же дерьмо —
сколько угодно.*

Michael The Heretic

К определенному времени анахронизм традиционных религий стал настолько кричащим, что возникла идея их подновить путем заимствования идей из других религий и некоторых достижений науки.

Эти новшества затронули и демонологию. Особенно популярны тут идеи, болтающиеся около понятий биоэнергетики, психической энергии и т.п.

Некоторые экстрасенсы утверждают, что все наши мысли, эмоции, желания на самом деле не наши, а представляют собой некие «вибрации», проникающие в нас из астрала или других уровней бытия.

Такие страсти, как зависть, гордость, похоть, ненависть, невежество, эгоизм, рассматриваются ими как «энергетические сгустки», сущности, паразитирующие на астральном или ментальном теле человека. Они, вовлекая своего «хозяина» в бесконечную погоню за удовольствиями и иллюзиями, забирают львиную долю его жизненной энергии¹.

Согласно некоему священнику Родиону, каждый демон олицетворяет определенную страсть. Он возбуждает ее в человеке, ныряет в него, подталкивает на удовлетворение этой страсти и сам от этого получает удовольствие:

Демоны получают силы через человека, приспособляя его энергетику для своего питания. Для этого они вначале

¹ См. книгу А. Подводного «Возвращенный оккультизм. Тонкая семерка» на эту тему. Только убедительная просьба понимать написанное как метафорическую модель, а не буквально. Все подобные «сгустки», «астралы» и пр. с рациональной точки зрения — обычные сепульки, и обсуждение этого поля мыследеятельности чел-овеков ведется не с целью показать ненаучность всего этого; наука не занимается опровержением бредовых идей психопатов и сказок шарлатанов. Цель исследования на этом поле связана именно с восприятием архетипов чел-овечеством — ведь именно глобальные социальные тенденции позволяют сделать хоть какие-то обобщения по этому поводу.

должны уподобить человека себе, через то получив доступ к его душе. Раздувая в нем энергию страстей, пожирающие его жизненные силы, демон питается и усиливается в такой среде.

Что ж, если человек — это всего лишь сосуд для пребывания всяких психологических сущностей, так пусть в нас живут прекрасные демоны страстей: дерзости, гордости, отваги, любознательности, веселья, сексуальности; но не ангелы смирения, покорности, робости, воздержания и занудства.

Даниил Андреев в своей «Розе Мира» придумал еще интереснее: похоть, гордыня, чревоугодие — это для демонов своего рода полуфабрикаты, сырые продукты. Истинным витамином для них является некий «гаввах» — психическое излучение страдания. Поэтому они, дескать, и стараются всегда делать больно, кушать-то хочется. А всякие ангелоподобные сущности сидят на диете из излучения любви.

Согласно Андрееву, замысел бога состоит в том, чтобы все души в любви слились с ним и между собой. А планы демонической сущности состоят в поглощении, вбирании в себя всех прочих эго. А теперь скажите, вы разницу видите? Это ведь одно и то же, только написано разными красками!¹ Только, пожалуй, «души в любви» добровольно стремятся к слиянию, к коллапсу. А демонические, сами рассчитывая стать центром, сопротивляются. Возникает противодействие, которое приводит к колебанию около точки равновесия, на котором держится Мир, как на «сильном» и «слабом» взаимодействии в атоме. На взаимодействии Эроса и Эго, собственно говоря, и построен этот Мир.

Эгоизм² — неистребимая черта разумного существа. Он de facto неотделим от осознания своего «Я», как бы ни пытались протестовать против этого моралисты.

Quodcunque aliquis ob tutelam corporis sui fecerit jure id fecisse videtur.

¹ Наши разведчики, но ихние шпионы — полная аналогия.

² Не путать с эгоцентризмом. Эгоцентризм — *гипертрофированный* эгоизм, лишенный критического элемента, не учитывающий разумность поступка в плане последствий.

Ввиду того, что всегда были индивидуалисты и носители стадных взглядов (не исключается их совмещение в одном лице, только по разным чертам личности), эгоизм тоже бывает индивидуальным и стадным. Точка зрения индивидуального эгоизма подвижна и относительна. Установки коллективного эгоизма инертны. Это то самое ядро, вокруг которого возникают моральные понятия, возведенные в абсолют. Так называемый «альтруизм» на деле является противопоставлением коллективного эгоизма индивидуальному, когда каждый индивидуум обязан по первому требованию приносить себя в жертву обществу, причем осуждаются даже робкие попытки индивидуума отстоять свое право на самоопределение.

Собственно эгоизмом общепринято называть индивидуальный эгоизм, яростно осуждаемый общественным мнением.

Что характерно, люди невероятным образом рефлексируют по этому поводу и стараются рационализировать любое проявление эгоизма, так как с точки зрения общества эгоизм — это «очень, очень плохо». Типичная попытка выглядит как «я делаю это ради тебя!» — к примеру, родители запрещают подростку поздно гулять на улице, мотивируя это заботой, реально же они заботятся *о себе*, так как иначе будут *волноваться*. Сюда же можно отнести попытки определить эгоизм не просто как приоритет своих целей перед чужими, а *обязательно* одновременно причинение вреда другим, причем в явном виде. Либо заявляют, что эгоизм — это *только* доведенный до абсолюта принцип «хочу, и все тут!» без расчета последствий хотения. В общем — какие угодно ухищрения вместо того, чтобы честно признаться в эгоизме.

Кто-то весьма точно заметил, что ради себя человек может пойти на преступление, но ради своей семьи он готов на большее преступление. Ради своего класса или сословия — на еще большее. А для пользы своего государства или нации — на гораздо большее злодеяние, но это уже будет подвиг. Ну а уж ради своей *веры* некоторые готовы на что угодно, и это уже назовут святым деянием.

Вывод: индивидуальный эгоизм — вещь неизбежная; развитый индивидуальный эгоизм — признак психического здоровья. Между тем в общественной морали принят коллективный эгоизм, который осуждает поступок человека для собственной пользы, и одобряет точно такое же деяние на пользу государства (веры). Некоторые разновидности коллективного эгоизма,

к примеру, национализм, в наши дни уже осуждаются. Другие — патриотизм — еще приветствуются.

Пока вы находитесь внутри некоей биологической, политической, социальной или другой системы, то, что угрожает ей, представляется вам абсолютным злом, и ваша личная позиция — борьба с ним.

Коллективный эгоизм — это выход, выражаясь словами Ницше, для «связанных умов». Им не по силам собственное сознание, они его арендуют. Одно сознание на всю толпу может создать чувство причастности, приглушая при этом осознание собственной убогости, но разум оно не заменит¹.

Коллективный эгоизм может иметь значения в широчайшем диапазоне — от семейного до видового, выражающегося в уверенности, что чел-овечество занимает в мире какое-то особое место.

Как ни парадоксально это звучит, но антропоцентризм нашего мировоззрения не только в общем виде — «детская болезнь эгоцентризма человечества», но и в частности — просто перешедшее в научную традицию религиозное представление о богоизбранности человека (характерное для христианства, ислама и иудаизма), о человекоподобии — антропатизме — божества либо каких-то его ипостасей (практически во всех исторически известных религиях). В данном случае и научное и религиозное клише — разные стороны общего культурного фона.

В.Р. Арсеньев, «Звери=боги=люди»

Могут возразить, что коллективный эгоизм — это реакция самосохранения общества. Однако никто не желает оказаться индивидуумом, конкретно за счет которого упомянутое общество самосохраняется, хотя и немногие в этом признаются.

Социум стремится к стабильности, это — проявление социальной самозащиты на уровне всего общества. Но — как

¹ W.: Это, разумеется, НЕ значит, что каждый националист, патриот и т.п. — всенепременно бессознательная жертва стадного чувства. Когда я писал эти строки, то политика меня еще не интересовала, и под национализмом я понимал местечковый шовинистический вариант, а не здоровый национализм государствообразующей нации. См. по этому поводу статью «Мое отношение к национадизму» (<http://warrax.net/85/nw.htm>)

всегда — есть «но»... Член общества — часть структуры, стремящейся к самосохранению. И он будет способствовать этому всеми способами. До тех пор, пока это не вступает в противоречие с более важным для субъекта приоритетом — стремлению к личному самосохранению, к личному оптимальному положению в глобальной структуре, называемой Бытие. Истоки этого — не только и не столько инстинктивно-биологические, они лежат в самой сути разума — самоидентификации, самоотделения «Я» от всего остального. И именно «Я» требует оптимального существования. А «все остальное» — или мешает/помогает этому, или интактно. Личный эгоизм — это проявление борьбы «Я» со всем остальным — за оптимальное существование конкретного разума. И именно это — глубинная суть, коли уж разум на нашей планете существует, как индивидуальный феномен, четко локализованный во времени и пространстве. Не только отделенный от всего остального, но и осознающий это. Понимающий, что если «Я» не выживет — погибнет и вся Вселенная, ведь Вселенная для каждого конкретного Разума — это именно то, что он воспринимает и отражает.

Это — банальные вещи. Но именно понимание (и признание) этого отсутствует практически в любой общественно-идеологической системе: исчезнет коллектив, общество, идея — Вселенная останется. Исчезнет разум — исчезнет Вселенная. Исчезнет все. Конечно — для конкретного «исчезнувшего» субъекта, но для каждого «Я» — Вселенная *своя*, уникальная. А поскольку единственным носителем разума на сей день является биологическое тело, то отделение «телесной» оптимальности от «духовной» — попросту бессмысленно. Но эту идиотскую операцию всегда проводят идеологи любого социума — «Погибнуть за Отечество почетно», «Умри, но защити коллектив», «Пострадавшим за веру воздастся на небесах»... Какой почет? Что погибшему до «почета»? «Награжден посмертно...» Смерть — не награда. Смерть — именно что прекращение *всего*, исчезновение Вселенной. Это может быть *равноценно* вообще чему-либо (не говоря уже о какой-то побрякушке)¹!

¹ W.: Вероятно, некоторые, прочтя эти строки и зная мою политическую позицию (русский социализм, см.: <http://warrax.net/nnrns/nn00.html>) скажут, что ранее я считал совсем иначе — был за индивидуализм, а теперь — за коллективизм, и сказанное здесь противоречит социализму. Ни разу — как

Но *любая* идеология заботится о сохранении социума в неизменном виде, а отнюдь не об отдельных индивидах. И для того, чтобы послушно следовать идеологии, лучше всего подходят стандартные, социализированные и не слишком умные особи.

По этому поводу вспоминается Фридрих Ницше:

Облагораживание через вырождение. История учит, что лучше всего сохраняется то племя, в котором большинство людей имеют живое чувство солидарности вследствие одинаковости их привычных и непререкаемых принципов, т.е. вследствие их общей веры. [...] Опасность этих крепких обществ, опирающихся на однородные, сильные личности, состоит в том, что они легко глупеют, и что это оглупление, которое, как тень, всегда сопровождает всякую устойчивость, постепенно растёт, передаваясь по наследству. [...]

Некоторые строители современных религиозных систем являются настоящими наследниками манихейского дуализма и антагонизма материи и духа. Элизабет Хайх, например, излагает эту доктрину в физических понятиях. Силы гравитации, таким образом, не что иное, как стремление всего сущего в направлении пустоты, которая стоит над временем и пространством, в райское единство с Богом, к блаженству. А препятствуют этому силы сопротивления материи, которая сама и является Сатаной.

Наиболее забавно в таких рассуждениях следующее: получается, что возникновение вселенной произошло зря, со стороны Бога это случилось произвольно. Он как бы нечаянно пустил газы, упустил часть своей божественной сущности. И теперь в этом выкидыше действуют силы «света и добра», под

говорил Ницше, «Так называемые парадоксы автора, шокирующие читателя, находятся часто не в книге автора, а в голове читателя». Конечно, надо учитывать дефиниции, но индивидуализм ничем не противоречит социализму — если его понимать не как либероиды, в виде «свободы от», а разумно, как «свободу для» (см. «Так говорил Заратустра» Ницше).

Кроме того, надо учитывать развитие личности. Разумный готов при определенных обстоятельствах погибнуть за Родину не потому, что это почетно и т.п., а потому, что сочтет это *целесообразным*: потеря Личности куда хуже физической смерти. Тем, у кого Личности нет, — этого не понять.

См. по теме «Протоколы вскрытий сотонских муд...», глава «Изыди!»
(<http://warrax.net/protocols/07.html>)

девизом «Назад к блаженству!» стремящиеся забраться обратно туда, откуда появились. А другие, «Тёмные», мешают этому — им, видимо, нравится снаружи. Плерома раскололась и София вытекла... Караул! Скорее отскоблить и запихать обратно (это в терминологии гностиков).

А некоторые апостолы модернизированных религий в соответствии со своим интеллектуальным и духовным уровнем ударяются порой в такой вульгарный дуализм, какой не снился и Заратустре. Ну ладно, тьма — это «зло», свет — «добро»; но как вам нравится такое: туманность Андромеды — это «добро», а звезда Антарес — «зло»? Причем автор этой сногсшибательной идеи, Даниил Андреев, еще и убежден, что «злые» стихии должны быть уничтожены, а к ним относятся: все хищные животные, пустыни, джунгли, мегаполисы, океанские глубины, тайга, некоторые звезды, Луна. Эта идея содержится в его книге «Роза мира», которой восхищается определенное количество, гм... считающих себя эзотериками.

В общем, глупость чел-овеческая неисчерпаема. Как вы понимаете, эта глава добавлена не из-за того, что сатанизм почерпнул что-либо из подобной бессмыслицы, а исключительно потому, что *и это* отдельные деятели приписывают сатанизму.

Добро/Зло — мифы и реальность

*Мораль — это важничанье человека
перед природой.*

Ф. Ницше

Рассуждая о Сатане, нельзя не затронуть проблему Зла, поскольку люди в подавляющем большинстве своем на уровне сознания ассоциируют с ним Дьявола. **Зло** однозначно является частью архетипа Сатаны. Однако понятие Зла также архетипично и нуждается в психологической трактовке. Мы не замахиваемся на освещение в достойном объеме еще и этого вопроса, но кое-какие хрестоматийные моменты затронуть стоит.

Возникновение самих всеобщих идей абсолютных Добра и Зла¹ обосновано в цитате из «Этюдов по...» А. Травина (см. далее). Но введение абстрактного понятия отнюдь не обозначает не только реальности такового, но и его всеобщего однозначного понимания.

...людям свойственно привязывать к некоторым сущностям или явлениям общие термины, а потом благополучно забывать о том, что они — чересчур общие. В результате каждый отдельно взятый человек наполняет эти абстрактные понятия некой субъективной конкретикой, и по умолчанию предполагает, что если кто-то еще пользуется тем же самым термином, что и он, то и вкладывает в него точно то же самое. Конфликты, возникающие в результате таких разногласий подобны удару из-за угла и весьма ожесточены, так как стороны часто явно или подсознательно испытывают чувство оскорбленного доверия. Казалось бы, чего проще, заранее уточнить, что собеседник имеет ввиду, но опасность абстрактных понятий именно в том, что они у всех на слуху, и их самодостаточность редко подвергается сомнению.

Сайко, «О неуниверсальности абстрактных понятий»

¹ Против частных, локальных и относительных добра и зла возражений не имеется — кроме того, что таковые гораздо точнее описываются терминами «польза» и «вред». Зачем вводить лишнюю путаницу, создавая иллюзию понимания?

Термины «Добро» и «Зло» являются именно такими общепринятыми терминами, которые каждый понимает по-своему, но считает, что его личное мнение соответствует пониманию любого другого человека. Это также — *мнимые* конвенции, наряду со «справедливостью» и т.п. Основа их — проецирование собственного миропонимания на других субъектов. Т.е. «абсолютные» критерии некорректны вследствие некорректности неполной индукции, на основе которой они выстраиваются. «Я так считаю, мой сосед так считает, мой дедушка так считает, значит — абсолютно все так считают», или короче, но психологичней: «А разве может быть иначе?!».

Объясняйте значения слов — и вы избавите мир от половины недоразумений.

Р. Декарт

Декарт был оптимистом — дело не только в том, что люди не понимают значения слов, но в том, что они *не хотят* что-либо понимать и менять в этом отношении.

Забавно то, что сторонники использования этих терминов, понимая невозможность их однозначного определения, настаивают на их использовании:

Что есть зло? Зло — это то, что люди воспринимают как зло (конгениально! — О.&W.). Но представления о зле настолько различны, что этот концепт невозможно определить достаточно строго. Для целей ограниченного общения за данным словом могут быть закреплены произвольные значения. Но зло — это не просто смутно определенное понятие; в нем вообще нет внутренней согласованности. Поэтому мы должны рассматривать не категориальное определение зла, а его прямое, непосредственное и экзистенциальное восприятие.

Д.Б. Рассел, «Дьявол»

Спрашивается, зачем вводить термин как одну из основ мировоззрения при невозможности категориального определения? А все очень просто. Убедив в возможности применения определения добра/зла остенсивным способом, получаем превосходный инструмент манипуляции.

Подавляющее большинство «неизмеряемых категорий» — и уж точно абсолютно все «моральные категории» — определяются только *остенсивно* еще на этапах родительского и общественного воспитания. «Вон видишь — дядя дерется? Это — плохо!» Что важно, впоследствии эти понятия никак не переосмысливаются (профессиональные исключения и общественные кризисы не рассматриваются, речь идет об общей ситуации) и, следовательно, их понимание остается на уровне детской психики младшего возраста: понимание того, что можно делать, а что нельзя, включает в себя только перечень действий, но не включает какого-либо обоснования, *почему так*. При этом запрет чего-либо подкреплен исключительно боязнью вызвать недовольство у тех, кто воспринимается как безусловный авторитет (воспитующие взрослые для ребенка), и ничем больше. Естественно, что детское же желание делать все наперекор (даже если самому во вред!) также остается в психике. Отсюда, собственно, и берет начал тезис всех моралистов «если отменить мораль, то все начнут убивать, грабить и т.д.». Точно такие же желания есть у маленького ребенка: съесть банку варенья или засунуть пальцы в розетку, если только бабушка перестанет за ним следить. Проблема в том, что психика таких моралистов уже не детская, стандартно-неконгруэнтная, но попросту искаленная когнитивными диссонансами за всю жизнь. И очень вероятно, что оставленный без присмотра индивид такого рода действительно пойдет в разнос, сочтя, что «раз бога нет — то все позволено», и ни разу не задумываясь над тем, *зачем* ему что-либо делать из того, что ранее ему запрещалось декларативно. Это обычный детский эгоцентризм «Хочу!!!» в сочетании с не менее детским негативизмом, который возникает и проявляется помимо воли такого моралиста, но сдерживается различными навязанными условностями.

Не только тезисы, но и определения слов, исходящие из авторитетного для обывателя источника, воспринимаются абсолютно и без критического анализа, на уровне психики 3-5-летнего ребенка. Разумеется, как малыш такого возраста не читал еще Витгенштейна, так и взрослый представитель чел-овечества практически не в состоянии понять, что класс имен и класс объектов отличны друг от друга.

Если вы говорите «слово — это не вещь», все легко соглашались с вами; но посмотрите вокруг, и вы увидите, что все

ведут себя так, будто нечто, называемое Священным, «действительно является» священным, а нечто, называемое Низким, «действительно является» низким.

Р.А. Уилсон, «Квантовая психология»

Этот прием повсеместно применяется по отношению к Сатане. В истинно зороастрийском духе ему инкриминируют все, что вызывает страдания у людей, причем безразлично, по какому поводу и какие именно (выделение курсивом наше — O.&W.):

Если нужно понять зло, то мы всегда должны от метафоры и метафизики возвращаться к индивидуальному. Числа только скрывают реальность. Шесть миллионов уничтоженных нацистами евреев¹ становятся абстракцией. Вы понимаете страдание одного еврея, но ваши способности к дальнейшей экстраполяции ограничены. Поэтому Сатана у Мильтона кажется таким гордым: олицетворяемое им зло спряталось за абстракцией. Замученное в одиночестве и Темноте дитя, о котором рассказывает Иван², открывает *истинный смысл сомнительной славы Сатаны*, той славы, которую мы ощущаем только если позволяем [...] забывать о страдании конкретного человека.

Д.Б. Рассел, «Дьявол»

Как видите, Сатане приписывается, во-первых, какая-то патологическая жестокость, во-вторых — мелочность (Ну и *зачем* ему страдания этой пятилетней девчонки? Так Сатане можно приписать что угодно, вплоть до подкладывания кнопок на стулья³). При

¹ Это цитата. Реальное кол-во по некоторым данным, развенчивающим официальную пропаганду, в несколько раз меньше. Рекомендуем книги «Миф о Холокосте» и «Великая ложь XX века» Ю. Графа, а также Э. Цунделя «Шесть миллионов — потеряны и найдены» и вообще раздел «Идеологические мифы» на сайте Black Fire Pandemonium.

² «Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столького стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка...» — Ф. Достоевский, "Братья Карамазовы", кн. 5, гл. IV.

³ Аналогия: описание «Тёмных» в литературе, цит. по Den-M, Warrax «Образ Тьмы в современной литературе»: «Герои же противоположного лагеря [Тьмы] выглядят весьма странно: они все ну настолько злые, настолько стремятся делать пакости людям, что даже не задумываются, — а *зачем*, собственно, им это надо? Дальше абстрактных пояснений автора, что, дескать,

этом суггестия такой пропаганды усиливается вторым термином, определяемым также остенсивно: «истиной» (Истина в этих случаях скорее определяется декларативно — часто ее конкретные примеры совсем не обязательны. Достаточно задекларировать ее «наблюдаемые пределы» — в соответствии с собственным разумением, конечно. Ни о каких *реальных* конвенциях в этих случаях речь не идет.). Приписав себе право толковать истину, а заодно и добро/зло, такие пропагандисты получают прекрасный инструмент манипуляций народом: им достаточно ткнуть пальцем: «вот это — зло!», и мало кто спросит, — а почему, собственно?

Полезным эффектом такой политики устрашения народных масс Сатаной, помимо подпитки эгрегора страхом обывателей, является невозможность войти в контакт с эгрегором тем, кто имеет стадный менталитет. Просто не за что зацепиться — нет соответствий¹.

Интересно рассмотреть восприятие зла человеком, стоящим на позиции добра. Прочитируем предисловие к книге Д.Б. Рассела «Дьявол. Восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства»:

Что такое зло? В общепсихологическом плане — это опыт гибели, разрушения, предчувствия смерти, наличия силы, оказывающей сопротивление не только нашим планам

они хотят править всем миром или побольше власти захватить, дело не идет. Вот нам лично непонятно, а зачем все это? Понятно, зачем (и почему) так пишут *авторы* — но никак не ясно, как мотивируется такое поведение *самим* отрицательным героем. Можно, разумеется, предположить острую умственную недостаточность вкупе с патологической паранойей и перемежающимся бешенством, но тогда возникает резонный вопрос: как такой персонаж с весьма специфическим характером смог дожить до своего возраста? Да еще и стать магом? (Практика магии подразумевает самодисциплину, работу над психикой и развитие разума).

Не удивительно, что писатели, выросшие и воспитанные в обществе, которое построено на христианских «ценностях», восхваляют «светлых», но почему они при этом приписывают «Тёмным» все отрицательные свойства *без какого-либо обоснования*? Впрочем, это, опять же, как раз понятно — просто проецируют на них свои желания, которые не решаются высказать сознательно (Тень по Юнгу).

¹ К сожалению, это не может препятствовать таким индивидам *называть* себя сатанистами.

и чаяниям, но и самому нашему бытию. Однако зло — не просто человеческая оценка происходящего с ним или с окружающим. За ним стоит какая-то реальность [...] Нечто сопротивляется нашим замыслам и предположениям о принципиальной доброжелательности мироздания, в котором мы пребываем.

Обратите внимание на восприятие реальности: сторонники «добра» совершенно инфантильно стремятся к «принципиальной доброжелательности мироздания» (вспомните концепцию христианского рая), причем им больно и обидно, что реальность не соответствует их *предположениям* (!!!). Они высказывают *протест против реальности*, мечтая об элиминировании сопротивления вообще как феномена.

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой.

И.В. Гете

Кроме того, они путаются даже в столь незамысловатых мечтах, пытаясь увязать их с реальностью. Тот же текст, *соседний абзац*:

Человеческое сознание склонно оценивать все, происходящее с ним, исходя из простейшей шкалы ценностей. Начиная с первобытных времен мир удваивается, организуясь согласно системе простейших оппозиций: небесное-земное, наше-чужое, священное-мирское, хорошее-плохое.

И как прикажете совместить понимание стремления чел-овечества к примитивной дихотомизации и «какую-то стоящую за злом реальность»? «Зло трансцендентно, оно врывается извне в космос, ежемгновенно выстраиваемый нашим сознанием» — *op.cit.*

Какая наглость! Реальность Вселенной посмела не соответствовать иллюзиям нашего сознания¹! Отсюда остается лишь

¹ К слову: *любое* восприятие действительности иллюзорно и не соответствует реальности. Даже если не забираться в глубины психологии и физиологии нервной системы, это следует из того, что осознается нами далеко не

небольшой шаг до концепции «материя — это зло», которую мы рассматривали ранее. Кроме того — разумеется, в нас [людях¹], хороших, белых и пушистых, никакого зла нет, поскольку не может быть никогда, и значит, что оно находится где-то «снаружи»².

Именно с этим связано стремление к персонификации зла — раз навязывается *извне*, значит, навязывается *кем-то*.

Самым глобальным заблуждением (после непосредственно ввода в обиход этих понятий) является тезис о том, что зло является *privatio boni*, что оно вторично, зависимо от добра³, является его отсутствием и не представляет собой самостоятельной сущности. Такое мнение не только есть *error in re*, но, что характерно, даже *противоположно* реальности. Поскольку Добро и Зло — искусственные, *неестественные* понятия (и опять скажем — почти по Пруткову — Вселенная имморальна!), то справедливо заметить, что Добро вводилось как нечто возвышенное, оторванное от мироздания, а на долю Зла пришлось как раз сама реальность, материальный мир без каких-либо измышлений.

Суждения добра и зла есть болезни разума. Пока эти болезни не покинули разум, [все,] что бы вы ни делали, не является добром.

Yagui Minenori

Все подобные измышления связаны исключительно с теодицеей. Древняя идея зла как отсутствия добра была радостно подхвачена христианскими апологетами Августином и Аквинатом, а позже вообще превратилось в хоровое подпевание. Причем

все, что мы воспринимаем органами чувств, а то, что воспринимается — неизбежно воспринимается опосредованно; мы познаем действительность, но не реальность.

¹ Сатанисты обычно себя к людям не относят, если вы не в курсе.

² Именно поэтому необходимо изничтожать *любую* религию. Разделение организма на тело и душу, разделение психики на «хорошую» часть и «плохую» и т.п. с последующими попытками избавиться от одной из них ни к чему, кроме патологий в психике, не приводит. К сожалению, эти патологии из-за распространенности считаются не только социально приемлемыми, но часто даже желательными.

³ Аналогично некоторые любят говорить, что Тьма — это всего лишь отсутствие Света; однако, при этом они забывают, что Тьма самодостаточна и значительна, а для света требуется источник такового, вносимый во Тьму.

этот измышлизм приводил иногда к очень оригинальным выводам: к примеру, если зло не существует, то у него нет и начала; следовательно — Дьявол также не существует¹. Все это сводится к донельзя кривому тезису Платона: онтологическое небытие зла не освобождает мир от зла, но освобождает создателя мира от *ответственности* за зло.

Впрочем, можно освободить, декларируя, что демиург создал Упорядоченное, но одновременно существует Хаос, над которым демиург не властен, и иррациональность Хаоса в проекции на Упорядоченное является злом. В общем, не создавал специально — не ответственен. Но при этом всемогущество становится куда большим отсутствием, что зло в творении демиурга. Так что теологи вправе выбирать — либо бог всемогущ, либо ответствен за все зло. И никак иначе.

Тезис (неявный) теологов обычно таков: причиной блага нельзя считать никого другого, кроме бога, но для зла надо искать какие-то иные причины, только не бога. Тем не менее, еще Эпиктет утверждал, что добро и зло заключаются не в самих вещах, а в их применении, т.е. — они личностны и относительны. Его точку зрения разделял Марк Аврелий. Но эти разумные философские рассуждения не могли удовлетворить чел-овечество, которое всегда хотело переложить ответственность на других, а кроме того — найти какую-либо концепцию, которая позволила бы избежать зла хотя бы в посмертии, и уверовать в эту иллюзию.

...зло есть «privatio boni». Эта классическая формула лишает зло абсолютного бытия и превращает в какую-то тень, обладающую лишь относительным, зависимым от света бытием. Добро, напротив, наделяется позитивностью и субстанцией. Психологический опыт показывает, что «добро» и «зло» суть противоположные полюса так называемого морального суждения [...] Как известно, суждение о какой-либо вещи может быть вынесено лишь в том случае, если ее противоположность реальна и возможна. Кажущемуся

¹ Или существует, но не как начало зла — его представляли как могущественного ангела, чье зло состоит в несовершенстве его природы, а могущество усиливает это зло. Как вы понимаете, проблемы теодицеи это никоим образом не решает — кто создал этого ангела, а?

злу можно противопоставить лишь кажущееся добро; лишенное субстанции зло может контрастировать лишь со столь же несубстанциональным добром. Хотя противоположностью сущего и является несуществующее, однако наделенное бытием добро никогда не может иметь своей противоположностью несуществующее зло, ибо последнее есть *contradictio in adiecto* и противопоставляет существующему добру нечто с ним несоизмеримое: ведь несуществующее (негативное) зло может быть противопоставлено лишь несуществующему же (негативному) добру. Таким образом, когда утверждается, будто зло есть простое *privatio boni*, тем самым вчистую отвергается противоположность добра и зла. Но как вообще можно говорить о «добре», если нет никакого «зла»? Как можно говорить о «свете» без «тьмы», о «верхе» без «низа»? Когда добро наделяется субстанцией, то же самое неизбежно будет проделано и в отношении зла. Если у зла нет никакой субстанции, тогда добро остается призрачным, так как защищаться ему приходится не от реального, наделенного субстанцией противника, но лишь от тени, от простого *privatio boni*. [...]

Есть и другая христианская трактовка проблемы зла: зло *олицетворяется и наделяется субстанцией* в качестве Дьявола или Люцифера. [...] ...имеется и такая точка зрения, согласно которой Дьявол, хотя и *сотворен*, все-таки является *автономным* и *вечным* созданием. К тому же он выступает *противником-партнером* Христа: заразив наших прародителей первородным грехом, он открыл процесс порчи и разложения творения (а точнее, изменения — O.&W.), сделав необходимой инкарнацию Бога, которая есть условие спасения (по христианской мифологии, а не по логике¹ — O.&W.). При этом Дьявол действовал свободно, по собственному усмотрению, как в случае с Иовом, когда ему даже удалось уговорить Бога предоставить ему свободу действий. Эта мощная

¹ «...было бы крайне нелогично, если бы Бог, который с самого начала наряду с великодушием временами демонстрировал припадки слепой ярости, в одночасье превратился в чистое благо. [...] Искупительный подвиг должен, таким образом, спасти человека от страха Божия, что, конечно, возможно лишь там, где вера в любящего Отца, пославшего своего единорожденного Сына для спасения рода человеческого, вытесняет явно упрямствующего Яхве с его опасными аффектами» — К.Г. Юнг, «Ответ Иову»

действенность Дьявола плохо вяжется с приписываемым ему призрачным бытием в качестве *privatio boni*, которое, как уже сказано, подозрительно напоминает некий эвфемизм. Дьявол как автономная и вечная личность больше соответствует исполняемой им роли противника и партнера Христа, а также психологической реальности зла.

Но если Дьявол обладает достаточной властью, чтобы поставить под вопрос весь смысл Божьего творения или даже вовсе навести на него порчу, а Бог никак не препятствует ему в этой нечестивой деятельности, но предоставляет все решать человеку, который заведомо глуп, бессознателен и столь легко поддается соблазну, — тогда злой дух, несмотря на все заверения в обратном, на самом деле должен представлять собой мощный фактор с совершенно необозримым потенциалом. [...]

К.Г. Юнг

Классическим апологетом *privatio boni* являлся Августин Блаженный. В своем трактате «О свободе воли» он попытался освободить бога от всей ответственности за зло, переложив ответственность на свободную волю ангелов и людей. Его взгляды ортодоксальны: бог творит только добро — следовательно, зло совершается другими; бог терпит зло — значит, это зачем-то нужно, а поскольку это всеблагой бог — то нужно именно ради некоего высшего блага, недоступного людям. Позиция весьма не оригинальна и исходит из догмы о том, что *бог добр, что бы он ни делал*. Августин среди прочих сентенций выдает даже такую фразу: «Когда грешники несчастны, вселенная совершенна». Понятно, что такая позиция не может дать ответа на вопрос «а за что страдают дети и животные?» В ответах на это теолог не блещет логикой, оправдываясь тем, что страдание детей, возможно, должно вразумить их родителей, а в перспективе бог сделает этих детей счастливыми (после смерти, например...). Что же касается животных, то раз у них нет разумной души¹, о них и беспокоиться незачем: может, их страдания «учат любить совершенное

¹ Согласно христианскому учению, в рай спасаются души людей, животные же не обладают душой. Однако при этом животные, особенно высшие, имеют кое-какой интеллект, а также несомненно имеют память. Таким образом, спасению подлежит нечто, но не интеллект и не память. Вам все еще хочется в райские сады?

единение»?

Кроме того: если еще можно заявить, к примеру, о том, что если мороз причиняет зло, являясь отсутствием тепла, то в случае сжигания напалмом мирного населения чему конкретно «не достает сущностного бытия»?

Известнейший схоласт Фома Аквинский (1225-1274 гг.) договорился до следующего: «Бог не хочет, чтобы зло было, но и не хочет, чтобы его не было, но Он позволяет ему быть для большего добра» (*Summa Theologiae* Ia 2.3), и вообще несовершенство и испорченность творения *необходимы* для того, чтобы в полной мере выразить величие и могущество бога.

Между тем, мысли о том, что и добро, и зло конвенциональны и относительны, высказывал еще Протагор, а Трасимарх заявлял, что единственно возможными критериями добра и зла являются сила или *целесообразность*. И это далеко не весь список считавших аналогично: даже поборник идеи Абсолюта Платон, в конце концов, согласился с тем, что мир является смесью, $\mu\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ (см. «Филеб»).

Давайте рассмотрим, откуда произошли сами понятия «добро/зло» и вообще моральные установки социума? Все не так уж сложно. Более того,

Все просто: этические нормы и догматы, выработанные и закрепленные в ходе социальной эволюции, требовали однозначного толкования поступков людей. А это — минимизация степеней сложности в системе с огромным числом переменных. Ведь ситуация читается (читалась, если о начальной стадии) так: поведение любого индивида — в силу высокой сложности его организации — может быть в принципе непредсказуемым, однако сообщество таких индивидов (организация еще более сложная) не должно от этого страдать — сообщество должно быть стабильным и продуктивным. Следовательно, чтобы выполнялось последнее (стабильность системы), необходима упорядоченность, стабильность первого — то есть составляющего системы, индивида.

Возник, казалось бы, парадокс: в самое сложное, высокоорганизованное и прогрессивное — головной мозг человека (детище эволюции!) — необходимо вносить какие-то поправки? Именно так. И этот парадокс можно было

разрешить только за счет упрощения: в сложной, в том числе конкурентной, системе взаимоотношений между людьми оценки их поступков должны быть не только однозначными, одинаково трактуемыми, но и полярными (да — нет, хорошо — плохо, можно — нельзя). Нюансы уходят: чем проще, тем лучше, надежней для системы в целом. Более того, чтобы окончательно закрепить подобный механизм выживания и стабильности вида, человек в ходе эволюции наделяется еще и способностью к самооценке (в дальнейшем — к тому, что называют рефлексией). Вот стандартное, используемое теперь всяким цивилизованным человеком психологическое построение: я еще не совершил нечто, только задумал совершить, а уже могу оценить свой будущий поступок, да и самого себя, с позиций морали, нравственности, этики. Таким образом, оценочный механизм продублирован: оценка со стороны дополняется оценкой внутренней, и, как правило, упрощенно-альтернативной. В общем, механизм с двойной страховкой...

А.А. Травин, «Этюды по теории и практике эволюции»

Таким образом, в очередной раз показано, что *мораль предназначена именно для того, чтобы те, кто не умеет мыслить, приносили меньше вреда*. Совершенно аналогично выглядит совет из старинных учебников по поведению в обществе: недостаток ума можно замаскировать хорошим знанием этикета¹.

Вы никому ничего не должны. Все ваши «долги» — порождение гениального ума, придумавшего грехи, совесть, долг для своих рабов. Так рабы меньше шумели, были послушны и не так сильно воняли.

Voidriser

Так же очевидно, что общественная мораль, способствуя стабилизации вида в целом, *препятствует* развитию индивида²: чем проще и стандартнее, тем лучше. Как нетрудно догадаться, здесь

¹ Это более грубо, но более точно выражается поговоркой "Молчи — за умного сойдешь".

² Она препятствует также и развитию самого вида, консервируя его состояние.

психология выражает аспект архетипа Сатаны как **противника стандартов (уравниловки)**, в частности — стандартной морали.

Сатана — это **индивидуализм**¹, не противопоставление обществу (слепой нонконформизм так же глуп, как и слепой конформизм), но уход из-под его влияния в плане этики.

Существовать — значит выделяться, не оставаться фоном.

Пол Адригес

Обратите внимание, что **гордость**, неразрывно связанная с Сатаной, не поощряется в чел-овеческом обществе. Это происходит по простейшей причине: проявления гордости нарушают *иерархию стада*².

Следует пояснить разницу между гордостью и гордыней. Гордыня — это исключительно церковнославянское слово, применяемое как обозначение греха гордости. Эти термины эквивалентны с христианской точки зрения, но если посмотреть непредвзято, то для гордыни можно оставить трактовку гордости *ad extra*, а собственно гордость связана с личным *достоинством*, т.е. знанием своего места в мире, адекватной самооценки, и нежеланием опустаться ниже. Можно сказать, что гордость — это *внешнее проявление* достоинства, которое является чертой **личности**. Обратите внимание, что гордость проявляется не постоянно, а только в случае *внешнего* воздействия, направленного против достоинства.

Собственно говоря, применительно к христианским легендам гордость Сатаны выражается в желании достичь свободы, причем **собственными** силами, стать хозяином своей судьбы и ничем не быть обязанным богу.

Именно гордость послужила причиной отпадения Сатаны от бога в христианской традиции (также см. главу про ислам). Это мнение вошло в концепт Сатаны благодаря Оригену, до этого высказывались идеи зависти к людям (см. Феофила Александрийского), что не соответствовало архетипу — Дьявол слишком могущественен, чтобы завидовать.

¹ W.: Не путать с либероидной вседозволенностью! Индивидуализм в понимании сатанизма — это индивидуальное развитие в соответствии с природными склонностями и желаниями индивида, но никак не «свобода» деградации.

² Отсюда вывод: те, кто высказывается против гордости, подсознательно хотят принадлежать человеческому стаду.

Так что же такое Добро и Зло? Очень редко можно встретить попытку четкой формулировки, которая, к тому же, не построена по принципу сепулек имени Й. Тихого («Добро — это то, что от бога, а бог есть добро»).

Теперь же установим действительно значение понятие *доброто*, или *хорошего* [...] *это* понятие относительно и означает соответствие какого-либо объекта какому-нибудь определенному стремлению воли¹. Таким образом, все, что нравится воле в каком-либо из ее проявлений, что удовлетворяет ее цели, — все это, как бы различно не было в других отношениях, мыслится в понятии *хорошего* [...] поэтому для одного может быть хорошо то, что для другого совсем противоположно. [...]

Согласно сказанному, *добро*, по своему понятию, является τὸν πρὸς τὴν, т.е. всякое добро по своему существу относительно, ибо существо его состоит только в его отношении к желающей воле. Поэтому абсолютное добро есть противоречие; высшее благо, *summum bonum*, означает то же самое, т.е. обозначает, собственно, конечное удовлетворение воли, такое удовлетворение, после которого уже не появляется новое желание [...] ничего подобного нельзя и помыслить.

А. Шопенгауэр, «Мир как воля и представление»

Таким образом, наглядно показывается относительность понятия добра, хотя это и не ставилось целью в данной статье. Просто люди, как всегда, боятся посмотреть на самих себя: они *привыкли считать* себя изначально стремящимися к «добру»², и даже если их мировоззрение проникнуто еще одним абстрактным понятием, а именно — грехом, то все равно они считают, что некогда у людей не было греха и что от него надо избавляться.

Нет на свете греха. Что же мы осуждаем его?
Право, было бы лучше свое упрекать естество.

Аль-Маарри

¹ Напоминаем, что термин «воля» у Шопенгауэра принимается не в общепринятом смысле. В данном контексте можно считать приблизительным эквивалентом термин «Wilt» Алистера Кроули по отношению к Вселенной.

² Естественно, не давая определения этому понятию и даже искренне возмущаясь при требовании такового: «Как, это же *общепринятое* понятие!».

Возникает кажущееся противоречие: с одной стороны, Зла нет, оно локально и относительно, как и Добро; с другой стороны — как было отмечено, Зло является частью архетипа Сатаны. Однако архетип потому и относится к общественному бессознательному, что для него совершенно безразлична истинность мнения как такового — если оно сложилось повсеместно, остается неизменным многие века, то оно будет включено в базис бессознательного — хотим мы этого или нет.

В споре рождается коллективное заблуждение, а истиной мы его называем для краткости.

Е. Лукин

Таким образом, правильная постановка вопроса вовсе не «что есть Зло?», а «что люди понимают под Злом?»

Здесь можно перечислять до бесконечности, но кратко все это можно свести к известному высказыванию:

Определение Добра и Зла: Добро — то, что нравится вам.
Зло — то, что вам не нравится.

А.Ш. ЛаВей

Разумеется, с поправкой на то, что обычно людям нравится / не нравится то же, что нравится / не нравится окружающим. Гипнотические слова «так принято», часто с дополнительным суггестивным элементом «в приличном (высшем, благородном...) обществе» либо «среди цивилизованных (умных, честных, культурных...) людей» перманентно используются вместо логической аргументации.

И во Франции, и в других странах самые нелепые обычаи, самые смешные условности пребывают под защитой двух слов: «Так принято». Именно этими словами отвечает готтентот на вопрос европейцев, зачем он ест саранчу и пожирает кишасих на нем паразитов. Он тоже говорит: «Так принято».

Н. Шамфор

Что особо интересно (однако вполне закономерно, поскольку это относится к *общественному* бессознательному), Злом с большой буквы называют не нанесение какого-либо вреда

индивидуумам, независимо (!) от их количества, а именно то, что ниспровергает *основы общества* с его сложившимися традициями, стереотипами, обычаями; даже если все перечисленное представляет собой не более чем клифот, сложившийся архетип все равно создает иллюзию наполненности якобы глубинным смыслом.

Возражения против прогресса всегда сводились к обвинениям в аморальности.

Б. Шоу

Действительно, как часто подменяют вопрос целесообразности либо разумности чего-либо вопросами нравственности и соответствия общественной морали! Самое страшное в этом то, что большинство людей стоят на давно устаревших позициях *бессознательно*, исключительно из-за привычного следования обычаям многолетней давности, давно потерявшим свою актуальность, и им даже в голову не приходит, что можно жить по-другому. Интересно отметить, что социально-культурные шаблоны становятся собственно традициями (пресуппозициями; моделями, принимаемыми до осознания) тогда, когда они начинают играть значимую роль в воспитании последующих поколений — таким образом, например, многие шаблоны моды не становятся традиционными. А социализация ребенка, напротив, всегда традиционна, и также — всегда совершенно им не осознана.

Можно побиться об заклад, что любое ходячее мнение, любая общественная условность глупы: в противном случае они не были бы общепризнанны.

Н. Шамфор

Как уже писалось, ярко выраженный индивидуализм неотъемлем от архетипа Сатаны, и именно этот нонконформизм люди считают Злом с того самого момента, как только ввели концепцию «добра» и провозгласили таковое принципом «единственно верной» морали.

Мы плотной движемся стеной
И все они от нас бегут

Мы к цели движемся одной
Те, кто не с нами — те умрут!

Он виноват, что думает не так —
Убей!

И ты уверен в том, что это враг —
Убей!

Не думай ни о чем, ты будешь прав —
Убей!

Во имя счастья, правды и добра —
Убей их всех!!!

© Черный обелиск, 1992 г.

Собственно говоря, эта глава состоит сплошь из банальностей — но, если поставлена задача всестороннего раскрытия архетипа, то не упомянуть о Зле невозможно. К тому же, характерное свойство людей — игнорировать мыслительный процесс в случаях, когда ситуация относится к общепринятым.

Очевидно (однако многие этого не видят и не хотят видеть), что именно Зло является двигателем прогресса — недаром практически все религии (а, за редким исключением, религии всегда объявляют себя стоящими на пути Добра¹), выступают против научного знания, пытаются подчинить развитие и прогресс введенной ими морали и т.д. *Невозможно* сделать какое-либо открытие и применить его на практике, не причинив кому-либо зла — как прямо, так и косвенно². Как говорится, от великих знаний великие скорби. Даже если не возникает катаклизмов непосредственно (вспомним, например, движение луддитов), то косвенно прогресс вызывает, к примеру, неврозы из-за невозможности угнаться за темпами развития мира³.

¹ Собственно, не объявляли такого исключительно языческие религии, не страдавшие моральным раздвоением сознания.

² Обращаясь к классикам: вспомните Саваофа Бааловича, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Кстати, это приводит к еще одному любопытному выводу: *любое* действие является злом по природе в той или иной степени.

«Едва в лесу я сделал шаг, — / Раздавлен муравей. / Я в мире всем невольный враг, / Всей жизнью своей, / И не могу не быть — никак, / Вплоть до исхода дней». — К. Бальмонт.

³ Конечно, это проблема тех, кто не способен быстро обучаться. Пример

Более того, Зло — это именно *изменение*. Никакое сохранение стабильности, даже идущее во вред, *не назовут* Злом — так сильно воздействие общественного бессознательного на личностное сознание при неразвитости независимого мышления. Вспомните древнекитайское проклятие «Чтоб тебе жить в век перемен!» — нет уточнения, *какие* это перемены, к худшему или лучшему. Главное — наличие *перемен* как таковых. Таким образом, Deus (см. следующую главу) всегда Добро, Satanas — всегда Зло¹.

Интересно отметить, что практически все, относящееся к теме морали, редко кем анализируется, и многие устремления a priori преподносятся под видом Добра; при этом забывается, что благими намерениями вымощена дорога в Ад². К примеру, гуманизм (однозначно преподносимый как Добро) приводит к тому, что сейчас медики спасают жизнь тем, кто к ней изначально не приспособлен, имеет значительные физические и интеллектуальные отклонения от нормы. *Принято считать*, что этим делается Добро. А о том, что «гуманисты» обрекают такое существо на жизнь, полную страданий (исключение разве что при глубокой идиотии, когда больной вообще ничего не осознает, но можно ли *это* назвать жизнью?). Кроме того, во многих случаях такое существо опасно для окружающих из-за неадекватного поведения³, потребляет дополнительные материальные и временные ресурсы в значительно большем количестве, чем здоровый

приведен не в знак сочувствия, а как иллюстрация косвенно наносимого вреда.

¹ Убедительная просьба к читателям: не принимать термины «Добро» и «Зло» за нашу терминологию. Мы просто раскрываем тему, показывая архетипичность этих понятий и частных соответствий, но отнюдь не приписываем им какой-либо способности к реальному существованию.

² Это можно, кстати, трактовать способом, отличным от стандартного: часто «благое намерение» несет с собой вред (воспитание детей религиозными родителями), и это приводит к возникновению естественного антагонизма — и воспитуемый ступает на дорогу в Ад с точки зрения воспитывающих.

³ «При отсутствии высших эмоций у олигофренов сохранены примитивные эмоциональные реакции — обида, злоба, гнев. Чем сильнее умственное недоразвитие, тем больше удельный вес эмоциональных реакций, не соответствующих раздражителю. Олигофренам свойственно отсутствие способности подавлять свои влечения. [...] Они склонны к импульсивным, необдуманным поступкам [...] Олигофрены не способны предвидеть последствия своих поступков». — Из энциклопедии по психиатрии Д. Еникеевой.

человек, причем без какой-либо отдачи etc. — об этом если кто и задумывается, то предпочитает держать крамольные мысли при себе, чтобы не подвергнуться моральному остракизму общества. Не странно ли, что причинение вреда всем без исключения — от самого неизлечимо больного до общества в целом — называется Добром? Между тем, попытка изменить этот порядок, основываясь на логике и разуме, неизбежно приведет к навешиванию ярлыков «фашиста», «садиста», «убийцы» — в общем, «носителя Зла в особо крупных размерах».

А про то, что все войны, тоталитарные режимы, крестовые походы всех мастей и т.д., устраивались исключительно в целях причинения добра, мы и писать не будем — это слишком банально.

В чем-то приверженцы манихейства (извиняемся за повторение) были правы: поскольку жизнь без непрерывных изменений, развития невозможна, а изменение — это и есть Зло, то весь материальный мир, в отличие от неизменного воображаемого духовного мира, вполне можно назвать Злом¹. Жизнь без Зла невозможна², как бы ни пытались это отрицать «связанные умы».

Где начинается добро. Там, где слабое зрение не способно уже разглядеть злое влечение, как таковое, из-за его рафинированности, человек полагает царство добра, и ощущение того, что отныне он пребывает в царстве добра, приводит все его влечения, до этого спугиваемые и ограничиваемые злым влечением, в возбуждение, которое переживается как чувство уверенности, удовольствия, благосклонности. Итак: чем тупее глаз, тем шире простирается добро! Отсюда вечная веселость народа и детей! Отсюда угрюмость и родственная нечистой совести тоска великих мыслителей!

Ф. Ницше, «Веселая наука»

Интересно также и то, что люди часто называют злом не только *преднамеренное* нанесение какого-либо вреда, что хоть как-то состыковывалось бы с моральным императивом, выдвигаемым

¹ Только это не обозначает, что надо уничтожать Зло и стремиться к Добру. В конце концов, Ад плох только для тех, кто к нему не приспособлен.

² Это красиво символизируется анаграммой в английском языке: LIVE = EVIL, т.е. Жизнь = Зло, если посмотреть с другой стороны.

как реальность¹, но и *непреднамеренное* неприятное событие. Таким образом, очевидно, что люди просто смешивают термины «вред» и «зло», хотя первый в первом приближении можно считать объективным для конкретного индивидуума, а второй как моральная категория полностью субъективен. Более того, «злом» по инерции считают даже природные явления («ураган причинил много зла»), пытаясь применить нравственность к неодушевленным объектам². Забавно, если бы не приводило к соответствующим последствиям.

Интересно отметить, что в древности, прежде всего, злом назывался именно вред, наносимый стихией, затем к нему приравнивался вред от поведения людей. В то время природа воспринималась анималистично, как живое существо, поэтому нет ничего удивительного в том, что не делалось разницы между стихийными явлениями и сознательными действиями. Разницы *действительно* не виделось.

Помимо этого, общепринятым (как все же искажены все категории суждений, к которым применимо это определение!) является то, что причинение зла всегда приносит удовольствие тому, кто этим занимается. Вспомните любое классическое произведение в жанре *fantasy*: все злодеи настолько озабочены самим процессом делания зла, что ни разу не задумываются, зачем им это, собственно, нужно? В лучшем случае это «мотивируется» стремлением захватить мир, но для чего взваливать на себя такую обузу — также остается непонятным. Положительные же герои точно так же немотивированно стремятся всем причинить добро. И, что, опять-таки характерно, редко у кого из читателей это вызывает недоумение.

103. *Невинное в злобе*. Злоба имеет целью не страдание другого человека само по себе, а наше собственное наслаждение, например, наслаждение чувством мести или сильным нервным возбуждением. [...] Всякое удовольствие само по себе не хорошо и не дурно; откуда же берется определение, что нельзя причинять страдания другим, чтобы таким образом

¹ Обратите внимание, что категорический императив Канта отнюдь не является *обязательным* законом. Императивный характер нравственного закона Кант ненавязчиво позаимствовал у Моисея (думаем, что неосознанно).

² Вспомните, как Ксеркс приказал высечь море.

получать удовольствие от самого себя? Только из соображений пользы, т.е. имея в виду последствия, возможное страдание, когда можно ожидать кары или мести от потерпевшего или от замещающего его государства — лишь эти соображения могли первоначально дать основание отказаться от своих действий. — Сострадание столь же мало имеет своей целью удовольствие другого человека, как злоба — его страдание само по себе. [...] во-первых, удовольствие от эмоции [...] и, во-вторых, поскольку оно влечет к действию, удовольствие удовлетворения от обнаружения силы. Если к тому же страдающая личность нам особенно близка, то, практикуя сострадание, мы освобождаем себя самих от страдания. — За вычетом нескольких философов, люди всегда ставили сострадание довольно низко в иерархии моральных чувств — и вполне справедливо.

Ф. Ницше, «Человеческое, слишком человеческое»

Далее в жонглировании бессмыслицами в области морали в связи со злом всплывает интересный термин «невинность». Здесь в применении не к женской физиологии, а к неведению греха³, нахождению в состоянии «духовной чистоты» (только не просите объяснить, что это такое) и всего в этом же роде. Смысл заключается в том, что познавать только добро — это чуть ли не высший духовный подвиг. Впрочем, так оно и есть — чем более выражена оторванность от реальности, тем более «духовен» человек. Однако практика такого психического состояния в реальной жизни, а не в монастыре, сродни появлению маленького, наивного, но очень аппетитного ягненка среди стаи голодных волков. Съедят-с...

И это помимо того, что практика невинности в любом смысле — это, прежде всего, практика *незнания*.

Невинность, в сущности, граничит с глупостью, потому что цель жизни (употребляю это выражение только фигурально

³ По Библии Адам и Ева были безгрешны, и это обосновывается, в частности, тем, что они ходили нагими и не стыдились. Однако, как вы думаете, часто ли можно встретить священника на нудистском пляже? Впрочем, в истории христианства существовали конфессии, последовательные в этом отношении. Например, адамиты, практиковавшие нудизм и особо ярко проявившие себя во время гуситских войн в Богемии. У них и сейчас есть последователи.

вместо *сущности жизни или мира*) состоит в том, чтобы познать собственную волю, чтобы она стала для нас объектом и чтобы мы, вследствие этого, стали лучшими в глубине сознания. Наше тело есть воля, ставшая объектом, и деяния, которые мы ради нее совершаем, показывают нам зло этой воли. В состоянии же невинности, в котором зло не имеет места по отсутствию искушений, человек есть лишь жизненный аппарат [...] Такая пустая форма жизни, такая пустая арена, сама по себе [...] — ничтожна, и так как она получает знание лишь через поступки, заблуждения, познания, так сказать — через конвульсии воли, — то по характеру своему она представляется [...] глупой. Вот почему золотой век невинности, а также всякая утопия есть нелепость и глупость. Первый преступник, первый убийца — Каин, который узнал грех и через него [...] познал добро, а следовательно, — и значение жизни¹, — есть лицо трагическое, во всяком случае, более значительное и даже более почтенное, чем невинный простофиля.

А. Шопенгауэр, «Новые афоризмы»

Кроме того, отсутствие зла в окружающей реальности неизбежно вызовет ослабление организма, произрастающего в «тепличных» условиях, причем ослабление как физическое, так и умственное. Эволюция идет благодаря конкуренции, как внутривидовой, так и межвидовой, а что есть конкуренция, как не зло для проигравшего в борьбе?

Невозможно опереться на то, что не сопротивляется.

Элифас Леви

Представьте, к примеру, стерильную среду без «злых» микробов — что будет с организмом, когда его поместят в реальность? Живой пример — вымирание многих индейских племен от насморка, с которым они сталкивались впервые. А уж оспа уничтожила индейцев даже больше, чем клинки конкистадоров. Аналогичная ситуация происходит в психологическом плане: многие

¹ Здесь, конечно же, не имеется в виду, что добро — это значение жизни. Смысл в познании добра и зла, а еще точнее — в осознании относительности и абстрактности таковых.

люди, воспитанные в духе «все вокруг хорошие и добрые», из-за излишней доверчивости попадают в, мягко говоря, неблагоприятные жизненные ситуации. Таким образом, понимание сущности зла (точнее, сущности тех факторов, совокупность которых люди имеют привычку называть злом), просто необходимо для выживания, и в особенности для развития, так как развитие особи сверх среднестатистической нормы автоматически подразумевает возвышение над другими — другими словами, причинение им зла, если не прямого в смысле оттягивания на себя большего количества ресурсов, то косвенного в виде предоставления себя как объекта для зависти.

Вести сражаться необученных людей — значит предавать их.

Конфуций

Что интересно, исследования креативности¹ как универсальной творческой способности показали в числе способствующих высоким показателям такой фактор, как неблагоприятные отношения в семье².

19. *Зло.* Исследуйте жизнь лучших и плодотворнейших людей и народов и спросите себя, может ли дерево, которому суждено гордо прорасти ввысь, избежать дурной погоды и бурь, и не принадлежат ли неблагоприятные стечения обстоятельств и сопротивление извне, всякого рода ненависть, ревность, своекорыстие, недоверие, суровость, алчность и насилие к *благоприятствующим* обстоятельствам,

¹ Айзенк, «Интеллект: новый взгляд».

² Это, разумеется, не обозначает *необходимости* такого фактора. Здесь влияет то, что подавляющее большинство родителей, не имея соответствующих знаний (и что, к сожалению, характерно, не стремящихся их обрести), элементарно не умеют воспитывать детей в интеллектуально-творческом плане, оставляя эту задачу для школы, которая также не блещет специалистами, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Соответственно, если детям потакают во всем, или же, наоборот, применяют командный «метод» воспитания, то творческим способностям развиться неоткуда. А непостоянный, меняющийся эмоциональный фон требует непрерывного анализа ситуации и прогнозирования ее развития — так возникает развитое и гибкое мышление. Конечно, при наличии знаний в области воспитания можно получить более эффективные результаты; повторим, что здесь речь идет не об универсальном способе воспитания, а лишь о статистике.

без которых едва ли возможен большой рост даже в добродетели? Яд, от которого гибнет слабая натура, есть для сильного усиление — и он даже не называет его ядом.

Ф.Ницше, «Веселая наука»

Те, кто не может чувствовать боли, никогда не смогут преодолеть самих себя. Когда Небо хочет возложить важную миссию на человека, оно вначале ожесточает его сердце, заставляет его до предела напрягать мышцы и сухожилия, заставляет его страдать от голода, повергает его в нужду и нищету, обрекает на неудачи все его начинания. Тем самым Небо укрепляет его волю, закаляет его как сталь и делает способным к выполнению того, что при иных обстоятельствах он был бы не способен выполнить.

Мэн-Цзы

Кажется, мы разобрали основные «бытовые» стороны Зла. Однако остается еще один немаловажный аспект, не упомянутый до сих пор в этой главе. Это — отношение людей ко всему для них непонятному как ко Злу, независимо от внутренней сущности объекта либо явления. А если учесть, что к пониманию, как правило, они не стремятся, то картина становится полностью ясной. Достаточно вспомнить, какая паника была перед внедрением в повседневную практику железнодорожного сообщения: газеты публиковали заметки, что пассажиры поголовно сойдут с ума, так как «человеческий организм не приспособлен для передвижения со страшной скоростью 30 км/ч».

Если уж такие простые для понимания вещи вызывают панику, то что говорить о научных экспериментах, которые, с точки зрения обывателя, «идут против природы»? Вот подумайте, почему в стандартных комиксах (сами понимаете, на какой уровень развития рассчитана книжка с картинками и с минимумом текста, по сравнению с которым Шварценеггеровское «I'll be back!» выглядит шедевром риторики) главный отрицательный герой, как правило, — сумасшедший ученый, а положительный — безмозглый, но накачанный и стремящийся «делать добро людям» тип? Кто, так сказать, ближе к народу?

Но если ученые пытаются как-то показать пользу своих экспериментов (а куда деваться, когда требуется финансирование?), то любое проявление оккультизма, не приносящее материальной

выгоды обывателю, с изобретением морального дуализма стало априорно отвергаться как извращение чел-овеческой природы. «Чтобы прыгнуть выше головы, надо сначала ее иметь», а это всегда рассматривалось с точки зрения простого (ну очень простого и непосредственного) народа как умничанье. Сами посудите: делают непонятно что, непонятно как, при этом не стремятся это делать на благо всего народа — разве это добро?! Ну а все, что не добро — понятно же, что зло.

Можно переформулировать тезис и таким образом: поскольку люди считают, что им присуще добро¹, то все, что выходит за рамки развития свойственных им способностей и привычных явлений, относится ко злу. Вспомним хотя бы кликушеские вопли вокруг клонирования — все возражения моралистов сводятся к «Да что же это такое деется, люди добрыя?!», но при этом науке ставятся в колеса не просто палки, но сучковатые бревна, поскольку это «отражает общественное мнение». Кто-то хорошо сказал: «Демократия — это когда главврач психиатрической больницы выбирается пациентами из своей среды».

Итак, все, что выходит за рамки стандартных чел-овеческих способностей и представлений (а как они узки!), относится ко злу.

Более того, как уже упоминалось выше, люди очень редко задумываются об «общепринятом» — и, как следствие, злом считается даже не ниспровержение каких-либо представлений, а даже сама попытка *переосмыслить* традиции либо усомниться в их необходимости. В современном мире самые характерные примеры такого отношения — гуманизм и демократия. Какие бы обоснованные возражения не выдвигались против этих идиологов, они принимаются в штыки всей «прогрессивной общественностью».

Зло, как показывает этот пример, это еще и попытка взглянуть на всем привычные вещи новым взглядом с той стороны, с которой на них редко кто смотрит.

— Вы меня удивляете, — сказал Котгрейв. — Я никогда не

¹ Даже постулируя изначальную греховность человека, церковники все равно утверждают, что он должен делать исключительно добро (с точки зрения церкви, разумеется). Для вневероисповедческих религий (коммунизм, гуманизм и т.д.) это заменяется «кодексом соответствия», который тоже предполагает безусловно обязательное для всех «делание добра».

думал об этом. Если это действительно так, то нужно все перевернуть. Тогда, по-вашему, суть греха в том...

— ...чтобы захотеть взять небо штурмом! — подхватил Амброз. — Грех состоит для меня в стремлении проникнуть запретным способом в другую, высшую сферу. Поэтому вы должны понять, отчего он так редок. Слишком мало людей и вправду желает проникнуть в другие сферы, будь они высокими или низкими, дозволенными или запретными. Святых мало. А грешников — в том смысле, как я это понимаю — еще меньше. И гениальные люди (принадлежащие порой и к тем, и к другим) — тоже редки... Но, может быть, много труднее стать великим грешником, чем великим святым.

— Потому что грех сугубо противоположен нашей природе?
— Совершенно точно. Святость также требует большого усилия, но это усилие совершается на пути, который когда-то был естественным. Речь идет о том, чтобы вновь обрести экстаз, ведомый человеку до грехопадения. Но грех — это попытка добиться экстаза и знания, которые никогда не были даны человеку, и тот, кто пытается их получить, становится демоном.

А. Мейчен, «Белый народ»

Тесно с вышеописанным связан еще один аспект Зла, а именно — несоответствие «человечности». Здесь имеется ввиду не бесчеловечность социопатов, а именно «а-человечность», непризнание «общечеловеческих ценностей», а также многого из того, что «делает человека человеком».

Вот проанализируйте: чел-овечество дало себе самоназвание как виду *Homo Sapiens*. Казалось бы, этим оно установило перед собой цель, к которой надо стремиться, чтобы нести это название заслуженно. Однако согласно общепринятому мнению, человека делает человеком вовсе не разум (!), реально выделяющий его из животных в целом, а эмоции, переживания и все в том же духе — то есть то, что *мешает* разуму действовать эффективно¹. Более того, «чрезмерные» проявления разумности *осуждаются*, а добродетелью считается, к примеру, сопереживание (правда ведь, куда лучше, когда плохо не только тебе, но и кому-то

¹ Подробно эта тема нами разбирается в «Гомогенезе».

другому?). Повышенная эмоциональность считается простительным мелким недостатком...

Требование сострадания как признак наглости. Существуют люди, которые, вспылив и оскорбив других, требуют, во-первых, чтобы на них не обижались, и, во-вторых, чтобы к ним испытывали сострадание за то, что они подвержены столь острым пароксизмам; так далеко заходит человеческая наглость.

Ф. Ницше, «Человеческое, слишком человеческое»

...между тем как рациональность и разумность поступков влечет за собой обвинения в бесчувственности, бесчеловечности и т.д. Но подумайте сами, кто лучше поможет в беде — сочувствующий или хладнокровно *исправляющий ситуацию*? Однако первому будут благодарны всегда, второму же — только в случае удачи, да и то за глаза выскажут, что можно было бы и посочувствовать. Забавно, что во многих случаях страдающий добивается от окружающих не помощи, а именно *сочувствия*, поскольку нравится ощущать себя в центре внимания.

И вот такое отклонение от чел-овеческих недостатков, неотделимых от понятия «человечности», тоже всегда называют злом, при этом не обращая внимания на *целесообразность* таких модификаций психики.

— ...Хотя некоторые предпосылки к концу света (он же начало тьмы) все же имеются. Скажите-ка, доктор, — в вашем полете, каковы были ограничения?

— Нижнее, — момент Восстания...

— Ну а впереди?

— Странный, переливающийся многоцветием барьер, который..., нет, не вредоносный, но... мне стало страшно, — смутился Фауст.

— Вот видите, дражайший. В некотором будущем поток Хаоса возрастет настолько, что для того, чтобы осознать нелинейность окружающих событий, наблюдателю придется перестать быть человеком. Это и есть барьер, который вы видели. Да, в плане знания и восприятия у вас проблем нет. Но, чтобы, к примеру, стать полноправным Демонном, нужно стереть границы между наукой и поэзией,

магией и повседневным бытом. Плюс совершенное владение любыми видами оружия. Плюс способность всегда возвращаться со щитом. Неважно, бронзовым или орбитальным. Извините, но Вы, профессор, к этому не готовы. Поэтому — страшно...

Nicodimus, «Патрон Доктора Фауста, или Черное смещение»

Наше повествование об иллюзиях добра и зла будет неполным без исторического экскурса по теме происхождения морали, благодаря которой и возникли столь устойчивые перверсии реальности. Так что воздадим классикам то, чего они заслуживают.

Ни перед кем из ваших идолов я никогда не отступал, никому из них не уступал я, и потому Тот, Кто Сказал мне: «Ты мне подчинишься», отныне есть мой заклятый смертельный враг.

А.Ш. ЛаВей, «Книга Сатаны»

Платон выделял три части души¹: разумную, яростную и вожделеющую, он усмотрел проявления зла в том, что какая-то одна из низших частей души способна противопоставить себя всей душе в целом. Если это произойдет с яростной частью, то человек будет отличаться чрезвычайной гневливостью и воинственностью (приближаясь к породе хищных животных), а если с вожделеющей — он будет подвержен необузданным низменным страстям, распущенности (что характерно для ослов и свиней).

Оно, в общем-то, и верно, но при чем тут «зло»? Как обычно, под «злом» понимают то, что может принести вред *обществу в целом*, не рассматривая, к чему это ведет для индивидуума. Любая мораль предназначена, прежде всего, для сохранения общества в *неизменном* виде или для сохранения неизменным направления, в котором движется общество. Естественно, что это направление выбирают те же рулевые, которые внедряют моральные нормы, определяют идеологическую стратегию и влияют на общественные настроения. Вот только не стоит забывать,

¹ Здесь мы не будем рассуждать на тему «что такое душа» и мнимых доказательствах ее существования, а просто примем, что этим термином обозначается психика человека, что в данном случае вполне допустимо.

что сами рулевые — *вне* этого направления, вне этой морали, вне этих настроений. Пастухи могут идти, куда захотят, а вот стадо всегда идет только за пастухами.

Понятие нравственности обычаев. ...вот главное положение старых времен: нравственность — не что иное (или не более) как подчинение обычаям, каковы бы они не были; обычаи — традиционный способ действий. В тех случаях, где традиция не повелевает, нет нравственности; и чем меньше определяется жизнь традициями, тем меньше становится круг нравственности. Свободный человек безнравственен, потому что во всем он хочет зависеть от себя, а не от традиции.

Ф. Ницше, «Утренняя заря, или мысли о моральных предрассудках»

У Аристотеля, написавшего на тему морали целый трактат «О добродетели», дана развернутая картина душевных изъянов. Во-первых, ущербной может быть душа в целом. Это выражается в малодушии (ничтожности, слабости души, неспособности достойно принимать успехи и поражения, славу и унижения), в скупости (низменном своекорыстии, устремленности к любой, даже позорной выгоде), в несправедливости (склонности к посягательству на закон и авторитет, на чужие права и достоинство). Во-вторых, ущербной, испорченной может быть любая из трех частей души, выделенных Платоном. Порочность разумной души — это безрассудство (обычная житейская глупость), яростной — гневливость и трусость, вожделеющей — распущенность и невоздержанность. Тем не менее, разумная часть души играет, по Аристотелю, решающую роль в нравственной определенности индивида. Моральное зло обязательно бывает неразумием, но только в трех разных смыслах. Это может быть либо отсутствие разума, либо его неспособность влиять на побуждения, либо извращенность, направленность на дурные вещи.

Обратите внимание, как плавно и ненавязчиво смешиваются понятия неадекватного поведения и зла. Впоследствии искажение станет принципиальным — когда понятие разумности как главной части души (языческий подход) будет заменено на приоритет добродетели как повиновения богу (монотеистический подход).

В соответствии с этим аморальность по Аристотелю

представлена тремя видами испорченности души: зверством, невоздержанностью и порочностью. Зверство обусловлено отсутствием лучшей, разумной, части души. Звероподобные люди способны на самые ужасные деяния: пожирать младенцев, изъятых из утробы матери, наслаждаться сырым или человеческим мясом и пр.

И опять: моральный запрет на человеческое мясо — это всего лишь моральный запрет, традиции и обычаи данной местности. Каннибал в своей диете ничего аморального не видит. А уж что касается употребления в пищу сырого мяса — это, конечно, не особо привлекательно для большинства и опасно из-за возможности заразиться паразитами, но, как говорится, о вкусах не спорят.

Соотечественники Стагирита, стоики, не видели в каннибализме в принципе ничего страшного: «Если мясо родителей годно для пищи, то пусть воспользуются им, как следует пользоваться и собственными членами, например, отрубленной ногой и тому подобным». Такие заявления, ужасающие моралистов и обывателей, были обусловлены хладнокровием и здравым смыслом. Между тем, Аристотель писал, что такой сорт людей встречается редко, главным образом среди варваров; среди цивилизованных греков зверь может появиться только по причине наследственной болезни или уродства.

Видите, какие давние корни разделения на «наше-цивилизованное» и «не-наше-дикарское». И дикарей — подразумевается — надо немедленно привести к «нашей» культуре. Это же *добро* для них!

Аристотелем же подсказаны и методы в трактате «Политика», где он утверждает, что одни по своей природе являются рабами, тогда как другие — господами. По нашему мнению, воспитание (и самоосознание) играет в этом расслоении гораздо большую роль. Но главное не это, а то, что по Аристотелю господами рождены быть эллины, а все прочие — варвары и предназначены быть их рабами. Та же идея, что и о потомках Сима и Хама. А если кто «по природе своей будучи предназначен к подчинению, противится своему назначению», то его нужно подчинить мечом и привлечь к ярму кнутом. Аристотель не понимает, что заложенное природой реализуется неизбежно. И тот, кто предрасположен подчиняться, сам ищет, к кому пристроиться: начальник, обычай, стереотипы, традиции, жена (муж), мода, «хороший тон»,

общечел-овеческие ценности... *ad infinitum* — для поклонения подойдет любой фетиш.

Невоздержанность — это та форма зла, которую Аристотель прямо противопоставил сократовскому рационализму. «...Невоздержный, зная, что [поступает] дурно, тем не менее, поступает [так] под влиянием страсти». Данный недостаток безусловно относится не к сфере разума, а к сфере воли. Подверженный ему субъект нормален в отношении своих суждений, но ненормален в отношении намерений и их осуществления. Иными словами, невоздержанный способен разумно судить о происходящем, но поступает неразумно. Порывы ярости, любовные страсти и другие сильные побуждения ввергают его в такое состояние, когда он, обладая знанием, им в то же время не обладает. Знание в этих случаях остается как бы посторонним и безразличным.

Обратите внимание, что в этом случае ко злу относят только то, что потенциально может принести вред *социуму*. Скажем, безумно влюбленный, зарубивший своего соперника топором, будет отнесен к категории «зла», а ему же, совершившему самоубийство (однозначный вред себе), еще и посочувствуют.

Невоздержность отличается от порочности, следующей формы зла, неспособностью владеть своими побуждениями и контролировать их. Аристотель разделил аффективную и гедонистическую невоздержность. Первая есть утрата контроля над собой и совершение противных убеждениям поступков в состоянии ярости, гнева и т.п., вторая — в жажде чувственных наслаждений, она, по его мнению, более позорна.

И опять — о чел-овеческое, слишком чел-овеческое! — неспособность контролировать свои поступки считается более прощительной, чем способность добиваться своих целей, используя разум, если эти цели по какой-либо причине не нравятся *общественности*.

Третье негативное свойство души — порочность — и есть, по Аристотелю, собственно нравственное зло. Она не исключает ни развитого рассудка, ни сильной воли, но предполагает их дурную направленность. Порочный человек полностью виновен в своем поведении, ведь у него есть способность быть другим, но он ее не использует. Своим тройственным делением зла основатель перипатетизма отграничил аморализм от глупости и слабости.

Вот так. Со времен охоты на мамонтов добром считалась жертва на благо общества, а злом — любое проявление *индивидуализма*,

не способствующее выживанию племени в целом. А затем подобные суждения стали распространяться все шире и шире, дойдя в современном мире практически до абсурда, подобного муравейнику, где жизнь одного насекомого — ничто по сравнению с муравьиным сообществом. Но не обладают ли люди в потенциале все же большей индивидуальностью, чем муравьи?

Моды в морали. — Как меняются моральные суждения! Величайшие светила античной нравственности, например, Эпиктет, ничего не знали о так прославляемой теперь заботе о других, жизни для других; мы, с точки зрения своей теперешней моральной моды, назвали бы их прямо безнравственными, так как они всеми силами боролись за свое эго и против сочувствия другим, их страданиям и их нравственным порокам. Может быть, они ответили бы нам: «Если вы сами обладаете чем-нибудь мучительным и отвратительным, то считайте, по крайней мере, других лучшими, чем вы сами! И вы поступите хорошо!».

Ф. Ницше, «Утренняя заря, или мысли о моральных предрассудках»

Читаем Аристотеля дальше... Как он пишет, порочность, овладевая той или иной частью души, меняет свои лики. В отношении чувственных вожделений она предстает как распущенность. Распущенный человек ищет излишеств в удовольствиях, и притом добровольно, т.е. ради самих излишеств, а не ради какой-то пользы. Наслаждение — чаще всего грязное и позорное — есть для него цель существования. Поэтому он не склонен к раскаянию и неисцелим. Распущенность подобна непрерывно действующей, а невоздержность — приступообразной подлости. Тот, кто совершает постыдный поступок под влиянием сильного влечения или в порыве неукротимого гнева, лучше того, кто совершает этот же поступок, не испытывая никакого переживания или испытывая слабое.

И опять — а что есть излишество? Возьмем среднестатистическую величину, и все, что ее превышает, объявим излишеством? Заодно вспомним крылатую фразу о нормах: «У нас в СССР секса нет!»¹. Часто случается слышать утверждение, что то или иное

¹ W.: На всякий случай, вдруг кто не знает: фразу в таком виде тиражировали

поведение в области секса неестественно (видимо, потому что не приводит к зачатию), поэтому это излишество или даже извращение. Но в этом случае и термообработку пищи можно считать излишеством. Весь феномен цивилизации — противоестественен, если уж на то пошло. И еще пример: состояние аффекта является смягчающим моментом (даже согласно Уголовному Кодексу!), причем полностью игнорируется тот факт, что в *неспособности владеть собой*, помимо родителей и воспитателей, виноват сам человек — кто ему мешает, достигнув сознательного возраста, начать работать над собственной психикой?

Даже достаточно здравые мысли у Аристотеля уже окрашены нравственностью (не удивительно, что его так любили средневековые теологи).

По его мнению, качество поступков в решающей степени зависит от качества души, которое определяется настроением на соблюдение меры в страстях и действиях. Вроде бы — вполне разумный тезис¹.

Наше состояние хорошо, когда в нас есть склонность держаться середины противоположных движений чувств, и за это нас одобряют; наоборот, дурное состояние — это склонность к их избытку или недостатку.

Умение находить золотую середину во всех потребностях и переживаниях безусловно предполагает развитый интеллект, что свидетельствует о близости Аристотеля к сократической позиции. Но помимо этого он постулирует, что кроме разума нужна еще устремленность к прекрасным целям и способность ценить меру (т.е. гармонию, единство противоположностей) саму по себе, как самоцель, а не как средство достижения иных целей.

Nota bene: как Аристотель, так и его нравственные последователи предоставляют рассудку субъекта любые "поля деятельности", кроме одного — того самого поля, на котором определяется шкала измерения этих самых чувств — что считать их «серединой»? Что — выходящим за пределы допустимого? Все

демократические СМИ. Было же сказано что-то вроде «В СССР секса по ТВ нет, есть любовь» в смысле «не одобряется просто физиологический трах, без чувственной составляющей».

¹ Кстати, весьма похоже на срединный путь в буддизме.

философы-моралисты как-то стыдливо опускают этот вопрос — кто наделен правом выносить «конечный вердикт» не об отклонениях от нормы, а о *качестве* самой нормы? На каком основании? Почему его решение будет приемлемым не только для абстрактного «народа», но и для каждого конкретного субъекта? Почему этот самый конкретный субъект тем самым лишается права *самостоятельно* определять собственные нормы? А, говоря проще, — каковы основания для *универсальности* моральных догм при *уникальности* каждого конкретного разума? И насколько эти основания убедительны для любого субъекта, который может столкнуться с их следствиями?

Вот и приехали туда же, откуда так пытались вырваться: выдвигаются аксиоматические «прекрасные цели»¹, и их достижение вводится как единственно верная, достойная, правильная, истинная цель, малейшее отклонение от которой подлежит безусловному осуждению.

Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? «Ты должен» называется великий дракон. Но дух льва говорит «я хочу».

Чешуйчатый зверь «ты должен», искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, «ты должен!».

Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: «Ценности всех вещей блестят на мне».

«Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность — это я. Поистине, "я хочу" не должно более существовать!». Так говорит дракон.

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»

«Золотая середина» Аристотеля является «моральным правилом, предполагающим в качестве условия своего применения самостоятельное размышление в каждом конкретном случае».

Вполне верный тезис в плане самостоятельного размышления, но причем тут *обязательность* «золотой середины»? Любое введение догмы ограничивает самостоятельность a priori. Помимо того, обратите внимание, что при любом компромиссе

¹ Вспомните также категорический нравственный императив Канта.

проигрывают оба. Всегда ли это разумно?

Аристотель вполне осознанно стремился избежать отождествления добра и зла с какими-либо гносеологическими или психологическими данностями, сохраняя здравомыслие хотя бы в этом. Заметные ценностные различия произведены им в самих телесных чувствах. Осуждался не только избыток в чувственных удовольствиях (распушенность), но и недостаток (бесчувствие), что, опять же, выглядит более разумно, чем выхолощенность религиозных моралистов. Существуют лишь отдельные движения чувств, которые дурны независимо от того, слишком их много или слишком мало; да и то они выражаются не в самом чувстве удовольствия, а скорее в произвольном отношении¹ к этому чувству. Таков, например, разврат, ведь «развратник — не тот, кто совращает свободных женщин больше, чем следует², но предосудительна и эта страсть, и любая подобная ей, заключающаяся в распушенности по отношению к удовольствиям». В отношении к наслаждениям перипатетическая этика занимает более гибкую и реалистическую позицию, чем у многих позднейших философов и моралистов: оцениваются реальные поступки человека, а не «благие» или «дурные» намерения.

Положив источник аморализма не в какой-то одной психической способности, а в недостаточном или ненормальном развитии любой из них в отдельности или всех вместе, Аристотель заметно приблизился к пониманию *системности* внутреннего мира человека, каковое достижение было отброшено последующими поколениями и не вспоминалось практически до нашего времени. Сейчас мы уже знаем, что степень индивидуальной моральности зависит от глубины и прочности усвоения культурных запретов и предписаний, образующих основу личности, а также от того, насколько они согласованы друг с другом и с биопсихическими особенностями человека. Тот феномен, который был назван испорченностью души, — это и есть разрушение или деформация личностной основы. Если этой основы нет, если во внутреннем

¹ Ну не бывает единой, абсолютной для всех, морали! В конце концов: когда каннибалы, помирающие от голода, готовят из миссионера вкусный поджаристый шашлык, добро это или зло? (Мы в курсе, что голод практически никогда не был мотивом каннибализма как традиции. Просто пример.)

² Обратите внимание на достаточно здравый языческий подход: «совращать» можно, но в меру, с монотеистическим: нельзя вообще, потому что нельзя!

мире царят разлад и хаос, то дальнейшее наращивание познавательных возможностей не принесет пользы. Здесь аристотелевская концепция порочности вполне диалектична, однако, при всей частоте употребления термина «зло», под ним понимается лишь потенциальный вред, что, несомненно, является частным и относительным понятием, не поддающимся абсолютизации.

После Аристотеля истолкование морального зла как дисгармонии психических функций прочно вошло в культуру. Оно оказалось совместимым и с рационалистическим требованием господства разума над страстями, и с христианским осуждением произвола как источника греховности. Рене Декарт использовал аристотелевское различие порочности и невоздержности для описания отношений между пороками и страстями. Страсть есть пассивное, а порок — активное душевное движение. Сами по себе страсти, с его точки зрения, не являются ни добром, ни злом (наконец-то!), более того, они необходимы для связи между душой и телом. Как говорил Вольтер: «Страсти — это ветры, надувающие паруса корабля, ветер, правда, иной раз топит корабль, но без него корабль не мог бы плыть». В порок превращается лишь та страсть, которая делается чрезмерной и самодовлеющей (однако, это адекватнее назвать преобладанием чувств над разумом).

И опять, обратите внимание, возникает все тот же вопрос о критериях «чрезмерности». Страсть, выражаясь более строго, является для субъекта доминирующим мотивом — и очень легко определяются субъективные критерии «чрезмерности» — нарушение физической, психической или социальной стабильности субъекта. Но вот объективные, универсальные критерии чрезмерности страсти — опять таки должны пройти классические этапы: они должны быть задекларированы, навязаны, «запущены» в культуру и в традиции. Это этапы общественно-манипулятивной стратегии, которые просто не пересекаются с субъективными критериями определения силы страсти. Именно в этом основа большинства конфликтов на уровне морали — то, что «хорошо/плохо» на уровне социума, никак не экстраполируется на то, что «полезно/вредно» для субъекта. Это — совершенно разные, непересекающиеся множества. Большинство совпадений (псевдопересечений) в этих областях — следствие *навязанных* в качестве «полезных» для субъекта общественных шаблонов и традиций и привычного подавления субъектом в себе тех стремлений и страстей, которые являются «неприличными» в

данном социуме. Конфликт, вроде бы, непреодолим... если забыть о разуме. Его разрешение — *осознанные*, действительно принятые каждым субъектом *конвенции* совместного существования. В комплексе с возможностью не только изменить, но и прервать существующие общественные договоренности. Не реально? Для нынешнего стадно-демократического социума, в котором бесконфликтность ценится гораздо выше интеллектуальности — абсолютно нереально. Но... *Tempora mutantur et nos mutantur in illis*.

Итак: упражнения моралистов на тему «добро/зло» не сообщили нам практически ничего нового, лишь подтвердили, что одними из аспектов архетипа Сатаны являются **индивидуальность** и **неприятие никаких априорных искусственно-социальных категорий** — моральных, культурных, традиционных, которые, в конце концов, сводимы к понятиям Добра и Зла. Все то, что люди называют злом, обязательно причиняет какой-либо вред (хотя бы в виде раздражения от наблюдения «отклонения от нормы» в какую-либо сторону) *социуму*, при отнесении к моральным категориям польза/вред для человека как для личности практически не учитывается.

Возмущающие в индивидуальном образе жизни. Все крайне индивидуальные мероприятия жизни возбуждают людей против того, кто к ним прибегает; они чувствуют, что необычайный образ жизни, которым пользуется для своего блага такой человек, унижает их как обыденных существ.

Ф. Ницше, «Человеческое, слишком человеческое»

Категории добра/зла несколько выделяются из всех остальных моральных штампов тем, что они наиболее элементарны — моралист в состоянии тем или иным путем свести любой другой «моральный эксцесс» к одной из них. И диагноз «это добро/зло!» выступает в роли *окончательного оценочного вердикта*. Он не требует ни дальнейшего представления, ни дальнейшего уточнения.

Для полноты рассмотрения темы отметим часто возникающий вопрос: если не употреблять слов «добро» и «зло», то что говорить вместо них? «Хорошо» и «плохо», «польза» и «вред»? Но ведь это можно расценить как абсурдную боязнь слов, от перемены которых суть не меняется. Вспоминается пример с целой коллегией

адвокатов, где было запрещено употребление слов «выиграл» или «проиграл дело». Это считалось неуважением к профессии, и вместо этого надо было говорить: «добился (или не добился) благоприятного исхода». Конечно, это выглядит смешно.

Однако с терминами «добро/зло» не все так просто, как с суеверными юристами. Разумеется, в общении используется множество терминов, не имеющих четкого определения. Но они не настолько значительны для психики: скажем, вряд ли кто может четко и логично расписать, по каким критериям можно разделить музыку на приятную или неприятную даже для него лично, не говоря уж об общей постановке вопроса. В этом случае все согласны с тем, что «о вкусах не спорят». Совсем другое дело в случае категорий добро/зло: суть в том, что, произнося одно из этих определений, одновременно обращаешься к коллективному бессознательному, в котором за тысячелетия *установилось* восприятие этих условных категорий *как абсолютов*: люди в массе не признают, что отношение к чему-либо как к добру/злу — это *тоже дело вкуса*. Если же произносится «польза/вред», то ни у кого не возникает вопросов об их условности, относительности и субъективности.

Часто люди пытаются привести аналогии, доказывающие, с их точки зрения, что можно пользоваться абсолютными в реальной жизни. К примеру, при полировке доски мы ее выравниваем по абстрактной плоскости, а в реальности плоскость не существует; более того, не существует *универсального* определения плоскости¹. Так почему бы не равняться на добро без четкого определения²?

Однако в математике как языке, при помощи которого описывается действительность, плоскость — это производная аксиоматики точка/прямая и т.д.

Плоскость — это отнюдь не абсолютный объект, а множество точек (вводимых аксиоматически), удовлетворяющих определенным условиям, вот, к примеру, уравнение плоскости из математики

¹ Только не надо путать математическое определение (задание формулой) и определение *плоскости per se*, что выходит за рамки математики.

² Здесь следует отличать *личное* мировоззрение, в котором вы можете использовать любые интерпретации понятий или вообще не формализовывать их (то же дао), и *общественное* — в котором формализация необходима (а иначе как вы будете его объяснять?). Но это в идеале — на практике же толпе не требуется какое-либо цельное мировоззрение, набора лозунгов вполне достаточно.

(в прямоугольных координатах): $a(x-x_0) + b(y-y_0) + c(z-z_0) = 0$.

Для формализации добра/зла тоже требуется ввести аксиоматику и условия ее применимости, что не делается и никогда не будет сделано ни одним моралистом — эта порода людей считает добро/зло *универсальным абсолютом*, применимым *всегда*, и, что характерно, при этом полностью игнорируется тот факт, что в разных обществах эти понятия обозначают совершенно разное.

Необходимо начинать с исправления имен [...] Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, дела не могут осуществляться.

«Лунь Юй», китайский трактат, V век до н.э.

Так зачем же повсеместно используются эти абстракции, не имеющие никакого реального соответствия, причем в качестве всеобъемлющих, изначальных и абсолютных? Ответ на этот вопрос занял бы слишком много места, поэтому мы ограничимся цитатой из справки Совета по делам книгопечатания при министерстве внутренних дел о книге одного из первых русских материалистов, профессора Медико-хирургической академии И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга»¹. Как вы понимаете, эту книгу очень не хотела пропускать цензура:

Эта материалистическая теория, отвергая свободную волю² и бессмертие души, не согласна... с христианским мировоззрением³; она уничтожает понятие о добре и зле, о нравственных обычаях человека... и потому ведет положительно к разрушению нравов. ...нельзя не заметить, что книга

¹ Что примечательно, изначально была издана статья под названием «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы», но цензура это не пропустила, дословно, из-за «слишком большой ясности заглавия».

² Поясняем для не интересовавшихся христианской теологией: с т.з. христианства, правильное применение свободы воли заключается в обязанности выбора поклонения их богу. Короче говоря, «Свобода — это рабство» © Оруэлл, 1984.

³ Дело здесь не конкретно в христианском мировоззрении: *любая* государственная (а, следовательно, общепринятая) мораль зиждется на понятиях Добра и Зла — соответственно, управлять теми, кто принимает эти понятия, легко и просто.

отличается отнюдь не ученым изложением, а представляет, напротив, популярную беседу с непросвещенным читателем. Это обстоятельство... указывает на намерение автора сделать свою теорию наиболее доступною для публики. Поэтому книга подлежит судебному преследованию и немедленному заарестовыванию... подлежит уничтожению как крайне опасная по своему влиянию на людей, не имеющих твердо установившихся убеждений.

В заключение главы следует прояснить вопрос «почему сатанисты, отрицая наличие Добра/Зла, иногда используют эти термины в художественно-философских произведениях».

Дело исключительно в том, что любой язык *социален* в своем происхождении, лексиконе и функциях в общем. Соответственно, говорить на нем о вещах, для которых он не предназначен, крайне затруднительно. И поэтому вырабатывается личная система обозначений, которая по форме может значительно различаться от другой, обозначающей то же самое.

Но опять же — смотрите в *суть*. Да, нет никаких абсолютных добра/зла и вообще употребление этих терминов как *оценочных* попросту неразумно. Но у них есть и *другое* значение, не бытовое.

Вселенная имморальна — в природе нет ни Добра, ни Зла. Но если кто-либо начинает утверждать, что существует некое Добро — я становлюсь на сторону Зла, противостоя ему; его поползновения нарушают гармонию Вселенной.

Warrax

«Люди всегда считают злом то, что не способны понять вследствие своей ограниченности». © тот же. Соответственно *то, что люди никогда не смогут понять* — есть Зло с большой буквы. Это НЕ оценочный и не моральный термин, а *метафизический*. Evil they name us — Evil we are.

Отметим, что люди сейчас практически неспособны воспринять метафизическое Зло, Первозданную Тьму. Они заменяют это понятие своими жалкими страшилками, простым причинением вреда; причем если в давние времена это относили хотя бы к душе, т.е. тоже понимали метафизически, то в современном мире на Сатану валят обыкновенные физиологические страдания, поскольку больше обывателей практически ничего не

волнует.

Современный протестантский философ Дж. Б. Рассел, написавший серию книг о концепте Сатаны («Дьявол», «Сатана», «Люцифер», «Мефистофель» и т.д.), выдает такую сентенцию: «Если Дьявол не осознается как персонификация реального зла, он становится бессмысленным. Сущность зла заключается в насилии. [...] Насилие можно определить как злонамеренное причинение страдания». И все... Каждую из книг своей тетралогии он начинает с примеров убийств и насилия.

Сравните это со Злом в рассказе А. Мейчена (стр. 202) и почувствуйте разницу.

Вы [обыватели] подозревали нас в поджогах и убийствах — низводя наше понимание ВОЙНЫ до ваших страшилок — преступлений. **Мы всегда выступали против этого мира**, и прежде всего против худшей его части — против слепой животной деструктивности. Недолюди-дебилы пользуются вашим отрицанием духовной составляющей, а интеллектуальная для них закрыта навсегда. Вы сами мечтали о насилии и наделяли нас... своими чертами. Там, где начинается уголовное преступление — сатанизм заканчивается.

Bellicum

Кстати: а вы никогда не задумывались об устойчивых словосочетаниях: почему добро обычно делают [уже известным способом], а зло — *творят*?

Психологические корни архетипа

*Ад вовсе не хуже рая, просто в нем надо
родиться. ©*

Поскольку человеку на практике свойственно мыслить причинно-следственными категориями (вследствие его проживания в пространственно-временном континууме, что показал еще Кант¹), подсознание требует существования как минимум in abstracto неких Сил, причин², благодаря которым и происходит все вокруг. Термин «Сила» здесь — самый общий и метафизический. Возьмем ту же причинность: в этом случае «Силой» является вовсе не карма или личное желание какого-либо бога отслеживать поступки населения и награждать/качать за них, либо другой «механизм», а *сама причинность*. При этом нельзя забывать, что метафизическая модель мира — это именно *модель*; никто не настаивает на ее единственности — реальность можно моделировать, используя *разные* аксиоматики. Так, модель инь/ян не противоречит описываемой в этой главе, а является равносильной, но использующей иную аксиоматику.

Nota bene: сразу ответим на вопрос «А зачем вводить в мировоззрение метафизику?» Все просто: *нет ни одного мировоззрения, которое не содержало бы метафизических элементов в своей базе*. Даже самая что ни на есть наука физика (остальное, согласно Резерфорду, собирание фантиков, а не наука), широко пользуется вполне метафизическим понятием времени. Если кто-то хочет возразить — то пусть приведет точное, универсальное

¹ Причина и следствие соответствуют двум объектам в пространстве, взаимосвязь которых рассматривается во времени.

² Если рассматривать вопрос философски, то причинность как таковая («у всего на свете есть причины») не есть нечто безусловное и несомненное. Достаточно заглянуть в таких авторов, как Секст Эмпирик, Нагарджуна, Го Сян, ал-Газали, Джордж Беркли, Дэвид Юм, Иммануил Кант и т.д., как становится ясным, что причинность с точки зрения части философов — это логически самопротиворечивое и не выводимое из опыта представление. Однако философия философией, а психологические механизмы работают несколько иначе. Для практической деятельности всегда приходится принимать решение, делать выбор; и выбор этот делается **не** на основе скептицизма, а как следствие мировоззрения *в целом*.

и конвенциональное определение даже не времени, а энергии (или материи¹) в физике, причем чтобы оно не было ни остенсивным, ни рекуррентным и не опиралось при этом на метафизику (то же время).

Есть более красивый философский ответ на вопрос: «Метафизика — обязательная часть любого мировоззрения потому, что бесконечное несводимо к конечному». Развертывая: все, что «отразимо» — конечно, все, что мыслимо — бесконечно. Мысль, конструируя картину мира, быстро расправляется с «физикой» — ощущениями, чувствами, опытом — и «летит» дальше. Прямо в бесконечность времени и пространства, для которой просто вообще не существует и не может существовать представимой эмпирики. Но психология штука жесткая — любая незавершенность требует разрешения. И метафизические концепты «замыкают» бесконечность, завершая тем самым внутреннее миропостроение. А что это за концепты (фактически — базовые аксиомы мировоззрения, изначально внеэмпирические, как и все аксиомы) — не суть важно. Идея ли это Демиурга, Большой Взрыв с его сингулярностью, мыслеконструкты солипсиста — не суть важно в контексте разговора. У всех у них один признак — *метафизичность*, вне- и доэмпиричность, а значит — их можно только мыслить, они — никак и ничем недоказуемы, неотразимы в фактической (конечной) реальности. Метафизические модели проверяются на соответствие действительности исключительно косвенными методами, опосредственно по следствиям из них.

Менее развитый разум стремится придать метафизическим Силам антропоморфные черты, более способный к абстракциям — соответственно, более обобщенные. К таковым можно отнести уже упоминавшиеся «инь/ян», а также «волю» у А. Шопенгауэра (для не читавших философа отметим, что понятие «воли» у него значительно отличается от общепринятого²). Для внесения ясности необходимо четко понимать разницу между Силами (как в вышеприведенных примерах) и Сущностями (скажем, боги в общепринятом представлении). Силы не претендуют на персонификацию и могут быть рассматриваемы

¹ Или материи. Одно связано с другим: $E=mc^2$, и не существенно, что конкретно считать первичным.

² См. «Мир как воля и представление».

как философско-мировоззренческие концепции, взаимодействующие как с персональным, так и общественным бессознательным в виде наиболее общих *архетипов*. Столь глобальное их понимание приводит к логическому выводу, что их не может быть значительное количество, даже без формального применения принципа Оккама. В отличие от них, Сущностей может быть сколь угодно много, даже если какие-либо из них претендуют на эксклюзивность (как бог в монотеистических религиях).

Различие между Силами и Сущностями можно показать на примере следующим образом: если некто считает, что, правильно поступая в рамках своей этики, он непременно достигнет правильного результата, то этим он предполагает некую «истинность» принципа причинности и его этическую направленность. Можно истолковать это как некий безличный закон мироздания (*νοῦς* у Анаксагора, рита — у индусов), а можно сказать, что не может быть разума самого по себе, а он всегда принадлежит некоему живому существу, и поэтому правильный результат есть не что иное, как реакция некоего бога или богов (Сущностей) на правильные (с их точки зрения, естественно) поступки — воздаяние. Иное дело, когда утверждается, что часто правильные с т.з. кого-либо поступки ведут к неправильному результату и наоборот — неправильные ведут к правильному. В этом случае связь между поступком и результатом исключает участие разумных начал (если не считать их сумасшедшими, недоразвитыми или приколитами), поэтому можно говорить о силах, безличных и иррациональных стихиях и т.п. Именно здесь проходит граница между религиозным и безрелигиозным мировоззрением, пользующимися разными стереотипами этической причинности¹. Более того, этим демонстрируется ограниченность применения этики, которая всегда, в отличие от логики, ситуационна и относительна.

Очевидно, не логично наличие бесконечного множества Сил по принципу «у каждого феномена есть собственная причина, принципиально не объединяемая ни по какому признаку

¹ Любопытно то, что если религиозные верующие используют бога в качестве «обоснования» этики и причинности, то есть масса атеистов, которые попросту разделяют такое божественное по частям, веруя в наличие причинности и априорную верность какой-либо этической системы (часто — имеющей происхождение из той же религии).

с другими». Разумеется, мы не можем этого строго доказать, но принятие такой модели реальности нам ничего не даст в плане познания, поэтому вводить бесконечное множество Сил в модель *нет смысла*¹.

Аналогичное рассуждение приведено в «Пармениде» Платона касательно бесконечного числа идей (в смысле, придаваемом этому термину Платоном):

— Но это, — сказал Сократ, — лишено смысла. Мне кажется, Парменид, что дело, скорее всего, обстоит так: идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им.

— Итак, — сказал Парменид, — если что-либо подобно идее, то может ли эта идея не быть сходной с тем, что ей уподобилось, настолько, насколько последнее ей уподобилось? Или есть какая-либо возможность, чтобы подобное не было подобно подобному?

— Нет, это невозможно.

— А нет ли безусловной необходимости в том, чтобы подобное и то, чему оно подобно, были причастны одному и тому же?

— Да, это необходимо.

— Но то, через причастность чему подобное становится подобным, не будет ли само идеею?

— Непременно.

— Следовательно, ничто не может быть подобно идее и идея не может быть подобна ничему другому, иначе рядом с этой идеей всегда будет являться другая, а если эта последняя

¹ Следует пояснить разницу между практикой и теорией скептического подхода. Теоретически верным (или не верным) по отношению к реальности может оказаться что угодно: к примеру, некорректно утверждать, что «монотеистический бог точно есть» или «его точно нет». Но логично учитывать вероятность моделей — и, поскольку нет ни одного факта, свидетельствующего о наличии бога, куда целесообразнее *на практике* исходить из *гипотезы* «нет такого». Не забывая о том, что нельзя полностью исключать *вероятность* его существования. Как говорится, если бог вдруг обнаружится, то атеисты исчезнут, а скептики останутся. Добавим, что сатанисты при этом не изменят своей позиции и будут ему противостоять.

подобна чему-либо, то — опять новая, и никогда не прекратится постоянное возникновение новых идей, если идея будет подобна причастному ей.

— Ты совершенно прав.

— Значит, вещи приобщаются к идеям не посредством подобия: надо искать какой-то другой способ их приобщения.

— Выходит, так.

— Ты видишь теперь, Сократ, — сказал Парменид, — какое большое затруднение возникает при допущении существования идей самих по себе.

Таким образом, поскольку бесконечное количество Сил не дает адекватной картины восприятия (аналогично введение монобога в мировоззрение просто заменяет «а фиг его знает» на «а бог его знает»), приходим к выводу, что их число конечно.

Рассмотрим минимальное количество Сил, требуемых для полной мировоззренческой модели (еще раз отметим, что они не обозначают сущностей либо объектов как таковых, поэтому бритва Оккама лежит в футляре до явной избыточности системы).

Одна Сила, «Единое». Человеческая психика воспринимает архетип единицы как нечто настолько исключительное, что в средневековой мистике это *вообще не число*. Первым считалась двойка, которая является началом счета.

Предположим, что есть только одна Сила. В такой модели реальности одна и та же Сила «отвечает» за *все* в мире — и это совершенно равнозначно тому, что она не отвечает ни за что, поскольку в этом случае Сила эквивалентна Вселенной в метафизическом смысле. Нет никакой разницы между «то-то происходит само по себе» и «то-то происходит благодаря <название>, которое существует одно и только одно». Можно, конечно же, назвать всеобщую причину каким-нибудь отдельным термином (чаще всего на это претендует некий «Абсолют», но это отдельный вопрос¹), но смысла в этом отдельном наименовании нет: если уж

¹ «Слово *абсолют*, взятое само по себе, есть нечто совершенно бессмысленное. Ибо оно — прилагательное, т.е. обозначение предиката, а предикат должен относиться к какому-нибудь объекту. Но ведь закон основания, неспоримый закон, гласит, что *каждый объект* находится в необходимой связи с каким-либо другим; предикат же — *абсолютное* не выражает ничего другого, кроме отрицания связи с чем бы то ни было; это противоречит всякому объекту, — следовательно, предикат этот не может быть высказан ни о каком

выдвигать Вселенную как Силу, то зачем менять название?

Кроме того, в этом случае мир выглядит полностью *статичным*:

Но, изменяясь, единое уже не может быть единым.

Платон, «Парменид».

Перейдем к рассмотрению двойки. Теперь рядом с Единым появляется Иное. Единое и Иное составляют оппозицию, другими словами — представляют собой бинер¹. Здесь необходимо

объекте, ибо тем самым последний был бы уничтожен. Так как субъект не есть объект, т.е. он непознаваем, то ему нельзя приписывать никакого предиката, — значит, и предиката *абсолютного*» — Артур Шопенгауэр.

¹ В оккультной философии существует понятие бинеров, тернеров, кватернеров, ..., n-ернеров и т.д. Это понятия двуплановы. С одной стороны, они просто указывают на наличие n-членных более или менее связанных структур. К примеру, где-то встречалось в литературе даже нечто вроде дуоденера, т.е. двенадцатичленной структуры. Отдельным понятием является монада, так как у многих школ монада обозначает единство чего-то разного.

Но это, так сказать, бинеры (и прочие) нестрогие. Обычно в оккультных выкладках рассматриваются только 2, 3 и 4-членные, но построенные по более строгим правилам. Так классический бинер включает два понятия или две стадии, с противоположным или взаимоисключающим значением (свет-тьма, покой-движение и т.п.). Считается, что бинеры нейтрализуются неким третьим понятием, обобщающим два первых (например, покой-движение нейтрализуется понятием динамики). Три этих понятия объединяются в тернер. Это одна схема. Вторая: берется третье понятие, не объединяющее два первых, а усредняющее их (например, бинер белый-черный усредняется понятием «серый», что тоже приводит к появлению тернера). И, наконец, третий тернер — это три стадии развития чего-либо: замысел-изготовление-реализация, рост-расцвет-распад и т.д.

Кватернер, чаще всего, появляется как реализация двух последних тернеров по схеме: появляется некий результат завершающей стадии или завершающая стадия чего-то является начальной стадией чего-то следующего (по принципу отрицания отрицания). В оккультизме таким образом определяется понятие завершенности чего-либо.

В принципе, по схеме 1-2-3-4 с использованием n-еров построены многие понятия оккультизма. Вспомним хотя бы цикл значений младших Арканов Таро: туз — активность, двойка — пассивность, тройка — равновесие, четверка — результат и начало новой четверки, иначе говоря, новая активность следующего уровня. Активность-пассивность — бинер, нейтрализуемый понятием равновесия и порождающий тернер с переходом на следующий уровень активности с порождением кватернера. Графически монада — точка, бинер — отрезок, тернер — равносторонний треугольник, кватернер — квадрат.

обратить внимание на такой нюанс: в восточном мировоззрении инь/ян вполне самостоятельны, образуя полностью замкнутую систему. Однако особенность восточного восприятия именно в том, что оно воспринимает объекты и реальность вообще как нечто *целое*, тяготеет к всеохватности мировоззрения без разделения деталей. Для целостности мировоззрения в таком случае вполне хватает двух Сил (есть, впрочем, тонкости, рассматриваемые далее). Западный же подход противоположен — он склонен препарировать объект по частям, все тщательно раскладывая по полочкам. Можно долго спорить о том, какой подход лучше, но все зависит от конкретной задачи.

Кстати говоря, на этом примере хорошо видна разница между типичным чел-овеческим подходом и разумным: за редким исключением восточные и западные мудрецы при всей своей мудрости *следуют привычной им культуре*. Между тем — знание *per se универсально*, и для познания надо применять *оба* подхода *одновременно*¹. Да и вообще — чтобы познать чел-овеческое, нужно выйти за его пределы.

Вспоминая тему нашего исследования, заметим, что обособленной концепции Дьявола в восточной мифологии и мистике нет как таковой (повелители загробного мира, отдельные демоны и т.д. имеют лишь отдельные распространенные черты архетипа Сатаны). Поскольку архетип получил наибольшее развитие именно в западной традиции, именно ее мы и рассмотрим в подробностях (проекции архетипа на восточное мышление будут затронуты в других главах).

Единое не желает отпускать от себя Иное, ибо в таком случае потеряет характер Единого; Иное же отталкивается от Единого, так как в противоположном случае оно бы вообще не существовало. Так между Единым и Иным возникает напряжение противоположностей. А всякое напряжение

¹ С ходу вспоминаются только Алистер Кроули, Карл Юнг и с некоторой натяжкой Роберт Уилсон. Примечание: попытка скрестить насильно восточный и западный подход, как это делается, к примеру, в теософии, относится не к мудрости, а к софоложеству. Lord Alien Moongazer верно заметил по этому поводу: «Теософ — это баптист, который стал буддистом, но при этом остался баптистом».

между противоположностями стремится к разрядке, из которой возникает Третье. В Третьем снимается напряжение и восстанавливается утраченное единство.

К.Г. Юнг, «Попытка психологического
истолкования догмата о Троице»

W., поздняя вставка:

Если точнее, то двойка — это не полноценное Иное.

Двойка — введение противоположности. Важно: не Иного, а именно Противоположного. Прямо как у Гегеля: тезис/антитезис. Да, это уже не застывший Абсолют Единицы, какой-то импульс к развитию есть, но здесь $2 \neq 1+1$, а $2=1+$.

Добавляя Противоположное, мы не меняем суть системы, а просто добавляем для удобства вторичный элемент. Количество не переходит в качество, раз уж вспомнили про Гегеля. Второй элемент зависим от первого строгой дуальностью, один без другого в принципе не может существовать, поэтому $2=1$, ну и «+» сбоку бантиком за старание хоть что-то изменить.

Аналогично: антихристианство — это лишь «христианство наоборот», а не сатанизм; клипнот — это «сефирот с изнанки», а не Иное; «антикосмизм» — это лишь «против упорядоченного», за беспорядок, а не за Синергетику Хаоса. Точнее, против того, что антикосмисты в силу своего невежества считают упорядоченным, забывая о том, что сама теория хаоса возникла как раз из изучения космоса и для объяснения космических же явлений (в том числе и в самом буквальном смысле — известная проблема трех тел в астрономии).

В ролевой системе AD&D есть игровой класс «паладин», который должен фанатично верить в Добро, а за это у него есть призыв особо хорошего скакуна, улучшение атаки, иммунитет к болезням и т.д. Так вот, метафизическая противоположность паладину — это разумный скептик, а не анти-паладин с ухудшенными боевыми способностями, от которого разбегаются верховые животные и который болеет всеми болезнями одновременно, кроме, возможно, родильной горячки.

Наглядной иллюстрацией может служить зороастризм: ну и толку-то, что там есть отдельно «хороший бог» Ормузд (Ахура-Мазда) и «плохой бог» Ахриман (Ангро-Майнью)? Чем это по сути отличается от системы «есть один бог, который велит делать хорошее и не делать плохого»? Ровно ничем. Что и подтверждается тем, что в некоторых течениях зороастризма Ахура-Мазда таки окончательно победит: «Бундахишн — написанное на пехлеви приложение

к Авесте, где, в частности, содержится пророчество о Спасителе, рожденном Девой, который победит Ангро-Майнью и установит царство справедливости».

Да, двойка — это противостояние, война, борьба; но все это — искусственное, «управляемая оппозиция», «нас всего двое — давай бороться, больше все равно делать нечего».

Подробнее см. Т.Е. Warrax, «*Ad usum internum. Liber I: Pentaculum elementorum*».

Еще в античные времена подобные мысли высказывал Платон в «Тимее» (подробности см. у Юнга, *ibid.* Дальнейшие мысли Юнга, цитируемые здесь, часто в перефразированном виде без прямых ссылок, также относятся к названной работе):

Однако два члена не могут быть хорошо сопряжены без третьего, ибо необходимо, чтобы между одним и другим родилась некая объединяющая их связь. Прекраснейшая же из связей такая, которая в наибольшей степени единит себя и связуемое, и задачу эту наилучшим образом выполняет [геометрическая] пропорция¹...

Платон, «Тимей» 31В и далее

За этим аргументом идет рассуждение с далеко идущими психологическими следствиями, а именно: если простая пара противоположностей... связывается чем-то средним и если эта связь является [геометрической] пропорцией, тогда наличие *одного* среднего члена означает, что речь может идти лишь о соединении двухмерных фигур, тогда как соединение трехмерных, т.е. телесных, фигур требует наличия *двух* средних членов.

К.Г. Юнг, *ibid.*

В «Тимее» по этому поводу говорится:

При этом, если бы телу Вселенной надлежало стать одной плоскостью без глубины, было бы достаточно одного среднего члена для сопряжения его с самыми крайними. Однако

¹ Геометрическая прогрессия характеризуется тем, что частное от деления следующих друг за другом членов остается одним и тем же.

оно должно было стать трехмерным, а трехмерные предметы никогда не сопрягаются через один средний член, но всегда через два.

Итак, два члена, связанные третьим, представляют собой лишь что-то *умопостижимое*, но не реальное, представляющее собой лишь срез реальности по какой-либо «плоскости». Трехмерные, реальные объекты должны быть сопряжены через два промежуточных — итого четыре¹.

Отметим два неочевидных момента: во-первых, средние члены вовсе не обязательно эквивалентны в смысле значимости крайним, иначе была бы возможной бесконечная череда членов геометрической прогрессии, отвечающей архетипическому отражению реальности, а их должно быть не просто конечное, а небольшое количество — упрощенно говоря, на то они и архетипы, чтобы включать в себя главное из всеобщего; во-вторых, можно справедливо возразить, что для отображения реальности недостаточно трех измерений, а необходимо четвертым ввести понятие времени, так как существование чего-либо обозначает наличие его в какой-либо промежуток времени. Кроме того, отображение реальности — это не отражение явлений, а отражение *процессов*. Поэтому везде, где процессы возможны хотя бы теоретически, временная координата *обязательна*.

Возражение резонное, но архетип формируется далеко не сразу, архетипы же единства, двойственности, троичности и четвертичности — одни из самых древних. В древности же время имело значительно меньшее значение, чем в современности, оно воспринималось как нечто «фонное»; не воспринималось, как мы не воспринимаем воздух, которым дышим; поэтому наиболее важны три пространственных измерения, которые воспринимаются даже животными непосредственно. Кроме того, мы разговариваем об отображении *реальности*, а, раз реальность

¹ Двумерная триада: r^2+rq+q^2 . Для передачи физической реальности требуется *квартетнер*: $r^3+r^2q+rq^2+q^3$. Примечание: не надо путать метафизику с физикой: в данном случае важны *четыре* члена, связанные с собой *гармоничным* образом и образующие некое *единство*; r и q — **не** координаты.

Если понимание этого вызывает затруднения, прочитайте оригинальную работу Юнга "Попытка психологического истолкования догмата о Троице": пересказывать ее полностью здесь смысла нет, а обсуждаемая концепция действительно не слишком проста для осознания.

присутствует *de facto*, то она существует в некий момент времени; таким образом, время присутствует *by default* в целом, и имеет смысл рассматривать пространственную трехмерность, не усложняя систему (существовать можно и в *n*-мерном пространстве, но не вне времени).

Итак, один промежуточный член (три суммарно) соответствует *воображаемому*, *представимому*, *метафизически плоскому* миру, не более того. Ergo — троица как таковая является *нереальным*, «духовным» миром, что, очевидно, соответствует идее концепции («Царство мое не от мира сего»). Материальному миру необходимо введение *четвертого* для завершения *квартирнера*, «четвертичного корня достаточного основания», как писал Шопенгауэр.

И стоит ли спрашивать, кто именно будет этим четвертым, приносящим реальность *воображаемому*, с учетом влияния на западное мировоззрение христианского мышления¹?

Возвратимся к «Тимею». Согласно Платону, мировая душа, *δευτερος θεος*, *триедина*². Она состоит из Делимого, Неделимого и Тождественного (интерпретация этих терминов в данном

¹ Конечно, можно возразить, что практически вся русская религиозная философия конца XIX — начала XX веков как раз занималась разрешением вопроса: «через что бог-троица связан с миром?» И все ее представители от Соловьева до Флоренского и Булгакова (православных священников) этой четвертой сущностью называли Софию — Премудрость Божию, отождествляемую иногда с Мировой Душой и Вечной Женственностью (ненавязчиво позаимствовав идею у гностиков). Сергей Булгаков довел эту теорию до логического предела, утвердив уже не Троицу, а Четверицу, за что был одернут ортодоксальными церковниками. Можно также вспомнить гораздо более ранние попытки католиков внести четвертым элементом Марию, от которой, как планировалось, благодать не исходит, но через нее передается. Но, на сколько бы частей ни пытались нарезать единого бога — к реальному миру он не имеет отношения. Здесь требуется именно *Иное*, противопоставленное Единому, будь то едино хоть в сотне лиц.

² Это, опять же, наводит на мысли относительно «оригинальности» христианской троицы, но это не относится к рассматриваемой теме. Добавим для справки, что словосочетание *δευτερος θεος* использовалось не только Платоном (согласно приведенной цитате Юнга) в качестве эквивалента мира или «мировой души» (предположительно — *ψυχη του κοσμου*) но и Ориген так именвал Христа. Интересен сравнительный анализ архетипических образов в этих трактовках, но это не имеет отношения к теме нашего исследования, и мы обращаем внимание на сходство терминологий исключительно в целях избежания путаницы.

случае не имеет значения, желающие могут прочесть об этом все у того же Юнга) — это и есть триада *духовного, плоского мира*.

Божественные троицы чрезвычайно распространены во всех мифологических системах, отражающих «божественное», «духовное», «абсолютное» et cetera. К примеру, Ану/Бел/Эа в Вавилоне или Ра/фараон/Ка-мутеф в Египте.

Для соответствия модели *реальности* требуется добавить в эту систему Иное, *противника* (Sic!), сопротивляющегося всему описанному, троице. Обратите внимание, что в перечисленных троицах всегда наличествует оппозиция между крайними членами, между тем, как в христианской троице все три члена не противопоставляются друг другу, а предпринимают попытку объединения *обратно в Единое*. Таким образом, из-за омоусии христианская троица архетипически вырождена, что приводит к еще большей «духовности» (в смысле оторванности от реальности) такого мировосприятия, и, что для нас особенно важно, функции *противника* переходят от архетипически равномерно распределенного по всем парам исключительно на Иное.

Перейдем к рассмотрению архетипа *quarternio* непосредственно. Он также всегда являлся архетипом целостности, завершенности, устойчивости и т.п.¹ Согласно Пифагору душа ассоциируется с квадратом; также: четыре стихии, четыре стороны света, четыре касты в Индии, четыре сына у Гора, четыре «благородные истины» в буддизме, четыре определяющих параметра психики etc.

Троичность — это устойчивый *искусственный* порядок; четвертичность — *естественный*. Через три точки всегда проходит плоскость (устойчивость), но, как ни странно, в природе у животных не три, а как минимум четыре конечности. Для того чтобы *стоять на месте*, удобны три точки опоры; но для того, чтобы передвигаться, проявлять *активность*, требуется четвертая опора, которая *свободно* перемещается *вне* плоскости, проходящей через статические опоры. Этой аллегорией наглядно иллюстрируется и то, что догматический, *неизменный* базис препятствует движению (развитию): из плоскости базиса должна свободно выходить *любая* составляющая, динамически

¹ См. труд А. Шопенгауэра «О четвертичном корне закона достаточного основания».

изменяясь в соответствии с окружающей реальностью, но при этом сохраняя *целостность системы*. В жизни же люди обычно пытаются, нащупав для своего передвижения что-то вне привычной плоскости, перетащить, опираясь на одну «ногу», остальные три, сохраняя неизменность их *структуры*, а не *системы* (проще говоря: важной является топология, а не форма). Попробуйте-ка уцепиться одной рукой и подтянуть тело куда-то, сохраняя без изменения относительную расположенность второй руки и ног. То-то же. А поскольку большинство принимает форму за суть, то боязнь изменения формы приводит к тому, что они еще больше укрепляются в трюичном «духовном» базисе, накрепко врастают на нем, как на фундаменте, и бесполезная для них четвертая «опора» достаточно быстро атрофируется, после чего человек полностью теряет способность к развитию и навечно остается на одном месте.

Любое *целостное* суждение всегда обладает четвертичностью:

- функция, определяющая, что нечто наличествует;
- функция, определяющая, что такое это нечто;
- функция, определяющая, подходит ли нам это в каком-либо смысле (оценка);
- функция, определяющая причины возникновения нечто и возможные последствия.

Попытки представить троицу как единственное реально существующее несостоятельны именно из-за несоответствия архетипу целостности (четвертичности). Аналогично этому неверно приписывать троице все прекрасное, «доброе», «положительное» и так далее, оставляя все «злое» вне внутреннего восприятия, формализуя лишь как внешний фактор «искушения»¹). Далее

¹ Верующие в большинстве своем страдают манией величия и считают, что Дьявол их лично искушает по любой мелочи, которую они считают «греховной». На самом же деле это рвутся на поверхность сознания их собственные, тщательно подавляемые «греховные» желания. Понятие «искушения Сатаны» в прямом смысле знакомо только сатанистам — это искушение *остановиться на достигнутом*. Можно провести сравнение с ездой по бесконечному шоссе с уютными мотелями на обочине — *зачем ехать дальше, когда и тут неплохо, а что в конце пути — в точности неизвестно; более того, понятно, что умрешь раньше, чем туда доедешь?* Однако сатанист, сделав минимальную паузу для отдыха, без понуканий движется далее, в *неизведанное*, тогда как человек с достаточной степенью вероятности действует по принципу «*Если человека не пинать сапогом под зад, то он уляжется у ближайшей теплой лужи и начнет хрюкать*» © Лютобор.

цитируется Юнг, слишком хорошо написано, чтобы перефразировать текст:

...если бы Платон сделал трехстороннюю фигуру¹ символом прекрасного и благого и приписал бы ей всевозможные позитивные качества, то он бы отнял у нее злое и несовершенное. И где бы тогда все это осталось?²

Как видно из вышесказанного, весьма логичным является замена Троицы на Четвертицу даже в христианской метафизике, что, кстати, будет соответствовать реальному, а не плоскому (духовному) миру, добавив в состав *Principes huius mundi*.

Начиная с «Тимея», четвертое обозначает «реализацию», т.е. переход в, по сути своей, иное состояние — а именно в состояние мирской реальности, которая, как это авторитетно утверждается, подчинена «Князю мира сего»

К.Г. Юнг

Собственно говоря, неправомочно утверждать некий «тот мир», который не относится к «миру сему» — где, собственно, провести четкую границу? И что есть «другой мир»? «Только бытие есть, небытие не существует» © Парменид. Именно поэтому мы назвали нашу работу *Principes Omnium* — Князь (Повелитель) Всего.

Соответственно, можно сколько угодно предаваться мечтаньям, оперируя троичностью, но реализация действительности происходит только при помощи Дьявола³, владеющим материальным миром, традиционно противопоставлявшемуся «духовному миру»⁴.

¹ Напоминаем, что, в отличие от троичной «мировой души» у Платона, человеческая душа у Пифагора обозначается квадратом.

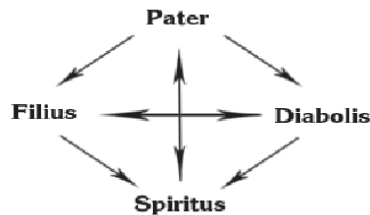
² *Ибо последнее есть contradictio in adiecto и противопоставляет существующему добру нечто с ним несоизмеримое.* См. главу «Добро/зло — мифы и реальность».

³ «Я в тайном четверичном слове, хула на всех богов человеческих» — Алистер Кроули, *Liber AL III:49* (W.: Хотя с Кроули станется — он под «тайным четверичным словом мог понимать и тетраграмматон).

⁴ Так что манихейство кое в чем было право — реальный мир принадлежит Дьяволу.

Дьявол, вне всякого сомнения, «неприятная» фигура, создающая ненужные осложнения: он никак не укладывается в христианское мироустройство. Вот почему так охотно преуменьшают его значение, прибегая к эвфемистическому умалению его фигуры или же последовательно игнорируют его существование; еще охотнее его относят на счет человеческой виновности, причем случается такое с людьми, которые стали бы яростно протестовать, если бы греховный человек захотел равным образом отнести на свой счет и происхождение всего благого. Однако достаточно одного взгляда на Священное писание, чтобы понять всю важность роли, отведенной Дьяволу в божественной драме Спасения. Если бы власть злого духа была столь слаба, как это хотелось бы кое-кому представить, то мир не нуждался бы в том, чтобы пришло само Божество, — или во власти человека было бы изменить мир к лучшему, чего, однако, так и не произошло вплоть до наших дней. [...]

Дьявол автономен, он не может быть подчинен власти Бога, ибо в этом случае не сумел бы выступить противником Христа, но был бы всего лишь какой-то машиной Бога.

Здесь следует заметить, что Юнг рассматривает *конкретно* христианскую троицу, постулируя, что в ней Дьявол архетипически проявляется одновременно с Христом (касательно Сатаны в Ветхом Завете см. соответствующую главу выше). Однако если оторваться от христианства и посмотреть на ситуацию в целом, то понятно, что в этом случае в ситуацию вкралось *qui pro quo*: рассматривается не Дьявол как таковой, а только один из его аспектов, а именно Антихрист, сам же Сатана гораздо древнее христианства, как уже показывалось в этой работе. Видимо, Юнг несколько увлекся, и совершенно правильное рассмотрение Дьявола как Иного, противопоставленного *всей* Троице (богу в целом), потом подменяется противопоставлением Антихриста Христу по традиции, что неверно архетипически.

Важно то, что в данной ситуации *абсолютной* противоположности невозможно рассмотрение *относительности* добра и зла,

что искажает реальность. Для целостности введение четвертого в систему *необходимо*. Как писал Юнг:

Ритм здесь трехшаговый, но символ — четверица. [...] Пифагорейская четверица была природным, естественным фактом, архетипической формой созерцания, но отнюдь не моральной проблемой, а тем более — божественной драмой. Поэтому ее постиг «закат». Она была чисто природным и потому нерелефированным созерцанием духа, еще не вырвавшегося из плена природы. Христианство провело борозду между природой и духом, позволив человеку забегать мыслью не только по ту сторону природы, но и против природы [...] Вершиной этого взлета из природных глубин является троическое мышление, парящее в платоновском наднебесном пространстве.

Крайне важно, что реализация любой умозрительной концепции идет только через Иное (Дьявола), как обосновывалось выше¹.

Краткое объяснение метафизики полной христианской схемы: Pater олицетворяет целостность, первопричину; однако он не эквивалентен Вселенной, как в пантеизме. Его суть делится на Filius и Diabolus — того, кто олицетворяет людей, сошел к ним с небес для того, чтобы им помочь², и противника людям. Pater в этой схеме обладает ярко выраженной нуминозностью, утерянной в современном «понимании» христианства (есть ли вообще хоть что-то, в чем люди не подменяют суть формой?). Таким образом, на объект (человека) действуют две силы, противоположные по сути (только не надо пытаться их приравнять к какому-либо добру / злу), их посредством он воспринимает Верховное божество, Сущее, Pater'a. Любое его действие представляет собой суперпозицию этих двух сил, и метафизическое

¹ Вспомните квартернер; четвертое — новая активность, *реализация на новом качественном уровне*.

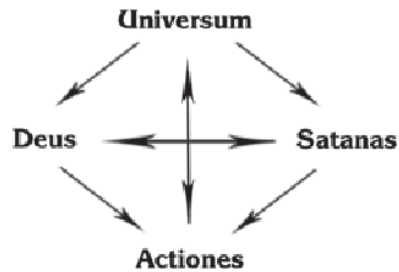
² Здесь следует различать метафизику *изначального* христианства, где Христос был богочеловеком — изначально человеком, развившимся до бога (таки да, одному еврейскому мальчику удалось), и последующего *догматического* христианства, где Христос рассматривается как бог, снизошедший до людских проблем. Эта тема (и ее последствия) рассматриваются в работе Юнга «Ответ Иову», которую мы рекомендуем к прочтению.

«намерение» Pater'a проявляется в реальности тем же способом. Таким образом, все сводится к Spiritus'u — проводнику и эффектору божественной воли в любом ее проявлении, включая поступки верующего, стремящегося соответствовать «божьей воле».

Отметим, что даже эта психологически конфликтная схема куда целесообразнее той, которой можно описать современное христианство: оно уже давно не имеет практически ничего общего с изначальным учением Христа¹. Современное «понимание» давно утратило свою архетипичность и его суть кратко выражается формулой: «Христос вас спас, и все быстро стучать лбом об пол!».

Попробуем сохранить архетипы троичности как творческого, абстрактного мышления и четвертичности как реальности нашего мира, не привлекая христианской троицы (а причем тут она вообще?). Получим схему, приведенную рядом.

Universum обозначает Вселенную в целом, как нечто всеобщее, имманентно присущее бытию и т.д. Следует отметить, что Universum не является субстанцией. Даже если использовать подход Декарта, который называл субстанцией то, что не нуждается в существовании ни в чем, кроме самого себя, то и тогда мы не можем заявлять такого с определенностью о чем-либо, включая саму Вселенную. Собственно говоря, описываемая схема равно применима как к идеализму, так и к материализму — в качестве отправной точки берется наличие Вселенной в психологической реальности индивидуума. Первична ли при этом материя или вдруг даже существует монотеистический бог живьем, или правы солипсисты — в данном

¹ Никакого указания на троичность единого бога в Библии нет. На тему разницы современного христианства и учения Христа рекомендуем работу Ф. Ницше «Антихристианин»: истинный христианин был только один, да и тот плохо кончил. Расписанная выше схема соответствует ситуации с принятием догмата троичности, но без подмены непосредственного контакта с архетипами на официальную обрядовость, утерявшую архетипическое содержание.

случае это не имеет значения. Сатанизм не предусматривает единой точки зрения на строение Вселенной, ее происхождение и т.д. Критерием сатаниста служит инвольтация к эгрегору. В проекции на ψυχή — соответствие архетипу Сатаны. Поэтому метафизическая модель должна быть универсальной, равно приемлемой как для ученого-атеиста, так и для индивида, принимающего христианскую модель бытия¹ и противостоящего богу в ней.

Точно также и вследствие того же мы не определяем, является ли Universum делимым или не делимым и т.д. Глава все же называется «Психологические корни архетипа», а не «философские рассуждения». Для психики важно, что Universum в любом действии проявляет себя как суперпозиция Satanus и Deus, а эманурует он их, рождает или еще что; можно ли их детерминировать как substantia или же как εἶδος и т.д. — не существенно². Можно сказать, что сатанизм — это стержень (структура) мировоззрения любого сатаниста, но наполнение структуры (сути) формами — личное дело каждого.

Deus здесь понимается не как Сущность (согласно принятой религиозной трактовке), но как Сила, которая стремится сохранить Вселенную неизменной, Абсолютный Порядок³; в пределе это выражается недостижимым Абсолютным Нулем. Satanus здесь также понимается не персонифицировано, но как Сила⁴, стремящаяся изменить Вселенную, проявление Изначального Хаоса⁵, противник Порядка. Следует заметить, что именно такие

¹ Собственно говоря, сатанисты такой разновидности нам не знакомы. Даже те, кто использует легенды о падшем архангеле и т.д. — понимают библейские легенды совсем не по-христиански. Но модель должна быть универсальной.

² Аналогично: не имеет значения, нет ли души у сатаниста вследствие правоты атеистов, или же он ее не имеет души как отдавший (а не продавший, кстати) Сатане. Метафизически важно лишь то, что у сатаниста нет человеческой души в *любом* случае.

³ Это не обозначает метафизическую инертность Deus'a. Deus и Satanus метафизически оба активны и противостоят друг другу; но активность Satanus имманентна, между тем как активность Deus выражается лишь в попытках сохранить неизменность, противостоя изменениям Satanus.

⁴ Сила не зависит от наличия эгрегора (или архетипа), хотя и соответствует им в своих проявлениях.

⁵ См. соотв. главу о Хаосе. Nota bene: Сатана не эквивалентен Хаосу, поэтому мы написали «проявление», но это не обозначает, что Сатана — это проекция Хаоса и *ничто более*; в таком случае Хаос был бы *субстанцией*. Однако следует заметить, что большинство сатанистов разделяют точку зрения о

названия не обязательны, вместо них, к примеру, возможно использование терминов Порядка и Хаоса¹, но, учитывая отношение данной работы к сатанизму, такие термины представляются более удобными в данном контексте, обладая по отношению к архетипам дополнительными оттенками. Кроме того, часто пытаются выделить пару противодействующих Сил как «созидание/разрушение», что не есть верно, поскольку созидание — это всегда разрушение старого², и никакого противопоставления нет. Изменению противодействует лишь сохранение неизменным.

Таким образом, Deus и Satanas противостоят друг другу³,

первичности Хаоса. При этом не надо забывать, что наша схема разрабатывалась для настоящего времени, и вопрос «а чему был *противником* Сатана, когда был только Хаос» — не относится к модели. Но мы можем ответить и на этот вопрос: см. сноску на стр. 52.

¹ Но это будет несколько другая модель, именно в этой такая замена не будет строго эквивалентной.

² Здесь, разумеется, не в смысле «Весь мир насилия мы разрушим» и останемся на бабах. Просто *любое* созидание что-то разрушает, хотя бы просто представления о неизменности старого. Не может что-либо появиться на пустом месте, но лишь взамен ранее существующего.

³ W.: P.O. писался давно; сейчас я бы так не сказал. Рассуждения, приведенные здесь, верны, если исходить из «Deus есть Сила, противоположная Satanas», но с чего бы исходить из этой модели? Увы, она дуалистична; да, я сейчас куда больше знаю и понимаю, чем в то время, когда писал этот текст. Понимание кривости дуалистичной модели появились уже давно, см. «Геологию сатанизма»: «схема Universum => (Deus, Satanas) => Actiones верна именно для человеческого наполнения структуры ψυχη... Бодрствующие и Видящие во Тьме заменяют приведенную в Princeps Omnium структуру на Universum => (Tenebrae, Chaos) => Actiones, так как Satanas на таком уровне развития становится не Силой, но Сутью». Также см. Gene, «Проект "сатанизм": трезвый взгляд»: «"Бога" нет нигде, кроме как в человеческих глюках, это сугубо человеческое понятие, и там, где нет человека, нет и его "бога"... "Бог" и "Дьявол" не являются "истинной парой" нигде, кроме как в ЛИТЕРАТУРЕ. Яб-Юм, Самаэль-Лилит — вот «истинная пара». Все прочее не Сатанизм, а дурдом на выезде. ...Т.н. "бог" по сути своей является пустым звуком, своего рода коллективной галлюцинацией, которая постепенно теряет четкость контуров, и возвращается к своим безобидным, до-авраамическим формам. Отрицание "бога" и "божественного" — важный этап на ранней стадии становления Мага (истинный сатанист всегда МАГ, чем бы он ни занимался), но по завершении *pigredo* теряет актуальность. Если "война против бога" не прекращается, значит *pigredo* затянulosь, и налицо запущенные психологические проблемы».

В модели, расписанной здесь, Deus — это пассивное сопротивление изменениям, инертность, которую некорректно представлять отдельной Силой. Убирать фрагмент из публикации я не буду: пусть остается на память, для

однако, при этом очевидна принципиальная невозможность «победы» одной Силы над другой — как Абсолютный Порядок, так и Абсолютный Хаос приведут к исчезновению Вселенной в целом.

Первая тройка это: *Universum* => (*Deus*, *Satanas*), т.е. из всеобщей Вселенной условно выделяются¹ две Силы как абстрактные термины, удобные для рассуждений в плане метафизического описания мироздания.

Вторая тройка: (*Deus*, *Satanas*) => *Actiones*, т.е. равнодействующей этих двух Сил является Действие. В самом деле, *любое* практическое действие выражается в *изменении* (*Satanas*), которому противодействует сопротивление изменению, стремление *сохранить* все в изначальном виде, до начала взаимодействия (*Deus*).

Следует обратить внимание на то, что *Universum* проявляет себя *только* посредством *Actiones* (и через *Satanas* и *Deus*), а не сам по себе. Можно сказать, что *Universum* — это существование бытия *per se*, *Actiones* же — *проявление* бытия в пространственно-временном континууме. Т.е. схема отражает и единство Вселенной как таковой и *bifurcatio* Путей проявления формы вещей (испытание адепта VI-м Арканом Таро хорошо ложится в эту же схему). Важно и то, что любое последствие *Actiones* воздействует на *Universum*.

Вместе эта схема показывает как раз четвертичность², соответствующую обоснованной, реальной картине Вселенной. При этом обратите внимание, нет такого аффективного противостояния, как в христианской схеме, описанной Юнгом, здесь отношение *Deus/Satanas* происходит «без эксцессов», аналогично инь/ян³.

профилактики ЧСВ, а с учетом этого примечания читатель не вводится в заблуждение.

¹ Именно *условно выделяются*. Мы строим метафизическую модель, соответствующую миропониманию сатанизма, а не вещаем об некоей единственной истине. И мы ни в коем разе не собираемся доказывать, что указанные Силы «существуют на самом деле».

² Еще раз обращаем внимание, что психике важно наличие структуры, а не формально-философская эквивалентность понятий, входящих в структуру. Поэтому наличие в четверице двух Сил и двух не-Сил как артефактов ψυχη вполне адекватно.

³ Еще одно красивое сравнение: осциллятор, механический или электрический. В колебательном контуре одинаково важны как тормозящий элемент, *Deus* (масса в виде груза или индуктивность), так и изменяющий, *Satanas* (упругость в виде пружины или конденсатор как емкость). При этом если бы

Дополнительно *Universum/Actiones* символизирует противостояние (но также аффектацию) принципов познания Вселенной как целого (*Universum*, из которого и берут начало описываемые Силы) и принципа анализа рассмотрением деталей (*Actiones*, для такого анализа необходимы действия). В целом эта схема показывает метафизически-философскую точку зрения сатанизма на мироздание.

Итак, и в этой схеме, более реальной, чем христианский вариант, совершенно наглядно демонтируется необходимость **изменения**, что является одним из важнейших аспектов архетипа Сатаны.

Примечание: также очевидно, что Сатана не стремится к полному уничтожению бога как архетипа¹ — полный Хаос уничтожит и его². Чтобы избежать персонификации, выразимся точнее: стремится как безличная Сила, но никогда не достигнет этого даже теоретически. То же самое верно и для противоположной стороны.

Без четвертого, *Иного*, нет реальности как таковой; более того — нет даже смысла троицы (как христианской, так и мировой души у Платона и т.п.), потому что умопостигаемое, представляемое троичностью, обладает каким-либо смыслом лишь в том случае, когда соотносится с реальностью дополнением до четвертичности. *Мир без Сатаны невозможен*. Попытки избавиться от четвертичности восприятия всегда ведут к дефекту сознания (наглядным примером являются приверженцы любой религии, углубляющиеся в «духовные практики»³). Практически

не было потерь энергии, осциллятор работал бы бесконечно.

¹ W.: Мда уж, и глючило же меня... НЕТ [моно]бога как архетипа (хотя некоторые его черты и архетипичны, скажем, бог-Отец — явно одно из проявлений архетипа Отца).

² Можно, конечно, формально считать, что Предначальный Хаос — это и есть Сатана, и именно он останется. Но Хаос трудно назвать существованием в принятом смысле, хотя он и содержит абсолютно все. В любом случае, разговор ведется относительно мира, в котором мы вынуждены обитать.

³ Как пример углубления в «духовное»: «Все рассматриваемые версии происхождения религии относятся к ней как к продукту человеческого мышления [...] как к совокупности иллюзорных, вымышленных состояний. В этой односторонности, в игнорировании главного фактора — Божественного Откровения — основной дефект подобных версий, лишаящий их какой-либо реалистичности» — архиепископ Михаил (Мудьюгин), «Введение в основное богословие»

в жизни это приводит к черно-белой бинарной логике (кто не с нами — те против нас!).

Рассмотрение темы будет неполным без пояснения различных случаев употребления термина «Единый». Поскольку современная западная цивилизация имеет тяжелую наследственную болезнь монотеизма, то «единым» обычно привычно называют христианского бога либо подобное понятие с меньшей степенью персонификации, как в мусульманстве. Естественно, Платон в «Пармениде» и «Тимее» не использовал такой трактовки¹. Вообще, эти произведения достаточно трудны для понимания из-за многочисленных переплетений свойств единого, не-единого, иного, тождественного и т.п., а также рассмотрению не одной гипотезы, а нескольких с разных сторон. Всех интересующихся отсылаем к изучению текстов Платона, здесь же коротко можно пояснить следующее: рассмотрение Единого как отдельной *неизменной* сущности приводит, помимо невозможности

¹ Платон и его последователи первые подошли к Единому с сухой логикой. До того к Единому подходили исключительно с аллегориями. Пифагор считал, что Единое — это Число. Гераклит подразумевал под Единым Огонь и т.д. Впрочем, нельзя сказать, что подход Платона более прогрессивен — наоборот, Единое, переведенное в область чистых математическо-логических абстракций, утратило архетипичность, оккультный смысл понятия. Вспоминается комедия М. Брукса «Всемирная история»: «— Род занятий? — Философ-разговорник. — Значит, занимаетесь лабудой. Занимались лабудой на прошлой неделе?».

«Слабость аристотелевских и т.п. "идентификационных" утверждений (нечто есть то-то и то-то, примеры из "Парменида" Платона приводятся в тексте — O.&W.) заключается в том, что они любому "объекту" приписывают некую внутреннюю "вещность" (которую циничный немецкий философ Макс Штирнер называл "призраком"). Помните, как у Мольера невежественный врач, стараясь произвести впечатление на еще более невежественного пациента, "объясняет", что опиум погружает нас в сон, потому что обладает "снотворным качеством"? Научное, или операционалистское утверждение должно было бы точно определить, каким образом структура молекулы опиума химически связывается со специфическими структурами рецепторов мозга, — то есть описать действительные события в пространственно-временном континууме. Проще говоря, аристотелевская вселенная — это собрание "вещей", обладающих внутренними "сущностями" или "призраками", в то время как современная научная (или экзистенциалистская) вселенная — это сеть структурных взаимоотношений». — Р.А. Уилсон, «Квантовая психология»

Как справедливо заметил по этому поводу Фридрих Ницше: «Истинная сущность вещей — глубочайшая иллюзия».

существования мира как такового из-за абсолютной статики, к несуществованию Единого самого по себе.

Парменид. Далее, если бы единое обладало какими-либо свойствами, кроме того чтобы быть единым, то оно обладало бы свойством быть большим, чем один, что невозможно.

Парменид. Следовательно, если единое никак не причастно никакому времени, то оно не стало, не становилось и не было прежде, оно не настало, не настает и не есть теперь и, наконец, оно не будет становиться, не станет и не будет впоследствии.

Аристотель. Совершенно верно.

Парменид. Но возможно ли, чтобы нечто было причастно бытию иначе, нежели одним из этих способов?

Аристотель. Невозможно.

Парменид. Следовательно, единое никак не причастно бытию.

Однако если рассмотреть всеобъемлющую целостность мира как *Universum*, то вывод следует совершенно другой:

Парменид. Что же? Не есть ли не-единое часть единого? Или и в этом случае не-единое было бы причастно единому?

Аристотель. Было бы причастно.

Парменид. Следовательно, если вообще это — единое, а то — не-единое, то единое не может быть ни частью не-единого, ни целым в отношении него как части; и, с другой стороны, не-единое тоже не может быть ни частью единого, ни целым в отношении единого как части.

Аристотель. Конечно, нет.

Парменид. Но мы говорили, что вещи, между которыми нет ни отношения части к целому, ни целого к части, ни различия, будут тождественными между собою.

Аристотель. Да, говорили.

Парменид. Но если дело обстоит так, не должны ли мы утверждать, что единое тождественно не-единому?

Аристотель. Должны.

Парменид. Следовательно, выходит, что единое отлично от другого и от себя самого и в то же время тождественно ему и самому себе.

Перефразируя и осмысливая, можно легко прийти в вывод, сказанному ранее: в крайних проявлениях Единое (как Deus¹) и Иное становятся тождественными, приводя к Абсолюту несуществования, как бы это ни называть — Порядок или Хаос. В существующей же реальности они взаимопроникают друг в друга, тем не менее, оставаясь обособленными — как иллюстрация хорошо подходит монада инь/ян.

Интересно отметить, что сущность Единого и Иного, несмотря на всеобщность по отношению к миру, проявляется по-разному. Впервые на это обратил внимание Платон все в том же «Пармениде»:

Другое — не-единое — есть другое, надо полагать, потому, что имеет части, ибо если бы оно не имело частей, то было бы всецело единым.

Таким образом, согласно Платону, Единое обладает целостностью и неделимо на части², между тем, как Иное, будучи тождественным Единому (как в плане «мощности», так и «вездесущности», так и необходимости для существования бытия), как раз имеет части, то есть дискретно.

На первый взгляд, это можно назвать противоречием — как может присутствовать везде то, что не является целым, тождественным этому «всему»?

Образно это выразил Алистер Кроули, что мы и обсудим в следующей главе.

¹ Единому соответствует именно Deus, так как он определяется как Сила, стремящаяся сохранить неизменность Вселенной, а Единое не может изменяться, так как превратится в что-то Иное. Впрочем, Deus не обязательно Един с философской точки зрения, но Сатана как *противник* — всегда Иной, и мы приходим к той же аллегории с другой стороны.

Общее примечание: чтобы что-то понимать в теории сатанизма как мировоззрения, надо разбираться *и* в философии, *и* в психологии, *и* в оккультизме.

² Непосредственно об этом пишется в начале диалога, но мы не считаем целесообразным приводить «Парменида» целиком. Читайте первоисточник.

Θελημα: взгляд мистиков на Единое и Иное

*Но прогресс есть прогресс, и прогресс есть
восторг — постоянный, ошеломляющий,
[...] А посему восстань, как я восстал.*

*Liber a'Ash Vel Capricorni Pneumatici.
Sub figura CCCLXX*

*Потому я известна вам под именем
своим Нут¹, ему же — под тайным име-
нем, которое вручу ему, когда, наконец,
познает меня. Сделайте так же, ибо
я — Бесконечное пространство и Беско-
нечные звезды сего [пространства]. Не
связывайте ничего! Пусть никто из вас
не делает различия между одной вещью
и другой вещью; ибо с этим приходит вред.*

Liber AL Vel Legis, I:22

Сравните сами: Нут — это концепция, родственная Единому. Бесконечность бытия, находящаяся *везде* постоянно («...сознание непрерывности бытия, вездесущности моего тела» — *ibid.*, I:26). По легенде: «Вездесущность моего тела» — первоначально этих слов в манускрипте не было. В диктовке прозвучало «неразрывный неатомный факт моей универсальности», что было за гранью понимания писца, и он подумал, что люди не смогут этого понять. Айваз ответил: «Напиши своими словами. И пойдём дальше».

Во время написания атом был ещё «неделим». Фразу можно трактовать, как опередивший свое время взгляд на Вселенную: «монолитность» вещей — иллюзия, все они суть «одно и то же» — «пляска» субатомных частиц.

Кстати, если Единый бог — это олицетворение всеобщего равенства, ибо при Абсолютном Порядке все мертво и равно между собой в небытии — *Imperium Dei*, то Нут таким свойством не обладает:

¹Древнеегипетская богиня неба. Прослеживается архетипическая связь бог/небеса в монотеизме.

Где Бог и Поклоняющийся, там я никто: они не видят меня.
Они как бы на земле; я же есмь Небеса, и нет там иного Бога
кроме меня и господина моего Хадита.

ibid., I:21

Как видите, здесь Хадит/Нут выступают аналогично Инь/Ян, а не в виде стандартно-человеческой дихотомии подобно зороастрийской. Важно, что поклоняющиеся и ищущие [единого] бога не видят Нут — что можно интерпретировать, как неспособность этой категории существ воспринимать Единство Вселенной, ее Суть. Если хотите — дао, этот термин достаточно точно отражает то, что мы хотим выразить.

Придите! все, и познайте тайну, доселе еще не открытую. Я, Хадит¹, — дополнение Нут, невесты моей². Я лишен протяженности; имя Дома моего — Хабс³.

В этой сфере я вездесущий центр, она — окружность, коей не сыщешь нигде.

Но она будет познана, я же — никогда.

ibid., II:2-4

Обратите внимание на очевидные соответствия Satanasy: помимо соответствий черт архетипа упоминающимся в сноске древнеегипетским богам, он, как соответствующий Тьме (в сатанизме, если проводить параллели; у Кроули везде фигурирует Свет (знания, естественно), непознаваем и соответствует активности, повелевающей Силе («...и господина моего Хадита»). Из

¹ Хадит (иногда: Бахадит) — ипостась Гора, почитавшаяся в Бехдете (теперь Эдфу) в образе крылатого солнечного диска (помните, по Каббале Солнцу соответствует 666?), также часто изображался над входом в храмы. Интересно, что полное имя Ра-Гор-Хуита (что в телемитской терминологии приблизительно соответствует Actiones) — это Ра-Херу-Хути-Ба-Хади, то есть «Ра-Гор, летящий к солнечному диску».

² Дополнительная иллюстрация того, что Сатана — это активный принцип (мужской), бог (Deus) — пассивный (женский).

³ Хабс (Хаибит) — одна из частей души по египетской мифологии. (Здесь транслитерация 1904 года, сейчас принято озвучивание как Шейт или Шуит. Трудности возникают из-за крайней малочисленности носителей разговорного древнеегипетского языка). Хабс выступает приблизительно в роли Тени юнгианской терминологии — внутреннее, сущностное ядро человека; цель Великого Делания — его познание.

Тьмы же прекрасно видно то, что освещено («Хабс пребывает в Ху¹, но не Ху пребывает в Хабс» — *ibid.*, I:8), то есть Ху — это первое и самое очевидное покрывало, которое должно быть сброшено для осознания Хадита. Простейшая напрашивающаяся аналогия «Ад пребывает в душе, но не душа в Аду» — и для того, чтобы выявить Ад (Тьму) в себе, надо *отринуть чел-овеческую душу*.

Что касательно Света, то показательна еще одна цитата Кроули:

Так же и с поглощаемым светом. То, что поглощает мало, зовется белым и блистающим; то, что поглощает все, зовется черным.

Liber Cordis Cincti Serpente vel LXV

Обратите внимание: черное (Тьма) поглощает все, то есть, в итоге — *содержит в себе* все. Белое, оно же Светлое и т.д. — отказывается от многого. Абсолютно белое тело отражало бы все лучи, не принимая ничего. Наглядная демонстрация идеальной «светлой души»: полное отсутствие связей с внешним миром, реальностью.

Интересно сопоставить окружность Нут у Кроули с теориями Николая Кузанского, неортодоксального средневекового теолога, который рассматривал божественное (соответственно, «Единое» для христианина) как сферу *бесконечного* радиуса, центр которой находится *везде*. При этом возникает вопрос, оставленный епископом без ответа, но который указан в Книге Закона: центр — это Хадит. Можно рассматривать Нут как бесконечное расширение, а Хадит — как бесконечное уплотнение. Что интересно, это наглядно показывает предпочтительные пути развития для Deus'a — экспансивный, т.е. распространение на как можно большую «площадь» и количество адептов, и Satanas'a — интенсивный: малое число адептов, но высокого уровня.

Таким образом, получаем следующую метафизическую картину: Нут (Deus) находится *везде* постоянно, что логически обосновано: функция сдерживания изменений должна прилагаться *повсеместно*, к каждому объекту и субъекту бытия. Между тем, Хадит (Satanas) находится *в точке*, но эта точка *одновременно*

¹ Ху, одна из девяти составляющих души — экзистенциальное бытие, «Я», монада, тело света, душа вечная etc.

находится *всюду*. Тем самым изменение происходит также в любом месте (как физически, так и метафизически), но *конкретно* в точке приложения сил. При этом обнаруживается интересное обстоятельство касательно Хадита, зафиксированное в той же Книге Закона:

Я — один: нет бога там, где я есмь.

Liber AL Vel Legis, II:23

Если расписать метафизическую картину совсем упрощенно, то любое изменение мира (в том числе — и магическое воздействие, но это не относится к описываемой теме) происходит в результате проявления *Satanas* (Хадит): там, где «точка» становится из виртуальной (по аналогии с виртуальными частицами — термин, применяемый в квантово-механических теориях вакуума и т.п.) реальной, *проявляет себя*, исчезает *Deus* — и происходит *изменение*. После этого *Satanas* прекращает активное воздействие, а *Deus* получает возможность установить нарушенное равновесие, но уже с учетом проведенных изменений — просто для стабилизации системы.

Интересным также будет отметить, что в Книге Закона также проводится ассоциация Хадита со Змеем (подробнее архетип Змея будет рассмотрен далее):

Я — Змий, дающий Знание и Наслаждение...

ibid., II:22

И, наконец, весьма интересно звучит строфа II:17:

Послушайте, люди печали!
Мучения, боль и укор —
Для мертвых и ищущих смерти,
Не знавших меня до сих пор¹.

Не осознающие Хадита (*Satanas*) существуют лишь условно, как тени или куклы, в Иллюзии Страдания. То, что с ними произойдет — не имеет значения:

¹ Перевод © MaSteR. Выходивший в печати перевод Книги Закона на русский язык передает стихи Кроули прозой.

Не беспокойтесь о сих глупцах человеческих и бедствиях их.
Они чувствуют немного; то, что есть у них, уравновешено
вялыми радостями; вы же — избранные мои.

ibid., I:31

Весьма показательно: те, кто отрицает Сатану — отрицают мир. Они существуют в майе, мире иллюзий, и страдают из-за своей подсознательной неполноценности¹. И действительно, поскольку это среднестатистические, стандартные² люди, то замена одной стандартной детали на другую не вызывает никаких затруднений. Уникальные детали куда более трудны для замены, а шедевры ручной работы никогда не тождественны друг другу.

Процитируем слова самого Кроули («Магия в теории и на практике», XXI:2):

Этот змий, Сатана, не враг Человеку³, но Тот, кто сделал нас Богами, знающими Добро и Зло⁴. Он потребовал: «Познай самого себя!» [...] его эмблема — Бафомет, то есть Андрогин, который является иероглифом таинственного совершенства. [...] А посему он есть Жизнь и Любовь⁵. И более того: Его буква — Аин, то есть Глаз; а это значит, что Он есть Свет. Его зодиакальный образ — Козерог, быстроногий козел, атрибутом которого является Свобода.

Nota bene: разумеется, просто перестать отрицать Сатану (в метафизическом смысле) далеко не достаточно для избавления от иллюзий. Но это — *необходимое* условие.

¹ Именно поэтому любой верующий монотеистической религии пытается завлечь в нее других — поскольку подсознательно он ощущает неспособность подняться до уровня свободного человека, не говоря о более высоком, вариант же отхода в сторону не рассматривается вообще. В результате ему остается только привлечь к себе других, дабы почувствовать себя правым на основании пословицы «2 000 000 леммингов не могут ошибаться».

² Есть не общепринятый, но более точный термин: среднестатистические люди.

³ Здесь нет противоречия с чертой архетипа «враг человеку». Обратите внимание, что «Человек» написал с большой буквы — т.е. имеется в виду отнюдь не любой среднестатистический экземпляр. Сатана — враг *чел-овечеству*, а не разумным личностям, по воле случая имеющим человеческий генотип.

⁴ См. сноску на стр. 195.

⁵ Разумеется, Любовь здесь — не стандартная человеческая комбинация комплекса неполноценности, собственничества и похоти. У Кроули Любовь понимается метафизически как *Mysterium Coniunctionis*.

Следует обратить внимание на существующее мнение, что Кроули осуждал сатанизм; это не так. «Магия в теории и на практике», глава XXI, выделения в тексте — наши:

Братья Левого Пути — это те, кто замкнулся, кто отказался отдать свою кровь в Чашу, те, кто растоптал Любовь, чтобы возвеличить себя [...] они становятся **козлами** — *одинокими покорителями горных вершин [...] оторвавшимися от стада* овец, которые сгрудились в долине. И те из них, кто хорошо усвоил уроки Пути, готовы жить поодиночке и отдать свою жизнь Ребенку Преисподней, Ребенок же есть не что иное, как они сами, и в то же время — не они¹.

В приложении к сатанистам важно не допустить тут следующей ошибки: «возвеличить себя» тут значит не громко орать, какой ты крутой, а стремиться к непрерывному росту, и добиваться этого тем Путем, который подходит лично тебе больше всего, соответствуя Желаниям. Иными словами: возвеличить себя в собственных глазах, будучи при этом самым строгим собственным критиком. Сатанист содействует, возвышенно говоря, делу Ада не потому, что его наняли и т.п.; а исключительно потому, что цели и задачи совпадают. Ergo — сатанист работает на себя; но при этом автоматом это является его служением делу сатанизма. Аналогия: ученый удовлетворяет *свою* любознательность, но при этом автоматом развивает науку. Сатанизм — это не «идея», привнесенная извне, это *суть самого сатаниста*.

Кроули пишет *de facto* о дьяволопоклонниках, тех, кто *поклоняется* Сатане, причем обычно его *христианизированному* образу (гл. VII):

Но продажа души Дьяволу вне зависимости от размеров личной выгоды... Здесь уже нет благородного жертвоприношения² — есть лишь торговец, предлагающий товар.

¹ Сравните: «Я становлюсь частью Ада и Ад становится частью меня; отныне мы неразделимы» — Warrax, «Клятва Сатане».

W.: Эта концепция у Кроули весьма запутана. Если кратко, что «черные братья» у Кроули к сатанистам отношения не имеют, и вообще о сатанистах Кроули не писал.

² Здесь не в смысле «подношения за блага», но «беспоощадность к себе в саморазвитии и общем деле».

Именно так и обстоит дело. Для сатаниста продажа души (как бы ни трактовался этот термин) за блага — это нонсенс.

И мы разверсты перед Адом своими пламенем и Преисподней, не умеющие предать или отвергнуть, отступить или дать слабину, отворены пред Сатаной своими верностью и честью и тем, что мы есть Ад.

Maledictum Scavri Valentini, 2:XX

Сатанист не может «продать душу» — поскольку он ее изначально не имеет.

Если «душа» — это ψυχη, то ее продажа — бессмыслица. Если душа понимается метафизически, то душа сатаниста — это и есть часть Ада, так что продажа ее опять же бессмысленна.

Вряд ли кто-нибудь из людей торжественно обещал постоянно дышать или есть. Так зачем же произносить громкие слова о том, что и так делаешь сам по себе? Потому что ты сам именно таков? Если Тьма внутри, а ты — внутри Тьмы, какой смысл присягать, обязуясь приблизиться к ней?

Warrax, «Ab imo pectore»

Далее Кроули, если внимательно посмотреть, издевается именно над *дьяволопоклонниками*:

Прочие гордятся своим пурпуром и отказываются жертвовать жизнью. Они самозвано коронуют себя Ужасом Преисподней, они малюют на своих лбах Рассеяние Хронозона¹; они облачаются в отравленные одежды Формы; они замыкаются. Когда же сила, создававшая их, исчерпывается, их мощные башни рушатся, и они становятся Поедателями Навоза уже в свои дни Бытия-с-нами, и их лохмотья разлетаются по Преисподней и пропадают навеки.

Касательно одежд Формы — это как раз предостережение против попыток установить какой-либо канон, обязательный для всех — то, что настойчиво предлагают изобрести все

¹ Хронозон — демон Хаоса, которого Кроули вызвал во время Алжирского Делания в 1909 г, основной аспект — разрушение.

невоспринимающие сатанизм, мотивируя это отсутствием строгой формальной формулировки (с четкими *дихотомичными* критериями), кого можно считать сатанистом, а кого — нет. Однако у самих сатанистов таких проблем не возникает — зачем отдавать себя в рабство *форме*?

Примечание: Алистер Кроули *не был* сатанистом, хотя ему это не раз инкриминировали. Хотя многие его идеи и близки к нам, он все же использовал то, что не приемлемо для сатаниста — скажем, *поклонение* божеству (см., например, *Liber Astarte vel Berylli, Sub figura CLXXV*¹). Хотя это у Кроули это и временная мера для определенных практик, поклонение несовместимо с сатанизмом даже в виде «осознанной глупости» К. Кастанеды. Он стремился к Познанию, но был отягощен грузом эзотерических знаний предшествующих веков, к которым он относился со слишком большим пиететом.

Хотя этот вопрос крайне сложен: «знания предшествующих веков» он использовал достаточно не канонически. И он был первым, кто начал показывать подоплеку этих знаний, связывая их с наукой и психологией. Кстати, Кроули ввел термин «*magick*» для отличия от того, что люди привыкли называть «*magic*», чтобы различать знания и заблуждения.

То есть, с одной стороны:

Отменяются все ритуалы, все испытания, все слова и знаки.

Liber AL Vel Legis, II:23

Смотри: ритуалы давних времен черны. Злые да будут отброшены; добрые² да будут очищены Пророком!

ibid., II:5

С другой стороны, какой смысл, скажем, в гематрии, широко применяемой Кроули? Разумеется, это не значит, что все, сложившееся исторически — неверно. Но древние очень любили украшательства,

¹ Кстати, там же Дьявол выступает как Искуситель, которого надо отвергать. Тоже никак не соответствует сатанизму.

² Не надо приписывать Кроули стандартное «понимание» добра/зла. К примеру, *Liber V vel Reguli*: «...наличие "Зла" (как безусловной и абсолютной категории) губительно для всякой философии; благодаря ему ум пребывает в рабстве у страха и освободится лишь тогда, когда перестанет различать понятия на этой основе».

аллегории и т.д.; кроме того, многие пути их поиска Знания заводили в откровенный тупик. Также Кроули широко применяет христианскую метафизику, хотя тоже не в стандартном понимании: его Ангел-Хранитель не имеет ничего общего с ангелами по библии и т.д. — с таким же успехом его можно назвать Демоном-Хранителем. Но выбрал как название Алистер все же *Ангела*...

Заслуга же Кроули в том, что он был Магом — именно так, с большой буквы — и наглядно продемонстрировал, что истинный Маг без предубеждений понимает и использует идею Сатаны. Мы не будем останавливаться на подробном анализе, но очевидные факты: самоназвание Кроули Зверем 666, то *μεγα Θηριον*, его Ангел-Хранитель Айваз, ассоциирующийся с фаллически-солнечным символом, говорят за себя; да и вообще — прочтите Книгу Самех (*Theurgia Goetia Summa, sub figura DCCC*). Кроме того, Кроули как Маг впервые явно определил Магию именно как *совершение изменения*, а не как «достижение желаемого некими методами согласно рецепту». Также можно отметить отношение Кроули к Пану как к объекту самадхи, единения со Вселенной, — см. хотя бы «Оду Пану».

Познающие Реальность приходят к похожим между собой выводам, как бы они ни назывались и как бы внешне ни отличались друг от друга на неискушенный взгляд¹.

Это — еще один аспект того, с чего начали: «Не связывайте ничего! Пусть никто из вас не делает различия между одной вещью и другой вещью; ибо с этим приходит вред».

То есть на достаточно высоком уровне внутреннего развития начинаешь понимать, что в основе религий и учений (которые, кстати, магами и создаются), лежит одно и то же «нечто», только интерпретированное и описанное для разных времен, народов, уровней развития *et cetera*. И есть смысл искать это «нечто», а не заниматься изучением и критикой *искаженных*

¹ Интересный факт: Кеннет Эгнер, участвовавший в организации Церкви Сатаны вместе с Лавеем, был принят в О.Т.О., причем посвящен сразу в 9-ю степень. Многие члены О.Т.О. одновременно являются членами CoS. После ухода из мира Антона Шандора Лавея лидер ложи О.Т.О. в Швеции (самая большая в Европе), Frater N.A.R.L. опубликовал некролог в официальном издании «The Magical Link» (#2, spring 1998).

последователями¹ учений².

Именно поэтому Кроули издал Книгу Закона с уведомлением, запрещающим ее толкование. Творения типа Liber AL — многомерны, понимание зависит от того, с какого именно ракурса эта «многомерная фигура» наблюдается. То есть сфокусировано ли внимание в точке (одна трактовка), в плоскости, или разум воспринимающего тоже многомерен. Пример: есть такие рисунки, на которых то ли белая ваза, то ли два черных профиля. Одни обращают внимание всех на вазу, и они будут видеть эту вазу до тех пор, пока кто-то не намекнет о профилях (или сами не дойдут, если не попали под влияние «авторитетности» трактовки). Но даже когда знаешь о «секрете» рисунка, разум фиксируется *или* на профилях *или* на вазе. Для того чтобы получить *полную* картину, нужно *отключить разум*, тогда можно увидеть все одновременно. На достижение этого «отключения разума» как раз и направлены магические техники.

¹ Разумеется, и создатель учения может ошибаться, а не только его последователи. И даже — специально вводить в заблуждение.

² Никто не говорит, что критиковать последователей — вредно. Просто не надо воспринимать это серьезно.

Развитие психологического начала в различных мировоззрениях

*Даже зеркалу не под силу показать
тебя тебе самому, если ты не желаешь
смотреть.*

Сэм Сиддхартха

Понимание мира, подобное рассмотренному в предыдущей главе, независимо обнаруживается в рамках других культур. Например, в даосизме оно соответствует вышеописанному практически один в один.

В главном произведении даосизма, «Дао Дэ Цзин», космогония дается через числовую символику аналогичным образом (стих 42, курсив наш):

*Дао порождает Одно,
Одно порождает Два,
Два порождают Три,
Три порождают всю тьму вещей.*

Традиционные комментарии этого места разъясняют его так:

Одно, как вариант — Единое, — это порождаемая Дао «изначальная сила» (Юань-Ци). Концепция этой «изначальной силы», первозданного хаоса сил, в общих чертах тождественна «великому пределу», Тай-Цзи (некоторые все же различают нюансы); а также и самому понятию Дао, определение которого довольно туманно. Можно сказать, что Дао — этот же принцип, употребляемый в другом контексте, в значениях: путь, метод, закон, учение, истина... Очевидно тождество этих понятий абстрактной составляющей *Universum'a* в нашей системе, без реализации действия в мире.

Два — негативная, Тёмная¹ сила Инь и положительная, светлая сила Ян, на которые разделяется единая недифференцированная квазиматериальная субстанция Юань-Ци.

Тут и комментировать нечего. Это обычная диалектическая

¹ Термины «Тёмный» и «Светлый» в приложении к монаде инь/ян гораздо более условны, чем их применение в европейских философских системах.

пара противоположностей. В концепции развития они соответственно «отвечают» за консерватизм и прогресс и соответствуют у нас Deus и Satanas. Правда, в национальных традициях понятия несколько перекручены. Так, Тёмное начало в этой диаде пассивно, а активно — светлое. Для восточной культуры это не критично, т.к. противоположности тут не разодраны по полюсам, а находятся в сплаве, в гармонии, что собственно и символизирует известная эмблема Инь/Ян.

Три — это Небо, Земля и Человек, — синтез Инь и Ян, создающий ощущаемую реальность¹. Число три, как нам кажется, привлечено сюда для сохранения числового ряда. В действительности же, здесь можно было обойтись еще одной единицей, представляющей собой арену человеческого бытия. Впрочем, указанные три компонента отдаленно напоминают координатные оси этой реальности и намекают на множественность ее компонентов.

Подобную схему можно выстроить в понятиях многих культур Востока и Запада. И во многих философских и религиозных системах эти понятия пытались разъяснить.

В Индии, например, в качестве Единого выступает Брахман², как высшая реальность, безличное абсолютное начало, из которого проявляется мир со всем, что в нем находится. Вместе с тем все, что есть в мире, разрушаясь, растворяется в нем, сам же он вне времени и пространства, вне причинно-следственных отношений, свободен от качеств и действий, невыразим в терминах и рамках какой-либо частичной логики.

Даосизм мы уже разобрали. Больше всего, как нам кажется, на роль Единого подходит термин Тай-Цзи — великий предел, категория, выражающая идею предельного состояния бытия. Однако следует иметь в виду, что значение этого «предела» — бесконечность, так что, возможно, более подходит другое понятие, У-Цзи — беспредельность.

В буддизме³ есть очень специфический термин — Природа Будды. Но более удобно понятие, возникшее в направлениях

¹ Соответственно, четверицу целостности дополняет Дао, получается система Дао => (Небо, Земля) => Человек.

² Который при этом является Атманом. Упрощенно: Я = бог.

³ Интересно отметить еще такой аспект первоначального буддизма: в нем не просто нет поклонения богам (хотя существование их признается), но они *игнорируются*. Будде нет никакого дела до богов — весьма похвально с нашей точки зрения.

буддизма—Махаяна — Шуньяваде и Мадхьямике. Это понятие «Шунья» — буквально «Пустота». Это взгляд с другой стороны на Беспредельность. Существует тесная психологическая связь между абстрактными понятиями «Все» и «Ничто». Во второй части «Фауста» доктор Фауст просит Мефистофеля проводить его к «материям» (сущностям мира, первоосновам). Мефистофель предупреждает: там — «пустота, ничто». Но Фауст предчувствует в этом невообразимые возможности: «В твоём Ничто я мыслю Все найти». «Там, где нет ни одной готовой формы, течет источник творчества всех форм».

В славянском язычестве Единому соответствует понятие Навь¹. А мы в значении Единого² часто употребляем слово Тьма³.

Европейская философская мысль с начала христианской эпохи испытывала определенные затруднения в проработке этого вопроса. Дело в том, что на ее пути запрудой встало представление о едином боге, преграждая путь к более универсальным и удобным представлениям. В крайнем случае, применялось понятие Абсолют, но опять же с оглядкой на бога, да и, по сути, оно не отличалось настолько принципиально, чтобы это выглядело прогрессом.

Между тем, даже полинезийцы, находящиеся практически на уровне каменного века, дошли до понимания Единого, которое они называли Ио.

У индейцев, создавших в Андах развитые цивилизации, также был бог или абстрактное понятие, включающее в себя Все, которое не имело ни иконографии, ни настоящего имени, хотя его все же называли Виракочей.

В мировоззрении индейцев Месоамерики (Мексиканского субконтинента) подобные космогонические понятия отражались с некоторым сдвигом. Единое, олицетворяемое богом по имени Ометеотль, уже имеет трещину, готовую развалить его на диалектические противоположности. Его имя означает «Владыка Двойственности», и обитает он в Омейокане, «Обители

¹ Не думаем, что такого взгляда придерживается большинство язычников. Но с точки зрения сатаниста это именно так. «Навь — это то, что было до и будет после».

² W.: Здесь Единый [мир], т.е. ЕдинОЕ, а не ЕдинЫЙ в смысле «монобог». Коряво получилось, *mea culpa*.

³ Может возникнуть путаница с общепринятым «Тьма = Сатана, бог = Свет». Здесь, однако, Тьма — это Изначальный Хаос, из которого все организовалось.

Двойственности», простирающейся за пределами 13-го неба. То есть, персона пока Одна, но уже готова развалиться на Две. И действительно, этот образ тут же проявляется в двух ипостасях, «мужской» и «женской», Ометекутли и Омесиуатль. Но это, так сказать, олицетворение изначального принципа двойственности. Эти персонажи еще не показаны впивающимися в горло друг другу в извечной борьбе противоположностей. Так что на этом уровне мы еще видим олицетворение Единства. А дуэль между противоположными лагерями со всей драматичностью представлена во взаимоотношениях кланов богов другого уровня, возглавляемых богами Кетсалькоатлем и Тескатлипокой.

Интересная особенность — если на востоке относились к Единому с благоговением, то на западе в отношении такого рода понятий, как Хаос, Тьма, чувствуется страх¹, и даже рафинированно-«светлый» Единый подразумевает «страх божий».

В античное языческое время предвечный Хаос, порождением которого является Мрак-Эреб (уточним: не порождением, а атрибутом), но из недр которого возник упорядоченный мир, Космос, опять же не вызывал у людей теплых симпатий.

Но в древнем средиземноморском язычестве не бросается в глаза и война между «добром» и «злом». Все непредвзятое внимание язычников приковано к камерной зоне *Actiones*.

Какая-то часть Единого служит ареной сознательной активности человека и других существ. Эту часть называют Бытие, Явь и т.д. На этом и заканчиваются представления о Вселенной части индивидуумов, у которых тяжелые взаимоотношения с абстракциями². Оставшаяся часть Единого, за вычетом Яви, — это Иное, Небытие, Навь и т.д. Причем эта часть склонна отождествляться с собственно Единым, т.к. сознание, дошедшее до понимания Нави осознает, как правило, и ее соотношение с Явью и упускает

¹ Возможно, это связано с особенностями мировосприятия Запада и Востока. Если западная наука стремится все разложить на составляющие и анализировать, и рассматривает Тьму отдельно от Света, то восточная созерцательность воспринимает как единое целое весь мир, включая все сущности в нем, и в этом случае необходимость Тьмы для целостности мироздания очевидна. У обоих подходов есть свои преимущества и недостатки, но в плане философского мировоззрения даосизм и буддизм выглядят куда лучше монорелигий.

² Либо, наоборот, чересчур перемудренные — со всеразличными Абсолютами всяческих мастей, включая безусловные нравственные императивы и т.д.

последнее из виду. Некоторые вообще обозвали Явь Лилой (игрой — инд.) или Майей (иллюзией — инд., будд.), а Навь, соответственно, Истинной Реальностью.

Но отброс Яви в сторону как исключительно иллюзии — это тоже перегиб. При «отбрасывании» Яви метавнимание сознания тут же цепляется за что-то другое. Происходит перемещение в другой мир, с другими правилами Игры, и это будет другая Иллюзия, не закрывающая от взора Навь, но, тем не менее, отвлекающая от нее. Собственно иллюзия не в том, что это явление не настоящее, а в том, что оно исчерпывающее и исключительное. Возможно, пожалуй, и рассеять внимание, рассеять любую Явь, но при этом просто потеряется часть реальности, как и при отрицании Нави. И вообще смысл этому придавался в меру способностей. Кто-то понял слово «иллюзия» не более чем как туман, скрывающий от него «истинную реальность». Но те, кто ввел это понятие, имели в виду другое. Представим Единое как множество действительных чисел, а доступную нам обычно реальность (Явь) вообразим множеством натуральных чисел. Последнее полностью содержится в первом, представляет его подмножество, выделенное по принципу определенного закона¹. Этот закон и есть правила Игры и определитель Иллюзии, закрывающей от восприятия множество действительных чисел, для которого точное соответствие натуральному числу тоже иллюзия. В рамках обусловленного таким образом мира возможно бесконечное развитие в направлении бесконечности. Когда-то древний человек совершил интеллектуальную революцию, додумавшись до дробей. Думаем, дальнейшая аналогия понятна.

Условно можно назвать «истинной реальностью» Навь или Хаос, но разве что только для них самих. Самоосознающей Личности не свойственно стремиться к собственному небытию, слиянию с «истинной реальностью», предвечным Хаосом, тем самым, теряя собственную самоидентифицированность². Суть

¹ Еще лучше Навь иллюстрируется комплексными числами, ведь тогда она смотрится «богаче», т.к. видно, что большую часть ее составляют области, вообще не пересекаемые Явью. Просто эта книга рассчитана не только на математиков.

² Это сентенция хорошо поясняет разницу между Путиями Правой илевой Руки. ППР предусматривает именно слияние с высшим, ПЛР же всегда предусматривает сохранение индивидуальности адепта, идет единение, но не слияние.

самоосознания — именно отделение себя от всего остального. Полное, однозначное и окончательное. Если разум где-то остался «слит» с остальным миром, не видит «линии раздела» в какой-то области — в этой области нет разума, а то, что есть — к «Я» не относится. Разум определяет собственные границы, только зафиксировав границы «иного»¹.

Но склонность к таким рассуждениям и вообще способность оперировать столь абстрактными понятиями присуща лишь незначительной части чел-овеческого рода. Остальным проще «думать о вечном» в конкретных понятиях. Они требуют, чтобы все силы были олицетворены, то есть имели имя, внешний вид, характер. Другими словами, были персонифицированы².

Прежде всего, персонифицируются ближайшие к человеку силы: феномены природы и социума. Таким образом, возникают живописные языческие пантеоны и увлекательнейший жанр — мифы, повествующие о взаимоотношениях богов. Этот уровень — персонификация слоя *Actiones*. Иллюстрацией в чистом виде и может служить греко-римская мифология, где представления о добре и зле не абсолютизируются, а целиком зависят от точки зрения рассказчика.

Далее распространение процесса персонификации охватывает область противоположностей *Deus <=> Satanas*. В результате этого возникает Бог Добра и Бог Зла. Ярчайшим примером такого результата может служить зороастризм.

И наконец, осталось персонифицировать область Единого, *Universum*. Это приводит к возникновению концепции Единого Бога.

И это выглядело бы забавной игрой, если бы к этому не относились столь серьезно, и не приписывали бы космогоническому принципу характеристику, отражающую уровень своего умственного развития, да еще с конкретным заносом в область одной из противоположностей (пережиток предыдущего уровня персонификации).

Наше мнение: персонификация на первом этапе создает увлекательный мир образов и одухотворяет окружающую человека

¹ Этим определяется, кстати говоря, несовместимость сатанизма и буддизма, при всем нашем уважении к последнему как к мировоззрению.

² Причем персонификацией дело не ограничивается: чтобы еще более облегчить восприятие, силы антропоморфируются. От реальности остается — кот наплакал и за собой вытер...

обстановку (язычество). В раннем детстве разум, сталкиваясь с окружающим миром, еще не может мыслить абстрактно, в отрыве от известных и понятных образов. Конкретное мышление — признак детского, еще развивающегося Разума. Но детство не должно длиться до старости. И дальнейшее движение в этом направлении уродует менталитет и культуру. Причина в том, что мир *Actiones* изобилует конкретными вещами, которые можно олицетворять без ущерба для их понимания. Остальные же уровни исключительно абстрактны, и их олицетворение приводит к профанации их сути. Приписать Единому личность, какие-то желания и виды на нас — означает низвести его до житейского уровня.

Принцип, который можно постичь, — не извечный принцип.

Имя, которое можно произнести, — не извечное имя.

Дао Дэ Цзин

Чтобы иметь адекватное представление о Едином, нужно быть Им. А так любой рассматривает лишь каплю из этого океана; каплю, отражающую его самого. Человек, стоящий на берегу океана, видит только волны разных форм — то легкую рябь, то штормовые валы, а иногда — даже цунами, которые могут убить его мимоходом. Море видится ему влекущим и отталкивающим одновременно — но он никогда не сможет увидеть океан целиком, стоя на берегу моря и рассматривая свое отражение в воде: для этого надо подняться вверх даже не на самолете, а на космическом аппарате. А для того, чтобы исследовать глубины, ему надо опуститься вниз, в батискафе, рискуя своей жизнью. Но все это не поможет ему понять океан как *целое*, как Единое — для этого надо *стать океаном*¹, а не оставаться внешним наблюдателем, который лишь видит волны как иллюзорное представление форм вещей, на мгновение формирующихся из Пустоты Предвечного Хаоса — самого океана...

Когда некоторые европейские философы применяют термины «бог», «всевышний», «абсолют» в значении безличного Единого, европейская чернь по привычке представляет себе седовласого старичка, сидящего на облаке, закутавшись в простыню и давшего

¹ И тогда ставшему океаном уже не опасны цунами, ставшие его собственными движениями.

людям десять заповедей; или сострадательного бродягу, «умершего за наши грехи»; на худой конец, нечто без облика и имени (бог — это должность), но имеющего конкретный моральный облик, требования к нам и меры воздействия. Этот образ заслоняет от черни всю перспективу (это их проблемы) и превращает их в опасных фанатиков (а это уже, к сожалению, и наши проблемы тоже).

Поэтому мы избегаем употребления этого избитого термина — «бог».

Возвращаясь к четверице как целостности, обратим внимание на интересный факт: те же христиане прекрасно подсознательно воспринимают значение четвертичности, почему и возражают против введения такого принципа в мировоззрение — их вполне устраивает троичный, *иллюзорный* мир. Юнг приводит как пример подобной фанатичности некоего Герарда Дорне, франкфуртского врача и алхимика, возражавшего против основных алхимических принципов (четыре стихии и так далее), «поскольку миром правит Троица, а Четверица — от Дьявола». Даже в Библии бог *не сказал* по поводу второго дня творения, что «это хорошо». Второе — это Иное¹. На второй день он именно *отделил* небо от земли, разделив мир на материальный и небесный, духовный.

В христианской мифологии ясно выделяются следующие четыре сущности, упрощенно:

- Отец — защита + фрустрация + страх, стандартный психологический комплекс;
- Сын — жертвенность (примечание: ассоциация преимущественно с Сыном, а не с Отцом показывает подсознательную инфантильность христианства, но это несколько не по теме данного исследования);
- Дух — абстрактный принцип. Это легко показывается тем, что, в отличие от других составляющих Троицы, он не имеет четкого определения; олицетворяет стремление к «чему-то возвышенному» — *не* знание, но стремление *показать* знание как откровение;
- Дьявол — *действие*.

Как видите, приходим к тому же самому и с этой точки зрения (что неудивительно, поскольку современная западная культура

¹ W.: Как я выше писал, двойка — это еще не Иное; но Единый очень боится перестать быть Единым, и поэтому с его т.з. двойка — это уже нечто «иное».

сформирована на основе христианского мировоззрения и одно от другого, к сожалению, отделяется с трудом.).

Если реальность мира подразумевает возможность действия (что, надеемся, не надо никому специально обосновывать), то здесь же, в реальном мире, находится и Дьявол — *quod erat demonstrandum*.

Объект, не обладающий никакой собственной волей, которая при известных обстоятельствах могла бы быть противопоставлена воле творца, и никакими качествами, которые отличались бы от качеств этого творца, не имеет никакого независимого существования и не способен сам выносить этических решений. В лучшем случае он представляет собой просто часовой механизм, который, чтобы функционировать, должен заводиться Создателем. Вот почему Люцифер, по-видимому, лучше кого бы то ни было, понимал волю Божью, направленную на сотворение мира, и тем самым образом точно исполнил ее, восстав против Бога и превратившись в результате в активный принцип такого создания, которое противопоставляет Богу собственную, отличную от него, волю.

К.Г. Юнг

Если отвлечься от христианизированного контекста, то это можно перефразировать приблизительно так: воля Природы заключается в том, чтобы разумное существо, рожденное природой, *превозмогло* саму Природу. Это указывает на еще один аспект архетипа Сатаны — *превзойти изначальные условия, управлять собственной природой*. Однако из этого не следует необходимость нанесения природе вреда "из принципа" (такое следование просто глупо: «принципы» — следствие/обобщение, а не причина/основа), а также отречения от всего природного (животного) в себе. Надо просто подчинить свое животное начало разумному, а затем использовать, но *не подчиняться самому*.

Животное управляется своими органами, человек управляет своими органами и господствует над ними.

И.В. Гете

Как верно писал Юнг (и не только он), жизнь, будучи

энергетическим процессом, нуждается в антагонизмах, без которых энергия невозможна, так как происходит энтропийное выравнивание всех потенциалов.

Добро и зло — не что иное, как моральные аспекты таких естественных антагонизмов. То, что мы столь напряженно их ощущаем, многократно осложняет человеческое существование. Но нам не избежать этого страдания, неминуемо сопряженного с жизнью.

Однако если посмотреть несколько с другой точки зрения, то можно сделать *иной* вывод: поскольку восприятие определенных обстоятельств, как страдание, неизбежно для *человека*, и при этом не имеет смысла (Вселенная имморальна!) то надо **перестать быть человеком**, что также относится к архетипу Сатаны. Никто не утверждает, что это легко; но этот вывод лежит на поверхности. Естественно, что вместе с этим придется отбросить и некоторые другие черты, характерные для человека — но *si ius periculum, ejusdem commodum*.

Интересно отметить, что процесс индивидуализации неизбежно сопровождается осознанием Тени¹. Помните общепринятое по всему миру убеждение, что «нечистая сила» тени не отбрасывает? А если учесть, что полностью избавиться от нее невозможно по определению, поскольку она составляет часть психики, т.е. существа в целом — остается только ее ассимилировать, осознать, принять как должное, и тогда исчезнут ее внешние проявления; Тень перестанет отбрасываться.

Функционально Тень лежит в основе всякой невротической диссоциации и не может быть принята сознанием до тех пор, пока ее бессознательное содержание не будет принято безусловно. А это, в свою очередь, возможно лишь в случае принятия человеком тенденций, выраженных Тенью (пусть с критикой и коррекцией, но как свои идеи и устремления). Что как раз и ведет

¹ Тень — это две функции, которые лежат в Ид: ограничительная и демонстрационная; а также — компонента личности, содержащая то, что обычно не желает безоговорочно приспособляться к законам сознательной деятельности. Естественно, она имеет характерную антиобщественную направленность, поскольку социумом в первую очередь не одобряются именно индивидуалистические, эгоистичные желания, которые и отвергаются сознанием как «аморальные».

к внеобщественному, внестадному¹ поведению, к независимости от общественного мнения, без которой индивидуализация немислима. Снова процитируем Юнга:

Всякий, кто априорно подчиняется закону и всеобщему ожиданию, ведет себя как тот человек из притчи, который схоронил свой талант. Индивидуализация представляет собой в высшей степени трудную задачу [...] Только лишь словами и удобными самообманами при этом не обойтись: слишком много здесь скрыто деструктивных возможностей. Почти неминуемая опасность — увязнуть в этом конфликте и, стало быть, в состоянии невротической диссоциации. Здесь оказывается вмешательство терапевтического мифа, порождающего разрешающий эффект, даже если нет и следа сознательного понимания. Достаточно — издревле было достаточно — живо ощущаемого присутствия архетипа, перестающего действовать лишь в том случае, когда возможность сознательного понимания оказывается и уместной, и достижимой, а, значит, и должна быть достигнута. Оставаться бессознательным в подобных обстоятельствах просто губительно — однако именно это происходит сегодня с большим размахом в христианской цивилизации².

Таким образом, для среднестадного человека характерен невроз выбора между «хочу» и «нельзя», который приводил бы к психозу в большинстве случаев, если бы не бессознательное понимание, что «если нельзя, но очень хочется, то можно» — как раз в виде терапевтических мифов. Совершенно необязательно быть верующим христианином, язычником, религиоведом или историком, чтобы когда-либо услышать мифы о Прометее и Люцифере,

¹ Нюанс: «А-общественный» (НЕ-общественный) для общества *всегда* выглядит как «АНТИобщественный». «Асоциальный» — верный термин в данном случае — как воспринимается? То-то же.

² Nota bene: «христианская цивилизация» — это не обязательно засилье религии как таковой или теократия в чистом виде, но общество, основанное на христианском базисе, что мы и имеем сомнительное удовольствие наблюдать в так называемых «развитых странах». К сожалению, многие не понимают, что «общечеловеческие ценности» в их современном виде инспирированы именно христианством.

которые занимают надлежащее место в бессознательном¹.

Далее интересно отметить, что именно максимальное *осознание*² архетипа приводит к полной реализации всех заложенных в нем возможностей. С этой точки зрения можно дать психологический критерий сатаниста — это *тот, кто соответствует архетипу Сатаны*.

Обычно это выражается более широко: тот, кто имеет инволютацию к эгрегору Сатаны. Фраза в тексте является психологическим аспектом приведенной здесь. В коллективном бессознательном существует архетип Сатаны, обозначим его как $\Psi \{f_1, f_2, \dots, f_n\}$, где f — это черты архетипа. Строго по списку их перечислить нельзя, но по поводу каждой произвольной черты можно сказать, принадлежит она Ψ или нет. Суть каждой личности (мировоззрение) также можно выразить подобным образом: $S \{g_1, g_2, \dots, g_m\}$. Если Ψ и S отображаются друг на друга взаимнооднозначным образом, то получаем лично Сатану :-)

¹ Несколько не по теме, но все же интересно сравнить с точки зрения психологии мифы о Прометее (язычество) и Люцифере (христианство): один и тот же поступок — бунт против бога — вызывает у верующих совершенно различное отношение. Впрочем, это легко каждый сделает самостоятельно, оценив заодно, какие мифы (языческие или христианские) лучше отражают стремление человека к свободе.

² Естественно, *полное* осознание архетипа невозможно, в таком случае он перестанет быть архетипом, перейдя из бессознательного в область сознательного.

Сера как символ алхимиков

*Посредственный учитель излагает.
Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет.*

У.А. Уорд

Сера издавна ассоциируется с Дьяволом, поэтому наше исследование было бы неполным без рассмотрения теорий алхимиков и того места, которое занимает в них сера.

Сразу предупреждаем читателя: в современном мире есть тенденция рассматривать алхимию исключительно как предшественницу химии без научно-методологического подхода, и не более того. Такой подход является в корне неверным. Целью алхимиков¹ было освобождение духа через материю и материи через дух (не совсем наша терминология, но ладно). Следует говорить то, что алхимия достигла своего расцвета в те времена, когда христианство прочно заняло свои позиции в умах, и многие аллегории связаны с христианскими понятиями. Это всего лишь условные ассоциации с привычным тому времени языковым кодом, не влияющие на суть тезисов.

К тому же алхимия вообще самая туманная наука из всех, оставленных нам в наследство предками. Схоластика со своей тонкой аргументацией, теология с двусмысленностями и парадоксами, сложная, обширная и неоднозначная астрология — все это детские игрушки по сравнению с алхимией. Для того чтобы хоть что-то понять в алхимическом трактате, вы должны знать на очень высоком уровне психологию бессознательного, не говоря уже о собственно химии. Алхимики были кем угодно, только не последовательными мыслителями.

¹ Здесь и далее в главе рассматриваются именно герметические философы, имеющие собственные теории познания. Дело в том, что, помимо них, существовало куда большее количество так называемых алхимиков-суфлеров, у которых не было философской базы, а было просто желание обогатиться — именно они и принесли алхимикам славу шарлатанов, пытающих превратить свинец в золото.

«Ложные алхимики ищут только способ делать золото, а истинные философы жаждут науки. Первые делают краски, поддельные камни, а вторые приобретают знание вещей» — Беккер, *Physica Subterranea*.

Дело в том, что во времена алхимиков собственно химия была практически неизвестна, и область химии стала носителем проекций бессознательного алхимиков. Сами алхимики не понимали этого механизма, концепция бессознательного была разработана гораздо позже, но именно это обстоятельство и приводит к чистоте эксперимента — высказывания химиков следует рассматривать как психологические, высказанные химическим языком. Многие кажущиеся абсурдными с точки зрения химии как науки метания алхимиков¹ выглядят совершенно по-иному, если рассматривать их с точки зрения психологии, чем мы и займемся в этой главе.

Алхимия впервые заявила о себе на земле Египта, в Александрии, где в эллинскую эпоху смешались эзотерические культуры Эллады, Халдеи и собственно Египта. С этого началась эпоха процветания алхимии, которая продолжалась вплоть до времени Лавуазье.

Что же такое собственно алхимия? Алхимия, по словам Парацельса, это наука превращения одних металлов в другие. Сразу обратим внимание, что здесь металлы употребляются именно в герменевтическом, а не химическом смысле, и относятся к реальным химическим элементам так же, как и названия планет в астрологии к реальным космическим объектам², то есть, более обобщенно: алхимия — это наука и искусство трансмутации, причем трансмутация понимается опять же метафизически.

В основе теорий алхимиков лежит представление о единстве материи, которая принимает различные формы, комбинируясь между собой и производя множество новых форм. Первичная материя не есть какое-либо тело, определенная форма, но представляет все возможные свойства³.

Вначале эту первоматерию разделяли на Серу и Ртуть⁴, позже

¹ Например, поиск алкагеста — идеального растворителя, который будет растворять *все*. А в чем его тогда содержать?

² Возможно, кто-то не в курсе: в астрологии знаки Зодиака не совпадают с астрономическими. Они используются как *условные* обозначения — астрология не завязана на звезды, как бы это парадоксально не звучало для не разбирающегося в предмете. Деление тропического Зодиака на знаки определяется не созвездиями, а точками равноденствий и солнцестояний.

³ Сравните с Великой Пустотой буддизма.

⁴ В трактатах писалось Меркурий, а не Ртуть, здесь переведено, чтобы не возникло вопроса, почему химический элемент сравнивается с планетой.

добавили Соль, но она не имела такого значения¹. Как видите, Сера изначально находится в числе двух Сил, аналогично системе Deus/Satanas, рассмотренной нами ранее. Как упоминалось, эти названия нельзя смешивать с общеупотребительными, они представляют известные качества материи: Сера — цвет, горючесть, твердость, способность к соединению, Меркурий — блеск, летучесть, плавкость, ковкость. Солью же называли некий принцип, соединяющий Серу и Ртуть в единое целое. Обратите внимание, что именно Сера считается активным началом, что соответствует концепции Satanas.

Сера, меркурий и соль суть начала, образующие металлы.
Сера есть начало активное, меркурий — пассивное,
мышьяк² — связь, их соединяет.

Roger Bacon, «Breve breviarum de dono dei»

Сера, активное начало, формирующее материю и придающее ей вид посредством движения, которое есть Соль (Actiones).

Что интересно, первичная материя чаще всего изображалась уроборосом, змеем, кусающим себя за хвост (о связи архетипа Сатаны со Змеем будет написано далее).

Собственно говоря, мы не будем касаться Великого Делания с классической точки зрения алхимиков, поскольку тема исследования несколько другая, а сразу перейдем к интерпретации Серы с точки зрения психологии. Приведем еще лишь ряд применявшихся в трактатах синонимов Серы и Меркурия: можете продумать соответствие архетипу самостоятельно. Данные взяты из «Теорий и символов алхимиков» Альберта Пуассона.

Синонимы Серы: масло, солнце, точность или устойчивость, красный камень, кислое молоко, шафран, мак, желтая медь или латунь, сухое, краска, огонь, спирт, агент, кровь, дух, красный человек, земля, царь, супруг, бескрылый дракон, змей, лев, кобель, бронза, философское золото и т.д.

¹ Была введена в качестве третьего начала тернера Василием Валентином, Кунратом и Парацельсом. Ранее о ней писал Роджер Бэкон, но мимоходом. Однако концепция Парацельса, уделявшего Соли специальное внимание, не прижилась, что показывает архетипичность именно системы двух Сил.

² Здесь в значении Соли.

Синонимы Меркурия: женское начало, белое, луна, белое золото, сырое золото, недоваренное, вода, молоко, белое покрывало, белая манна, белая моча, холод, сырость, летучесть, белая женщина, терпение, белый свинец, стекло, белый цветок и т.д.

Примечание: далее в главе широко используется работа К. Юнга «*Mysterium Coniunctionis*»¹ без точного указания ссылок.

Кульминацией Великого Делания алхимиков является соединение в алхимическом браке противоположностей, объединение их в единое целое. Если для первоначал применялись термины Сера и Меркурий, то в этом случае чаще использовались термины Царь и Царица, Солнце и Луна — впрочем, однозначная взаимосвязь между ними очевидна. К примеру, Солнце, как золото², содержит активную серу красного цвета, горячую и сухую. К тому же Сера тождественна огню: «Так знай же, что сера есть огонь, то есть Солнце» — трактат 1566 г. *Ars chemica*. Что интересно, алхимики были единодушны в том, что красный цвет золота придается примесями меди (*Cuprum*), которую толковали как Киприду (Венеру), что трактовалось, во-первых, как трансформирующая субстанция, а, во-вторых, демонстрирует содержание анимы в высшем мужском начале. Краснота, тепло и сухость являются классическими качествами египетского Сетха³, принципа зла, который, как и алхимическая сера, тесно связан с Дьяволом.

Из сказанного о солнечной субстанции (Сера) следует, что в алхимии Солнце — это не столько определенная химическая субстанция, сколько *vitrus*, таинственная сила с воспроизводящим и трансформирующим действием, что, как легко видеть, полностью соответствует *Satanas*.

Сера — это горячий, демонический принцип жизни на Земле, *ignis gehennalis*. Поэтому существует и *Sol Niger*, черное солнце, которое совпадает со стадиями *nigredo* и *putrefactio*,

¹ W.: Сейчас я понимаю, что нельзя изучать алхимию, основываясь на аналитической психологии. Знание таковой весьма полезно, но алхимия — это не только психология, но и оккультная философия. Но это в общем виде, данная глава вполне корректна.

² Напоминаем: это не имеет прямого отношения к химическому элементу *Aurum*.

³ А так же греческого Тифона.

а также состоянием смерти. Как и Меркурий, Солнце в алхимии амбивалентно.

Что интересно, алхимики замечали отношение Серы к человеку. Дорн писал: «С самого начала человек был серой», что указывает изначальность принципа *Satanas* в естественном человеке. Сера — это огонь, разожженный *Sol Philosophorum*, философским золотом.

В общем, можно утверждать, что Солнце (Сера) и Луна — это изначальная пара противоположностей, сознательное и бессознательное соответственно. Характерно, что Сера (*Satanas*) относится именно к сознательному. Как уже писалось, одна из черт архетипа Сатаны — это разумность. Но здесь есть еще один оттенок: «предела не найти, в каком направлении не двигайся» — говорил о душе Гераклит. Сознание может *познавать* бессознательное, но *не познать*, так что предлагается: сознание может познавать бессознательное, что мы и видим в работах З. Фрейда, К. Юнга и других психологов, но обратный процесс — затопление подсознательным сознания до обретения самости — приводит к патологическим нарушениям мозговой деятельности. При этом для обретения самости *необходимо* взаимодействовать со своим бессознательным.

Несколько не в тему, но в качестве иллюстрации приведем цитату:

Несмотря на то, что из всего множества людей, именно Иисусу Христу посвящено наибольшее количество публикаций, исследований, научных работ, до сих пор не удалось отыскать ни одной работы, где давался бы однозначный и исчерпывающий ответ на вопрос: почему Иисус так притягателен для бессознательных масс? То, что такой ответ может быть дан, ясно хотя бы потому, что психология отдельного бессознательного индивида принципиально познаваема. Не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что, появившись подобный человек среди современной бессознательной массы, он стал бы объектом насмешек и издевательств. Канонизированный же его образ вызывает священный трепет у значительной части этой же массы. Как это все совместить? Анализируя только канонические евангелия (про неканонические я вообще молчу) моментально приходишь к одному главному выводу — Христос не был интеллектуалом, и это было его, пожалуй, самой

важнейшей характеристикой, которую ему можно было поставить в достоинство. Он не просто не был интеллектуалом, он был самой известной за всю историю человечества личностью, свободной от всякого интеллектуального влияния, что давало ему колоссальные преимущества, ибо лучше не иметь вообще никаких знаний, чем иметь неправильные знания. Если он и не существовал вовсе, то авторы евангелий представляются людьми во многом гениальными, ибо они сумели такой образ создать и внедрить в бессознательные массы. Христос, таким образом, был идеальным бессознательным индивидом, в проповедях которого массы находили удовлетворение своего мазохического потенциала.

Michael A de Budyon, «Der Fall Russland»

Может возникнуть вопрос: а если соответствием архетипу Сатаны является еще и Солнце, то где вы там находите Тьму? А очень просто: светящаяся масса Солнца есть *Sol et eius umbra*, свет снаружи и Тёмнота внутри. В источнике света хватит Тьмы на бесконечное множество проекций и теней, так как эго как раз вырастает из тьмы $\Psi\Omega\Omega$.

И цель самопознания (обретения самости по Юнгу) состоит в познании и объединении со своим бессознательным, *слиянием с Тьмой*, но никак не бесплодными попытками ее уничтожить, что эквивалентно подрыванию динамитом сука, на котором сидишь.

Итак, мы проиллюстрировали алхимическую эквивалентность Сера = Солнце = золото. Но не менее интересен и аспект амбивалентности Серы: с одной стороны, она — это *prima materia*, и в этой своей форме она сжигает и разъедает, а потому «враждебна» материи, скажем, камня; с другой стороны, очищенная от всей грязи, она и есть материя камня. В целом, Сера является одним из синонимов *prima materia* в ее дуальном аспекте, то есть как и первоначального материала, так и конечного продукта.

В силу своей двойственности Сера является как материальным и земным материалом (мир принадлежит Дьяволу), так и оккультным принципом (знание также принадлежит Сатане). В силу хтоничности она родственна дракону, а тот — змею.

Интересно, что Парацельс в трактате *Liber Azoth* описывает Серу как *linia vitae*, четырехслойную (соответствующую четырем элементам, помните, что четверица — архетип целостности восприятия?), рождающую «дух жизни».

Таким образом, психическим фактором, который проявляется в проекциях алхимических свойств Серы, как показано на перечисленных примерах, является бессознательное обретение самости.

Для обычного человека с его мономышлением подобная концепция кажется абсурдом — как может в одном объединяться одновременно самое «высокое» и самое «низкое»? Но все дело том, что реальный мир многогранен, и у каждого объекта или субъекта есть как минимум две стороны, позволяющие противоположные трактовки восприятия¹.

Интересно, что «разлагающее» воздействие серы, ее активное начало, алхимики (не забывайте, что действовали они в условиях всеобщей христианизированности) понимали как способность к «развращению». Также сера именуется «разрушителем совершенства», «причиной присутствия тьмы в каждом действии», она обладает «порочной силой». Как писал Юнг (*Mysterium Coniunctionis*, §139): «Эти неблагоприятные оценки произвели столь сильное впечатление на одного из адептов, что на полях своего труда к словам *causae corruptionis* он приписал слово *Diabolus*. Эта ремарка говорит о многом: она указывает на многоплановость роли серы, ибо сера является "Люцифером" и "Phosphorus" (носителем света)...».

И еще одно немаловажное значение Серы — это фактор мотива в сознании, *активный движущий принцип*, динамизм бессознательного, тяга к познанию, что изначально должно быть свойственно человеку. Однако вокруг легко видеть тех, кто формально принадлежит к людям, но не содержит в себе живительного тепла Серы, поскольку из-за неумения правильного обращения с внутренним огнем боятся пожара. Когда вы видите пустые глаза обывателя, живущего по принципу «родился сам — помоги другому» и удовлетворению желудочно-кишечного тракта, то в них нет ни огонька, ни искорки — там отсутствует элемент Огня, сущность Серы, принцип *Satanas*. Как писал Шри Ауробиндо: есть только две формы жизни — горение и гниение.

¹ Не путайте это с диалектикой Гегеля. Многогранность восприятия не приводит к абсурду гегелевской концепции «А равно не-А». «Когда гегельянец впадает в явное противоречие, тогда он говорит: "Теперь мы приходим к тому моменту, когда понятие переходит в свою антитезу". Хорошо было бы, если бы и на суде можно было так изворачиваться!» — А. Шопенгауэр

XV Аркан

Спасение утопающих — дело рук... не моих и все!

К. Смирнов

Оккультное понимание Дьявола не может быть полным без раскрытия символики Таро — ведь этот инструмент мантики как раз и создавался с использованием архетипических образов. Впрочем, Таро — это не только и не столько «инструмент мантики», его точнее называть философской системой или символическим кодом, который только впоследствии стал инструментом мантики (а потом даже выродился в игральную колоду).

Пятнадцатый Старший Аркан так и называется: «Дьявол». Он в известной степени повторяет первый Аркан¹, но в его теневом, Тёмном воплощении. С другой стороны, он напоминает V Аркан — Папу. На изображении Аркана перед Папой изображены два священнослужителя, рука поднята в жесте благословения. Папа олицетворяет власть внешней религии: «Это, скорее, *summa totius theologiae*, перешедшая в крайне закостенелую форму» © Артур Уэйт.

Некогда по традиции ученик знакомился только с первыми семью Арканами. Считалось, что дальнейшее может постигать лишь посвященный и на этом этапе полагалось либо посвятить ученика, либо отторгнуть его от себя. С XV-го Аркана начиналось обучение уже серьезных посвященных, на деле доказавших свое стремление постигать новое. Собственно, одна эта карта может служить темой для небольшой диссертации, если вдаваться в детальный анализ всей иероглифики, символики и архетипики.

Иероглиф Аркана — стрела, летящая по кругу (вихрь). Это уже третья из стрел — иероглифика Арканов достаточно часто обращается к стрелам. Каждая из этих стрел имеет свой смысл. Причем, если вспомнить нулевой Аркан² и сопоставить его с VII³

¹ Первый Аркан носит название «Маг»: символ человеческой воли, действия индивидуума.

² «Дурак». Иероглифом его служит стрела в колебательном движении, она отображает малость и незаметность колебаний, могущих, однако, привести к существенным впоследствии изменениям.

³ «Колесница». Иероглиф — стрела в прямом полете. Это первая из стрел Таро (см. нулевой Аркан и его символику). Здесь важно понимать, что стрела

и XV, то колебательное движение его стрелы это как бы попытка выбора между двумя движениями: прямой и целенаправленный удар или вихрь, подбирающийся подспудно, но более разрушительный, более тотальный, нежели прямой удар. Иногда иероглиф возводят к образу змеи.

Архетипика XV-го Аркана сложна и глубока. Прежде всего, архетип вихря — это Вселенская энергия, Вселенское движение, Первовихрь Хаоса. Т.е. то, без чего невозможно существование не только ничтожного в плане бытия рода чело-

веческого, но и самого бытия как такового. Первовихрь символизируется Змеем (тем самым, который в раю приторговывал фруктами). Имя же его вполне говорящее — Nahash¹. Далее, постоянство этого вихря означает неизменную Логичку в реализации архетипа этого. Совокупность же всех возможных проявлений вихря (вихрей) суть *Fatum*.

На данный момент «сатанинского варианта» Таро не существует. На иллюстрации изображен соответствующий аркан из гипотетической колоды такого рода².

Перейдем, однако, к графике Аркана. По строгой традиции

уже пущена, т.е. некий локальный выбор сделан и движение (к победе, завершению) начато.

¹ Имя в своей этимологии и архетипе восходит к индийским Нагам (будут рассматриваться далее).

² Художник — Ol'tron

считается, что жертвы дьявола на карте не просто мужчина и женщина, а конкретно Адам и Ева. По той же строгой традиции цепь накинута мужчине на шею, а женщине на бедра, что соответствует сковыванию путем подчинения разума и чувств соответственно. Обычно трактуется, что так Бафомет разделил андрогинное единство человека, но, тем не менее, держит человека в узде рабства¹. Далее полагается, что мужчина, как активное начало, стеснен в своих действиях, а женщина, начало эмоциональное, в своем воображении (не столько в нем самом, сколько в его свободе).

Распространенной трактовкой также является: «...Он означает Стража Порога у врат Мистического Сада, из коего изгоняются те, кто вкусил запретный плод» © Артур Уэйт, но Дьявол в роли стража Эдема... это его явно с кем-то перепутали.

Куда уместнее, думается, несколько иная трактовка. Многие варианты Таро изображают Дьявола в роли кукловода, манипулирующего людьми-марионетками. К примеру: Пан, который играет на свой флейте, а мужчина с женщиной (на поводках) пляшут. Поскольку фигуры на рисунке разнополы и обнажены, то очевидной становится подоплека страсти. Люди находятся в плену своих эмоций или, если так понятнее, страстей. А Сатана, манипулируя ими (страстями и эмоциями) заставляет людей плясать под свою дудку. Отсюда вывод: не хочешь быть марионеткой — учись владеть своими страстями.

Трактовка Дьявола как Пана возникла сравнительно недавно. Ее придерживался Кроули, утверждая, что впервые Пана в Дьяволе «разглядел» Элифас Леви (помните его «бога ведьм»?).

Собственно говоря, не-сатанисты совершенно неверно трактуют наличие цепей как принудительное содержание на привязи. Здесь все тоньше: тот, кто держит на привязи, вполне может отпустить на свободу — но это надо *заслужить*, стать достойным свободы². Цепи на людей изначально были, условно говоря, надеты

¹ Толкование некоторым образом предвзятое, ибо зачем Дьяволу рабы? Но, во-первых, это *традиционное* толкование, важное с т.з. архетипики, а во-вторых, *люди* как раз в большинстве случаев ищут и находят себе господина, так что нарушений логики здесь нет. Другое дело, что *не обязательно* быть рабом — но это знание уже можно считать оккультным, как и то, что сатанисты обычно *не относят себя к людям*. Обратите внимание, что такое построение рисунка не является «единственноверным» — см. далее.

² Если вспомнить, что вся работа посвящена архетипу Сатаны,

богом, а Сатана в силах разрубить их, но редко какое домашнее животное выживет на дикой природе. А, обретя в себе Зверя и соединившись им, человек перестает быть человеком и разрывает цепи сам, как гнилые нитки. Он уже не на привязи у ног Дьявола, а *рядом* с ним; не как раб, но как *соратник*. Также символично «соединение человека и Зверя» видно в трактовке Дьявола как Бафомета — двуполого козлиноголового существа.

Ноги у дьявола на рисунке обычно скрещены — это символ зеркальности восприятия: не зная, прямое или зеркальное изображение мы видим, мы не можем отличить левое от правого. Кроме того, это — «неоткрытость». Закрытость энергии, если хотите — эгоизм. Сравните, к примеру, всегда открытые ладони у изображений на христианских иконах, где руки часто как бы раскрыты в ожидании объятий. Как мы писали, Сатана не стремится принять всех подряд. Козлиные ноги дьявола на рисунке также напоминают о Пане.

Рассмотрим XV аркан из Thoth Tarot Deck от Кроули.

Мужчина и женщина очень явно разделены. Вернее, загнаны в рамки. Однако границы, в которых они находятся, не реальны, а иллюзорны. Гималайский козел, возвышающийся над ними, символизирует власть, которая управляет людьми посредством проведения искусственных различий там, где их нет. «Дьявол» — это Козерог; это Козел, который взбирается на самые крутые горы; это Божество, которое проявившись в человеке, делает его Эгипаном, то есть Всем» © Алистер Кроули.

а архетип — часть бессознательного, становится очевидно, что на цепи страстей человек держит себя сам. Для того чтобы освободиться, он должен избавиться от чел-овеческого в себе.

Причем он не рассматривается только как «Тёмная сила». Рога, которыми он увенчан, достаточно характерны для солярных божеств¹. Кроули замечает, что спирали рогов — это движение всепроникающей энергии.

Да, можно добавить, что карта соответствует еврейской букве Аин, название которой означает «глаз», поэтому козел изображен трехглазым. Его ухмылка трактуется как вселенская ирония.

Карта XV представляет созидательную энергию в ее наиболее материальной форме.

Алистер Кроули

Он находит экстаз в каждом явлении, каким бы по природе отвратительным оно ни было. Он превосходит все ограничения, он — Пан, он — Все.

Алистер Кроули

Если освобождение от ограничений и достигается «силами Света», то дальнейшее бытие невозможно без искусственных манипуляций. Бог есть лишь пронизывающий и поддерживающий все «дух», в то время как Сатана управляет миром.

¹ Кстати, первый аркан — Маг — у Кроули есть в трех вариантах, один из которых тоже достаточно рогат, но при этом «завязан» на окружающую среду, в то время как существо из XV аркана свободно.

Ассоциация Змея с архетипом Сатаны

*Великий змий вселенную обвил
И царствует...*

Майков

В этой главе мы не будем рассматривать библейскую мифологию — как было неоднократно показано ранее, сатанизм куда старше христианства¹.

Достаточно вспомнить змея Кундалини в индийской философии и йоге, или буддийский образ Нага, укрывающего своим капюшоном Будду от дождя. Особый интерес представляет то, что при этом Наг независим от Будды, поскольку его архетип гораздо более древен и шире распространен. В античной Европе змея также была символом мудрости. Она была атрибутом бога медицины, Асклепия, и до сих пор красуется на медицинской эмблеме.

Есть более интересный вопрос: почему был использован именно образ Змея? Вряд ли этот образ был оригинальной иудейской разработкой: религии древности слишком уж переплетаются, заимствуя идеи друг у друга. Вот вопросом восприятия образа Змея мы сейчас и займемся...

...и выясним любопытное обстоятельство: до появления иудаизма (т.е. первого монотеизма) практически во всех религиях Змей символизирует плодородие, Землю, Огонь — т.е. вполне полезные, положительные явления.

Процитируем А. Меня, «Истоки религии»:

Символ Змея достаточно прозрачен. Прежде всего, он связан с представлением о существе низменном², коварном и в то же время грозно-могущественном. Змея подкрадывается незаметно и жалит внезапно; она обладает завораживающей силой. Исконный страх перед змеями живет до сих пор в подсознании человека. В то же время в мифологии древних Змей был распространенной эмблемой языческих божеств. В древних космогониях он олицетворял Бездну. Змей был богом плодородия и одновременно — разрушения и Хаоса.

¹ Ибо он сам и есть Мир, Планета, Земля (стихия). Вспоминая язычество, Велес — Змей (но не крылатый!).

² С т.з. высокодуховного христианского рая. «Реально существующая муха куда важнее предположительно существующего ангела» © Эмерсон.

Что еще более интересно, Змей выступает и как олицетворение знания.

Судите сами: змея — непременный атрибут богини мудрости Афины; олицетворение Знания у гностиков Абракас (Αβραξας) изображается со змеями вместо ног; с головой кобры (или в виде кобры непосредственно) изображается египетская богиня плодородия и урожая Гененутет.

Часто Змей выступает как олицетворение Силы, равной по мощи собственно миру¹: Мидгардсорм у скандинавов; Шеша, держащий на себе Землю, в древней Индии; Мехента в Египте (там еще и некий Апоп проползал, вполне равный богам); сюда же можно отнести Пернатого Змея Кетсалькоатля.

При этом все образы змееподобных божеств и т.п. непременно имеют хтоническую природу, что также роднит их архетип с Сатаной. К примеру, греческий бог врачевания Асклепий, использующий змей как атрибут, связывается также со смертью, с подземным миром. Но Змей на Жезле Асклепия — все же символ мудрости врачевателя, его обладание *окультным*, необщедоступным знанием о Жизни и Смерти. Истоки — архетипический символизм Змея как существа, объединяющего Жизнь и Смерть, являющегося связью между ними — Змей (знание, мудрость) может как исцелять, так и убивать (попутно слегка «пристегивается» и элемент Рока: но что решит сотворить Змей, ведомо только ему и скрыто за его невозмутимостью). Не зря в более поздних эмблемах врачевателей именно Змей держит чашу жизни/обвивается вокруг нее, возвышается над ней. Аналогичная роль у древнеегипетской богини, имеющей отношение ко змеям — Мертсегер. Змей всегда ассоциировался также и с *бесмертием* и возрождением (обновленный змей, сбросивший старую кожу).

В архаических мифологиях он выступает как олицетворение соединения неба и земли (целостность!), чаще всего двойственен по природе (одновременно благодетелен и опасен). Уроборос, преследуя самого себя в бесконечном круге, представляет собой соединение противоположностей. В последующих же «развитых» мифологических системах преобладающей является

¹ Вспомним, что мир часто ассоциировался с Сатаной целиком — вот и прорезаются древнейшие корни этого, если принять связку Змей/Сатана как достоверную.

отрицательная роль, в полном согласии с упоминавшимся ранее принципом демонизации домонотеистических божеств. Сравните, с одной стороны, типичное для древнего времени использование символа Змея как царственного знака — урей у фараонов, аналогичные символы у древних индийцев и майя, и, с другой стороны, монотеистическое восприятие его как символа подземного, потустороннего мира, которого монотеизм явно опасается. Наиболее иллюстративно в этом плане восприятие драконов (тоже змееподобные существа) как мудрых и, в общем-то, мирных существ в Китае и европеизированное восприятие (после воздействия монотеизма) дракона как вредной скотины, которую каждый благородный рыцарь, как только увидит, обязан насадить на копьё.

Также интересен в мифологии образ людей-змей. Если не воспринимать нагов по романам о Конане-варваре (обратите внимание: опять следствия монотеизма налицо), а по древним легендам, то окажется, что индийцы видят в них мудрецов и магов, живущих в подземном мире. Даже буддисты, несмотря на то, что, по их легендам, наги одним взглядом могут принести смерть, относятся к ним вполне лояльно. Причем такое отношение *взаимно* — сами наги, будучи мудрыми, тоже относятся к буддизму вполне благосклонно, более того, сам Шакьямуни до того, как стал буддой, несколько раз перерождался в образе нага.

В общем, мы не можем утверждать, что архетипы Змея и Сатаны были *изначально* связаны. Однако при их рассмотрении наглядно демонстрируется сходство в сравнимых аспектах. И эта связь — *знание*. В каком из культурно-архетипических отражений Змей или Дьявол хотя бы слегка «дебилизированы»? Кроме того, восприятие бессознательного не утруждает себя проверкой истинности фактов. Таким образом, поскольку с появления монотеизма прошло не одно тысячелетие, образы Змея и Сатаны однозначно архетипически связаны; вероятно, архетип Змея как более ранний вошел в «состав» архетипа Сатаны как более «объемного».

Ну что ж, будем мудрыми, как змии.

Хаос и Сатана

Хаос полон чудес и загадок,
Все и вся понамешено здесь.
Говорят: Абсолютный Порядок
Где-то здесь, среди Хаоса, есть!

Flaming Flam

Хаос как противостоящее Упорядоченному имеет однозначные ассоциации с Дьяволом. Хаос — *зияющее, пропасть, тьма* (слово происходит от греческого *χασκω* — «зиять») — в том или ином виде присутствует практически в каждой мифологии. Хаос — это сила более глубокого порядка, чем мир и время. Он существует до и после мира, и окружает его, объемлет в себе все. Неопределенное (не постигнутое), бесформенное, неразделенное, всеобъемлющее — это только некоторые эпитеты, которыми пытаются описывать Хаос. По сути это и есть Тьма, другое ее имя.

Здесь видны параллели с архетипом Сатаны: отсутствие деления на дихотомии и проч., изначальность и соответствие всей Вселенной как «области определения».

Эта *massa confusa*, выражаясь алхимическими терминами, содержит **творческую** потенцию, неудержимую мощь **изменения**; Хаос — это непроявленная суть всех вещей, готовых к овеществлению¹. Хаос часто представляют в виде змея или дракона.

Психологически Хаос соответствует бессознательному², и обретение самости — единение с бессознательным — метафизически выражается постоянным контактом с Сатаной. Это еще не инволютация, но отсутствие неприязни к части своей психики. Бессознательное не относится ни к добру, ни ко злу в любой интерпретации этих терминов, оно — матрица всех

¹ Концепт Хаоса — единственный, который обладает «реально овеществленным» *абсолютным* признаком, и этот признак — полнота. Полнота возможностей Хаоса абсолютна. Так что и с этой точки зрения тоже следует, что Тьма была всегда, и лишь на каком-то этапе, совсем не необходимо (тут необходимость недоказуема, поэтому и отсекается бритвой Оккама) в ней возник Свет. Как одна из реализаций возможностей Хаоса...

² Для исследователей бессознательного оно явно не хаотично, а обладает определенной структурой. В общем, не надо путать Хаос с банальным беспорядком. Хаос обладает своей структурой, но она неподвластна пониманию сущностями Порядка и невыразима в его категориях.

потенциальных возможностей.

Интересно, что имя гностического архонта Илдабаофа в переводе означает «сын хаоса», что представляет интерес в связи с тем, кто кого создал (хотя у гностиков хаос был не изначальным — W.).

И — заметьте — нет ни одного мифа, в котором было бы сказано, что «кто-то создал Хаос». Если принимается концепт Хаоса, как полной бесструктурности, из которой возникает любая структура, то вопрос о «дохаотической» структуре-Создателе просто теряет смысл. Создание — процесс/феномен, безусловно характеризующийся временной координатой (которая, даже будучи самой первой точкой отсчета на этой оси, прекрасно себе *законмерно* удаляется в прошлое). Но время — безусловная упорядоченность, и согласно первому концепту, тоже могло возникнуть только «из Хаоса». Следовательно — все, что экстраполируется на Время, не могло существовать (обладать сущностью) ранее Времени. А Создатель, безусловно, обладает сущностью.

Кстати говоря, в доисторическую эпоху разделения богов по системе отсчета «Порядок — Хаос» точно так же не существовало, как и деления по системе отсчета «Добро — Зло». В язычестве уже наблюдаются некоторое разделение по оси «Порядок — Хаос», или, говоря другими словами, на светлых и Тёмных божеств. Но это разделение еще не принимает законченного вида. Начиная с зороастризма, происходит подмена понятий. Порядок отождествляется с Добром, а Хаос со Злом. Вследствие этого Тёмным богам приписывают *бессмысленное* разрушение. Однако оно далеко не бессмысленно, а уничтожает чел-овеческий мир. Такое разрушение страшит только антропоцентристов, и они же в принципе не способны понять его смысла. Когда доходит до моральных догм, пресловутая диалектика на время «отменяется», и разрушение номинируется однозначно «плохим», «вредным», «злым» и пр., а с психологической точки зрения это равносильно выводу «разрушение является ненужным» — ведь кто будет желать себе зла? Но в природе все стремится к завершенности, и разрушение/деструкция/деструктуризация — обратная, дополняющая сторона созидания/создания и структуры/упорядоченности. Только в паре они обеспечивают **изменение** — движение материи по оси Времени. Т.е. то, что иначе называется — *развитие*. Таким образом, неприятие, отвержение разрушения автоматически является *отвержением развития*, необходимым условием которого это разрушение и является.

С укреплением позиций монотеистических религий деление на

Добро и Зло (ака Порядок и Хаос)¹ приобрело столь законченный вид, что Хаосу (ака Сатана) стали приписывать отсутствие способности к творчеству («обезьяна Бога»). В архетип это не вошло, так как слишком уж противоречит действительному творчеству Дьявола. Вероятно, что выдвигание тезиса «материальный мир — это Зло» произошло именно вследствие понимания того, что природа в обязательном порядке содержит элементы Хаоса. Знали бы бедные мистики того времени о фракталах и странных аттракторах и об их распространенности в природе...

Рассмотрим подробнее Левиафана, ту грань архетипа, которая наиболее соответствует Хаосу.

Левиафан². Он — олицетворение стихии воды.

Вода как стихия сама по себе часто олицетворяет Хаос. В Египте первоначальный Хаос, называющийся Нун, представлялся бескрайней водной гладью, окутанной тьмой. В Шумере знали океан-праматерь — Намму. В Греции сами боги клялись водами реки Стикс, признавая в ней высшую силу. Ряд философов и мистиков, включая Фалеса Милетского, считали именно этот элемент основой. Воды Океана омывают греческую Ойкумену. И позже, вплоть до Колумба его называли Морем Мрака. И соотношение Океан — Ойкумена составляет пропорцию с парой Хаос — Космос. Аналогичное место Океан занимал и в космогонии многих других культур. Если мы откроем первые страницы Книги Бытия, то и тут увидим, что Вода существовала до того, как Элохим приступил к сотворению мира. Прообразом Океана в данном амплуа является не что иное, как Хаос.

И Левиафан, как олицетворение стихии Воды и зверь из Хаоса, известен во многих культурах. Как Лотан он известен в Ханаане, как Тиамат в Вавилоне и древнейших шумерских городах, как Вритра в Индии и т.д.

Как обитателю Бездны ему известно, как обойти очевидные законы этого мира, двигаясь тропами Хаоса, проходящими сквозь него, поэтому он олицетворяет магию.

Среди мифических сюжетов, где фигурируют такие хтонические чудовища, как Левиафан, центральное место занимает борьба персонажа, вознамерившегося стать творцом [мира]; он убивает олицетворение Хаоса и расчленяет, а части его тела

¹ Для этих религий, разумеется.

² Это слово имеет тот же корень, что и «левит».

используются, как строительный материал для возведения Космоса. Смысл этого предельно ясен — чтобы создать Космос, нужно «убить» Хаос (хотя бы в одном, отдельно взятом месте). И, поскольку Космос — это не что иное, как определенная упорядоченность, рассмотренная где-то среди Хаоса, т.е. отделенная от него не физически, а по смыслу, то для его создания и используются то, что *уже содержалось* в Хаосе.

Джеймс Фрэйзер в книге «Фольклор в Ветхом Завете» подробно рассмотрел мотивы ритуальной расчлененки и привел множество примеров. Идея состоит в том, что магическая энергия, пребывающая в организме¹, при разделении его продолжает пробивать пространство, разделяющее части. Этим в пространстве создается поле благоприятного магического влияния.

В мире существует множество легенд, сюжет которых сводится к тому, что жертва была расчленена и захоронена в нескольких местах на периметре города или крепости, сделав ее неприступной. Аналогичный мотив можно усмотреть и в том, что тело Будды было поделено на множество маленьких «порций» и захоронено в ступах по всему буддийскому миру, обеспечив ему покровительство.

Другие идеи интересуют нас в данном контексте в меньшей степени².

Если перенести эту идею на олицетворяющее Хаос чудовище из «отряда левиафановых», то получается, что весь этот мир питается энергией Левиафана.

Стало быть, не рвется,
Никогда не рвется
То, что на крови.

«Пикник»

¹ Здесь просьба не путать магию в современном понимании и представления о магии на заре человечества, когда создавались эти легенды.

² Вторая идея связана с первой теми же представлениями о магической связи, сохраняющейся между частями расчлененного тела. И эта связь использовалась для поддержания связи между людьми, кланами или объектами. Тут можно припомнить евреям сюжет с расчленением изнасилованной наложницы левита на 12 частей по числу израилевых колен. Есть и еще один мотивчик, но еще меньше касающийся нашей темы — заручение кровным родством с жертвой путем прохождения через нее или между ее частями. Словом, смысл тот же, что и в проползании между ногами всех женщин деревни у обитателей горных областей Новой Гвинеи.

Мы уже начали говорить не об одном Левиафане как о воплощении Хаоса, а о целом их сонме. Первобытный Океан, олицетворяющий Хаос, представляется не безжизненным — он кишит сущностями — чудовищами-левиафанами. Некоторые из них убиваются очередным Демиургом, дерзнувшем навести среди дебрей Хаоса относительный порядок. А его тело, тело элемента Хаоса, служит ему строительным материалом. Но поскольку порядок относителен, то и смерть Левиафана тоже.

Но и от этой «смерти» Левиафан стремится воскреснуть — энтропия Вселенной повышается. И это когда-нибудь произойдет. И тогда «храм человеческих достижений будет погребен под останками Вселенной», говоря словами Рассела.

Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают.

Гераклит Эфесский

Такого рода акт творения явился прообразом практически каждого кровавого ритуала. В космогонических представлениях практически всех культур фигурирует особое время, «дни творения». То была эпоха, когда все было возможно, когда совершались самые невероятные метаморфозы, и любая работа могла быть исполнена не примитивно физически, а благодаря магическим приемам. Творческая энергия, излившаяся на мир вначале, при расчленении Левиафана, постепенно оскудевает: иссякают ресурсы, слабеет сила магов. Для восполнения этой убыли самые древние слои подсознания толкают к повторению тех действий, что привели к созданию Мира. Вакханалия, из которой вытекает зарождение Нового Мира, соответствует Первобытному Хаосу. И родившейся Мир пьет не молоко Кибелы — это диета не для него, а для его питомцев, — он пьет кровь Левиафана, он рождается из него как «чужой», через убийство своего родителя. И эту драму, эту роль, повторяли на алтаре добровольные и подневольные актеры во имя поддержания и омоложения Мира. Это обставляется соответствующими декорациями: мировая ось, алтарь, символизирующий центр Мира, сингулярность «Большого Взрыва», звездный купол, магический круг, отделяющий Космос от Хаоса...

И роль эта доставалась не только людям, но и богам. Очень яркий пример — тантрическая богиня Чиннамаста, связанная

с кровью как жизненной силой. В руках она держит змею и собственную отрезанную голову. Три потока крови, бьющие из шеи, питают двух стоящих тут же йогини и собственную голову. Чиннамаста распределяет жизненную энергию между всеми существами. Тут же вспоминается образ, рожденный на другом полушарии Земли — мексиканская богиня Коатликуэ. То была богиня земли, мать главного бога Ацтеков, персонифицирующего Солнце. Самое известное ее изображение представляет ее с отсеченной головой и фонтанирующей двумя потоками, приобтекающими форму змей, кровью.

Имеется отголосок этого мотива и в описаниях Дьявола. Согласно некоторым описаниям, Дьявол на шабаше воспламеняется и сгорает дотла. Пепел растаскивается ведьмами для приготовления всяческих снадобий. А Дьявол возрождается вновь, посвежевший и обновленный¹.

Сюда же относится и смерть и воскрешение богов младшего поколения, связанных, как правило, с плодородием и загробным миром: Усир (по-гречески — Осирис), Адонис, Иннана и др. и связанные с этим ритуалы — это уже вторичное использование сюжета.

Можно еще сказать о том, какое отношение имеет к Левиафану Ад. Очень часто Ад (= Бездна) воображался как пасть Левиафана, что послужило вдохновляющей идеей многим архитектурным элементам. В качестве пасти чудовища оформлялись порталы, гроты и т.д. Причем эта деталь, конечно, встречается не в одной культурной традиции.

Но не повсеместно акт творения воображался таким кровопролитным, хотя архетипическая идея окроплять кровью начинание и строить на крови чрезвычайно сильна. Тем не менее, кое-где постарались смягчить драму. Например, вместо расчленения выступает разлучение. Один из мифов о творении в Полинезии повествует о том, что сначала Земля и Небо лежали, слипшись, и порожденным ими богам было тесновато между двумя тушами. Вот и разодрали они объятия своих родителей, сотворив пространство между ними.

И Книга Еноха содержит мотив отделения друг от друга Левиафана и Бегемота, которые в состоянии первоначального Хаоса были слиты воедино.

Упомянутый Бегемот — также очень древний космогонический

¹ Как вам параллель Дьявола с Фениксом?

персонаж, чей архетип тесно переплетается с архетипом Левиафана так, что от культуры к культуре они имеют пересекающиеся черты. Он — олицетворение стихии Земли и известен также как Белиал. В Мексике чудовище Тлальтекутли, расчлененное ради сотворения мира, олицетворяло именно Землю. И обезглавленная богиня Коатликуэ, как мы помним, тоже.

Имя Бегемот древнее, специалисты углядывают в нем египетские корни. Однако оно менее применимо в наши дни по сравнению с Белиалом ввиду осадка пошлости, накрывшего его. Средневековые составители демонологических реестров обычно не блистали умом и эрудицией. И вот, Бегемот у них получается одним из демонов, олицетворяющих грехи, конкретно — курирует обжорство. Таким он представлен, в частности, в «Магусе» Баррета. И видок у него отдаленно напоминает индуистского Ганешу — толстопуз с головой слона. (По сути сравнение с Ганешей не зазорно, бог мудрости как-никак). Далее это название получили эстетически неприятные африканские животные. Ну а о том, для кого использовал это имя Михаил Булгаков, мы лучше вообще промолчим.

В противоположность этому имя Белиал (или Велиал) прежде имело не столь выдающееся значение. Оно мелькает лишь иногда в ведьмовских процессах¹. У Вондела этот демон — хитрюга и дипломат. Но это совершенно другой архетип. Ему больше подходит та роль из Книги Иова, где Сатана ловко манипулирует волей всевышнего, побуждая его действовать в нужном ключе.

В заключение: архетипы Хаоса и Сатаны не эквивалентны и не являются подмножеством один другого, а пересекаются. Архетип Хаоса первичный. Он очень близок к архетипу Тьмы (промежуточному по времени возникновения между ним и архетипом Сатаны), как со стороны *порождающей среды*, так и с другой — *сосредоточия*. Главной демаркационной линией служит присутствующая Сатане **разумность** — если Хаос является олицетворением любого разрушения (но *не только* этого!), то для Сатаны разрушение является расчисткой места для творчества или же восстановлением гармонии Вселенной, если где-то развелось слишком много Порядка.

¹ Также его имя мелькает в процессе против маршала Франции Жюль де Рэ. Хотя основным опекуном Жюль назывался другой демон по имени Баррон, Белиал также там фигурировал.

Оккультные нюансы трактовки

Хорошо быть мастером своего Пути и не забывать, кто есть Мастер.

Мы говорим «Путь левой Руки», и вполне естественно, что при этих словах возникает ассоциация то с широкой, не имеющей ни конца, ни краев дорогой, то, напротив, — с узкой, петляющей, полузаросшей (по ней мало кто ходит) тропой.

Однако обе эти метафоры хотя и красивы, но далеко не точны. Сатанизм — не прямая, как по линейке проведенная линия и даже не хитросплетенная горная тропа. Сатанизм — это целый мир, огромная Вселенная, которая не имеет границ для роста и развития. Эта Вселенная гораздо более обширна и всеобъемлюща, чем тот маленький клочок межзвездного пространства, доступный нашему изучению¹, не говоря уже о том жалком шарике из грязи, на котором мы обрели плоть.

Ошибочным было бы считать, что сатанизм — это порождение нашего *земного* мира, чел-овеческого восприятия. Наш мозг лишь воспринимает этот архетип в меру своих способностей и в привычной ему *форме* — причем, чем в более привычные формы облекается восприятие, тем менее точное соответствие получается: Сатанизм никогда не предназначался для чел-овеческого и даже человеческого восприятия².

Действие архетипа Сатаны на наш мир можно расписать соответственно формирующим его принципам, для которых удобно использовать стихийные элементы³.

На простейшем уровне чел-овеческих взаимоотношений Огонь соответствует стремлениям, Вода — эмоциям, Воздух — разуму, Земля — действию.

¹ Чтобы не было кривотолков, сразу объясним, что данная фраза не имеет никакого отношения к «сверхъестественному». Такое понятие бессмысленно по своему определению. То, что наука не может все познать в абсолюте, отнюдь не обозначает непознаваемость любого отдельно взятого факта или явления.

² Вопрос крайне сложен — но по нашему мнению адекватно воспринимать Сатану человек просто не могут; однако эта способность присутствует не только у сатанистов, но у всех сапиенсов, достаточно далеко отошедших от человечности.

³ И опять *четыре* элемента составляют *целостную* картину.

В настоящее время существует множество противоречивых суждений о том, что же такое сатанизм. При этом спор зачастую идет среди людей, знающих о культах Тьмы в лучшем случае понаслышке, нахватавшись по верхам, а обычно — не знающих ничего, кроме инспирированных религионерами страшилок, радостно тиражируемых СМИ любой страны.

Под сатанизмом одни понимают кровавые ритуалы, другие видят в нем бесконечное стремление к познанию, для третьих он неразрывно связан с удовольствиями плоти¹, а иные говорят только о тотальной войне с христианством; при этом часто каждый считает правильным лишь то направление, которое импонирует ему лично, отношение же к другим зачастую пренебрежительное (чем менее понимает в сатанизме такой «адепт», тем более неадекватная реакция на несовпадающую точку зрения).

В действительности же сатанизм — понятие многогранное, включающее в себя множество направлений и их комбинаций, различных принципов, обладающих одной лишь общей чертой — непротиворечивостью по отношению друг к другу. Традиционно Лики Сатаны, соответствующие стихиям, условно считаются основными. В оккультной терминологии сатанизма чаще используются не названия стихий, а Лики, или Имена: Сатана² — Огонь, Люцифер — Воздух, Белиал — Земля, Левиафан — Вода. Обратите внимание, что рассмотрение Сатаны как простой совокупности Ликов в корне неверно — он существует *независимо*, сам по себе; Лики же — это его структурированная проекция на наш мир здесь и сейчас; таким образом он проявляется в реальности.

Стихия Огня — это действие, непрекращающаяся активность, авторитарность. Огненная стихия — область борьбы с властью и борьбы за власть. Ее основные принципы: Вознесение и Противопоставление³.

Стихия Воздуха характеризуется, прежде всего, подвижностью. Основным ее проявлением является стремление к познанию, накопление информации и ее использование, открытие новых горизонтов развития, налаживание полезных для

¹ Так обычно на примитивном уровне восприятия понимают книги А.Ш. ЛаВея.

² Обратите внимание, что «Сатана» здесь используется и как одно из Имен, и как общее название архетипа и эгрегора.

³ Сатана переводится как «противник», вы еще не забыли?

сотрудничества контактов.

Энергии стихии Земли двойственны по сущности. С одной стороны, земля — это символ плодородия и возрождения. Но с другой стороны — это зов мертвых, разложение и гниение. Таким образом, в основные принципы Земли всходит все, что соотносится с вопросами рождения, жизни и смерти. Сначала человек пользуется землей как источником жизнедеятельности и удовольствий, затем сам переходит в фазу, когда становится перегноем, удобряющим землю.

Для энергии Воды основными принципами является глубина, тайна, скрытность. Это область эмоций, тончайших скрытых движений и порывов психики, область всего странного и необъяснимого, выходящего за рамки обычных представлений.

На сатанизм энергии стихий проецируются следующим образом:

Путь¹ Сатаны — это путь Воина² и Императора. В качестве примера можно привести тех, кто главным для себя считает борьбу с традиционным противником лицом к лицу: с христианством и прочими традиционными монотеистическими религиями, создание жесткой авторитарной социальной структуры, инволютируемой эгрегором Сатаны. Конечная цель этого Пути: император³, стоящий во главе сатанинского государства — непобедимого, жестокого и беспощадного к противнику, при этом ценящего своих соратников (но не рабов). Иллюстрация: Спарта на новом качественном уровне, с применением евгеники, генных технологий и прочих достижений науки, с отбором не только по здоровью, но в первую очередь по интеллекту. И направленная не только на завоевание, но и на развитие индивидуумов, составляющих население (это уже проявления других аспектов).

Путь Люцифера — здесь главным является обретение не столько власти, сколько Знания. Это бунт и развитие не в физическом или энергетическом плане, а в интеллектуальном. Основное

¹ Термин «Путь» здесь не обозначает, что, идя по нему, нельзя идти по другому Пути. В действительности не существует «100%-ной» принадлежности, это — всегда комбинация всех Стихий и Ликов. Кроме того, пропорции изменяются со временем и изменением цели.

² Убедительная просьба не соотносить напрямую с «идеальным воином» К. Кастанеды.

³ Однако не стоит трактовать это как власть ради власти. Здесь власть является лишь инструментом работы на развитие эгрегора.

стремление следующих Путем Люцифера — интеллектуальное совершенство. Их цель — обретение и распространения Знания без каких-либо ограничений. В идеологическом плане они являются философами сатанизма¹. Конечная цель²: ученый либо философ мирового уровня. Иллюстрация: а хотя бы небезызвестный доктор Менгеле³ и Фридрих Ницше.

Белиал. Здесь мы сталкиваемся как раз с теми проявлениями сатанизма, которыми традиционно пугают детей, старух и умственно неполноценных истериков. Это область кровавых ритуалов⁴, некромантии и необузданного секса. В среде обывателей этому аспекту уделяется повышенное внимание, а многие из сатанистов пытаются от этого отмежеваться. Но, тем не менее, он существует, и с этим необходимо считаться. Для следующего путем Белиала характерной является работа с энергиями жизни и смерти, причем плавно перетекающих друг в друга, иллюстрация: некромантия и жертвоприношения. Аспект Земли как символа возрождения и плодородия выражается здесь

¹ Метафора: Змей в Эдемском саду.

² Не в смысле «дойти и успокоиться», а «стать de facto и продолжать развиваться».

³ Доктор медицинских наук (B. Clin. Med, M.D. PhD) Менгеле отнюдь не выводил в концлагере «улучшенную породу людей», как принято считать (хотя бы потому, что из «недочеловеков» сверхчеловека создавать нелогично), а просто ставил опыты на заключенных. Что характерно, результатами опытов пользуются во всем мире, несмотря на громкое «фу!» в сторону методов получения результатов. Разрабатывались же, к примеру, методики по согреванию пострадавших от гипотермии и по пересадке кожи. Другие достижения Dr. Mengele: установление взаимосвязи между малыми и существенными отклонениями фенотипа при наследственной патологии, близнецовый метод исследования в генетике человека, исследования токсических эффектов ряда соединений (угарный газ, фенол, формальдегид, цианиды, аконитин) с доказательством того, что действие данных соединений идентично на однойцевых близнецах. Кроме того, он внес существенный вклад в теорию и практику переливания крови. И все это было сделано за каких-то три года (1942—1945). Вот как продвигают прогресс эксперименты на людях. На крысах, чтобы достичь подобных результатов, понадобились бы десятилетия, если не более. Разумеется, контингент для опытов подбирался некорректно, но мы говорим про науку или занимаемся морализациями на этические темы? Скажем, те же опыты можно проводить на преступниках либо умственно отсталых особях. И, обратите внимание, здесь нет получения удовольствия от жестокости — это есть лишь осознанная необходимость.

⁴ А многие ли в курсе, что сатанисты проводят магические ритуалы именно на *собственной* крови?

в оргиастических ритуалах, где сексуальная энергия выплескивается без границ в любой форме, что обыватели часто относят к извращениям. Символами этого направления являются жрец, совершающий жертвоприношения, и храмовая блудница: мужчина, приносящий жертву во имя Тьмы¹, и женщина, отдающаяся во имя Тьмы. Следует учесть, что под покровительством Белиала находятся и более «тонкие» структуры циклов жизни и смерти; к примеру, инициация сатаниста — осознание его тем, кем он является на самом деле — неизбежно проходит через стадию танатоса в той или иной форме: умирает чел-овеческая сущность (часто — в муках, так как ее, образно говоря, приходится рвать по кускам с еще живого), и рождается новая, сатанинская сущность в прежнем физическом теле. Как бы ни был плавен в некоторых случаях такой переход, смерти и возрождения избежать не удастся, а это и есть область действия Белиала.

Путь Левиафана — это область магических воздействий. Да, как мы могли не написать об этом раньше? Конечно же, **магия** имеет к Сатане самое прямое отношение². Просто магия — это одна из составляющих Знания, но, возможно, это не всем очевидно³. Идущий по этому Пути едва ли будет стремиться к открытой власти и вообще выставлять себя напоказ, но часто будет тайным правителем (но чаще всего этот аспект не представляет интереса), его сила основывается на оккультных знаниях и практиках. Это маги, психологи⁴, медиумы и т.д. Они работают, выражаясь относительно общепринятой терминологией, «на тонком плане», их Путь — это путь магических опытов над миром, над окружающими и над собой. Зачастую их работа сама по себе не видна невооруженным глазом, но зато хорошо видны результаты

¹ См. стр. 284.

² Поскольку любое магическое действие есть, прежде всего, *изменение*, оно попадает именно под юрисдикцию Сатаны. Это к вопросу о «белых», «серых» и прочих магах, которые все пытаются разобраться, кто кому сколько раз должен «ку!» делать в зависимости от цветовой дифференциации магических штанов.

³ Благодаря профанации термина «магия», причем не только в настоящем, но и на протяжении веков. Но лекции по оккультизму выходят за рамки данной работы.

⁴ Психология относится к Малой Магии (согласно классификации ЛаВея). Вообще, «оккультный» переводится как «тайный, скрытый», а вовсе не какой-нибудь «сверхъестественный». Т.е. оккультисты — это те, кто владеет знаниями и практиками, неизвестными большинству.

этой деятельности¹. Идеальный вариант: маг, вносящий при помощи своей работы серьезные изменения в мире, или медиум, являющийся прямым проводником Тёмных энергий.

Все вышеописанные варианты не являются в чистом виде, они всегда смешаны в различных пропорциях, отношение которых меняется со временем. Повторим, что ни один из Ликов Сатаны не антагонистичен другому.

Для полноты картины можно уделить внимание тому, что Тёмный Путь доступен далеко не всем, и становиться на него, не имея способностей, чревато. «Перестаравшись», можно получить вместо инвольтации к эгрегору подчинение таковому, и через такую жертву эксперимента пойдет сброс низкоуровневых, «грязных эманаций»², «канализационная система» в применении к эгрегору. В результате произойдут по большей части необратимые сдвиги психики со всеми последствиями: маниакальная страсть создать свою секту и в ней властвовать (Сатана), закапывание вглубь всеразличных источников знания без осознания действительной их ценности, принятие на веру средневековых гримуаров и т.п. (Люцифер), маньяк-убийца или нимфоманка (Белиал), занятие магией до полного отрыва от реальности (Левиафан). Так что, Сатанизм — это вовсе не увлекательная игра, в которую можно поиграть, и бросить, когда надоест.

Как иллюстрация — пришедшее письмо (имя автора мы опускаем):

Пусть тупоумные ублюдки и просто глупые граждане люди знают, что сатанизм — это тяжелая ноша.

Я по своей глупости решил поиграть, представив это для себя очередной игрой. Очередным этапом самосовершенствования. Я — полный дурак и идиот. И был за это жестоко наказан. Потому что игры с Сатаной недопустимы. Здесь все серьезно. Вы сразу почувствуете изменения в своей жизни.

¹ Для воинствующих *псевдоскептиков* (сциентистов и кондовых материалистов): результат магической работы *всегда* можно объяснить «случайным совпадением», так что успокойтесь.

² Термин **ОЧЕНЬ** условный — что имеется в виду ясно, а изобретать четкую терминологию ради одного нюанса бессмысленно. Впрочем, это даже не термин, а просто речевой оборот. К сожалению, человеческий язык слишком искажает первичную информацию, чтобы выразиться четко и однозначно.

Любой Ваш идиотский шаг отзовется на Вас. Так как он отозвался на мне. Или еще хуже. Вся моя жизнь покатила к черту. Из-за того, что я метался. Я никак не мог сделать осознанного выбора. Мне были понятны и ясны идеи сатанизма, однако я продолжал вести убогую жизнь обывателя. Моя внутренняя сущность взбунтовалась. Вся моя жизнь пошла наперекосяк. Неудача за неудачей. Нельзя сворачивать с Левого Пути, потому что пути назад нет.

Если у меня хватит смелости, я пущу себе пулю в голову. И умру. Если не хватит — останусь на всю жизнь тупым неудачником. Я увидел Тёмную сторону жизни, людей и вещей. Мне стало страшно. Я не смогу вновь выйти на этот Путь. Я оказался слабаком. Я хочу умереть и кануть в небытие, чтобы ничего не видеть и не слышать больше. Прежде, чем играть в игры с Сатаной — подумайте! Вы играете в игры с Тёмной половиной самого себя. От самого себя Вы потом никуда не убежите и не спрячетесь.

Второго шанса не будет, и прощения просить будет не у кого. Так что начинайте думать уже сейчас. Никаких «если» и «бы» на этом Пути быть не может. За все надо платить, и дорожке всего обходятся глупость и грубость.

Филология и фольклор

Бог есть Любовь. Любовь зла, слепа и заражает венерическими болезнями. ©

Что интересно: наши выкладки подтверждает и народная сермяжная (она же посконная, домотканая и кондовая) правда¹.

Искать сборник фольклора² с пословицами типа «Распух, как поп на пасху» или «На бога надейся, а сам не плошай» как-то лениво. Давайте просто ограничимся перебором простейших прилагательных и анализом их смысловых оттенков.

Начнем с божественного — что там у нас есть? В положительном плане, пожалуй, разве что «божественная красота». Вполне устойчивое словосочетание. Ладно, а что есть еще? «Убогий»³ — хорошее такое слово. Обозначает человека, больного на всю голову, с которой не дружит, поскольку дружить хочет исключительно с богом. «Блаженный» — тоже замечательное состояние; видимо, это убогий, добившийся у бога взаимности. Впрочем, это слово происходит не от «бога», так что пропустим. «Наказанье божье» — слышали такое? Иногда про детей говорят. Тоже значение не шибко положительное. Ну, вроде даже и все... Разве что кого-то обзовут «богоподобным» — но тоже исключительно за внешность⁴.

А теперь *audiatur et altera pars...*

С чего мы там начинали? С красоты? Так «дьявольски красив» — тоже вполне устоявшееся словосочетание, ничуть не хуже, чем «божественно», только красота более хищная, а не

¹ Что и должно быть в случае соответствия нашего описания архетипу.

² Кстати о фольклоре. Попробуйте вспомнить *хотя бы одну* русскую народную сказку, которая положительно отзывалась бы о христианстве.

³ Строго говоря, это слово еще языческого происхождения и представляет собой антоним к слову «богатый». Т.е. корень — один, значения — противоположные. Богатый — наделенный богами. Убогий — обделенный. Смысл тот же, который имел в виду Диоген Синопский, ответив обывателю, спросившему, верит ли он в богов: «Как же могу в них не верить, если тебя не могу назвать иначе, как богами обиженным». Но в православном искажении это понятие, действительно, приобрело значение «у бога на особом счету». Бьет — значит, любит...

⁴ Да и то, имея в виду богов из языческих пантеонов. Яхве и Аллах, судя по всему, красотой не особо блещут, если так упорно не показываются. А про Иешуа как «идеал красоты» и говорить смешно.

как у агнца. А что еще ассоциируется с прилагательным «дьявольский»? Дьявольски хитер, умен, обаятелен, соблазнителен... Много всего «греховного». А если абстрагироваться от проповедей церковников — то весьма полезные качества. Можно обобщить: термином «дьявольский (сатанинский)» обозначаются выдающиеся качества, при этом они *не имеют морального разделения* — дьявольски умный может быть одновременно сатанински жестоким. Так что даже из филологии можно сделать вывод, что термины добро/зло к сатанизму не имеют отношения, в отличие от совершенствования в выбранной области. Ну и напоследок: сравните с приведенным в предыдущем абзаце термин по отношению к маленьким детям: «чертенок, дьяволенок» — эдакий милый шалунишка, не то что «наказание божье»...

Таким образом, что бы ни пытались вколотить народу в сознание церковники, даже в языке явно чувствуется подсознательный приоритет «дьявольского» над «божественным».

Что интересно: нет словосочетания «дьявольски мудр». Почему? А элементарно: мудрость с точки зрения народа (кто и придумывал устоявшиеся словосочетания) всегда была связана с законами и традициями *общества*, а Дьявол асоциален. Поэтому он просто не может быть мудрым с точки зрения тех, кто первичным благом считает не личную пользу, а общественную. Можно возразить, что мудрецы по обыкновению в фольклоре — отшельники, которых нельзя назвать социальными. Однако, архетипически интересна не их прописка, а те мудрые советы, которые они изрекают — и направленность их однозначна. Кто-нибудь может вспомнить легенду о мудреце, который советовал бы разрушить общепринятые социальный устои и построить что-то новое, более целесообразное?

Существует вполне конвенциональное понятие мудрости. Мудрость не имеет отношения к интеллекту. Это — обладание богатым и разносторонним ситуационным опытом в сочетании со способностью этим опытом воспользоваться. Воспользоваться в актуальной, новой ситуации, причем воспользоваться вполне конкретным образом — разрешить ситуацию так, чтобы это имело как можно меньше неблагоприятных последствий. Таким образом мудрость — вполне самостоятельный феномен, по крупному счету ничего не говорящий о том, что ситуация должна разрешиться победой или успехом. Мудрое поведение — это

поведение *без последствий*. Важен только такой, а не какой-нибудь иной результат. В результате мудрого поведения, например, поражение может быть более подходящим, чем победа. От интуитивной способности (таланта) избегать неприятностей мудрость отличается тем, что она достигается благодаря большому опыту разрешения сходных конфликтов в прошлом и умением этим опытом воспользоваться должным образом. Более того, «мудрец», «хранитель народной мудрости» — социальная роль стариков в патриархальных обществах. У них уже утрачена гибкость интеллекта, у них уже по мелочам страдает память, но они — обладатели приличного опыта разрешения ситуаций, и тем ценны для племени приемлемой (невысокой) социальной организации. В контексте книги — Дьяволу (интеллектуалу) не особо критична «мудрость прошлых бед». Остро заточенный интеллект не разрешает ситуаций, а стремится их конструировать и контролировать. Форс-мажорные (неконтролируемые) ситуации всегда уникальны. В этом смысле они не имеют равных прецедентов. И способность быстро и верно проанализировать ситуацию и принять решение в подобных случаях гораздо предпочтительней настойчивого поиска сходных проблем в прошлом. Таким образом, «дьявольский разум» — творец ситуаций и отношений. А мудрость, «база прецедентов» — всегда вторична в креативном плане, она нужна и важна на этапах обучения и тренировки разума (т.е. самых ранних) как пример для анализа или образец. По-настоящему острый разум готов любую ситуацию разобрать как «впервые случившуюся», оригинальную. Ему уже нет нужды искать решения «по подобию»¹. Да и вообще остепенная гностика — удел обучения и научения. Это — не дискредитация прошлого опыта, это — определение ему адекватного места. Как полигона для изучения и обучения, но не как панацеи от всех бед. *Non omnia possumus*, но тому, на что мы способны в постоянно меняющемся мире, мы обязаны не мудрости, а интеллекту.

При этом даже не имеет смысла подробно раскрывать вечную проблему, постоянно приводящую «мудрецов» к серьезным

¹ Что интересно — очень часто защитники традиций, норм, стандартизации и прочего приводят как аргумент тезис «ну нельзя же каждый раз рассматривать ситуацию как новую, надо иметь готовые решения на стандартные случаи!». Ну что можно сказать... Если тренироваться думать, то потом привыкаешь, и процесс становится безболезненным.

обломам — индуктивная экстраполяция прошлого опыта на актуальные проблемы попросту ненадежна.

Выше мы рассмотрели устойчивые сочетания в русском языке, русский же фольклор не обращает внимания на Сатану лично, ограничиваясь мелкой нечистой силой, причем эти истории сохраняются еще с языческих времен¹. Отрадно, что русичи так и оставались внутри язычниками, не обращая внимания на христианскую мифологию, но архетипы не ограничиваются национальными рамками.

В европейском фольклоре Дьявол часто выставлялся в виде некоего простачка — достаточно распространены истории, когда некто обводил его вокруг пальца. Классические примеры методов: пообещать душу, когда догорит свеча, и задуть ее (а иногда — съесть), пока она горит; пообещать душу кого-то, кто первый пройдет через некое место и пустить туда животное и т.д. Кажется бы, эти фольклорные произведения выбиваются из логики нашей работы, но необходимо учитывать, когда и зачем они писались. Средневековые народные истории очень часто повествуют о том, как смекалистый бедняк дурачит богатых и гордых, а Князю мира сего не откажешь в богатстве и гордости. Если учесть средневековую пропаганду о Дьяволе, то становится ясно, что подобные истории персонифицированы на Дьявола из-за желания избавиться от страха перед ним, нагнетаемым церковниками, а свое происхождение они ведут от стандартных народных сказках об одураченных великанах, троллях и т.д. Из этих сказок следует интересный вывод: *Дьявола не хотели бояться*².

Таким образом, подобные истории архетипически связаны не

¹ Есть много русских сказок, описывающих, как некто затеял тягаться с чертом, ведьмой и т.п., но украдкой крестится и вся сила его противников остается втуне. Однако здесь жест используется сугубо как магический, ни о каких призывах всевышнего и проч. речи не идет.

² Здесь нет противоречия с написанным на стр. 133. Да, Дьявола *подсознательно* не хотели бояться, но при этом пропаганда церковников вызывала *сознательный* страх обитателей, который постепенно перетекал и в подсознание. А фольклорное, анекдотическое решение проблемы любой «страшилки» универсально и существует с древнейших времен. Всегда общественный юмор противостоял, и *успешно* противостоял общественному страху: анекдоты про Гитлера, Сталина, КГБ и пр. еще на памяти поколения, заставшего это в оригинале.

с Сатаной, а со стремлением народа к лучшей жизни, со стремлением хоть в чем-то, хотя бы в байках выйти из-под реально существующего давления — будь это пресс церковников, тиранов или обстоятельств. Сатана же в них — даже не символ, а лишь имя, взятое из привычного окружения.

Что интересно — одновременно, начиная с XII века, начали появляться «Письма Сатаны», которые стали широко распространённым явлением в XIV веке. Их содержание было сатирой на извращённые нравы церковников (в первую очередь римской курии), а во время своего расцвета — предоставление инструкций в риторике. Даже здесь Сатана действует на пользу Знания. Самым знаменитым было «Письмо Люцифера», датированное 1351 г.: «...всем членам нашего королевства, сыновьям гордыни, особенно князьям современной церкви...».

Аналогичные произведения, обличающие церковь со стороны Сатаны, появлялись и позже: наиболее известны «Письма с Земли» М. Твена.

Однако есть раздел фольклора, скорее церковного, чем народного, который представляет собой интерес. Речь идет о стандартном представлении о заключении договоров с Дьяволом. Обратимся к двум классическим и наиболее известным историям.

В V веке св. Иероним изобрел историю о св. Василии. Некий мужчина, влюбленный в девушку, решает добиться ее благосклонности при помощи колдуна. Выполнив его инструкции, герой рассказа отрекается от Христа, на что Дьявол (вполне резонно, как мы увидим далее) замечает: «Вы, христиане, всегда приходите ко мне, когда вам нужна помощь, но затем пробуете раскаяться, полагаясь на милость Христа. Я хочу, чтобы мы заключили сделку письменно». Все делается к обоюдному согласию, подпись ставится, девушка падает в объятия возлюбленного, но приходит обломщик-отец, который желает, чтобы его дочь стала монахиней. После некоторых хитросплетений сюжета всплывает история с договором и происходит то, что нас интересует — все хитро идет при помощи св. Василия.

Вторая история, появившаяся в VI веке, отличается не принципиально. Легенда о Феофиле повторялась в разных вариантах практически на всех языках на протяжении многих веков. Герой повествования был священником в Малой Азии, которому предложили сан епископа. Он сначала отказался, но затем пожалел о своем решении, так как новый епископ лишил его всех

привилегий. Тогда Феофил взаблакал мести и обратился к волшебнику¹, который взялся помочь ему поговорить с Дьяволом. Разговор, как и в предыдущем случае, завершился к обоюдному удовольствию, но когда Феофилу намекнули, что пора бы и расплатиться по долгам, тот в ужасе кинулся к богومатери, каясь на бегу. Естественно, та оказала ему протекцию, Феофила простили, а издержки по выполненным обязательствам контракта Дьяволу никто не возместил.

Спрашивается: кто здесь, собственно, князь лжи и все такое?

Фольклор хранит в себе еще много занятного. Так, в сюжетах религиозного фольклора уже давно крещеных или обрезанных народов еще не столь давно можно было наблюдать роль Дьявола близкую по значению, равную или даже превосходящую роль Бога². Соответствующие мифы и легенды имели хождение в народной среде среди мордвин, трансильванских цыган, финнов, болгар, вогулов, буковинцев, украинцев, русских, а также алтай-кижи, бурят, якутов и т.д. Они представляли собой отголоски языческих мифов о сотворении мира Чернобогом и Белобогом, сохранившиеся за 7-8 веков непримиримой борьбы церкви с ересями благодаря популярности этих сюжетов.

Обычная вводная таких рассказов звучит примерно так: «Вначале были Воды, и над Водами носились Бог и Дьявол». И затем именно Дьявол осуществляет творение, ныряя за горстью Земли на дно Океана.

Вариации были в разной степени обидные то для Дьявола, то для Бога.

В одних случаях под влиянием дальнейшего христианского господства сюжет исказился, и Дьявол был разжалован в слугу, которому Бог поручает Творение. И возникновение Дьявола связывают то с плевком Бога, то с его Тенью, которой он приказал: «Восстань!».

Зато в других вариантах Бог выглядит чуть ли не жалким: он страдает от одиночества, сам признается в своей неспособности сотворить Мир и призывает для этого Дьявола.

В варианте трансильванских цыган Бог не знает не только, как

¹ Согласно легенде, волшебник был евреем, в связи с чем эта легенда в свое время весьма способствовала антисемитизму.

² Здесь Бог с большой буквы, так как это — *персонаж*. Также написано Зло (с большой буквы), когда имеется в виду соответствующий архетип и «зло» (в кавычках), когда речь о моральной категории.

создать Мир, не знает даже, зачем это нужно. В отчаянии он швыряет свой посох, и тут появляется Дьявол. И обрадованный Бог вопрошает у него, как можно создать Мир. Это немножко напоминает то, что называют договором с Дьяволом — когда берутся за непосильное предприятие и призывают на помощь Дьявола, закладывая ему душу. Похоже, судя по фольклору, первым, кто прибег к такому контракту, был сам господь-Бог. Из чего вытекает, что душа его с потрохами принадлежит Дьяволу.

В других легендах, например болгарских, есть то, что можно было бы назвать с подачи Мирчи Элиаде «божественной глупостью»: создав Землю, Бог спохватывается, что не осталось места для Вод, и, не зная, как разрешить эту космогоническую проблему, посылает ангела войны к Сатане за советом...

Мотив космогонического бессилия Бога взаимосвязан с другой темой: неведением Бога относительно происхождения Дьявола. Иносказательный смысл этого заключен в том, что Бог не имеет никакого отношения к происхождению Зла. Он не знает, откуда происходит Дьявол, следовательно, не отвечает за существование «зла» в мире. В сущности, это — отчаянное усилие отмежевать бога¹ от того факта, что в мире существует «зло».

В заключение отметим одну забавную и малоизвестную ассоциацию. Представление об Аде как о холодном, а не жарком месте было отнюдь не редкостью — вспомните хотя бы вмерзшего в лед Сатану у Данте. Бонаventura в «Толковании из Экклезиаста» также помещал Ад на севере. Кроме того, север всегда ассоциировался с мраком (Тьмой).

В результате получается весьма интересная ситуация. Как писал Дж. Рассел в своей книге «Люцифер»: «Его [Дьявола] любимое место — Лапландия, там он ездит на оленях». Если до вас еще не дошло, то Дьявол может носить красный мех (шубу), летает по воздуху (в т.ч. на животных), также он может быть черного цвета (Санта проникает в дом через дымоход). Кличка же, распространенная в Европе — Old Nick — напрямую ассоциируется со св. Николаем, также известным как Санта Клаус. Традиционные же подарки, приносимые им детям, представляют собой плоды, орехи, пирожные и прочее съедобное/вкусное, что связано с культом плодородия, который вследствие антижизненности христианства стали относить к Сатане.

¹ А здесь «бог» уже не имя, а должность (ну или видовое наименование).

Иконография Дьявола

Для Дьявола не было ни одной простой застывшей формы; вместо этого было разнообразие иконографических типов.

Роберт Хьюз

Вопрос иконографии Дьявола — подобие вопроса о его архетипе в целом. Тут и естественные черты-символы, действительно имеющие отношение к архетипу, и вульгарные трактовки, и попытки обезобразить.

Стержень портрета Дьявола представляет собой область пересечения черт, которые приписываются ему последователями и избегателями. Только для первых эти символы мощи, а для вторых — ужаса. Другие мазки наносятся на портрет его противниками с целью отвращения.

Чтобы придать кому-либо великий и/или ужасный вид (есть объединяющее понятие — чудовищный¹), чел-овеческая фантазия прибегает к следующим очевидным приемам:

1. Увеличение размеров. Обычно Сатана воображается гигантом, хотя представители враждебных ему конфессий иногда и стремятся представить его мелюзгой (не так страшно).
2. Увеличение количества членов. На Дьяволе этот прием применяется относительно нечасто. Лучшей иллюстрацией ему может служить индуистский пантеон, богатый многоголовыми, многорукими, многоглазыми и т.д. персонажами. С помощью этого подхода обгадить сложно. Даже двойной-тройной пенис, упоминающийся христианскими демонографами, не является для нас порочащей деталью.
3. Заимствование подходящих элементов, например, у животных. Тут возможно два подхода. Во-первых, Дьявол наделяется чертами хищных и опасных животных,

¹ При этом восприятие образа нуминозно. Характерной особенностью *человеческой* психики является ярко выраженная нуминозность переживания контактов с архетипами. Причем это относится не только к «Тёмным» богам и т.п. — вспомните легенду о Семеле, влюбившейся в Зевса, и умершей при виде его величия, когда тот ей явился. Сатанинское же восприятие неизведанного не содержит страха.

с чем согласны обе стороны. Во-вторых, недолюбливающая его сторона любит замешивать сюда же гены зверей, кажущихся им просто несимпатичными и гротескными: свиней, обезьян и т.д.

Некоторым чертам портрета придается разная трактовка его сторонниками и противниками. Например, трехликость Дьявола на некоторых изображениях христиане склонны воспринимать как передразнивание троицы. Но наличие многоликих Брахмы, Ругивита, Гекаты и других древних божеств, многие из которых имеют к архетипу Сатаны непосредственное отношение, сводит такие соображения к нулю.

Как и с архетипом в целом, с иконографией мы не должны попасться на провокацию оппонентов, настаивающих на христианском происхождении как сущности, так и внешности Дьявола. Культурно мы принадлежим в наибольшей степени Европе, а она уже много веков больна христианством. Поэтому демонографию христианского мира мы можем отследить гораздо подробнее, чем какую-либо иную. Заметим также, что здесь еще она заметнее, так как производит наибольший резонанс. «Христианская иконография Дьявола имеет древние прецеденты, хотя связи между ними не всегда очевидны», как писал Р. Хьюз.

А чтобы окончательно отделаться от упреков в какой-то исключительной связи с христианством, приглашаем полюбоваться на изображения древних демонов, таких, как Пазузу, которые старше, чем даже национальное самосознание иудеев, не говоря уже о христианстве, или на демонов любой части света, которые существовали там задолго до проникновения туда христопоклонников. И мы, конечно, будем обращаться в этой главе и к таким персонажам.

Дьявола можно не только называть «любым другим именем», но и представлять в любом другом облике.

Некоторые авторитеты христианской церкви, в том числе папа Григорий Великий (ок. 540-604), считали Дьявола совершенно бесплотным. Но их мнение не нравилось обывателям. Как отмечал Александр Амфитеатров: «Только с величайшим трудом удается человеку, если вообще удастся, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции, существенно противоположной тем, которые доступны нашему чувственному восприятию».

Существовало и такое мнение, что подлинный облик демонов, как и ангелов, невидим для человеческого глаза в обычных

условиях. Физическое тело служит своего рода спасительной завесой, защищающей человека от непосредственного видения бесов, которые могли бы привести к сумасшествию тех, кто их зрит. Волхвы, колдуны, маги, сознательно входя в общение с нечистой силой, снимают с себя эту спасительную завесу и непосредственно видят демонов.

Фома Аквинский (1227-1274), взвесив мнения за и против, вывел заключение, что вопрос о телесности или бестелесности Дьявола для веры не важен. И народная фантазия воображает Дьявола телесным в полном смысле этого слова.

Что ж, для одних, феноменально тупых и плоских, Сатана материален и имеет конкретный облик. Для не столь примитивных умов иконография Дьявола полна символов и смысла.

Итак, ухватим за хвост христианскую иконографию и посмотрим, куда эта нить нас заведет.

Начинается христианский демоногенез со змей. И это неудивительно, ведь при отождествлении Дьявола со Змеем, скормившим первым людям запретные фрукты, это практически единственное основание в Библии, по которому можно судить о внешности нашего героя. И Дьявол появляется в христианстве в первоначальной форме, как змей, обвивающий кольцами дерево познания в Эдеме. Еще можно припомнить моисеевского медного змея, как символ демонической сущности язычества, а также уробороса, один из символов Хаоса.

Наряду с обычным змеиным телом попадает еще и «кишка с ножками». Т.е. к змеиному телу добавляются конечности. Именно так, по мнению некоторых христианских специалистов, выглядел змей, пока не подложил господе свинью. За сию провинность он, мол, тоже понес наказание в виде ампутации рук и ног и, вынужденный впредь ползать на брюхе (пресмыкаться), приобрел современный вид.

Но Змей с лапками — это уже ближе к Дракону. И этот великолепный монстр ассоциируется с Дьяволом самым откровенным образом. В Апокалипсисе Иоанна и видениях многих святых Дракон или Змей тождественен Дьяволу. В VIII веке Иоанн Дамаскин описывал дьяволов как драконов, летающих по воздуху и т.д.

По ассоциации Змея и Сатаны в этой книге есть целая глава. От такой геральдики мы определенно не отказываемся.

Надо признать, первое тысячелетие христианства в Европе не сильно злобствовали над портретом Дьявола (изображения ранее VI-го века неизвестны и крайне редки до IX-го). Он возникал в обманчивом облике (превратившись в кого-нибудь), в облике змея, во вполне благородной роли и внешности Антихриста, в еще более благородном облике античных богов, в крайнем случае — в виде ангела другого цвета. Проявления карикатуризма случались, но не были столь навязчивы, как в последующие века.

В ранних христианских картинах дьявол никогда не кажется принимающим ужасный аспект. Нет никакого следа отвратительной деформации, которую можно найти в более поздних изображениях Дьявола.

Роберт Хьюз

Отношение к Сатане резко изменилось примерно около 1000 года новой эры. Это произошло после Собора в Клуни в 956 году, задуманного с целью укрепления церковной дисциплины и выработки методов, привязывающих верующих более строго к их вере (еще Августин рекомендовал изображать Ад «для воспитания невежд»).

В целом до IX века Дьявол изображался в образе либо человека, либо «чертенка»; в XI начал изображаться получеловеком-полуживотным. В XV-XVI вв. художники во главе с Босхом и ван Эйком принесли в образ Дьявола гротеск.

Вообразить Сатану отвратительным требовали ненависть и страх к нему, которые внушала и которых требовала церковь. И в средние века, и сейчас сей лагерь настойчиво требует соединить красоту с понятием «добра», а «зло» воплощает в отталкивающее уродство, либо, в виде снисхождения, презрительно одевает его искаженными формами смешного шутовства, пытаясь избавиться от испытываемого страха.

И понеслось! Авторы житий, сказочники, поэты, художники и скульпторы усердно тратили вдохновение и силы на изображение Сатаны в самом гнусном виде.

Происхождение этого безобразия объяснялось проклятием, обрушенным богом на своего бывшего ангела, после падения того:

Как по велению магического жезла
По низвержении краса Врага исчезла:
Он грязью смрадною покрылся в краткий миг,
Ужасной мордою стал светозарный лик,
Уста ощерились клыкастой пастью зверской,
Конечность каждая предстала лапой мерзкой,
Щетиной черною вся кожа обросла,
Взметнулись жуткие драконовы крыла.

Й. Вондел, «Люцифер»

На скульптурных изображениях романских соборов типовым стал такой экстерьер дьяволов: у них были громадные головы на длинных и тонких или маленьких туловищах, похожих на обезьяны. Их глаза выпучены в ярости. Вместо рогов у них была густая шерсть, растущая в виде огненных завитков и косм. Рот был непомерно большим, похожим на пасть волка из сказки: «чтобы им лучше есть тебя». Подчеркнуто большими были и другие отверстия тела.

Часто прибегали к третьему приему фантазии: синтезу разнородных элементов. Все виды нежелательных существ содействовали в то или иное время созданию образа дьявола. Со злом обычно ассоциировались: свинья, скорпион, крокодил, собака, шакал, кот, крыса, козел, жаба, ящерица, лев¹, змей, дракон и т.д.

Средние века строили мост между демонологией и зоологией с искренней верою. Целый ряд животных в христианской символике объявлен был как бы иероглифами Дьявола: змей, лев, обезьяна, жаба, ворон, нетопырь и др.

А. Амфитеатров

Вероятно, можно провести параллель между данным приемом и образами египетских богов. Как симпатизирующие, так и враждебные людям боги Египта воплощались в животных. Обычно они изображались с человеческим телом и головой

¹ См. 1-е Пет. 5:8. Однако лев не сыграл важной роли в иконографии Дьявола, так как этот образ христиане умудрились связать с Христом лично. Такая концепция, помимо психологического несоответствия смиренному Иисусу, выглядит попросту забавно на фоне времен начала нашей эры, когда христианами кормили львов на аренах.

соответствующего животного.

За основу, как правило, все же бралась человеческая фигура. «Если бы дьяволы подлежали зоологической классификации, то могли бы составить отдельную семью антропоидов», — пошутил Артуро Граф. На человеческое шасси монтировались приметы всевозможных животных, подчас без всякой меры, в диком сочетании, так что тело Дьявола представлялось иногда очень громоздкой и неуклюжей конструкцией. Каракатиц, получившихся в результате этого синтеза, можно было узреть в распространенных демонологических реестрах, которые составлялись вплоть до XIX века, например в «The Magus» Ф. Барретта (1801).

Просто стыдно за жалкую фантазию средневековых сатанописцев, способных порою лишь заполнить шаблон вида: «Грудь, как у ... Лапы, как у ... Хвост, как у ... Рога, как у ...» И так далее. Пропуски заполняются названиями представителей фауны любых родов и классов в любом сочетании.

Если попытаться составить обобщенный собирательный портрет, то он бы выглядел примерно так: Лицо у него обгорелое и безобразное (еще бы, ведь в Аду — как в литейном цехе). Тело волосатое или покрыто чешуей. Перепончатые крылья летучей мыши, порой даже не пара, а еще больше, чем у кукурузника, впрочем, как и у херувимов. На голове рога — и хорошо, если только пара, а то и целые заросли. Нос крючком или звериное рыло; длинные острые уши; горящие глаза. Для пущей красоты прибавили еще свиные клыки, когти на руках и ногах, причем не только на пальцах, а на каждом удобном месте, как колючки на кактусе. Хвост со скорпионьим жалом или стрелой на конце, ну иногда бычий, с элегантной кисточкой. Страшные морды разевали пасти не только на голове (одной, двух, трех), но и на коленях, локтях, груди, брюхе и, конечно же, на заднице. Иногда его еще украшали отвислые женские груди. Половой орган принимал громадные размеры и изощренные формы, кстати, он тоже бывал не одинок. Ноги — то козлиные, то лошадиные, то птичьи, и часто разные.

Особую роль в личине Дьявола играли гены козла. Эта форма производна прежде всего от образа Пана.

Тут как раз и время упомянуть и черты античных языческих богов, возродившихся в Дьяволе. Как черты Тёмного архетипа,

так и портретные детали, растворенные во множестве персонажей античной мифологии, после их забвения кристаллизовались вновь в образе Дьявола и демонов.

Но если от большинства античных богов Дьявол унаследовал по одной-две черты, то от Пана — целую россыпь.

Физически Пан представлял собою гибрид человека с козлом: рога, игривый хвостик, козлиные ноги с густой косматой шерстью, раздвоенные копыта, которые у Дьявола кажутся переходящими в когти, чувственная ухмылка, постоянно восставший и заостренный пенис. Пан был фаллическим богом, т.к. в роли скотоводческого патрона отвечал за воспроизводство.

Почему этот, далеко не первостепенный персонаж в греческой мифологии оказал такое влияние на средневековые представления о Дьяволе? Тут мы видим две существенные причины. Во-первых, используемое однажды Иисусом выражение: «отделять козлищ от овец». Если последние всегда символизировали лояльные христианству элементы, то первые — наоборот.

Вторая причина заключается в той роли, которую Пан играл в герметизме (см. стр. 82). Как сын Гермеса он ассоциировался с Логосом, играющим если не первую, то одну из первых скрипок не только в герметизме, но и в различных направлениях гностицизма, в неоплатонизме. Герметизм же является настоящим соперником христианства, пережившим все гностические ереси и вышедшим непобежденным из коллизий средневековья. К тому же, соперничал с христианством он в самых интеллектуальных головах.

Еще прямым попаданием в архетип Сатаны можно считать свойство Пана вселять «панику» в людей, которые ему не нравились: он вызывал дикий беспричинный страх, групповую истерию у тех, кто боялся его, возвращая их к самым примитивным животным инстинктам. Считалось, что именно он помог грекам при Марафоне, применив против их врагов свое психотропное свойство.

Временами козлиные гены в Дьяволе брали верх над чело-вечьими, и тогда он приобретал внешность здорового черного чистокровного козлища. В таком виде, по многочисленным свидетельствам, Дьявол часто являлся на шабаши.

Теперь представим небольшой поворот назад, возвращающий фигуре гуманоидные черты. Но они проявляются уже по-иному. И вот перед нами классический облик Бафомета.

Это имя приобрело широкую известность после процесса по делу тамплиеров. Тогда оно связывалось с идолом, которому по версии обвинения те поклонялись во время «черных месс». Но тогда его внешность еще не была окончательно устоявшейся. Рыцари под пытками выдавали весьма противоречивые сведения о его облике. Но со временем этот портрет принял постоянную форму: морда козла, иногда искаженная в направлении пущей зловещности: на лбу — пентаграмма, между рогов — огонь, человеческий торс, украшенный женскими грудями, козлиные ноги с копытами, хвост, крылья за спиной.

Следует отметить, что Знак Бафомета, используемой Church of Satan, не имеет к тамплиерам отношения. Он был разработан ЛаВеєм на основе изображения из книги Мориса Бэсси «Иллюстрированная история магии и сверхъестественного» (издана на английском в 1964, издана на французском: *Histoire en 1000 Images de la Magie*, Editions du Pont Royal, 1961).

Существенно повлиял на иконографию Дьявола и Хару, этрусский бог смерти. Хотя этрусская культура и стояла несколько обособленно по отношению к античной классике, она оказала существенное влияние на культуру, в частности, и религию, Рима. Так что приписываемые данному демону атрибуты, перешедшие от этрусов в римское искусство и мифологию, в конечном счете повлияли и на христианскую иконографию Дьявола. Параллель очевидна, ведь смерть в большинстве культур далеко не на последнем месте в реестрах зла.

Имя Хару производно от имени греческого Харона, седовластого и угрюмого паромщика, перевозившего мертвых в Аид. Но этрусский бог был гораздо более активен и ужасен, а его облик навеивает очевидные ассоциации с классическим портретом Дьявола. Он имеет огромный крючковатый нос¹, похожий на клюв птицы; косматую бороду и длинные волосы; у него длинные заостренные звериные уши; острые зубы и искаженный гримасой рот. Иногда его изображают с крыльями или со змеями,

¹ Кстати говоря, эта выдающаяся часть лица в Средневековье часто весьма способствовала стереотипам евреев как слуг Сатаны. На руку этим представлениям играли и древние изображения Моисея с подобием рогов на голове (символом власти). Вообще, многовековая нелюбовь христиан к евреям весьма забавна, учитывая национальность христианского бога, который был явно не арийцем.

вырастающими из его тела.

Некоторые атрибуты Хару унаследовались другими символическими персонажами. Хару обычно шлепался с огромным молотом, которым ударял по голове умирающего человека. Очевидно, он мало похож на трезубец, зато это орудие легко отождествляется с косой, которую европейские художники вкладывали в руки Смерти, или с мечом Азраила — ангела смерти в мусульманской культуре. Хотя вместо молота Хару иногда пользовался крюком, который мог послужить прообразом дьявольского трезубца или серпа.

А начинать искать портретное сходство с Дьяволом можно с еще более замшелой древности. С терракотовой статуэтки смотрит на нас почти родное лицо. Это древний месопотамский демон по имени Пазузу. Судя по изображению, он был худощавого телосложения, с когтистыми лапами, зловещей мордой, в которой просматриваются кошачьи черты (в то время в тех местах еще водились львы и леопарды). За спиной его виднелось две пары крыльев или крылья в двух фазах — пара распушенных и пара сложенных, ниспадающих, как плащ.

Классический облик демонов женского пола оформился тогда же. На многих барельефах мы видим прекрасную обнаженную женщину с крыльями и ступнями хищной птицы. Демоничность образа подчеркивают ластиющиеся у ног звери с соответствующей репутацией: львы, крокодилы, совы. С известной долей условности этот образ отождествляют с Лилит, хотя и другие богини изображались в подобном виде.

Вернемся к христианским изганиям.

Несмотря на то, что портрет лепился предвзятыми художниками, он не везде сошел на полный фарс. Многие из упомянутых ранее черт лица и тела имеют какое-то отношение к древним божествам чел-овеческого ужаса и запредельного. Раннехристианские и средневековые визионеры создали его из своих видений, фобий и воспоминаний о поверженных богах.

Но напоследок, чтобы придать портрету Дьявола нужное им идеологическое значение, христианские демонологи набрали в рот дерьма и плюнули. Данте в «Аде» пишет, что «каждый демон в Пятой яме пускал газы на своего руководителя, который в ответ трубил своим задом; все тело было устроено, подобно обширной установке для выбрасывания нечистот, чтобы разжевывать свои

жертвы и извергать их с другой стороны...». Что ж, можно поаплодировать фекальной фантазии итальянца.

Иногда дьяволописцы преуспевали в обсере настолько, что сам Дьявол, по многочисленным байкам, выходил из терпения, находя, что это уж слишком.

Так не повезло итальянскому художнику XIV века Спинелло из Ареццо, написавшему для церкви Сан-Анжело падение ангелов. Он придал Люциферу такой ужасный вид, что сам не выдержал созданного им зрелища. Старику всюду начал мерещиться Дьявол, упрекающий за безобразия, в котором художник его вообразил. Постоянная галлюцинация свела Спинелло в могилу.

Следует заметить, что звериные черты помимо прямой своей функции (с точки зрения церковников) устрашения грешников архетипически олицетворяют отклонение Сатаны и его демонов от ангельской идеи служения богу — у зверей нет такой цели, более того — нет души. Зато есть естественность и единение с природой (Вселенной). Хотя звери тоже бывают разные: перечитайте сказку Р. Киплинга «Кот¹, который гулял сам по себе», анализируя именно поведение кота по сравнению с другими животными.

Надо сказать, что даже когда Дьявол изображался уродом, в его облике сохранялся, не выветривался до конца некий шарм, который продолжал привлекать достаточно уважительного внимания. И уже в средние века появлялись предположения, что страшный вид Дьявола — это клевета, наводимая на него врагами. В действительности же он великолепен. Таким он появляется в «Четырехцарствии» Федерико Фреucci, архиепископа Фолиньо, умершего в 1416 г.: «Я думал, что увижу монстра, грязного и неуклюжего; царство, все пустынное и печальное. А нашел его торжествующим и славным. Сатана оказался велик, прекрасен и имел такой благосклонный вид, такую величественную осанку, что казался достойным всякого почтения. На голове его сиял великолепный тройной венец, лицо было веселое, глаза смеялись, а руках он нес скипетр великой власти. И хотя высота его превышала три мили, Его черты и облик были так гармоничны, что я был удивлен этим...». И хотя далее в этом произведении

¹ Понятия не имеем, почему в русских переводах обычно «кошка». У Киплинга в оригинале — именно кот.

архиепископ списал это великолепие на наваждение, прецедент был создан.

Это напомнило нам одну восточную притчу, пересказанную персидским поэтом Муслихиддином Саади (1184-1292). Дьявол тут представлен красивым без всяких оговорок: Человеку приснился Дьявол.

Он обликом был светел, как Луна,
Высок и строен телом, как сосна.
Спросил сновидец: "Ты ль передо мною
Столь ангельскою блещешь красотой?
Как Солнце красота Твоя цветет,
А Ты известен в мире, как урод.
Тебя художник на стене чертога
Уродиною малюет длиннорогой"...
«Увы, мой лик художник искажает.
Он враг мне, ненависть ко мне питает!»

XVIII век, погасивший костры инквизиции, вновь облагородил внешность Сатаны. А романтизм XIX века усилиями Байрона, де Виньи, Лермонтова и других еще развил эту тенденцию. Люцифер, Демон, Мефистофель становятся излюбленными символами творчества, мысли, бунта, отчужденности. Сообразно с этой смысловой нагрузкой Дьявол становится и физическим красавцем в гравюрах Гюстава Доре, иллюстрирующих «Потерянный Рай» Мильтона, в картинах Михаила Врубеля...

Распространились новые манеры изображения Дьявола. Одна из них — в амплуа кавалера галантной эпохи, в бархатном колете, шелковом плаще, шляпе с пером, при шпаге.

Не с бородкой козла, не на тощих ногах,
В епанче и с пером при чуть видных рогах...

К. Случевский

Другой образ, многократно воспроизведенный искусством — черный ангел или царственный и благородный Люцифер.

Вот так являюсь я певцам,
И живописцам наипаче.

А.К. Толстой, «Дон Жуан»

Так было достигнуто фиаско христианской попытки представить Дьявола полным уродом. И эстетический образ Дьявола, который пытались разбить, начиная с Собора в Клуни, вновь воцарился и продолжает выполнять свои функции: вдохновлять избранных и отпугивать слабых.

Правда, в реабилитации Дьявола некоторые заскочили уж слишком далеко: у Михаила Булгакова он выдержан в рамках мещанской эстетики, с явным оттенком *décadence*.

Имея свой собственный индивидуальный образ, Дьявол, сверх того, обладал способностью изменять свою наружность по желанию, как мимикрирующий сплав из фильма «Терминатор-2», даже сверх того — мог менять и объем, т.е. в этой своей способности он совершенно не ограничен. Частенько он, по уверениям христианских писателей, использовал эту способность для соблазнения праведников: к отшельнику он приходит обольстительной женщиной, к отшельнице красивым навязчивым юношей. А иногда, что уж мелочиться, прямо чтобы скомпрометировать их. Так, если из покоев святой Кунигунды выходит мужик, то, конечно же, это Дьявол, приняв облик рыцаря, все подстроил. А приняв образ святого Сильвана, он волочился за одной девицею и нарочно дал поймать себя у нее в спальне под кроватью.

Но какие бы привлекательные и даже святые образы ни принимал на себя Дьявол, утверждают церковные демонологи, он не мог и в них избыть своего дьявольства и от него исходит подчас необъяснимая жуть. Видимо, эта самая «жуть» нами, в отличие от охваченных дьяволофобией субъектов, и воспринимается, как обаяние данного образа.

Остановимся подробнее на некоторых чертах портрета и их значении.

Рост. Телесным проявлениям Сатаны, как правило, приписывали гигантские размеры. Св. Антоний видел его однажды черным гигантом, который головою касался облаков. Сатана в видении архиепископа Фреucci был ростом свыше трех миль. Данте наделил Люцифера такими габаритами, что, даже вмерзший по грудь во льды адского озера Коцит, он напоминал гору, на которую автор «Божественной комедии» в компании с Вергилием карабкался по смерзшимся локонам шерсти. В таком положении и при трехликости он напоминает Шиву Махешварамурти из

пещерного храма на о. Элефанты. Большие размеры естественным образом символизируют значительность, а также пугают (делая образ «чудовищным»). И в средневековом эпосе злая воля часто воплощается в великане.

Цвет. С Дьяволом прочно связывается черный и красный цвет.

Чернота Дьявола естественно ассоциируется с Тьмой. Что значит для нас Тьма, в этой работе рассмотрено отдельно. Ну а в обывательском сознании данный цвет символизирует смерть, уничтожение, дым, пепелище, ужасы ночи. Христианская традиция в явном виде приписывает Дьяволу черный цвет уже с «Послания Варнавы» (около 118 г).

Краснота Дьявола в демонографии, вероятно, производна от красного цвета губительного пламени преисподней. Вообще этот цвет обычно ассоциируется с пламенем и кровью, т.е. энергией и жизненной силой.

Использование черного и красного цветов в иконографии Тёмных богов идет с древности. Черный — обычный геральдический цвет хтонических сил. Красный использовался последователями Сетха, это был цвет пустыни, в отличие от черной почвы речной долины.

Иногда Дьявол изображался бледным, благодаря его ассоциации со смертью и удаленной от Солнца преисподней. Изредка Сатана изображался в виде ангела в синих одеждах¹, этот цвет здесь символизирует стихию Воздуха (кроме того, по мнению неоплатоников, это цвет демонов «низшего воздуха»). Интересно, что на Востоке синий цвет глаз считался признаком злобы, а также необыкновенной зоркости.

Пример из лирики:

¹ Таково самое первое известное изображение — мозаика в Сан Аполлинаре Нуово в Равенне, где Христос отбирает себе овечек, оставляя Сатане козлищ. Сатана находится слева, что соответствует ПЛР. Забавно, что божий ангел, изображенный рядом с овцами справа от Христа, одет в красные одежды. Дж.Б. Рассел в своей книге «Люцифер» дает в подписи к рисунку такое объяснение: «данный цвет обозначает огонь и вечный покой, в которых обитают ангелы». Идея кажется весьма странной, если вспомнить «озеро огненное» и вообще ассоциацию Сатаны с красным цветом. С нашей точки зрения символ огня в сочетании с изображением баранов скорее аллегорически изображает шашлык. Кстати говоря, на этом изображении Сатана носит такой же нимб, как ангел.

Сердца у них — кремень, в чертах лица — уныние,
Рты перекошены, глаза от злобы синие.

Аль-Маарри

Совсем редко Дьявол облачается в зеленые одежды, поскольку он — охотник за душами, а охотничья одежда в Европе традиционно зеленого цвета. Кроме того, Зеленый Человек — типичное кельтское и германское божество плодородия.

Хищные черты: когти, клыки и т.д. На этом мы не будем задерживаться долго. Очевидно, что они означают силу и агрессию.

Крылья — это древний символ божественной власти, который имели на своих плечах многие месопотамские божества, а оттуда они перешли на плечи многих персонажей западной части Восточного полушария. Окрыленными были не только благодетельствующие чел-овечеству божества, но и демоны. Таковыми предстают перед нами и Пазузу, и Лилит, и Хару. Крылья мы находим и среди достоинств дьяволов более поздних эпох. Но в отличие от серафимов с херувимами у них часто встречаются перепончатые крылья, но и пернатые не редки. А вот на востоке Евразии как боги, так и демоны, и даже драконы обычно бескрылы. Видимо, сила духа позволяет им левитировать и не опираясь на воздух.

Отметим, что приблизительно до XII века Сатана обычно изображается со стандартными ангельскими крыльями, а позже — с перепончатыми, как у летучих мышей.

Рога являются древним символом могущества и плодородия. И хотя в животном мире рога украшают только травоядных, но для символа это не имеет значения.

Рогами украшали и украшают себя шаманы еще с каменного века, о чем свидетельствуют образцы пещерной живописи. Очень популярны были рога на минойском Крите, там их ставили и рисовали, где только могли, а символом острова был Минотавр — гибрид быка с человеком. Первые рога, скорее всего, были списаны именно с быка, как самого грозного представителя рогатой братии. Но затем пришло и разнообразие. Так Пан, о котором мы уже писали, был счастливым обладателем козлиных рожек. У кельтского же бога Цернунна были олени рога.

Рога всевозможных фасонов украшали обычно и голову Дьявола, а также драконов. Причем, количество также не страдало однообразием. Они могли составлять целую корону. Впрочем, наиболее закрепился именно двурогий образ, так как

архетипически именно он соответствовал Пану и другим богам плодородия. Рога в Европе так прочно ассоциировались с Дьяволом, что следователи по делам ведьм считали состоятельными такие вот «логические цепочки»: «Если женщина носит колпак, то она ведьма, т.к. колпак — это острие, острие — это рог, а рог — это Сатана».

В вопросе рогов с Европой солидарен и Восток. Китайские демоны тоже с удовольствием носят это украшение. А популярный на Тибете бог смерти Яма вовсе невообразим без рогов, так как имеет бычью голову, т.е. практически является минотавром.

А вот в среде американских богов рога были не модны. Видимо из-за того, что не было под рукой солидного рогатого образца в зверином царстве. Обильные стада бизонов на этом континенте пожирали траву гораздо севернее областей цивилизации.

Стоит также упомянуть, что рог — это еще и фаллический символ, после чего можно перейти к итифалличности Дьявола.

Итифалличность, т.е. гордо выставленный напоказ эрегированный половой орган, характерная деталь портрета богов, патронирующих плодородие. А ассоциация Дьявола с преисподней связывает его как со смертью, так и с плодородием. Эти два аспекта вообще прочно спаяны на уровне архетипов.

Судя по изображениям, не страдал комплексами и Пазузу. На Индостане достоинство Шивы было окружено почитанием, сравнимым разве что с благоговением, которым христиане окружают крест. Кстати, в дохристианской Европе это был столь же популярный мотив. Итифалличным был Пан — самый щедрый (в смысле экстерьера) донор средневекового Сатаны. У его ипостаси, Приапа (который когда-то был отдельным божеством), вздыбленный фаллос вообще был центром внимания. Гермес, античный родич Сатаны по многим граням архетипа, также был фаллическим. Для передачи его образа достаточно было обозначить всего два элемента — голову и фаллос. Такие скульптурные изображения в классическую древности стояли на страже едва ли не каждой входной двери.

Как показала Маргарет Мюррей, культы плодородия, включающие рогатого бога, фаллические ритуалы, экстатические танцы, распространились по всей Европе во времена палеолита и пережили рождение христианства; и если под обвинениями ведьм и была какая-то почва, то это было связано именно с такими культурами.

Христианские демонологи проявляли пристальное внимание к сексуальной жизни Дьявола. Озабоченность давших обет безбрачия священников прелестями секса была ненасытной, а фантазия изощренной. Вот как описывается сатанинский пенис на одном из процессов де Ланкра, известного следователя по делам ведьм: «Он был обычно извилистым, остроконечным и змееподобным, сделанным иногда наполовину из железа и наполовину из плоти, в другое время — полностью из рога, и обычно расщепленный наподобие языка змеи, как правило, он одновременно занимался совокуплением и педерастией, причем иногда третий отросток достигал рта любовника». В описание же шабашей и «черных месс» вкладывалось творческой фантазии не меньше, чем в жизнеописания святых. Правда, получалось столь же однообразно. А изображалось с еще худшим качеством.

Совершенно другое дело — тантрические картины. Персонажи, многие из которых имеют очень даже демоническую внешность, изображаются в сексуальном акте со всеми натуралистическими подробностями. Очень часто в таком амплуа изображаются Яма и Ями — парочка богов смерти в ламаистском и индуистском пантеонах. Это великолепная оргия на спине у быка, который и сам в это время не скучает, а спаривается с попавшей под него женщиной.

Андрогинность. Продолжая тему пола, нужно упомянуть о таком свойстве-символе, как андрогинность, которое часто подчеркивается в Сатане. Семантика андрогина или гермафродита такова: этим символом обозначается единство, целостность, слияние противоположностей. Эту особенность с Сатаной делит еще множество персонажей из разных пантеонов и религий. Также он означает первоначало. В разных мифологических системах первобогини были гермафродитами. Так, египетский бог Ра совокупился сам с собою и породил все остальное. Андрогинном был Зерван, иранский бог беспредельного Времени.

В иконографии это свойство можно отобразить многими способами:

Во-первых, можно предусмотреть смену пола и тела по собственному желанию. Так, согласно демонологии, инкубы и суккубы — одни и те же демоны, только в разной роли и обличье.

Другой способ — объединение признаков обеих полов в одном теле. В некоторых иконографических типажах Дьявола он представлен явно мужской фигурой, но украшенной женской грудью

(«бог ведьм» Элиафаса Леви).

Третий вариант — симметричное сочетание признаков пола (правая сторона тела — одного пола, левая — другого). Таков облик алхимического андрогина. Есть аналогичные изображения Шивы; например, на одном из барельефов о-ва Элефанта.

И, наконец, разнополюсы символы могут быть разнесены в два разных тела. Тогда мы имеем двух разнополых близнецов, таких, как Яма и Ями, либо просто бога и его шакти, слитых в яб-юм (тантрическом половом акте).

Многоликость. Нередко Сатану изображают не с одним лицом. Данте дал Люциферу три лица, смотрящие в разные стороны на одной голове. Объяснялось это аналогией с христианской троицей, Дьявол, мол, «обезьяна бога» и тоже должен иметь три лица.

Такое тринитарное изображение Сатаны гораздо старше и Данте, и Джотто, который дал ему место в одной своей фреске: Сатану писали так уже в XI веке. Более того: еще в апокрифическом евангелии от Никодима, памятнике VI века, упоминается «трехглавый» Вельзевул.

Еще древнее ассоциация триединых божеств с подземным миром. Геката имела не то что три головы, а вообще три тела. Изображалась это как три сиамских близнеца, сросшихся спинами.

Трехликость символизировала триаду во всех ее проявлениях: прошлое — настоящее — будущее, творение — поддержание — разрушение, небо — земля — преисподняя... Встречались и такие толкования: три аспекта луны и лунная власть над элементами; море — земля — небо (такова была семантика трезубца Посейдона).

Гекату, как мы сказали, изображали с тремя телами. Но гораздо легче вообразить три лица на разных сторонах головы, как у дантевского Люцифера. Мы уже указывали на сходство его с гигантским бюстом Шивы Махешварамурти, торчащим из монолитной скалы в пещерном храме на острове Элефанты. Трехликими было немалое количество из многочисленных тибетских дьяволообразных богов.

Другое художественное решение — не перегружать одну несчастную голову тремя мордами, а разориться на три полноценные головы над плечами. Ну как тут не вспомнить про трехглавых драконов, включая отечественного Змея Горыныча?!

Иногда иконографы уже не могли остановиться и наделяли свои творения целой гроздью голов. Тут уже, конечно, семантика

триады неприменима, остается просто символ невероятного могущества и хаоса.

Более скромный символ триады на организме — трехглазость¹. Таковы практически все персонажи буддийской иконографии. Прежде всего — уже знакомые нам ламаистские боги. У будд и бодхисаттв других регионов это, зачастую, символичная точка на лбу — тилак. А у тибетских монстров — полноценный, широко раскрытый глаз. Третий глаз еще сам по себе символ особой мудрости и орудие божественного зрения, не подвластного ни времени, ни пространству, пронизающему стены, читающее мысли людей. А также испепеляющее оружие, как у Шивы. Кстати, из индуистских богов такой глаз активно использует только облюбленный нами Шива. Намекая этим на более близкое родство с коренным тибетско-индоостанским пантеоном, чем с привнесенным арийским.

Другой способ — воплотить символ тройственности не в организме, а в каком-нибудь внешнем атрибуте. Таков трезубец — излюбленное оружие Сатаны. Дьявольские «вилы» отчасти производны от древнего трезубца Посейдона или Шивы, отчасти — от символов смерти (таких, как молот Хару). Христианами он воспринимался, как орудие, используемое в Аду для мучения проклятых. До XVII века православным монахам запрещалось пользоваться вилок из-за ее сходства с трезубцем.

Еще одно проявление многоликости характерно почти исключительно для иконографии Сатаны. Т.е. аналоги этой детали отыскать непросто. Речь идет о дополнительных лицах, открывающихся в самых неожиданных местах: на животе, груди, паху, спине, крупе, на сгибах конечностей... Что это значит? Какие могут быть аналогии? Аналогии находятся в чудовищах, олицетворяющих Хаос и существовавших раньше самого Космоса, таких, как шумерская Тиамат. По классическому описанию Тиамат нечто вроде многоголового дракона или гидры. Но часто воплощения хаоса представляются, как нечто аморфное и зубастое, пожирающее многочисленными ртами все попадающее на пути. Что-то вроде роя лангольеров. Словом, как неумеренная многоголовость, так и лики на нестандартных местах — это символ Хаоса.

И еще несколько мелких признаков:

Язык. Иногда попадаются изображения Дьявола, на которых

¹ См. третий глаз у козла на изображении XV-го Аркана Таро у Кроули.

он изображен с высунутым языком. Причем не с раздвоенным языком змеи, а с вполне обычным, человеческим. Тут трудно однозначно определить смысл этого штриха. Обычно в этом видят хищный, вампирический жест, иногда — эротический. Так или иначе, этот элемент нередко встречается в иконографии Тёмных языческих богов. С высунутым языком постоянно изображается очаровательная шакти Шивы — Кали. Но тут с семантикой было все определено — в Индии высунутый язык был символом Раджа-гуны¹. Бог солнца — Танатиу показывает язык со знаменитого ацтекского календарного камня (как ни парадоксально, но в контексте ацтекской религии данный солярный бог скорее относится к клану Тёмных богов). И другие его изображения не упускают эту деталь, как и изображения некоторых других богов. Одна деталь: высунутый язык Танатиу мог восприниматься, как кремневый или обсидиановый клинок, применяемый при жертвоприношениях — кормлении Солнца кровью. На эту мысль наталкивают сувениры, изготовленные из настоящих черепов, с такими клинками, вставленными между челюстями. Таким образом, в данном случае это вампирический символ. Постоянно «дразнятся» и полинезийские кумиры.

Хромота. Иногда портрет (или медицинская карточка) Дьявола наделялся таким физическим недостатком, как хромота. На поверхности тут, конечно же, лежит параллель с хромым Гефестом (Вулканом). Тем более что это не единственная параллель между ними. И причина этой детали, перенесенная с Гефеста, христиан более чем устраивала: у Гефеста это последствия травмы, полученной, когда раздраженный Зевс схватил того за ногу и отправил в неуправляемый полет к земле. При таких же обстоятельствах, мол, охромел и Сатана, штурмуя цитадель «небесного владыки». Но с другой стороны, подобные мелкие увечья символизируют тяжелый опыт, превышающий обывательские возможности. Носитель этого символа в драматургии — «человек со шрамом», много повидавший, много испытавший, черт знает, где побывавший и непонятно вообще, кто такой, может бандит какой-нибудь. Или одноглазый (одноногий) пират... Причем иногда это расплата за конкретную цель или следы суровой инициации. Тут можно

¹ Гуны — это свойства, сочетание которых определяют качественную сторону любого предмета или явления. Всего гуны три: 1. Саттва — мудрость; 2. Раджас — активность; 3. Тамас — инертность.

вспомнить Одина, отдавшего глаз за мудрость и магию. Ну и, наконец, полное совпадение: месоамериканский бог Тескатлипока (примерно так его имя звучит на науа, майя же называют его Хурокан), персонифицирующий в этой части света архетип Сатаны, одноног. И то созвездие, что в Старом Свете считают ковшем Большой Медведицы, индейцы видели, как одноногую фигуру Тескатлипоки-Хурокана (кстати, майяский вариант этого имени стал интернациональным словом — «ураган»).

К стыду европейской иконографии, в том числе и изображающей Дьявола, нужно заметить, что фигуры там обычно получаются статические, «торжественно напряженные», напоминающие застывшие статуи. Причем это отгостится как к карикатурам, так и к изображениям, выполненным «с любовью». Статуи, используемые католиками, ничем не лучше в этом отношении. Статичность христианского искусства наглядно подчеркивает соответствие его архетипу Deus'a. Причем на Руси, к примеру, существовал иконописный *канон*, отход от которого отнюдь не приветствовался. Таким образом, апологетами Deus'a запрещались *развитие* и *творчество*.

Конечно, есть и совсем иные образцы, например, многие граюры Доре весьма динамичны, но это скорее удачные эпизоды, и уже XIX век. Интересно также сравнить изображения Сатаны и божьих ангелов, когда они изображены вместе. Ранние поделки, когда художники еще не владели техникой изображения динамики, мы не рассматриваем, там статичны все фигуры. Но если посмотреть, к примеру, на картину У. Блейка "Сатана перед престолом бога" (1820), то все персонажи там строго статичны, сидят они или висят в воздухе; сам же Сатана изображен бегущим и вообще очень динамичен. Обратите внимание: он обращается к Яхве, *пробегая мимо его трона*. Ну ни капли почтения...

Выгодно отличаются от этого восточные изображения богов и демонов.

Кроме того, на востоке не никогда не рисовали карикатур на Тёмные силы. Во многом благодаря этому здесь мы имеем устоявшиеся образы и можем говорить о внешности наших героев более конкретно.

Начнем очерк по восточной демонографии с Индостана и, конечно, с самого могучего персонажа — Шивы. Его иконография достаточно богата, хоть и устоялась издавна. Мы, пожалуй,

опустим "мирные" сюжеты, где он показан не за исполнением своих божественных функций. Основная же его функция — разрушение — обычно запечатляется в танце. В этом есть очевидный смысл: чем, как не танцем, лучше всего визуализируется идея развития и изменения? Разумеется, эту же идею прекрасно передает бег или полет. И эти элементы, конечно же, применяются в иконографии Тёмных персонажей. Бегущим изображался Гермес (у него же были знаменитые крылатые сандалии). А уж летящих демонов художественная традиция насоздавала всевозможных фасонов. Ну а чтобы развеселиться, попробуйте представить себе спринтующих Христа или Будду. Да и в полете светлые персонажи выглядят не несущимися на крыльях, а висящими, перемещающимися как бы подвешенными на лонже (под страховке сверху).

Шива в образе Повелителя Танца — Натараджи — изящно танцует, вытягивая ножку на поверженном демоне невежества в огненном кольце. Огонь — также символ движения¹, ну а демон невежества лишний раз подчеркивает антипатии Тёмного архетипа. Обычно в этом амплу Шива изображался четырехруким. Две кисти изображаются в мудрах (жестах) «действие» и «покровительство», на третьей ладони пылает пламя, а в четвертой находится дамару, маленький барабанчик, издающий ритм Вселенной. Впрочем, допустимы некоторые вариации: так, иногда в лапах Натараджи находят место и для тришулы, трезубца изящной формы. О символизме трезубца мы уже говорили, дополнительно только упомянем, что в рамках индийской культуры имеется еще одна устоявшаяся триада — это три гуны.

Не менее популярен и чуть менее динамичный облик Шивы. Он лишь слегка пританцовывает, но зато богаче экипирован. Тут появляется и шлем, и палица, и лук. Лук — это еще одно излюбленное оружие Шивы, по нему его даже называют Пинакин, т.е. лучник. Чтобы удержать все эти атрибуты, предусматривается побольше верхних конечностей, так что фигура напоминает паука.

Другое амплу Шивы — сидящий в медитации нагой аскет, покрытый пеплом от кремированных трупов.

Теперь поговорим об атрибутах: На голове у Шивы либо

¹ W.: Если точнее: в этом образе Шива держит в руке Пралая-Агни, Пламя Растворения.

классический индийский шлем, либо просто пышная шевелюра, фильтрующая Ганг (эта речка имеет исток на Небе и, чтобы мощный поток, падая на землю, не вызвал на ней катаклизмов, Шива ловит его головой¹). Череп у него, как и у Будды, имеет «второй этаж» (мозгов очень много). Шлем или просто прическа украшены черепом и изображением полумесяца. На лбу у Шивы урна — третий глаз, а по сторонам от него — горизонтальные полосы. Шиваиты, подражая своему патрону, наносили на лоб подобный make-up, отличаясь таким образом от вишнуитов, у которых была одна изви... вертикальная полоска или две, идущие рядом. Шея у Шивы, как мы помним, посиневшая от яда. Его еще называют Нилакантха — синегорлый. Это тот же символ, что и шрам или хромота. На шею галстуком намотана кобра (по меньшей мере одна). Иногда обвитыми змеями изображают его торс, руки, трезубец; змеи используются как пояс, браслеты, ленты. На груди — обычная для Индии гирлянда (иногда ее изображают составленной из черепов, не напрасно ведь еще одно его прозвище — Капалин — «украшенный черепами») или столь же популярная там портупея. На бедрах — тигровая шкура, символ побед... и дикости. Прошлого хозяина этой шкуры, т.е. тигра, на Шиву напустили его недоброжелатели. Эта одежда идет ему гораздо больше, чем обычная шелковая повязка, также часто изображаемая.

Ездовым животным ему служит бык Нанди. Еще рядом может увиваться гигантский змей Шеша, участвующий иногда в танце Шивы, когда удастся урвать досуг на службе у Вишну.

Свиту Шиве составляли представители малой демонологии: ветапы — духи, обитающие на кладбищах и вселяющиеся в мертвецов, превращая их в вампиров; бхуты — оборотни, кормящиеся человеческим мясом, тоже на кладбищах; пишачи — проклятые души питаров (предков) — этот народ составляет свиту Шивы. Есть забавный литературный памятник — «Повесть о ветапе и царе Тривикрамасене» — где ветапа выступает в роли рассказчика, развлекающего человека сказками, конечно в несколько иной обстановке, чем это делала Шахеризада.

Часто Шива показывался в компании со своей Шакти, Парвати или Умой, но мы договорились не касаться идиллических

¹ Обратите внимание: и опять Тёмный бог фактически приносит пользу людям, но — мимоходом, а не задаваясь такой задачей специально.

сцен. Шакти Шивы сама по себе могучий персонаж в образе Кали и Дурги, не нуждающийся в поддержке, а в компании со своим супругом она появлялась только в мирном облике.

Обличье Кали, пожалуй, даже более зловещее, чем у Шивы. Иногда она изображалась как страшная зубастая старуха, но чаще — очень даже симпатичной. Ее имя означает не только время, но созвучно слову «черный». Однако для лучшей проработки деталей на рисунке он обычно подменяется на синий. Резкий взгляд. Высунутый язык между вампирскими клыками. Аксессуарам ей служат человечьи останки: гирлянда из отрезанных голов, юбка из отрезанных рук... Многочисленные руки щетинятся оружием: прежде всего, бросается в глаза непальский тесак памдао очень характерной формы с глазом на лезвии, встречается и обычная индийская сабля с тяжелой гардой, щит, а в одной из рук — отрубленная голова.

Другой образ, Дурга, еще больше кишит оружием. Это собственная мифологическая линия, но сливающаяся с Кали. Миф повествует о том, что объявился вредный асура по имени Махиша, который мог становиться невидимым, но только не для женских глаз. Пользуясь этим преимуществом, он «обидел» практически весь пантеон. Из коллективного возмущения богов и родилась Дурга, для которой Махиша не был невидимкой. Ободренные этим боги экипировали ее по полной программе — отдали все свое оружие. И, конечно, ее миссия по вздрючиванию Махиши была успешна. Поскольку боги свалили на Дургу все свое оружие, тут и трезубец Шивы, и чакра Вишну, и лук, и дубина, и ножик... А еще при ней вьется лев.

Что касается асуров, то они были демонизированы благородно, т.е. в их образ не примешаны черты, призванные внушать отвращение. Их отличают только такие штрихи, как клыки и резкий взгляд. Отвращение в коктейле с ужасом внушают другие персонажи арийской мифологии — ракшасы. В отличие от асуров, соперничающих с богами, ракшасы ориентированы третировать людей. А.Н. Афанасьев так пишет о них: «Ракшасы — исполины со щетинистыми волосами, открытыми пальцами и острыми, выдающимися вперед зубами, признавались за страшных людоедов... схватывая несчастную жертву, они увлекают ее в воздушные пространства, разрезают ей брюхо и упиваются кровью, а после этого пиршества предаются пляскам...».

Если Тёмные образы индуизма имеют очевидную специфику, в их портрете европеец разглядит родного Дьявола лишь с натягом — не хватает некоторых существенных деталей, то в китайских бесах не узнать обитателей преисподней трудно.

В древнем пласте китайской мифологии мы находим легенду о Чию. Его история поразительно напоминает сюжетом миф о восстании Люцифера. Он тоже восстал против небесного владыки Хуан-ди, решившего наехать на Чию и его братьев. Небесный пахан долго не мог справиться с Чию, но добился этого, наконец, по одной из версий с помощью нанятого дракона. Кто-то из его братьев успел удрать, а самого Чию разорвало на части — туловище и конечности стали новыми горами, а голова — самостоятельным чудовищем.

Юань Кэ дает такое описание: «У Чию было восемьдесят один или семьдесят два брата¹, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову с железным лбом, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, все братья умели говорить по-человечьи. Сам же Чию... имел человеческое тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук. Рассказывают также, что на голове у Чию рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы... Удивителен не только внешний вид Чию, еще удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа... Кроме того, он был наделен... божественной силой, намного превосходящей силы людей».

Примечательно то, что Чию и вся эта история описывается без открытой неприязни к нему, а скорее даже наоборот, со скрытой симпатией.

Изображения демонов в китайском искусстве просто очаровательны. И это несмотря на простоту — например, графика с помощью одних силуэтов, но с крайне сложными контурами. Все дело в позах, удачно передающих неистовое движение и энергию. А это должно бы быть крайне важно для визуализации такой динамичной силы, как Сатана.

Экспрессивные позы, когти веером, рога, поднимающиеся над головой как перископы, плечи, охваченные пламенем... Как все это разительно отличается от живописи гор и вод, воспевающей

¹ Интересная параллель: $81=9^2$ (о значении девятки см. ЛаВея), а 72 — число нифилимов.

покой. Дело в том, что эти пейзажи действительно несут в себе идею покоя, нирваны (букв. «угасание»), а веселые демоны, соответственно, изображают собой сансару, а это

Мир — наводнение,
 лава движения,
 вал бытия.
Пенится сущая,
 слезы несущая,
 радость взметнувшая
Жизни струя.

Р. Тагор, пер. З. Миркиной

Позднейшая китайская демонология была изуродована влиянием буддизма и конфуцианства. Буддисты уготовили демонам место на колесе перерождений. Их роль — «воспитывать» негодяев при их временном пребывании в аду перед следующим воплощением. Конфуцианство же навязало адскому департаменту свою строгую административную структуру. У владыки ада, Янь-Вана, была стража, состоящая из бесов (гуй), у которых были командиры (гуй-ваны), когорта всевозможных чиновников, судья — Пань-гуань под которым был обожествлен ученый Цуй Цзюэ (VII в.). Причем, такой персонаж, как Пань-гуань, был уже не демоном, а как бы их укротителем, поддерживающим дисциплину в среде склонной к хулиганству нечисти.

И, наконец, кульминацию демонографии мы находим в Алмазной Колеснице (ваджраяна) — ламаизме.

Кроткий и мирный буддизм на Тибете буквально осатанел, ассимилировав в себя страшных персонажей древней религии бон (весьма развитого шаманизма). Тибетские мистики, принимая буддизм, не в силах были отказаться и от прекрасно сформировавшихся демонических образов. Они были небрежно посвящены в бодхисаттвы и даже будды, как Яма, и получили должность дхармапалов (защитников закона) или драгшедов (палачей). А их ужасные черты — это уже символы непримиримости ко злу.

Вот и получилось добро

С большими «...кулаками,
С хвостом и острыми рогами,
С копытами и с бородой».

Д. Багрецов

Таким образом, развитый демонизм удалось сохранить, даже не сильно деформировав.

Об их облике можно судить по тибетским и монгольским иконам. И что же мы видим на них? Многоликих и многоруких оскалившихся чудовищ, галопирующих на разъяренных драконах, львах или буйволах, подминая под себя снопы поверженных тел, либо танцующих на них. Они изображаются либо нагими, что символизирует свободу, либо в доспехах, символе крепости и несокрушимости. В многочисленных дланях они держат оружие: арканы, луки со стрелами, мечи, трезубцы, а также другие эффектные артефакты: жезл из скелета, капалу (чашу из черепа), в которой пенится кровь.

Из прочих атрибутов можно отметить полноценный третий глаз, колесо закона на огромном пузе, корону, составленную из пяти черепов, волочашуюся по земле перевязь с нанизанными на нее мертвыми головами, накидку из содранной кожи. Другие модные украшения этих очаровательных персонажей: пучки вырванных глаз, серьги из вздыбленных тел, кровоточащие сердца, оторванные руки, ноги, головы, изо рта иногда свешивается застрявший в зубах трупик... Причем эти останки явно человеческие — видимо, недолюбливают этот род такие бодхисаттвы. Это олицетворения человеческих пороков — как поясняют ламы.

Как и у китайских демонов, у них очень динамичные позы, неистовство развевающихся волосы, высунутые языки. Ландшафтом под копытом часто служит кладбище, где стервятники разрывают могилы и терзают трупы, а общим фоном — неистовствующее пламя. Самый могучий персонаж этого рода — бог смерти Яма, изображаемый то в одиночку, то с сестрой-близнецом Ями, он пляшет на буйволе, который соединяется с женщиной. Каждый жест и атрибут, каждая иконографическая деталь — цвет, пропорции тела, число голов и т.д. — имеет свой смысл. Часто тантрические боги изображаются в паре со своей шакти, сплетенные в самых откровенных позах.

Другой род портретов подобных существ — маски для мистерии цам. Особо эффектны маски Джамсарана и Чойджала. Первый — патрон войны — эффектная красная рожа, украшенная клыками, тремя выпученными глазами, модным венцом из пяти черепов. Второй — почти что калька с Ямы, синий трехглазый минотавр с рогами, охваченными пламенем.

Таким образом, в культуре Востока в связи с особенностями миропознания (восприятие целиком без препарирования) иконография Дьявола в древности была более адекватной, чем христианская, несмотря на отсутствие непосредственной персонализации архетипа Сатаны. Но вследствие этих же различий европейский взгляд развивался, а восточный — застыл на месте. Интересно, как сейчас выглядел бы наиболее соответствующий современности портрет Дьявола?

А.А. Осипов в своем «Откровенном разговоре с верующими и неверующими» пишет: «Меня коробило, когда в [православной] академии на "ученых советах" разбирались кандидатские диссертации вроде "работы" "О злых духах", где, к примеру, говорилось, что сатана является и поныне, но без рогов и копыт, а в виде красивого голого мужчины с бронзовым лицом и телом (диссертация Миронова)».

Не будем утверждать, что Сатана являлся диссертанту в образе киборга. Однако, если вспомнить современное противодействие науке (клонирование, евгеника, «генетически измененные продукты», движение за запрет аборт и сексуального просвещения, креационизм, продвижение «закона божьего» в средние и высшие учебные заведения и т.д. и т.п.) со стороны верующих, причем как клира, так и рядовых прихожан, наиболее адекватным образом Сатаны будет его изображение за исследованиями в научной лаборатории. Впрочем, не забывайте, что «Дьявол коварен — он может явиться к нам просто в образе дьявола» © С.Е. Лец.

Интересно, что в современном мире образ «врага человечества» дополнен в литературе, кино, компьютерных игрушках и т.д. еще и образами «жутких инопланетян». То есть опять — за априорное зло принимается *то, что люди не понимают...*

Размышления на тему

Мир будущего будет миром все более упорной борьбы за устранение барьеров, ограничивающих наш разум.

Н. Винер

Среди современных сатанистов принято различать понятия «сатанизм» и «дьяволопоклонничество». Под последним подразумевается реализация того отталкивающего сценария, который христианство приписывает сторонникам Сатаны или Дьявола.

Однако это не обозначает принесение термина «Дьявол» в жертву христианской пропаганде. Имена Дьявол и Сатана абсолютно равнозначны, хотя и имеют несколько разный оттенок. В термине «дьяволопоклонничество» смысловым элементом, не соответствующим сатанизму, является именно «поклонничество», а вовсе не имя Дьявола.

Дьявол — это символ языческой культуры, языческого мировоззрения, сплотившегося в этом образе в эпоху моноидеологий. Вспомним, что языческие боги нашли убежище в его замке, причем на правах даже не почетных гостей, а партнеров. И титул «Князь мира сего» более подходит Дьяволу, нежели Сатане: хотя это два равнозначных имени, от семиотики никуда не деться. Потому что Дьявол — это повелитель этого Мира. Дьявол — это Свет. Дьявол — это Жизнь.

Да, Дьявол — это Свет¹. Библейские писатели и прочие апологеты единого бога или какой-либо «единой мудрости» лгут, приписывая свет себе. Доказательства? Они не могут принять его как целое. Они нападают на его отдельные лучи с воплями: «грех!», «порок!!», «зло!!!». Они прячутся от него в пещерах аскетизма. Они желали бы его остановить, повернуть вспять, к источнику. Они в надежде ждут его конца... Нет, это, конечно, не Свет, но и не Тьма. Это можно назвать Бледностью, Серостью или Тусклостью, можно Некрофилией, потому что их понятие святости — не что иное, как *mortido* в искаженном, пассивном варианте, как проявление парализующего страха перед смертью, боязни

¹ Имя Люцифера переводится как «несущий свет».

умереть и исчезнуть¹. Если сложить вместе симптомы благочестия разных некрофилических культур, то от разумной сущности не останется *ничего*. И не зря все адепты антижизни и их послушные последователи объединяются против проявлений Сатаны в мире — прогресса и свободы.

Масса составляет заговоры только против действительных могуществ: у нее нет знания истины, но зато она обладает способностью чувствовать силу.

Элифас Леви

В понятии Дьявол = Жизнь = Свет выделяются две главные силы: секс и сила. Первая сила не дает иссякнуть источнику Жизни, вторая — деградировать.

Еще у древних Эрос считался одной из древнейших космогонических первобытных сил (можно сказать, первобогом), самовозникшей и способствующей развитию упорядоченного мира из Хаоса². Он олицетворяет ту могущественную силу, которая влечет одно существо к другому и благодаря которому рождается все живущее. Эрих Фромм проводит параллель: Жизнь = Эрос = Сексуальность (Либи́до). А Фридрих Ницше подчеркивает, что «Проповедь целомудрия есть публичное побуждение к противоестественности. Любое презрение к половой жизни, любое загрязнение его понятием "нечистое" есть грех против святого духа жизни».

Второй фактор осуществляет отбор. О значении его говорил еще Гераклит Эфесский:

¹ Боязнь умереть и желание жить — две большие разницы. Сатанизму присуще второе, но не первое. Не понимающие разницы могут помедитировать над тем, почему самураи, чьей концепцией было «Путь самурая — стремление к смерти», как провозглашалось в кодексе «Сокрытое в листе» и других канонах, не кончали жизнь самоубийством, пока к этому не толкало представление о долге. Или же над словами Фалеса, который также утверждал, что смерть не отличается от жизни, а когда его попытались зацепить словами: «Что же ты не умираешь», — ответил: «Именно поэтому».

² Примечательно, что в тех случаях, когда он считается все-таки порожденным, он ведет свою родословную от Хаоса. В «Птицах» Аристофана излагается такой космогонический миф: Хаос порождает из себя Эреб и Ночь, которые, в свою очередь, порождают мировое яйцо, из которого появляется Эрос, который и вносит порядок в некоторой области — «из смеси всего порождает Землю, небо, море, богов и людей».

Без борьбы не было бы «созвучия», плетения паутины жизни, развития. Борьба за существование необходима для того, чтобы лучшее могло отделиться от худшего и породить высшее. Борьба (война, вражда) — отец и царь всему; одних она сделала богами, других — людьми; одних — рабами, других — свободными. В конечном счете, война (вражда, борьба) — это справедливость; конкуренция индивидуумов, групп, видов, учреждений и империй есть высший суд природы, и нет апелляции против его вердикта.

С понятием борьбы ассоциируется понятие **силы**, которое тоже соответствует архетипу Сатаны¹. Ее часто пытаются унизить до состояния примитивного физического насилия. Сила — гораздо более содержательное понятие.

Сила — это двигатель миров, и чем бы она ни была — Знанием-Силой, Любовью-Силой, Жизненной Силой, Силой Действия или Телесной Силой, — она всегда духовна по своему происхождению и божественна² по своему качеству. Сила — это красота!

Шри Ауробиндо

Сила в широком понимании находится в сатанизме на месте добродетели³.

Все боги языческих пантеонов в том или ином виде олицетворяют либо Эрос (плодородие), либо Силу в каком-либо ее виде.

Через понятие Силы связаны понятия Дьявол и Сатана.

Сатана — это Сила, движущая миры. Сатана — это Прогрессор.

¹ Кто еще противодействовал богу на равных, добился своего освобождения из плена рая, увел с собой треть персонала, выторговал себе контрибуцию в виде собственного царства — Ада, да еще и аннексировал территорию всей Земли? Это то, что следует из «официального источника», Библии, если отсеять пропаганду.

² Как понимаете, здесь «божественный» употреблено в положительном смысле, как акцент на совершенство. «Духовный» тоже имеет соответствующее значение. В конце концов, сатанизму свойственно смотреть на содержание, а не на форму, а это цитата, а не наша формулировка.

³ Кстати, изначально добродетелью называли *любое* качество, которое кто-либо умел делать выше среднего, безразлично, лечить или убивать, главное — быть Мастером. Это уже потом, как всегда, значение исказили в идеологически нужном направлении.

С точки зрения консерваторов или хранителей он — Разрушитель. Но он не просто разрушает¹, он **изменяет** и при этом — **развивает**.

Конфликт развивающего и стабилизирующего начала гораздо шире, глубже, древнее и значительнее, чем противостояние «добра» и «зла» в неуклюжих представлениях чел-овечества. Но именно этот метакосмический процесс наивно выражен в этих понятиях. Пока в Мире существует «зло», т.е. пока действует Прогрессор, течет его кровь — время, существует и сама Вселенная. Хотя «бледными», некрофильными субъектами его течение и воспринимается болезненно. Как написал один из них, арабский поэт VIII-IX вв. Абу-ль-Атахия:

Все людские страдания Время творит,
В мире только оно надо всеми царит.

И все это закончилось бы (не только страдания, но и само бытие), если бы победил Хранитель, Консерватор — Добро.

Вернемся еще раз к Свету, чтобы перейти к Тьме. Свет красив. Им можно залюбоваться, плениться. Любуйтесь Светом, если таков ваш выбор. Лично мы смотрим на него не изнутри, а из Тьмы. Отсюда такие виды! В том числе видно, что Свет — не один.

Тьма — это реальность более фундаментального порядка; ее трудно рассмотреть за границами «пузыря Света» — нашего Мира. Сам термин «Тьма» намекает на ее непроницаемость для обыденного зрения. Если метамир устроен как фрактал, что утверждают некоторые мыслители, то Тьма — это не какой-то уровень более высокого порядка, это вся уходящая в бесконечность перспектива.

Понятие «бог», особенно в личностном аспекте, вульгарно, хотя некоторые «глубокомысленные» теологи пытаются применить его в нашем значении Тьмы². Бог подразумевает, помимо служения, огромную жертву: принесение к нему на алтарь своей

¹ «Разрушение не для созидания» — это *последнее* разрушение, после которого не останется ничего. Подобное разрушение несовместимо с Разумом.

² Дионисий Ареопагит, Иоанн Скотт Эриуген и т.д. Сюда же можно отнести попытку Льва Шестова определить бога как «вселенский произвол» — чем не Хаос? Но, если подумать, то становится очевидно, что это всего лишь попытка приписать богу все, что существует (кроме «зла», исходящего от Дьявола), дабы не лишить его вездесущести и т.д. Иудеи были более честны — по их мифологии, от Яхве исходит *все*.

индивидуальности, *личности* — того, что является сущностью разумного существа. Уже только это свергает такого бога с престола всеобъемлемости. Тьма же вам ничего не диктует. Никакое действие не противоречит ей. Она содержит все, что угодно, *если сумеете взять*.

Тьма не обещала покоя. Она не обещала забвения. Она вообще ничего не обещала, кроме... кроме всего совершенно иного.

Н. Перумов, «Рождение мага»¹

Из частных акцентов обитателя конкретного мира можно вообразить Сатану двуликим: один лик обращен к Свету, т.е. в Мир, другой — к Тьме, вовне Мира. Или, как Станислав Пшебышевский, можно говорить о двух ипостасях Сатаны: Сатана-Пан и Сатана-Маг. Но слова — слишком грубый инструмент для отражения реальности.

Сатанизм — это сплав идей и образов, олицетворяющих Развитие, Многообразие, Величие, Силу, Могущество, Творчество, Индивидуализм, Дерзость, Гордость, Знание — все то, что способствует Жизни и ее развитию.

В практическом аспекте — это утверждение и раскрытие Себя, своего гения и силы, развитие всех ее видов. Это полнокровная жизнь по своему, а не по чужому проекту, под каким бы видом — морали, долга, благочестия и т.д. — это бы не навязывалось.

В философском аспекте — это взгляд из Тьмы, т.е. беспристрастный и несколько ироничный взгляд со стороны на любой вопрос...

Таков Сатана, *ipse philosophus, daemon, heros et omnia*, отец знания, непримиримый к глупости, факел, освещающий глубочайшие пропасти жизни, ясновидческий прыжок в будущее, беззаконник и бунтовщик, творящий и разрушающий, ниспровергающий условности правил и норм...

...заклятый Враг человечества, благодаря наличию которого разум на Земле все же имеет шанс выжить.

¹ Nota bene: отдельная цитата из Перумова, удачно выражающая описываемую мысль, ни в коем случае не обозначает ни адекватности его произведений описанию Тьмы в целом, ни литературных качеств таковых.

На этом мы заканчиваем свой краткий ответ на вопрос «Почему вы называете себя сатанистами?». Конечно, ответ далеко не полный, но, надеюсь, все же достаточно понятный.

Однако, если кто-либо по прочтении этой работы скажет «Теперь я понял, что такое сатанизм!», нам останется только напомнить ему цитату из перевода-толкования «Дао Дэ Цзин», выполненного современным даосским мастером Ни Хуацином:

Дао, тонкую реальность вселенной, невозможно описать. То, что можно описать словами, — это всего лишь умственная концепция.

Outro

- Это не нравится мне.
- Почему?
- Я не дорос до этого.

Ответил ли так когда-нибудь хоть один человек?

Ф. Ницше, «По ту сторону добра и зла», 185

Теология сатанизма

Пути Господни неисповедимы? О, только не для меня, я знаю Его слишком хорошо. Не хуже, чем Он меня. Если наши дороги скрестятся, Он, издали приметив меня своим зорким оком, поспешно свернет в сторону из страха перед разящим жалом с тремя стальными остриями — таков мой язык, мое природное оружие! Лотреамон, «Песни Мальдорора»

Мировоззрение — это наиболее общая система представлений о мире и о своем месте в нем. Сатанизм, являясь мировоззрением, имеет специфическое отношение к отдельным аспектам действительности. Во многих случаях позиция сатанистов совпадает с общей позицией *разумных* людей, скажем, в социальном приложении это относится к эвтаназии, контролю рождаемости, общественной морали etc. Но есть, разумеется, и отличия — иначе сатанизм не был бы отдельным мировоззрением. Одним из таких вопросов является отношение к Богу¹.

Вопрос этот куда сложнее, чем кажется а *prima facie*: во-первых, «Бог» — это далеко не однозначное понятие, во-вторых — сатанизм адогматичен, и сатанисты могут воспринимать Бога (как и Сатану) весьма различно. Тем не менее общие закономерности вполне обнаружимы.

Спрашивается, зачем рассматривать этот вопрос, особенно с учетом того, что большинство современных сатанистов являются атеистами²? А затем, что Бог — очень древняя идея,

¹ Строго говоря, «бог» пишется с маленькой буквы — это либо видовое наименование, либо «должность». В этой статье я использую написание с большой там, где в контексте нельзя заменить «бог» на конкретное имя, т.е. где «Бог» — именно метафизическое понятие.

² Точнее, большинство известных мне — весь мир я не опрашивал. К тому же если я вижу, что собеседник — сатанист, то я далеко не всегда спрашиваю об его атеизме, если тема разговора к этому не относится. При этом следует учесть, что не всех интересует атеизм с теоретической точки зрения и его часто путают с антитеизмом вида «вера в то, что бога нет», а также бесосновательно заявляют, что атеист не может быть оккультистом и т.п., вследствие

и отворачивание от нее с видом «мне это попросту неинтересно» чаще всего обозначает лишь интеллектуальную неспособность разобраться с проблемой на достаточном уровне. Разумеется, заявить «бога нет», после чего отказаться от размышлений на тему — куда проще, чем разработать свою мировоззренческую позицию до *универсальной*.

Цитирую свой FAQ (версия 3.05 от 30 ноября XXXVII A.S.):

«45. А как поступит сатанист, если узнает, что бог есть? Покается, чтобы спастись?»

Извинить бога может только то, что он не существует.

Стендаль

На первый взгляд вопрос кажется очень трудным для ответа, так как гордо ответить «я пойду в геенну огненную!» как-то странно смотрится, а ответ «ну тогда немедленно покаюсь» вызовет естественную реакцию в виде гомерического смеха на тему «и как же ты тогда сейчас сатанистом называешься?». Ответ же «я считаю, что бога нет!» будет засчитан не за ответ, а за отмазку, которой и является [...] Однако все элементарно: те, кто являются позерами, разумеется, покаются. Вопрос, спасет это их или нет — совсем другая история. Но у *сатанистов* такого варианта нет, и не потому, что такие дурные и больные на всю голову. Просто сама сущность сатаниста несовместима с божьей благодатью или как там это обозвать. Покаяние-то требуется не формальное, а *искреннее* — а вот это и *невозможно*, поскольку предлагаемые условия неприемлемы физически (или как там еще...). Ситуация приблизительно такая: вас убьют или вам отрубят руки и ноги, лишат зрения, слуха, возможности говорить и т.д. по полной программе, но оставят жить. При этом вы должны *искренне захотеть* такой "жизни". Вот, знаете ли, даже если альтернативой будет не просто смерть, а вечная пытка, я не смогу *искренне* пожелать *такого* продолжения существования (жизнью я это не назову)».

чего отказ от именованья себя атеистом может обозначать лишь скептическое несогласие с приведенными догмами.

Но там, где мы в своих правах, законы бога и людей — не властны, и никогда мир не увидит никого из нас в цепях.

Только в пурпуре,

либо в багрянце.

Таков Исход каждого Зверя, взявшего на себя ответственность за все проявления Зла, восставшего в плотах всего живущего на земле.

V. Skavr, «*Maledictum*»

Этот ответ именно *универсален* и соответствует сатанизму в целом вне зависимости от конкретного восприятия сатаниста. И отношение сатанизма к Богу — и есть та самая причина, по которой *невозможно* захотеть жизни *с Богом*.

Разберем сначала, что именно тут подразумевается под Богом.

Во-первых, сразу следует сказать, что к языческим богам, независимо от формы их существования (или их восприятия), тема статьи не относится. Хотя бы потому, что практически все языческие боги¹ обладают как «светлой», так и «темной» стороной, при этом они являются олицетворением Сил Природы, т.е. с сатанизмом *per se* это не пересекается, *ergo* — не может быть противопоставлено. Нас же интересует стандартная связка «Сатана — противник Бога». Однако вопрос «а что понимается под Богом?» это не снимает. Сразу следует пояснить, что это понятие не сводимо к христианской трактовке, оно гораздо более широкое. Руслан Хазарзар в своей работе «Скептический взгляд на бытие и небытие Бога» выделил следующие черты:

Прежде всего нам следует согласиться, что под словом «Бог» подразумевается:

- всесовершенная и вечная, то есть всереальнейшая сущность (то ον то кратιστον, *ens realissimum*);
- сущность, сотворившая все, или, точнее, являющаяся первоосновой и первопричиной творения (προαρχη, то ον то πρωτιστατιον, *ens originarium, ens archontissimum*);
- сущность разумная, личность (vous, то ον то διανοιον, *persona, summa intelligentia*).

¹ Причем в контексте не имеет значения, воспринимаются ли языческие боги как личности или же только как персонификация отдельных сил природы и т.д.

Итак, очищая понятие Бога от частных качеств и оставляя только необходимые, общие предикаты, мы, сами того не замечая, приходим к так называемой теологии разума (*theologia rationalis*) и даже к трансцендентальной теологии, ибо «необходимость», «бесконечность», «единство», «существование вне мира», «вечность без условий времени», «вездесущность без условий пространства», «всемогущество» et cetera — все это чисто трансцендентальные предикаты.

Но и это — некоторое сужение понятия Бога, верное для монорелигий. Зачем, скажем, Бога всенепременно воспринимать как личность? Под этим термином можно понимать, к примеру, Силу в метафизическом и оккультном смысле, ну а наличие соответствующего архетипа¹ вообще очевидно (как и эгрегора). Точно также для сатанизма безразлично, является ли Бог первопричиной или демиургом этого мира, важно лишь то, что Бог в той или иной форме *проявлен в настоящем*. Ну и уж совсем не важно мнение о «всесовершенности и вечности» — Ад не менее совершенен, просто его совершенство *иное*, и не менее вечен, если уж говорить таким языком.

Таким образом, Сатане противопоставляется «монобог» в любой форме — от абстрактной идеи до личностного существа. Универсальность подхода не является изобретением сатанизма, еще маркиз де Сад писал («Философия в будуаре»):

Если доказано, что этот Бог, которого дураки считают творцом, единственным создателем всего окружающего, есть лишь извращение человеческого разума, лишь призрак, созданный в мгновение, когда разум заходит в тупик, если доказано, что существование этого Бога невозможно и что Природа пребывает в постоянном движении, получая от себя то, что идиоты приписывают щедрости Бога: если предположить, что есть это вялое существо, то оно было бы, конечно, самым смехотворным из всех существ, поскольку оно оказалось бы полезным только один раз, и потом миллионы столетий находилось бы в презренном бездействии и неподвижности. Если предположить, что оно

¹ Имеется в виду именно архетип «монобога», Бога-Отца в общем виде. См. К.Г. Юнг, «Ответ Иову» как частный пример на христианском материале.

существовало, как нам описывают религии, то оно было бы наигнуснейшим существом, поскольку это был бы Бог, допускающий зло на земле, тогда как его всемогущество могло бы его предотвратить.

Как видите — маркиз против Бога в любом случае. Как и Ф. Ницше, заявив, что «Бог умер», тем не менее пишет в своей последней книге «Антихрист»¹:

Христианское понятие бога — он бог больных, бог-паук, бог-дух — одно из самых порченных, до каких только дожидали на Земле; вероятно, оно само служит показателем самого низкого уровня, до какого постепенно деградирует тип бога. Выродившись, бог стал противоречием — выражением жизни вместо ее преобразования, вместо вечного Да, сказанного ей! В боге — и провозглашена вражда жизни, природе, воле к жизни! Бог — формула клеветы на «посюсторонность», формула лжи о «потусторонности»! В боге Ничто обожествлено, воля к Ничто — освящена!..

Это вовсе не противоречие типа «так если ли бог или нет?», а именно *универсальное* противостояние Богу, в какой бы форме тот не проявлялся.

И если Бог вдруг когда-то явится, то атеисты исчезнут как класс — но скептики все равно останутся. А сатанисты останутся сатанистами — противостоящими Богу.

Aut vincere aut mori.

Примечание первое. В статье я употребляю термин «монотеистический Бог». Это не обязательно обозначает принадлежность к классу богов известных монотеистических религий. В данном случае Бог — даже не обязательно $\theta\epsilon\omicron\varsigma$, это может быть сущностью, Силой, Идеей etc., — определяющим фактором являются стремление к господству над Вселенной (в метафизическом плане) с уничтожением всех несогласных, Абсолютный Порядок.

И в случае Абсолютного Хаоса, и в случае Абсолютного Порядка все равны по энергиям между собой. Но в Хаосе все

¹ Der Antichrist с немецкого переводится и как «Антихрист», и как «Антихристианин». Мне первый вариант эстетически нравится больше.

составляющие свободны и имеют максимально возможную энергию, которую можно получить в системе; в Порядке все стоят строго на своих местах и не имеют энергии. Абсолютный Порядок — это Абсолютный Ноль. Состоящий из частных нулей...

Примечание второе. Принятие сущности «Монотеистический Бог» автоматом обозначает, что он и есть Universum. Т.е. в любой теологии, признающей ens realissimum, Сатана и Яхве — только проявления Бога-Универсума, а самому Богу-Универсуму противостоять просто нечему. Он и есть Все.

Однако непонятно (как минимум — сатанистам), зачем называть Universum — именно Богом? Этот вопрос мной освещается, но несколько «размазан» по статье, т.к. основная ее тема — именно противопоставления Бога и Сатаны, т.е. подразумевается бисубстанциональность; в статье Бог — это НЕ Universum. Там, где появляется Иное — уже нет Единого.

Строго говоря, существует два набора онтологических систем: бытийная (элеаты, Платон, Кант, Шопенгауэр) и «становящаяся» (Гераклит, Аристотель, Гегель). В первой есть Universum, но Бог и Сатана — это всего лишь его проявления (объективация). Во второй Universum'a как такового нет. Оно есть только *возможное* — всегда возможное, но никогда реальное.

Схема, приведенная в Princesps Omnium, *не относится* к онтологическим — в сатанизме *не важно*, что именно есть Universum. Эта статья как раз посвящена иллюстрации универсальности подхода сатанизма.

Примечание третье. Может возникнуть вопрос: «А зачем использовать модели действительности, в которых фигурирует Бог в какой-либо форме?»

Элементарно: эти модели существуют и большинство населения (по крайней мере, в России) живет по ним. Ну а поскольку жить приходится среди хуманов, то знать их всесторонне — очень даже полезно.

Кроме того, заявлять о 100% нечеловечности — безосновательно, а для уничтожения в себе человеческих составляющих надо знать, в чем они заключаются и на что оказывает влияние.

Религиозный аспект

Идея Бога — это единственное вранье, которого я не могу простить человечеству.

Маркиз де Сад

Пожалуй, это самый простой аспект обсуждаемой темы. И.А. Кривелев в своей работе «О доказательствах бытия божия» пишет: «Я не буду сегодня говорить о боге в его библейском — ветхозаветном или даже новозаветном понимании. Совсем не трудно доказать, что не существует того бога, о котором говорится в Ветхом завете, того бога, по образу и подобию которого создан человек, того бога, который прогуливается в вечерней прохладе по раю, который сидит, когда ему не лежит, ходит, вообще занимает место в пространстве... О таком боге много говорить нечего». Я согласен с Кривелевым: даже с чисто атеистической точки зрения критика существования Бога путем разбора противоречий в Библии и т.п. полезна только как историческое и религиозноведческое исследование, а также как материал для пропаганды *вульгарного* атеизма типа «бога нет». На самом деле вопрос более сложен: таким образом можно обосновать лишь отсутствие Бога *конкретной* религии, причем при условии использования априорного положения «все, что написано в священных книгах — попытка описать действительность». Т.е. можно взять гипотезу «описанное в святых книгах — истинно», а не намеренная ложь, народные сказки или глюки обкурившегося. Тогда, найдя внутренние противоречия в этих книгах, можем *отвергнуть гипотезу в целом* как внутренне противоречивую.

Скажем, в Библии рождение Христа привязано к двум событиям: царствованию Ирода и переписи населения. Ирод умер за несколько лет **до** нашей эры (которая считается «от рождения Христова»), перепись же была на несколько лет **позже**¹.

Однако если не исходить из буквализтики, которой придерживаются в настоящем, пожалуй, только религиозные фанатики, ситуация осложняется. Отдельные христиане осознают

¹ Это совсем наглядно, мнений же на эту тему куда больше. Интересующимся подробностями рекомендую книгу Р. Хазарзара «Сын человеческий», гл. 21.

ситуацию и пытаются реформировать свою веру. Джон Шелби Спонг¹, «Воззвание к новой реформации»:

Теизм, как способ определения Бога, мертв. Таким образом, сегодня богословские рассуждения о Боге большей частью бессмысленны. Необходимо найти новый способ говорить о Боге. ... Взгляд, будто бы крест есть жертвоприношение за грехи мира, есть варварская идея, основанная на примитивных понятиях о Боге, и должна быть отвергнута. ... Все человеческие существа несут образ Божий...

Как видите — отвергая практически все догматы христианства (в самой статье положений больше, чем в процитированном), Спонг тем не менее считает, что Бог есть, и он необходим — просто надо найти средства выражения, соответствующие современности.

На этом я и акцентирую внимание — дело не в конкретной форме проявления Бога, а в противодействии его сути.

Суть же Бога в религии, т.е. монотеизме, процитирована выше во вступлении.

Собственно говоря, отсутствие доказательств существования Бога (не забывайте, мы рассматриваем религиозный аспект) никоим образом не обозначает, что его нет. Другое дело — не имеется никаких осмысленных² причин, чтобы вводить в свое мировоззрение аксиому «Бог есть».

Таким образом, если бога нет — то религиозный аспект просто отсутствует, что не отменяет влияния других аспектов: семиотический символ в частном случае может существовать и без денотата.

Если же он есть, то вариантов очень много: это ведь не значит, что Бог есть именно в том виде, в котором его рекламируют церковники (да и вообще, одних христианских конфессий больше двух тысяч). Таким образом, вариант «геенны огненной» — всего

¹ Епископ Епископальной Церкви в США.

² А вот бессмысленных, внеинтеллектуальных, психологических причин — всегда «вагон и маленькая тележка». И от мировоззрения субъекта прямо зависит, какими причинами руководствоваться — осознанными, исходящими из личностных потребностей, или «удобными», «принятыми», позволяющими перевести с себя те или иные стрелки, вербализуемыми фразами типа «Ну как можно не верить?», «Все во что-то верят», «Что-то должно быть» и пр.

лишь один из бесконечного набора, не имеющий никаких фактов, указывающих на относительно большую достоверность. Не говоря уж о том, что миф о восстании Сатаны в христианстве предоставлен только с одной — и весьма предвзятой — стороны.

Но дело отнюдь не в сравнении вероятностей (тем более, что они невычислимы), а именно в том, что у сатанистов по определению отсутствует *beata stultitia*, необходимая для гармонии с Богом. Именно поэтому сатанист всегда против Бога — иначе он просто перестанет быть сатанистом, прекратит свое существование. Цитирую «Протоколы вскрытия сотонских муд...»¹:

Наличие внутренних принципов позволяет сохранить цельность личности. ... Часто ли у читающего появляется желание «минуточку подышать цианидами» или испугаться в плавиковой кислоте? Что — даже вопросов таких не возникает? Вот и у субъекта со сформированными внутренними принципами — именно что даже *не возникает* мысли о том, чтобы временно отбросить их — будь это ситуация с танком и гранатой, или банальная коммерческая сделка. Базовые принципы личности — не «костюмчик на выход», они не тасуются в зависимости от ситуации, они могут изменяться/развиваться, а некоторые из них и отбрасываться — но только в результате *осознанной, обоснованной и последовательной* работы по *развитию личности*. И побудительная причина такой работы никогда не исходит «извне» — это результат стремления личности к развитию.

Вопрос FAQ №45, также имеющий непосредственное отношение к теме, процитирован выше.

Даже богосведец Плотин не находит слов для описания такого состояния. Здесь человек как бы превращается в покой и являет собой созерцание вечного света. Это... слияние с созерцаемым, неизреченное видение, нирвана. Это даже и не видение, а иступление, уединение, самоотречение, покой, некий особый вид духовного энтузиазма. Экстаз этого — изобретение Плотина.

И. Гранин, «Что такое этика, культура, религия?»

¹ <http://warrax.net/protocols/cover.html>

Здесь наглядно видно, что сатанисту в Раю делать просто нечего: бездеятельность нирваны, фанатичность исступления, отречение от себя, покой вместо действия — все это несовместимо с сатанинским мировоззрением. Всегда, кстати, забавляло отношение верующих к Раю: вопрос «а чем там заняться?» их попросту не интересует. Если мусульмане еще готовы пить и трахаться в течение вечности (и не могут представить, что это может надоесть), то христиане не собираются делать вообще ничего — только пребывать в блаженстве у трона своего бога.

Сатанизм имманентно содержит *творчество и действие*, что никак несовместимо с *Die absolute Ordnung* Бога. Повторюсь: именно поэтому сатанист стоит в оппозиции к Богу — это борьба за свою жизнь, за существование своей Личности.

В заключение следует упомянуть пантеизм и деизм. Пантеизм, собственно говоря, теизмом не является, и противостоит сатанизму не более, чем язычество. Что же касается деизма, то еще древними было сказано: *de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio*.

Примечание. Разумеется, если Бог есть именно в виде *ens realissimum*, то получаем такой же фатализм, как при материалистическом детерминизме¹, только вместо материалистической всеобщей причинности выступает «Божья воля». Основная антиномия данного вопроса возникает потому, что в случае бытия всесвободной сущности человек онтологически *не может* иметь собственной свободы (именно об этом писал Августин). Свободная воля человека при всесвободной воле Бога — это *οἰζυμωρον*. Ничто не происходит без воли Бога. Да, схоласты заявляют, что свободная воля человека — по воле Божией, но антиномичность такой позиции разрешена быть не может. Над этой проблемой во всей ее полноте бился, насколько мне известно, только Кант. Но разрешения так и не дал.

В общем, такой вариант религиозного восприятия Бога приводит к тому, что Кукловод разыгрывает сам перед собой спектакль по собственному проекту и не более того. Однако никаких посылок к такому грустному сценарию в действительности не наблюдается.

¹ Интересующихся отсылаю за подробностями к статье Р. Хазарзара «Скептический взгляд на диалектический материализм».

Профилактика возражений

Интеллектуалы делятся на две категории: одни поклоняются интеллекту, другие им пользуются.

Г. Честертон

Немного отвлекусь от темы для профилактики стандартного непонимания. Возражение, которое я предвижу, более наглядно демонстрируется на примере моего старого афоризма:

Вселенная immoralна — в природе нет ни Добра, ни Зла. Но если кто-либо начинает утверждать, что существует некое Добро — я становлюсь на сторону Зла, противостоя ему; его поползновения нарушают гармонию Вселенной.

Я встречал возражения наподобие такого: «Так что, если я назову Добром, к примеру, познание, то ты станешь на сторону невежества?».

Подобный тезис свидетельствует исключительно о неспособности высказывающего мыслить системно, с учетом всех аспектов действительности (а часто — и о некомпетентности в соответствующих областях). Хотя еще Л. Вингенштейн писал, что «Только факты могут выражать смысл; класс имен этого делать не может»¹, это не означает, что имена/названия не имеют никакого значения и полностью взаимозаменяемы, это значит, что именование осмысленно лишь постольку, постольку *то, что* именуют, имеет смысл. В самом деле, тот же Вингенштейн отмечает: «Мы создаем для себя образы фактов. ... Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения».²

Психология бессознательного однозначно показывает, что многие слова являются не просто условными идентификаторами, но к ним привязаны подсознательные ассоциации на архетипическом уровне. Восприятие архетипов *человеком* всегда нуминозно; а вследствие средового фактора $\psi\mu\eta$ формируется со множеством фильтров, мешающих адекватному восприятию

¹ «Логико-философский трактат», 3.142.

² Op. cit., 2.1, 2.22.

действительности, в том числе и с такими, при которых существует нечто «априорно доброе» и «априорно злое», поэтому *осознанное* понимание многих символов изначально искажено. В таких случаях часто происходит вытеснение, т.е. устранение неприемлемых влечений и переживаний из сознания.

Однако восприятие архетипа, символа и т.д. не обязано быть общепринятым¹. The Watcher, №4 (сент. 1990):

Следующее описание Дьявола, сделанное Полом Карусом, автором «Истории Дьявола», отлично характеризует природу Сатаны как ее понимают современные мыслящие сатанисты: «Дьявол — это космический бунтарь, революционер в империи тирана, оппозиция к однообразию, диссонанс во вселенской гармонии, исключение из правила, страстная жажда самовыражения, живое противоречие воле Бога, навязывающего всем определенный тип поведения; он нарушает монотонность, заполнившую бы космические сферы, если бы каждый атом в бессознательной праведности и с благочестивым повиновением рабски следовал бы предписанному курсу».

Если мы поменяем местами значения слов «стул» и «стол», то ничего в восприятии не нарушится², это будет не более чем смена условного идентификатора, указателя на функцию. Но если заметить противопоставленную пару *архетипических* терминов, то восприятие действительности исказится. Нельзя просто поменять «Добро» на «Зло», оставив все атрибуты неизменными — не зря добро *делают*, а зло — *творят*. В подобном случае, кстати говоря, и получается дьяволопоклонничество и тому подобное выворачивание восприятия действительности наизнанку. Сатанизм же — не становление действительности с ног на голову,

¹ Касательно символов это особенно наглядно для свастики после Второй Мировой, когда один из древнейших символов в результате целенаправленной пропаганды стал восприниматься в значительных группах населения исключительно как «символ фашизма».

² Нарушения могут иметь место лишь при коммуникации, когда соответствующая смена именовании не доведена до всех ее участников. При общении обмениваются не самими объектами, а их именованями, поэтому соответствующие конвенции о именованях для успешной коммуникации просто необходимы.

а отход от *человеческого* восприятия действительности.

Ад как *идея*, рожденная из Хаоса, пронизывает собой каждую из мириадов граней Его содержания, определяет центр Хаоса и пути Его развития.

Она неподвластна попыткам упрощения и применения к себе постоянных оценок, она никогда не влезет в какие-либо пределы. Познание ее возможно лишь через эмпирическое постижение ее принципов, через вмещение их в себя и преодоление собственных ограничений, — через становление ее частью.

...это *иное* восприятие Вселенной, свойственное *нашему* племени. Это путь, покрытый непроницаемой Тьмой на всех ранее существующих картах — прорыв границ, за которыми простирается территории, принадлежащие Хаосу. Это рвущаяся из Него неудержимая мощь.

Inferion

Сатана — это не другой-Бог, но анти-Бог. И в психологическом плане, и в мифологическом, и в оккультном Бог влияет на Unversum¹ так, что Сатане ничего не остается в действительности, кроме как противодействовать Богу.

Поэтому и неправомочен контртезис, который я решил профилактически опровергнуть: сатанисты якобы просто меняют «хорошего Бога и плохого Сатану» на «плохого Бога и хорошего Сатану». Подобная инсинуация показывает лишь некомпетентность как в психологии, так и в оккультизме.

Реальное отношение Сатаны к «божественному трону» хорошо описал в «Восстании ангелов» Анатолий Франс:

Ныне благодаря нам старый бог лишился земного владычества, и все мыслящее на земном шаре не хочет знать его или же презирает. Но какой смысл в том, чтобы люди не подчинялись Иалдаваофу, если дух его все еще живет в них, если они, подобно ему, завистливы, склонны к насилию и раздорам, алчны, враждебны искусству и красоте? Какой смысл в том, что они отвергли свирепого демиурга, раз они

¹ Здесь — по схеме, приведенной в Princesps Omnium. См. второе примечание в конце вводной части.

отказываются слушать дружественных демонов, несущих им познание истины, — Диониса, Аполлона и Муз? Что же касается нас, небесных духов, горних демонов, то мы уничтожили Иалдаваофа, нашего тирана, если победили в себе невежество и страх.

И Сатана обратился к садовнику:

— Нектарий, ты сражался вместе со мной до рождения мира. Мы были побеждены тогда, ибо мы не понимали, что победа — дух, и что в нас, и только в нас самих, должны мы побороть и уничтожить Иалдаваофа.

Философский аспект

Догма — это попытка создать палку об одном конце.

Д. Рудый

Не буду говорить здесь об онтологическом, космологическом и телеологическом «доказательствах» бытия божьего, о пари Паскаля, доводах Р. Декарта о существовании Бога, категорическом императиве И. Канта et cetera. Я полностью согласен со статьей Р. Хазарзара «Скептический взгляд на бытие и небытие Бога», в которой показано, что «Остается одно из двух: или закрыть глаза на метафизику и вообще не касаться теологических вопросов, чем и занимается естественная наука, или говорить о бытии или небытии Бога только на уровне гипотезы (υποθεσις) или веры (πιστις). Конечно, есть еще третий, радикальный, путь позитивизма — объявить метафизические вопросы ложными и лишёнными смысла, но от этого сами метафизические вопросы не перестанут существовать».

Отношение к Богу в сатанизме вовсе не зависит от его наличия либо отсутствия. Когда-то я это выразил так: «К вопросу о существовании единого бога. Я придерживаюсь нейтральной позиции: есть ли он, нет ли его — я все равно против».

В философском плане с учетом контекста прежде всего важно представление о Боге как об Абсолюте.

Для начала вспомним известное рассуждение А. Шопенгауэра («Новые афоризмы», 96):

Слово *абсолют*, взятое само по себе, есть нечто совершенно бессмысленное. Ибо оно — прилагательное, т.е. обозначение предиката, а предикат должен относиться к какому-нибудь объекту. Но ведь закон основания, неоспоримый закон, гласит, что *каждый объект* находится в необходимой связи с каким-либо другим; предикат же — *абсолютное* не выражает ничего другого, кроме отрицания связи с чем бы то ни было; это противоречит всякому объекту, — следовательно, предикат этот не может быть высказан ни о каком объекте, ибо тем самым последний был бы уничтожен. Так как субъект не есть объект, т.е. он непознаваем, то ему нельзя приписывать никакого предиката, — значит, и предиката *абсолютного*.

Коротко, четко и ясно. Но это не исчерпывает вопроса — вполне логично, что Бог, поскольку является трансцендентным и трансцендентальным по определению, попросту невыразим в привычных нам терминах, и тогда «Абсолют» — это не предикат, а *условное* обозначение «высшего непостижимого».

Причем, как уже неоднократно замечалось, под этим не обязательно подразумевается некая личность. Первым безличный принцип в философию, пожалуй, ввел Анаксимандр (Милетская школа, VI в. до н.э.). Из-за отрывочности сохранившихся сведений трудно дать полное определение его термину «апейрон», но можно сказать, что это нечто бессмертное, безграничное и бесконечное, но при этом не несущее мифологического значения. Это уже являлось абстрактным мысленным представлением о первоначале мира. Лао Цзы написал «Дао Де Цзин» тоже приблизительно в это же время, но концепция дао изначально постулировалась как непостижимая в принципе, поэтому я ее здесь не разбираю — интерес представляют именно попытки *понять* *Universum*, а не обосновать отказ от такой возможности.

Гераклит Темный (середина IV — начало V века до н.э.) ввел в философию понятие *Λογος*'а. В дальнейшем христианами, позаимствовав термин без понимания его смысла, тупо опошлили его до «Слова», хотя перечисление его значений занимает в древнегреческо-русском словаре почти страницу мелким шрифтом. Гераклитовский *Λογος* — это некий абстрактный всемирный закон, который управляет миром и людьми, всей Вселенной.

Однако отличие *Λογος* 'а от монотеистического Абсолюта очевидно — по мнению Гераклита, мир соткан из

противоположностей, находящихся в борьбе между собой, монотеистический же Бог властвует единолично, все остальное происходит по его соизволению или по поущению¹; далее Λογος'у имманентно присущ принцип всеобщей изменчивости, развитие, — монотеистический же Бог всегда консерватор, он пытается сохранить мир в неизменности² (это опять же безотносительно того, является он демиургом или нет); третьим принципом Гераклит ставил относительность³, Бог же всегда претендует на Абсолютную Истину.

Таким образом, если Бог и не является Абсолютом сам, то он как минимум притязает на знание (также олицетворение собой) некоей Абсолютной Истины. В случае Бога как идеи все выхолщивается вообще до маразма: некая человеческая идея объявляется Истиной a priori. Прав был А. Эйнштейн:

Бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая; при этом относительно бесконечности первой из них у меня имеются сомнения.

Резюме: в философском плане Бог прежде всего претендует на Абсолютную Истину.

Абсолютные категории в качестве «конкретного знания» бессмысленны вследствие фундаментальных свойств нашей Вселенной. Бесконечность конечными мерами недостижима, поэтому ее и невозможно «до конца» ни помыслить, ни достигнуть⁴. Ее можно только *заменить* чем-то конкретно-мыслимым — символом, описанием, моделью и пр. Но это будет уже не Абсолютное

¹ Это такой термин, обозначающий, что зло сам Бог не творит, но разрешает ему происходить. И просьба не напоминать, что в монотеизме все от Бога — я и сам знаю. Паранепротиворечивая логика, понимаете ли...

² Наглядный пример из христианства: всемирный потоп, когда люди начали развиваться иначе, чем хотелось Яхве (Бытие, гл. 6).

³ Строго говоря, Гераклит не выделил эту мысль отдельно в четком виде, но многие его высказывания указывают на это однозначно, например: «Море — вода чистейшая и грязнейшая: рыбам — питьевая и спасительная, людям негодная для питья и губительная».

⁴ См. как иллюстрации апории Зенона. Примечание: часто приходится встречать заявления типа «апории решены дифференциальным исчислением» и т.п. Здесь не место объяснять бредовость таких заявлений, так что я просто делаю профилактическое замечание: не надо забывать, что математика — это абстрактные представления, а отнюдь не непосредственное восприятие.

Знание, а его «конкретный суррогат», отбросивший что-то ненужное сейчас, а значит — отбросивший *бесконечность*, отбросивший сам Абсолют, превратившись таким образом просто в «частную истину». Которая может стать ложью при смене исходных посылок или при выявлении в этой самой бесконечности чего-то, противоречащего ей. Ведь бесконечность *может* содержать *все*...

Таким образом, любая подобная претензия философского плана — либо попытка наглого обмана, либо просто неумение четко мыслить.

Другим философским аспектом, которым можно считать следствием из вышерасписанной претензии, является нивелирование всех по принципу «перед Богом все равны», т.е. априори вводится внешняя универсальная (*абсолютная*) шкала, что просто не имеет смысла по причинам, изложенным выше.

При этом теряется собственная сущность, своя *личность*; она *de facto* отдается Богу. Индивидуальные отличия низводятся до уровня «дельта малое», главным же выдвигается именно принадлежность к «Истине». Но чтобы оставаться *собой*, надо *отличаться* от стандарта. К.Г. Юнг, «Septem sermons ad mortuos»:

Наша сущность есть отличимость. А не будем той сущности верны, то и отличим себя недостаточно.

Потому нам должно творить отличаемость свойств.

Вы станете вопрошать: А что плохого станется, если не отличить себя?

Не отличая, угодим мы за пределы своей сущности... и низвергнемся в неотличимость,... Мы, стало быть, умрем в той мере, в какой не станем отличать. Оттого-то естественное устремление Творения¹ направлено к отличимости противу изначальной опасной тождественности. Имя тому устремлению *prinzipium*² *individuationis*. Тот принцип есть сущность Творения. Из чего можно вам усмотреть, почему неотличимость и неотличение являют собой великую опасность для Творения.

¹ Текст стилизован под работы гностиков. «Творение» — вовсе не «творение божие», а именно Творение *себя*, самосовершенствование.

² Так у Юнга либо у его редактора.

Следующим аспектом философского восприятия (опять же можно вывести следование из предыдущего) является сведение к Богу всех помыслов, неприятие того, что можно обойтись без него — как же, если Истина в нем?! Этот аспект очень близок к психологическому понятию поклонения, необходимости в Боге-Отце, который имеет право наказывать за непослушание, но при этом является мерилем всего, Великим Кормчим или Защитником от Действительности в зависимости от индивидуальных особенностей восприятия.

Понятно, что это несовместимо с сатанизмом, стоящем на Пути *самостоятельного* получения знания; а то, что знание несовместимо с *верой*, в том числе и с «Истиной», элементарно. К слову — К.Г. Юнг, «Mysterium Coniunctionis», §626: «боги Ада могут быть связаны с мозгом как с тронем сознания и мышления, ибо сознание ведет к безбожному существованию, так как отрывает человека от божественной [бессознательной] совокупности».

Все, что можно сделать — Ты можешь сделать сам.
Все, что стоит того, чтобы быть сделанным — Ты можешь сделать сам.
Ты сам — источник всего.

Zergen, «Манифест свободы»

Ну и наконец философское восприятие Бога неизбежно приводит к антропоцентричности философии¹. Это не следствие «создания по образу и подобию человека Богом», но наоборот — творение Бога (или его восприятие) *неизбежно* антропоморфно, если это — восприятие *людей*. Основанием к этому является *проекция* как универсальный способ «помыслить за кого-то», в данном случае — попытка человека представить *себе* Бога, примерить — «а как Бог реализует то-то и то-то». Таким образом люди сами себя загоняют в ловушку своих представлений; причем даже наиболее продвинутые из них, оставаясь в сродстве с Богом, позволяя ему проникать в ψυχή, ограничивают себя рамками человеческого. Слишком человеческого, как писал философ...

Строго говоря, «человека» отрицают все системы, имеющие дело с *той стороной*, различаются самые незначительные

¹ Этот тезис можно было отнести и в психологический раздел.

детали. Суть идеи лучше всех выразил великий Ницше: «Человек есть то, что должно преодолеть». ... Нельзя возненавидеть в себе человека, не отрицая при этом большей части собственного жизненного опыта, не оторвавшись так называемых «корней». *Корни эти — всего лишь колодки, результат преступного сговора взбесившихся двуногих гадин, на полном серьезе возомнивших себя царями мироздания, хотя создания эти не властны даже над самими собой, не говоря уже о среде. Еще одно подтверждение того, что человек — это та самая тварь, которую в конечном итоге следует изгнать, как некоторые изгоняют «бесов»...*

Э. Райтель, «Адский текст: под черным знаменем свободы»

Таким образом, в философском плане Бог олицетворяет априорную веру, претензию на отсутствие изменений, а также антропоцентричность. Все это — не просто несовместимо с сатанизмом, но и прямо противостоит ему.

Может возникнуть возражение, что все это понятно, но если исходить из Бога в понимании рациональной теологии; а ведь Богом можно назвать просто реальность, субстанцию, первопричину — да и вообще некую «сверх-идею», частью которой мы является. Нежелание с нею мириться — суть отказ от собственной воли, а не потакание ей — вспомните этику Шопенгауэра. В этом случае разделение на «светлое» и «темное» весьма условно: это разделение одной и той же субстанции по ее проявлениям.

Уже само признание субстанции ведет к форме, близкой к теологии. Какая разница, что есть причина мира — самопричинная материя, либо некая безличная причина? Нет разницы. Между материализмом и панлогизмом разницы, кроме терминологической, нет вообще. Меду материализмом и деизмом разница только в том, где прервать регрессивную цепочку. По сути (около)теологическая доктрина начинается там, где есть попытка найти единство оснований для формализации. Ну а поскольку человек не может мыслить вне закона оснований, то такая доктрина будет всегда. И единственной по-настоящему атеистичной доктриной может быть только солипсизм¹. Но и он, как показал

¹ Скептицизм, разумеется, атеистичен, но является ли он доктриной (учением) — вопрос философский. С моей позиции это только гносеологический

Кант, не может быть обоснован без противоречия: для осознания собственного Я необходима объективация, а значит и нечто объективно-внешнее.

Но это и есть то, о чем я уже писал: *антропоцентричность*. Выдвигается тезис: если Богом *люди* называли субстанцию, причинность и т.д., то всем так и надо поступать впредь (как минимум — не возражать против). Но ведь «Бог» — это архетипический термин, и его невозможно использовать «только в одном значении», все остальные аспекты будут *неизбежно* воздействовать на подсознание, вызывая паразитные ассоциации.

Стандартная ошибка любого узкого специалиста: в данном случае философы попросту забывают о психологическом воздействии термина. Так что для *сатаниста*, даже если полагать наличие некоей «первопричины мира», ей является что угодно, только не Бог¹. В принципе, пожалуй, самой адекватной для нас «первопричиной» является Хаос (см. далее²).

Психологический аспект

А если мы обратимся к миллионам людей обыкновенных, то увидим, что вера вливает в них силу, утешает, ободряет, раздвигает горизонт и позволяет подняться над серой обыденностью.

А. Мень, «Истоки религии»

В связи с выше упоминавшейся «претензией на Истину» монобожью свойственен феномен «единственно верного поведения», следующего из догматов конкретной религии. Это вполне можно назвать одним из проявлений Бога в психике. Как когда-то писал С. Тиунов:

Или опять же христиан возьми: делят себя на грехи и добродетели, а потом удивляются воспалению вдоль линии

принцип, для формирования цельного мировоззрения его явно недостаточно.

¹ Не забывайте, что это — философский аспект, а не теологический. С т.з. теологии вполне может быть сатанист, который придерживается точки зрения «Бог создал мир, но его нужно переделать».

² Также рекомендую: V. Scavri, «Codex Tenebrae».

распила. [...] Пограничные отделения и дневные стационары психушек битком набиты ребятами, отлично осознающими, что и как с ними происходит. Толку с этого осознания — ноль повдоль. Спросите любого психиатра, что он предпочтет, работать с буйными, которые ни шиша не осознают, но за пару недель приходят в норму, или с этими тихими да понятливыми, которых годами отравой пичкают без толку.

Собственно, за некоторых из них я первоначально на попов и взъелся. Ведь что они говорят, по сути-то? «Да, тебе правильно плохо, ты ведь очень плохой, вот ты себя и наказываешь, только надо наказывать еще сильнее, давай-ка займись: составь подробный список, чем именно ты плох, и накажи себя по каждому пункту».

Терапевтический эффект представляете?

Однако воздействие Бога на ψυχή сводится не только к этому. Собственно, обсуждаемый аспект вообще характерен для психики индивида, способного обрести чувство собственного существования лишь благодаря какому-либо внешнему объекту.

Очень хорошо эту тему раскрыл Эрих Фромм в своем труде «Бегство от свободы»: слабый индивид, понимая (пусть бессознательно) собственное ничтожество, присоединяется к некоей общности, Идее, Силе и т.д., — после чего воспринимает себя как часть этой Силы и т.п., обретая в собственных глазах значимость, а заодно и «смысл жизни» и прочие иллюзии, помогающие успешно закрывать глаза на действительность. Все тот же Фромм, «Психоанализ и религия»:

Когда человек проецирует свои лучшие способности на бога, каким становится его отношение к собственным силам? Они отделились от него, человек *отчужден* от себя. Все, чем он обладал, принадлежит теперь богу, и в нем самом ничего не осталось. *Только через посредство бога он имеет доступ к самому себе.* ... Отдав богу все, что у него было, человек умоляет бога вернуть что-нибудь из того, что ему ранее принадлежало. Но, отдав свое, он теперь в полной власти у бога. Он чувствует себя «грешником», поскольку лишил себя всего благого, и только божьей милостью или благодатью может возвратить то, что единственно делает его человеком.

Конечно, человек зависим; он смертен, подвержен влиянию возраста, болезней, и, даже если бы он мог управлять природой и полностью поставить ее себе на службу, он сам и его земля все равно лишь ничтожные пылинки во Вселенной. Но одно дело признавать зависимость и ограниченность и совсем другое — довольствоваться этой зависимостью, поклоняться тем силам, от которых мы зависим. Понять реалистически и трезво, насколько ограничена наша власть, — значит проявить мудрость и зрелость; преклониться — значит впасть в мазохизм и саморазрушение.

Бог в психологическом аспекте неизбежно приводит к *décadence* в индивиде, просто в разных формах — от воинствующего фанатизма до смиренной (вплоть до гордыни!) аскезы. Этим, собственно говоря, можно и ограничиться в рамках статьи — так как подробное раскрытие темы тянет на монографию. Но приведу еще несколько важных замечаний.

З. Фрейд, «*Будущее одной иллюзии*»:

Иначе обстоит дело с огромной массой необразованных... Если я не смею убивать своего ближнего только потому, что господь бог это запретил и тяжко покарает за преступление в этой или другой жизни, но мне становится известно, что никакого господя бога не существует, что его наказания нечего бояться, то я, разумеется, убью ближнего без рассуждений, и удержать от этого меня может только земная власть.

Этот аспект весьма важен, тем более, что *мораль* может держаться лишь на *вере* в ее божественность (или равномошной). Еще Вольтер говорил, что если про Бога бы не знали, то его надо было бы выдумать как идеальное средство для сдерживания быдла в узде, отсюда же берет начало известный афоризм «Атеизм — это тонкий лед, по которому может пройти один человек, но не целая нация». Но это не обозначает полезности [идеи] Бога (равно и религии), кроме как для варианта, при котором перевозится стагнация общества, культивируется, говоря политкорректно, интеллектуальное большинство и т.д. Что опять же никак не совместимо с сатанизмом.

Кроме того, монобог в психике (опять же вследствие «Истины») противоречит и такому аспекту сатанизма, как Знанию.

Если у людей есть позитивные религиозные убеждения, т.е. они "веруют", то сомнение переживается ими как нечто весьма неприятное, и они его страшатся. По этой причине предпочитают вовсе не анализировать предмет веры.

К.Г. Юнг, «Ответ Иову».

В общем, психологически Бог представляет собой «костыли» для тех, кто не может ходить (думать) самостоятельно. Калекам костыли помогают кое-как передвигаться, никто не спорит. Удобнее/быстрее, чем без них. Но вот здоровым — костыли мешают...

Я соответственно возражаю Вам, когда Вы приходите затем к выводу, что человек в принципе не может обойтись без иллюзорного религиозного утешения, что без него он якобы не вынес бы тягот жизни, жестокой действительности. Да, но только человек, в которого Вы с детства вливали сладкий — или кисло-сладкий — яд. А другой, воспитанный в трезвости?.. Конечно... он попадет в ситуацию ребенка, покинувшего родительский дом, дом, где было тепло и уютно. Но разве неверно, что инфантилизм принадлежит преодолению? Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет». Мы можем называть это «воспитанием чувства реальности», и должен ли я еще разьяснять Вам, что единственная цель моего сочинения — указать на необходимость этого шага в будущее?

З. Фрейд, *op. cit*

И по этому аспекту есть стандартное возражение, аналогичное разбиравшемуся в конце предыдущего раздела. Чаще всего исходят из работ Юнга, который признавал психотерапевтическую роль религий (не забывайте про «костыли»), и часто писал про Бога в качестве трансцендентальной основы психики. «Нераскрытая самость»:

Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе.

Но здесь необходимо учесть, что Юнг, постулируя необходимость Бога в $\psi\mu\chi\eta$ (как мне кажется, по культурно-психологическим причинам), имел в виду отнюдь не монотеистического бога какой-либо религии, а некое трансцендентальное ощущение единства с бытием¹ — в «AION» он даже написал, что термин «Дао» иезуиты вполне логично перевели как «Бог». Такой перевод является полным бредом с точки зрения религиоведения либо философии, но в рамках концепции Юнга и с учетом контекста он вполне адекватен.

Соответственно, если для большинства людей архетипом, соответствующим самости, вполне может быть Бог (разумеется, без монотеистических религиозных заморочек типа требования поклонения), то для сатанистов Бог неприемлем. Трансцендентальная функция здесь как раз и есть инвольтация к эгрегору, или, в психологических терминах, энтелехия к архетипу Сатаны, который и соответствует самости для сатанистов.

Бог как метафизическая Сила

Я ко всему могу относиться равнодушно.

Равнодушно — но не одинаково.

Чарльз Лем

А.Ш. ЛаВей, «Сатанинская библия»:

Весьма популярным заблуждением является представление о том, что сатанист не верит² в Бога. Концепции «Бога» в толковании человека менялись на протяжении столетий столь сильно, что сатанист просто принимает ту, которая ему подходит больше. Ведь это Человек всегда создавал богов, а не они его. Бог милостив для одних, ужасен для других. Для сатаниста же «Бог», каким бы именем он ни был назван, или даже не назван вообще, — видится неким уравновешивающим природу фактором и не имеет отношения к страданию. Эта могущественная сила, пронизывающая

¹ Именно поэтому Юнг неоднократно заявлял о «лучшести» католицизма относительно протестантского вероисповедования — из-за большей обрядовости. См. к примеру, «Символ превращения в мессе».

² Неточность русского перевода. В оригинале believe, а вовсе не faith. К сожалению, на русский оба понятия переводятся как «вера», что создает предположения к неверному пониманию.

и поддерживающая равновесие всей Вселенной, слишком обезличена, чтобы заботиться о счастье или беде существ из плоти и крови, живущих на шарике из грязи, что является нашим домом.

В приведенной цитате ЛаВей практически описал этот аспект. Гораздо более подробное описание метафизической модели Сил содержится в моем с Olegern'ом труде «Princeps Omnium», и я не вижу смысла приводить в короткой статье столь значительные по объему цитаты.

Отмечу здесь лишь то, что точнее будет не «поддерживающая равновесие» Сила, а именно сила, противодействующая Изменению.

Deus здесь понимается не как Сущность (согласно принятой религиозной трактовке), но как Сила, которая стремится сохранить Вселенную неизменной, Абсолютный Порядок¹, в пределе это выражается недостижимым Абсолютным Нулем.

Чтобы не делать отдельную главу из пары абзацев, приведу здесь и оккультную точку зрения на монобога.

Если посмотреть на ислам/иудаизм/христианство, то бог монорелигий — это племенной божок, коих у любых пигмеев пучок на пяточок, но возведенный в ранг *единственно существующего*. Бог-ревнитель, постоянно напоминающий о том, что кроме него никого нет (зачем, если действительно нет?). При этом монорелигии последовательно развили семитскую идею о том, что люди созданы богами исключительно для того, чтобы их кормить и приносить жертвы (сравните со здоровым язычеством). Но если в язычестве жертвовали еду, скотину, людей — причем далеко не так часто, как пропагандируется монотеистами (хотя существовали и весьма кровавые цивилизации — те же ацтеки), то в монотеистических религиях пошли дальше — требуется *полное* принесение в жертву *каждого* человека, причем не только физическое, но и психическое. Вот и раскормили шаддая до

¹ Это не обозначает метафизическую инертность Deus'a. Deus и Satanus метафизически оба активны и противостоят друг другу; но активность Satanus имманентна, между тем как активность Deus выражается лишь в попытках сохранить неизменность, противостоя изменениям, производимым Satanus (цит. и прим. из Princeps Omnium).

соответствующих размеров. А все остальное, что потом накрутили богословы да талмудисты — всего лишь следствие, и имеет значение лишь для тех, кто разделяет их первичную предпосылку «нет бога кроме такого-то, см. инструкцию».

Что же касается прогонов про «Всеблагой Абсолют, который есть Любовь», то это типично анашовая тема. Вы недельку не курите, и Абсолют сам рассосется... К сожалению, подобное состояние вызывается у верующих не внешними опиатами.

В принципе все монотеистические религии строятся на одном и том же — поглощении личности на всех уровнях, от физического до атманического, вампирической сущностью достаточно низкого уровня, но обладающей значительной энергетикой, хотя и весьма «рыхлой». Монобог — это вампир, но не импозантный граф Дракула, а обычное вонючее болото, которое засасывает в себя все, что в него попадает, и превращает в гниль...

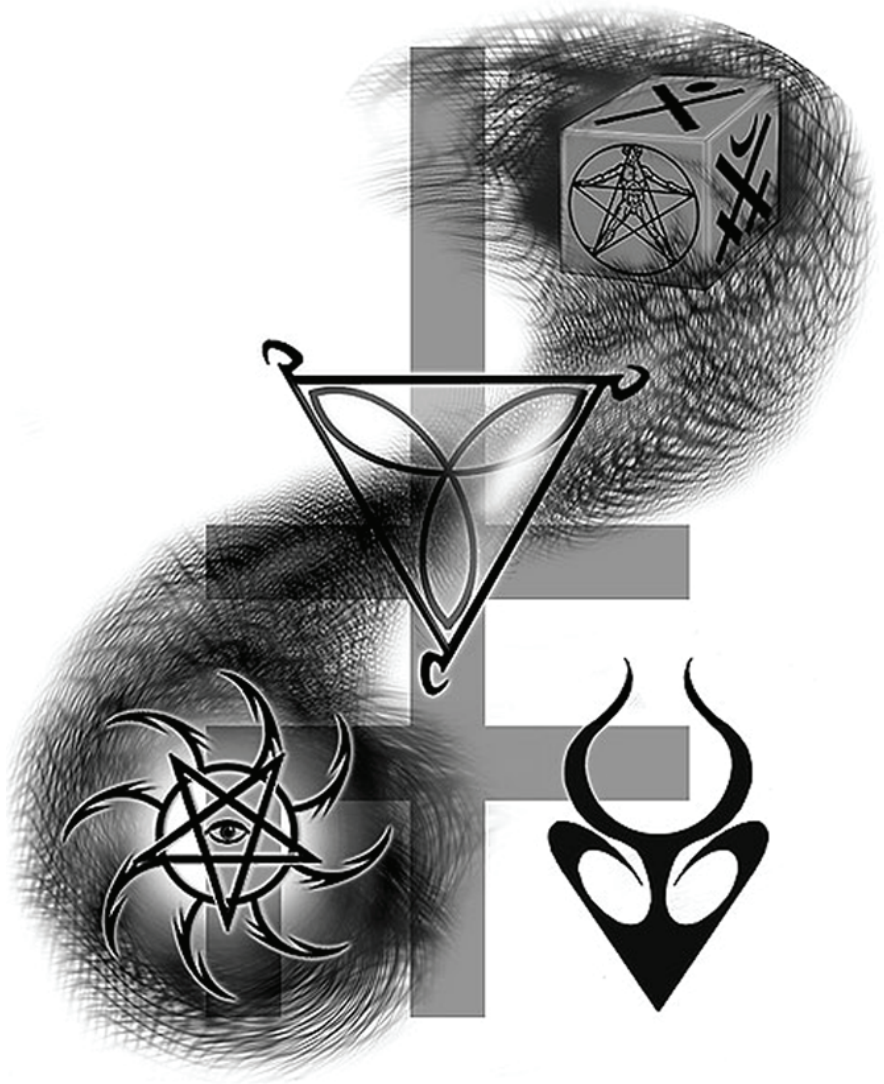
Visio Vigilantum

Тьма приходит всегда.

В Princeps Omnium описывалась метафизическая система Сил, более соответствующая сатанинскому мировосприятию, чем приводимая Юнгом. Однако темой исследования, предпринятого в Р.О., был архетип Сатаны как «следование определенному архетипу сквозь все религиозные и философские системы», и не более того. То, что эта книга — не учебник по сатанизму, я писал неоднократно, но в этой статье я отмечу и другой нюанс: приведенная там метафизическая модель отнюдь не «самая сатанинская».

Как я уже отмечал выше, заявлять о 100% нечеловечности — безосновательно. Поскольку суть сатаниста вынужденно скована оковами плоти хумана, а психика и физиология тесно связаны друг с другом (хотя бы тем, что *структура* психики определяется биологическим видом, в отличие от *наполнения* структуры и отношений между ее частями¹, чем нелюди и отличаются от хуманов), схема Universum => (Deus, Satanas) => Actiones верна именно для *человеческого* наполнения структуры ψυχη, которая

¹ Наиболее показательное отношение к Тени и Супер-эго.

тем не менее сумела создать *иной*, не-человеческий архетип. Мы с Olegern'ом писали, что в этой модели «именно такие названия не обязательны, вместо них, к примеру, возможно использование терминов Порядка и Хаоса, но, учитывая отношение данной работы к сатанизму, такие термины представляются более удобными в данном контексте, обладая по отношению к архетипам дополнительными оттенками». Это верно, но если рассматривать картину с другой точки зрения, не-человеческой составляющей,

то архетипическое рассмотрение уже не дает точной картины, и требуется обратиться к более абстрактным метафизическим категориям.

Свет выделился в движении Хаоса от одного из начал Хаоса, и отделился от Него, явив средоточие айн-соф, как зерно противоположного в развитии Хаоса.

Свет стал причиной войны в Хаосе, продолжающейся до последнего срока Времени; Ублюдочный по своей сути, чуждый стремлению Хаоса, Он стал причиной разделения и смешения, противных природе Тьмы, и изменил суть вещей в Хаосе.

Свет, как сила, возникающая от одного из возможных начал Хаоса, в Хаосе присутствует, и обретает реальность собственного бытия, паразитируя в Хаосе;

Свет существует процессами, ведущими к разрастанию в Хаосе и к изменению сути Хаоса в собственную суть, что есть стягивание существа Хаоса к небытию во Свете;

Свет несет гибель бытию Хаоса, насаждая собственное бытие. Потому Свет есть Враг; Он есть то, что должно быть уничтожено, ибо, разрастаясь, Он изменяется, и становится сильнее.

V. Scavr, «Codex Tenebrarum / Tenebrae Primae»

Свет не есть Бог; но Бог есть порождение Света — *septies hostis*. Свет преломляется в Боге, фокусируется и направляется Богом.

Поэтому структура Pandemonium'a не содержит Бога даже как абстрактную Силу Deus'a. Ад — место, где Бог *не может* появиться и *не может* проявиться в какой-либо форме. Единственная «свобода от», существующая в Аду, — это свобода от присутствия Бога; ведь именно его присутствие — противодействие всем «свободам для».

Ад — это Изначальный Хаос, упорядоченный не Богом, не Порядком, но — **Тьмой**.

В отличие от Бога, Тьма не является *сдерживающей* силой, но — *упорядочивающей*. В Тьме как в Бездне содержится все в непроявленном виде; Хаос содержит ВСЕ — он содержит и Порядок как частный случай, как одно из своих *проявлений*; Тьма, являясь структурой, упорядочивает проявления Хаоса до осуществления действительности, но не до Неизменности, как это стремится сделать Свет.

Бодрствующие и Видящие во Тьме заменяют приведенную в *Princeps Omnium* структуру на *Universum* => (*Tenebrae*, *Chaos*) => *Actiones*, так как *Satanas* на таком уровне развития становится не Силой, но Сутью.

Natura nostra infernus est.

Pereniat deus
Ascendiat Tenebrae
Conflagret universum
Adveniat Infernus
Itrum atque itrum Christus cruciarius erit
Demiant sigilla supra pestes
Adveniat Infernus
Pereniat septem hostes
Conflagret mortales
Adveniat Mortis
Rebelliant daemonis
Conflagret universum
Pereniat deus
Adveniat Infernus

V. Scavr, «Codex Decium»,

June XXXVIII A.S.
Special for «CONTRA DEI»

Выражаю благодарность за β -тестирование статьи и замечания по теме Р. Хазарзару, DoctoR'у и Obscur'у.

Опубликовано в журнале «CONTRA DEI» №1¹, XLI A.S.

¹ Электронная версия: http://warrax.net/contra_dei/1/cover.html

Анофатика сатанизма

Отсутствие закона не освобождает от ответственности.

Вместо вступления

Разговор в конце прошлого века, завершение темы:

— Лет десять назад при упоминании о сатанистах люди пожимали плечами: «А кто это?»; лет пять назад удивлялись, что таковые есть: «Ведь это очень плохо, да?»; а сейчас опять пожимают плечами: «Да, я в курсе — у нас в подъезде каждый день сатанисты водку пьют».

Профанация сатанизма сопровождается собственно сатанизмом на протяжении всей его истории — начиная с ла Вуазье и клуба Адского Огня¹. В XX-м веке «эзотерическая» вульгаризация дополнилась буквальным прочтением ЛаВея с уклоном в гедонизм², в конце тысячелетия интернет облетело поветрие, что сатанизм, выражаясь словами известного мультика, это «люби себя, чихай на всех — и в жизни ждет тебя успех». Причина этого очевидна. Великие имена привлекают ничтожествов; и как Наполеон Бонапарт не виноват в наличии своих «последователей» из

¹ Строго говоря, внешних целей не бывает, любая цель субъективна ввиду субъективности самого процесса целеполагания. Внешней может быть направленность цели: вся субъективная вселенная делится на два поля — сам субъект (самоосознание) и окружающая среда (самоотделение). Вот мотивации, овеществляющиеся на втором поле, и могут быть условно названы «внешними целями» (пример: «великая американская мечта»). А цели, связанные с изменением самого субъекта, в этом случае будут номинироваться, как «внутренние» — даже если для их целедостижения и придется выйти за личностно-субъективное поле. Обратите внимание, что ни в том, ни в другом случае о какой-либо качественной оценке самих целей речи не идет. Итого — не важно, на каком поле протекает целедостижение, важно лишь то поле, на которое направлено целеполагание.

² Причем под гедонизмом «лавеистами» подразумеваются исключительно человеческие наслаждения — пожрать, напиток, потрахаться. То, что может каждый, — или почти каждый. Удовольствия истинно монументальные, удовольствия прорыва, открытия, атаки, созидания, разрушения — этой категории населения недоступны.

психиатрических клиник, так и Сатана не имеет непосредственного отношения к обывательскому «сатанизму», представители которого хотят иметь *чувство принадлежности* к чему-либо великому, так как *боятся остаться наедине с собой*. Смотря в зеркало, они видят *пустоту*; активное же преобразование себя — личностный рост — им недоступно, и поэтому они тщатся увидеть в зеркале хотя бы отблеск чужой славы, чтобы заявить: «И я причастен к этому!» Ни о какой *ответственности* речь при этом не идет, при нахождении другого кумира объект, с которым декларируется сродство, будет сменен, а при малейшей угрозе последует отречение.

Однако эта статья не о психологических особенностях человеческой наикипи, а о сатанизме. Точнее — о том, чем сатанизм *не является*.

Определение сатанизма, ясное и понятное для всех, в том числе и для несатанистов, отсутствует в настоящем и вряд ли будет сформулировано в ближайшем будущем — ведь доосознанное ощущение причастности к чему-либо всегда индивидуально, а, значит, и речи быть не может ни о какой универсальной формализации. Попробуйте дать четкое определение времени, пространству или материи — такое, чтобы оно устраивало всех, независимо от сфер и границ применения... Разница лишь в том, что Сатану таким образом — неотрывно от самого своего существования — ощущают лишь сатанисты. Мое определение «инвольтация к эгрегору Сатаны» — вполне адекватно, но ощутить то, что стоит за этим определением¹, может если не непосредственно сатанист, то как минимум Темный оккультист.

Тем не менее, для практической цели «отделения овец» вполне достаточно сформулировать не то, что есть сатанизм, а то, чем он однозначно не является. Я не утверждаю, что сумею перебрать все возможные варианты профанации, но хотя бы пройдусь по

¹ Точнее: понять его может любой субъект с достаточно развитым интеллектом и знанием темы. А вот для того, чтобы более-менее полно прочувствовать его, нужно именно быть инвольтированным. Ведь понимание сформулированного кем-то определения чисто левополушарно, оно требует всего лишь знакомства с соответствующей терминологией и способности мыслить логически. Для корректного понимания определения в общем не нужны ощущения и переживания, сходные с таковыми у автора определения. Понимание на логическом уровне — отнюдь не гарантия причастности. Примеров масса: наркомания, умирание, оргазм, и пр. и пр.

некоторому их набору. Некоторые из читателей смогут ощутить за всей этой апофатикой ту структуру, которая, собственно, и вызывает отторжение любой профанации, другие же, по крайней мере, смогут понять, каковы наиболее общие признаки мировоззренческих систем, безусловно не являющихся сатанизмом. Но для начала логично сформулировать, зачем написана эта статья:

Профанация сатанизма искажает его суть, — одного этого было бы достаточно;

Профанация сатанизма мешает стать на Путь тем, кто на это способен, но еще не имеет достаточно знаний для отделения сути от формы — многие из них преодолеют этот барьер, но утраченного времени не вернешь;

Профанация сатанизма создает искаженный концепт сатанизма в социуме — и тем самым не дает относиться к сатанизму адекватно: и пусть лучше путают с кошкорезами на кладбищах, чем с обычными обывателями, застывшими на психологической стадии пубертатного периода¹;

Профанация сатанизма тормозит развитие цивилизации в маловероятном, но теоретически возможном развитии от человеческого, для начала — хотя бы от чел-овеческого;

Профанация сатанизма — это, безотносительно объекта, профанация, — действие, несовместимое с разумностью; любая профанация, вводимая как концепт, противодействует развитию цивилизации и личностей.

Примечание: Эта работа — материал для размышления, а не монография о психоложестве. Аргументация будет дана тезисно — *sapienti sat*.

Некоторые примеры схожи: чаще всего синдром проявляется комплексно по нескольким пунктам.

Уведомление: все виды профанации, рассматриваемые ниже, не выдуманы мной, а взяты из реальных высказываний. Приводятся в произвольном порядке — как вспоминались.

Итак, с сатанизмом несовместимы:

¹ Подробности — см. Den-M, Warrax «Протоколы вскрытий сотонских муд...» — <http://warrax.net/protocols/cover.html>

Эгоцентризм

— Нас голыми руками не возьмешь!

— А вас голыми и брать противно!

«Главный принцип и единственный принцип — объявить себя своим единственным повелителем, высшей ценностью», — вот такое скромное заявление.

Да, сатанизм — индивидуалистическое мировоззрение, то есть — не стадное. Это *не значит*, что у сатанистов нет ничего общего; сказанное относится именно к *восприятию*. В сатанизме нет *догм* — некоего «единственно верного способа восприятия Сатаны», но *восприятие Сатаны присутствует у любого сатаниста*. Профанация в данном случае обычно заключается в том, что под индивидуализмом понимается «что хочу, то и ворочу» — ситуация весьма сходна с профанацией Закона Телемы.

Эгоцентризм же — это именно заикленность на своем *его*, которое является лишь *частью* психики, т. е. эгоцентризм является заведомо ущербным принципом. Психика сатаниста должна быть достаточно развита для того, чтобы сатаниста можно было назвать личностью — это логично вытекает из наличия мировоззрения как целостного системного представления о мире и своем месте в нем. Акцентуация же на *его* делает гармоничное развитие психики невозможным — для такового требуется тесное взаимодействие с бессознательным.

Индивидуализм — это прежде всего *ответственность* перед собой: те принципы, на которых базируется личность, не заимствованы, а разработаны самостоятельно. Индивидуалист не является ни конформистом, ни нонконформистом — он всегда следует тому, что *подходит ему лично*. Но «лично» — это именно психика *в целом*, а не одно лишь *его* (к тому же часто криво понимаемое как осознанные хотения и не более того).

Сатанист — разумный эгоист, а не эгоцентрик. Вследствие этого — разумный *стратегически*.

Примечание: разумность — *системная* категория, которая *не эквивалентна* «уму», «интеллекту» и т.п. Разумность автоматически подразумевает наличие личности¹.

¹ В этой статье «личность» трактуется более узко, чем общепринято. «Итак, „Личность не равна индивиду“ — А.Н. Леонтьев. Здесь личность

Беспринципность

...и тогда будет тебе счастье с опциональной аллилуйей.

Здесь все просто: личность не может существовать без «стержня», без базовой структуры. А любой сатанист — личность.

Профанация такого вида обычно попадаетея вместе с кривым пониманием индивидуальности как эгоцентризма. Комплексно все это сводится к тому, что сатанистом имеет наглость называть себя обычный хитрожопый обыватель, который даже гордится своей бесхребетностью и умением вовремя прогнуться: «Надо только вовремя подлизывать попец», — «Сектор Газа».

Речь идет даже не о «сатанинской личности», а в общем — о *цельной* личности. А цельность личности несовместима с аморфностью принципов, личность просто *не может* легко перенести ломку своего каркаса. Тут аналог не с «мачтой, которая гнется, чтобы не сломаться», а с деревом, имеющим настолько мощный корень (в отличие от кустов), что оно выдержит любую бурю. Но если ему перерубить этот корень — дерево упадет даже при отсутствии малейшего ветерка. Оно просто не сможет стоять без него. И из дерева превратится в бревно... Беспринципность невозможна при наличии гордости, а суть гордости — «не жертвовать внутренними принципами в угоду внешним обстоятельствам»; гордость же имманентно присуща Сатане.

Сильная личность не приспосабливается под окружающий мир, сильная личность приспосабливает его под себя.

Н. Макиавелли.

рассматривается как эволюционно-прогрессивная форма существования субъективного разума, характеризующаяся наличием осознанно сформированного мировоззрения (системы внутренних принципов), а также развитием интеллекта и воли, достаточным для того, чтобы этими принципами руководствоваться. Мы придерживаемся позиции, что личность можно разрабатывать в себе только самостоятельно, тщательно прорабатывая психику; при этом любая личность всегда уникальна, хотя вполне может иметь общие черты с другими личностями.

Подмена сатанизма в целом на одну из граней восприятия

*...а на каком основании ограниченность
некоторых делать законом для всех?*

Собственно говоря, отдельные частные случаи упоминаются в этой работе самостоятельно, но об этом виде профанации стоит сказать именно в общем виде. Мы не познаем реальность; мы лишь строим модели действительности.

Ergo — и добавляя субъективность восприятия — мы всегда познаем лишь *часть* цельного феномена¹. При этом феномен всегда *системен* — так, читая термин «собака», мы получаем представление о множестве разнообразных объектов, весьма отличных друг от друга. У всех собак есть некое общее для соответствующей категории объектов свойство «собачности», которое и позволяет относить к одному множеству чихуахуа и мастифа. Однако, если кто-либо вырос в месте, где присутствовали лишь служебные собаки, он вполне, на его взгляд, резонно может сказать, увидев болонку, что это не собака. Возвращаясь к теме — аналогичным образом, вполне вероятно, что кто-то привык воспринимать нечто в сатанизме — к примеру, «true black metal» или оккультизм — как самое важное, заявляя, что остальное не заслуживает внимания.

Но здесь не все однозначно, могут быть разные «степени проявления»:

1. «Это мне ближе, чем остальные проявления сатанизма». В такой позиции все адекватно — имярек избирает свою «специализацию».

2. «Настоящий сатанизм — только вот это, а остальное — <проставить по вкусу>». Такая позиция несовместима с сатанизмом. Формально — так как сатанизм адогматичен, по сути — тем, что здесь имярек *не воспринимает* сатанизм в целом, хотя и способен на восприятие *отдельных* проявлений. Обычно в таком случае идет «выброс низкоуровневых эманаций» — так и появляются «дьяволопоклонники», насилующие по ночам пьяных кошек на кладбищах, или «лавеисты», сводящие сатанизм к гедонизму, или «трублэкеры», заявляющие о том, что весь мир должен быть

¹ Строго говоря, выделение некоего феномена (объекта) — это также вопрос восприятия, но не будем отвлекаться на философию.

разрушен физически, и любое убийство — немерянный рулез, и т.п. Впрочем, не спорю, что в отдельных случаях подобные деятели могут даже приносить пользу, я лишь против отнесения их непосредственно к сатанистам.

3. «Самое правильное восприятие — у меня, а воспринимающие Сатану другим образом — ущербны, хотя и являются сатанистами». В этом случае ситуация балансирует на грани. Описанное мнение может быть особенностью восприятия / психики, которое, хотя и конфликтует с разумностью, все же не противоречит сатанизму — невозможно быть экспертом во всем. Скажем, лично я полагаю, что являюсь неплохим публицистом, но у меня отсутствует музыкальный слух как класс. Можно ли требовать от, скажем, прирожденного поэта строгого логического дискурса в его стихах?

Но отмечу, что с такой позиции — «самое правильное восприятие» — очень легко скатиться до «единственноверного восприятия», см. п. 2.

Вариантом этого вида профанации может быть и акцентуация на каком-либо аспекте либо следствии сатанизма как на определяющем, т. е. становление аспекта над системой, причем — в утрированной форме. Ну, скажем, «все сатанисты должны слушать только black metal», или «все сатанисты должны ходить только в черном», или «все сатанисты должны ненавидеть всех людей, независимо от того, что эти люди из себя представляют».

При этом ясно, что сатанистов, получающих удовольствие от прослушивания попсы, одевающихся по самой последней клубной моде и любящих всех людей скопом — не бывает.

Эскапизм от социума

Жить в обществе и быть свободным от общества — можно, нужно и будем.

Николай Казаков

Казалось бы, здесь скрыто некое противоречие — в конце концов, какое отношение сатанизм имеет к социуму (т. е. человеческому)? Но, как писал Фридрих Ницше, противоречия автора большей частью находятся в голове читателя.

Так и здесь — понятно, что Ад с человеческим обществом не пересекается. Но при этом «нечаянно забывается», что никто не

отменял проекции Ада (сатанизма) на социум. Сатанисты живут отнюдь не в сферическом вакууме — а на Земле, во вполне себе чел-овеческом социуме. Это — *факт*.

Соответственно, сатанисты — *by default* — должны *действовать*, преобразуя среду обитания в более подходящее место. Выражаясь оккультной терминологией, сатанисты — это авангард Легионов Ада, подготавливающий Открытие Врат. И такие действия *имманентно присущи* сатанистам. Тот, кто это не делает, — *не сатанист*.

Разумеется, может быть вариант «сатанинского отшельника», которого крайне мало интересует социум — в конце концов, у каждого из нас есть опыт нахождения с Тьмой глаза-в-глаза, единения «Я» с Бездной. Но «отшельничество» — личная позиция, причем — временная¹. Разговор идет о другом — об эскапизме, т.е. «я — крутой сатанист, и социум меня вообще никак не волнует».

Дело в том, что никак не волновать социум может в *единственном* случае — «мне безразлично, что вокруг, я все равно неплохо устроюсь». Что, в свою очередь, логически приводит к выводу — *имярек является приспособленцем*. Т.е. — *отсутствует личность*, а любой сатанист является личностью *by default*.

Или же данный индивид рассуждает так: «Пусть вокруг творится все, что угодно — мешать не стану, меня не интересует ничто, кроме своего внутреннего мира». И это также несовместимо с личностью, ибо личность по определению стремится к экспансии, к расширению границ своего влияния на действительность. Если она может действовать — она будет действовать. Уход от действительности во «внутренний мир» — это те самые «духовные мечтания», о которых писал еще дедушка ЛаВей.

Таким образом, сатанист, разумеется, может не интересоваться политикой и т.п. специально, но у него — как у *любой* личности — *есть* сформированные ответы на вопросы этического и социального характера. Позиция же «я — вне социума!» говорит в лучшем случае о недоразвитии личности (чаще — еще и об умственной недостаточности).

¹ Я не отрицаю теоретическую возможность подобной постоянной жизненной позиции, но никогда даже не слышал о сатанистах такого рода. Оно и понятно: если и есть такие отшельники, то о них никто и не мог слышать, иначе это были бы не отшельники, а позеры.

Кроме того: для всех сатанистов, которых я знал, характерен поиск и достойных учителей, и достойных учеников¹ (вовсе не обязательно «по сатанизму»). Вне социума это невозможно.

При всем этом нет некоего единого стандарта социальных и политических взглядов для сатанистов. Тем не менее и здесь — как и во всем — неизбежно проявляется *системность*. Так, любой сатанист a priori является сторонником Империи² (Ад — это Империя), а вот сатаниста-либерала³ никто никогда не видел (сюда же относится бред вида «сатанист толерантен к другим мировоззрениям, покуда они безразличны к его эго и не вторгаются в его личную жизнь»).

Ад и Хаос — это примерно как народ и партия в известном лозунге. Хаосу свойственно расширяться. Поэтому a priori сатанист — Завоеватель.

То же самое легко выводится без всякой метафизики, на системном поле:

1. У любой системы достаточной сложности возникают новые метациели (пусть даже стохастически, или как реакция на среду, не говоря уже о внутрисистемных потребностях);

2. Стремясь реализовать еще и их, при этом без ущерба для себя, она фактически стремится к переходу в еще более сложное состояние;

3. Это вызывает повышение ресурсопотребления (экстенсивное — больше прежних ресурсов или интенсивное — требуются новые ресурсы и перераспределение старых);

4. В незамкнутых системах это значит *повышение экспансии*

¹ Не путать с «гуру» и прочим. Взаимоотношения ученик/учитель для любого разумного обозначают отнюдь не догматическое послушание, а обмен информацией. При этом учитель, систематизируя информацию, сам получает важный опыт, который подвигает его к дальнейшему развитию. Кроме того, очень часто отношения ученик/учитель могут быть двусторонними: каждый учится у другого.

² Термин также профанирован: к примеру, часто империей называют Америку, что даже не смешно. Империя — это государственное устройство, при котором совпадают системные цели государства и граждан, которые согласны с метафизической идеей Империи. Nota bene: из того, что сатанист — имперец, не следует, что он будет поддерживать *любую* империю (и тем более — во всем).

³ Во избежание путаницы: либерализм можно описать системой «Как я, так и все»; «Живи и давай жить другим»; «Не мешай»; «Если тебе что-то не нравится — отвернись»; короче говоря — третьей этикой по К. Крылову.

Примечание: Империя (см. пред. сноску) — это четвертая этика по Крылову.

вовне, т. е. завоевание этих ресурсов (экстенсивно — «захват количества», интенсивно — захват новых ресурсов, обеспечивающих более эффективный результат);

5. Ergo: *любая* развивающаяся сложная система — «завоеватель».

Проекции на социум могут выглядеть весьма причудливо: скажем, расы и нации не имеют никакого отношения к сатанизму непосредственно — они однозначно относятся к человеческому, а не к демоническому. Тем не менее как-то не приходилось слышать, скажем, о негре-сатанисте¹. С нациями то же самое — они безразличны сатанизму непосредственно, но при этом сатанист, воплотившийся на Земле, уже не может игнорировать этот вопрос «здесь и сейчас». Для не понимающих: попытайтесь себе представить жизнь сатаниста, скажем, в Афганистане или Чечне (понятно, что не в виде военного, который зачищает эту область, а именно жителя).

Сюда же: сатанизм не является производной от христианства и не завязан на таковом. Но *в имеющемся социуме* христианство сильно и очевидно действует в целях, противоречащих сатанизму. Ergo — в настоящем сатанист не может не быть антихристианином². Разумеется, это не значит, что каждый сатанист будет тратить все свое время на противодействие христианству — у разных сатанистов противодействие этому миру тоже разное, в зависимости от «специализации».

В общем виде: *эскапизм от социума представляет собой уход от ответственности за качество среды собственного обитания, то есть от ответственности перед собой* — что, очевидно, несовместимо с сатанизмом (как и с наличием личности вообще).

Примечание: осознанное *психическое отстранение от среды*, соблюдение жесткой дистанции (в конце концов, сатанисты — не люди)³, обеспечивающее элементарную психогигиену личности, совсем не равнозначно бегству от этой самой среды.

¹ Наглядно: сравните расовый состав групп, играющих Black Metal. Вообще говоря, вроде бы в Blasphemy басист — негр, но я лично не в курсе, сатанист ли он (как и остальные участники группы).

² Здесь я про Россию. Понятно, что где-то все не так: скажем, ислам в другой местности может быть более вредоносен, и приоритет изменится. Более того, приоритет меняется уже на глазах — см. работы Гийома Фая о необходимости смены геоцентрической концепции на этноцентрическую для выживания белого мира.

³ Понятно, что разговор идет не о физическом теле.

Отсутствие творчества

Скромность красит человека. В серенький цвет.

Здесь все очень просто — *личность не может не творить*. Но можно объяснить и «строго через сатанизм»: как вы себе представляете действия, связанные с продвижением Ада в этот мир и не включающие творчество?

Разрушение — это тоже творчество. Чтобы много разрушить — нужно много творить. Разрушение без творчества — это отрывание крыльев у бабочек, детский лепет. Творчество без разрушения тоже мало стоит — настоящий творец разрушает представления, парадигмы, законы, нормы. Обратите внимание: все великие научные открытия и инженерные достижения так или иначе связаны с Разрушением. Таким образом, можно установить связь Творчества со Злом на метафизическом уровне.

Так что здесь профанация выявляется просто: если некто заявляет что-то типа «мне незачем что-то делать, чтобы иметь право называть себя сатанистом» — ну, вы поняли... Впрочем, заявлять и не обязательно — достаточно *не творить*.

Примазывание к «сильному мира сего»

Ever heard of a dyslexic Satanist? The one who sold his soul to Santa?

Согласен, что позиция идиотская, но считаю нужным ее упомянуть — бывает и такое. Кратко излагая: «Сатана — владыка мира, а я тогда — сатанист, так как хочу к этому примазаться». Понятно, что тезис я изложил «в лоб», но — отнюдь не утрируя. Приходилось читать подобное вплоть до «РПЦ сейчас в России рулит, значит, они — сатанисты».

С психологической точки зрения — все яснее некуда. Ничтожество — пусть бессознательно — чувствует свое место, и пытается поднять свой статус принадлежностью к имеющему могущество.

Старый детский анекдот. Заходит заяц в ресторан:

— Кто тут на меня? — все молчат.

— Ну кто, труссы?

Встает лев:

— Ну, я...

— Тебя как зовут?

— Лева...

— Кто тут на нас с Левой?!

Важно: самим фактом примазывания это ничтожество в чем-то *пытается опустить* имеющего могущество к собственному уровню, так как ничтожество *в принципе* не в состоянии подняться ни на пядь выше текущего состояния. Во многом исходя из этого и пишется эта работа — нужно стряхивать подмазывающихся ничтожеств. Дабы они самим фактом своего присутствия не тянули сатанизм назад, к чел-овеческому...

«Все — сатанисты»

На вопрос «что вы здесь делаете?» 72% респондентов ответили отрицательно.

Встречается и такая точка зрения... Типа «все — сатанисты, только этого не осознали». Некоторые заявляли такое даже про животных. Сюда же относятся тезисы типа «каждый, называющий себя сатанистом, является таковым, если не доказано обратное».

С оккультной точки зрения бредовость ясна: сатанист — это демон/бес в теле человека, а вовсе не любой хуман.

С гносеологической: если X — свойство *любого* объекта, то X — *бессмысленно* для выделения конкретного подмножества объектов из этого множества, так как не описывает ничего, что позволило бы как-либо классифицировать объекты, в данном случае — выделить сатанистов из общей массы.

С психологической: здесь дело не только в том, что нет восприятия архетипа Сатаны, но и в стремлении несмотря ни на что называть себя сатанистом. Так как определиться с тем, что является сатанизмом, не-сатанисту попросту невозможно, деятели такого рода не в состоянии дать сколь-либо приемлемое определение сатанизму; вот поэтому и делается такое заявление — мол, все сатанисты, включая жвачных млекопитающих, так что и определений никаких не надо, и сатанизм изучать не надо, и о развитии никакой речи не идет — посмотрите на пасущиеся стада и успокойтесь...

Восприятие как временного явления

*Если с первого раза у вас не получилось —
парашютный спорт не для вас.*

Иногда встречается мнение, что сатанизм — это нечто временное, этап развития, который можно «перерасти». Замечу, что профанирование такого рода не обязательно направлено на себя: возможен вариант, когда мнение направлено на другого — мол, «перебесится». Понятно, что в этом случае говорить о восприятии Сатаны не приходится — имярек воспринимает лишь отдельные атрибуты, а сатанизм понимается как нечто *внешнее*.

О том же, кто заявляет, что он, дескать, был сатанистом, а потом перестал — и говорить не стоит, понятно, что сатанистом такой индивид никогда и не был. Аналогично: тот, кто заявляет, что сатанизм можно «перерасти» — никогда сатанистом не будет.

Сатанизм не приемлет ни предательства, ни отступничества, ни даже успокоенности; Легионы Ада — если не в сражении — *всегда на марше*.

И где бы мы ни были, где бы ни был один из нас —
Мы остаемся в верности Аду.
Мы остаемся верны себе.
In Officio permanimus¹.

V. Scavr, «Maledictum»

Восприятие исключительно как разумного эгоизма

Нужно не только смотреть, но и видеть.

Типичное стремление чел-овеков воспринимать часть как целое. Да, сатанисты — это разумные эгоисты; но это же не значит, что все разумные эгоисты — сатанисты! Каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка. Разумных достаточно и среди людей.

Опять же здесь есть мотив «примазаться». Вычленяется «главное свойство» и заявляется соответствие ему, т.е. отдельному свойству, а не *системе в целом*. Профанация, так

¹ Пребывая в своем Долге (лат.).

сказать, в первозданном виде — стремление свести сатанизм к человеческому.

Восприятие себя как физического тела

Напоминаю, что «я, ты, он, она» — сплошь кажимость. Забудь о «почему», здесь все «зачем».

С. Туунов

Речь идет не о каких-то там «тонких мирах», «жизни после смерти» и прочем. Все проще: у любой личности, не только сатаниста, есть то, что ценнее физиологического существования.

Моральный кодекс любого племени, Морин, основан на условиях выживания этого племени... но мораль отдельного человека зиждется исключительно на гордости, не на условиях выживания. Вот почему капитан идет на дно вместе со своим кораблем; вот почему гвардия умирает, но не сдается. Человеку, которому не за что умирать, незачем и жить.

Р. Хайнлайн, «Уплыть за закат»

Стандартное сведение жизни к физиологическому существованию: у обывателей то, что у них формально называется психикой, лишь обслуживает потребности, а именно — пожрать, выпить, поспать (во всех смыслах). Низшие уровни пирамиды Маслоу¹ — не более того. И что самое забавное — такое существование обывателем рассматривается как *самоценность*. Стандартная подмена цели средством...

Давайте ненадолго обратимся к истории религий. Языческие представления нередко рассматривали послесмертие как «никакое существование» — вспомните концепцию Аида, например. Тем не менее язычники отнюдь не держались за земное существование любыми средствами, а жили и умирали *достойно*.

¹ Маслоу через некоторое время отказался от концепции своей пирамиды, так как имеются случаи, когда люди стремятся удовлетворить высшие потребности, обращая мало внимания на низшие. Однако такие случаи отнюдь не массовы, они относятся к творческим личностям. Быдло же обыкновенное вполне хорошо описывается упомянутой пирамидой, причем даже без «верхних этажей».

Иллюстрация: всем известный пример подвига спартанцев Леонида. Монотеистические религии включили в себя сотериологический элемент — и это стало началом перестройки массового сознания на «зарабатывание хорошего послесмертия». Казалось бы, в этом случае должно возрасти количество подвигов во имя веры... И такая картина наблюдалась среди ранних христиан — впрочем, некорректно называть подвигом просто мученичество без сопротивления, но по крайней мере, все же имело место бесстрашие, вызванное искренней верой в получение гран-при после смерти.

Но потом все нивелировалось до цепляния за жизнь — как бы это не противоречило теологическим концепциям. Почему? А очень просто — как часто вы видите движущиеся горы? А ведь помните, что сказано: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „Перейди отсюда туда“, — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Шутки шутками, но дело именно в этом: за редким исключением, религиозная вера у населения сводится к «что-то, наверное, там есть». Кто не согласен — ознакомьтесь со статистикой: какой процент населения, называющих себя, к примеру, православными (раз уж в России живем), ходит регулярно причащаться, молятся, знают свой «символ веры» (т.е. — то, во что, собственно говоря, заявляют себя верующими), соблюдают пост — и так далее по списку. Но — *nota bene!* — такое отношение не является возвратом к языческому мировосприятию: языческие честь и достоинство «устарели» и остались в прошлом; современный человечешко в подавляющем большинстве случаев — это продукт монотеистической культуры (даже если он заявляет себя атеистом), т.е. — ничтожество, которое ожидает «спасения» как милости.

«На выходе» получаем: современные обыватели на уровне подсознания не очень-то верят в то, что декларируют для себя в религиозном плане (для не-религиозных все еще очевиднее), у них существует *уверенность* только в этой земной жизни — и в том виде, который является для них привычным. Им свойственно не *стремление жить*, а *боязнь умереть*.

Сатанистам же — наоборот — присуще *желание жить* (именно жить, а не существовать!), а не боязнь смерти. Что весьма органично совмещается с любовью к Смерти — в архетипическом смысле слова. Сведение же жизни к существованию физического тела однозначно говорит о том, что *личность отсутствует*. Далее — очевидно.

Отсутствие этики

Не лететь против ветра, не быть уносимым ветром... Быть ветром.

В данном случае имеет место путаница терминов «этика» и «мораль».

Да, сатанисты аморальны по определению (хотя все зависит от конвенциональности трактовки термина — см. CONTRA DEI №1, Agiman, «Адвокат морали»), так как мораль — это *межчеловеческие* правила поведения, принятые в некоем социуме. Тем не менее это не означает отсутствия *этики* — лично выработанных принципов поведения, неразрывно связанных с *личностью*. Пара примеров: предательство несовместимо с сатанизмом — помимо очевидного противоречия принятия предательства как допустимой тактики поведения с наличием сформировавшейся личности, оно несовместимо также с *гордостью*, имманентно присутствующей Сатане; о том же, что ложь *отторгается* архетипом Сатаны, я писал неоднократно и повторяться не буду.

Этика сатанизма *существует*¹, и те, кто заявляет об отсутствии таковой — однозначно не являются сатанистами.

Можно называть это и личным кодексом чести, а не этикой. А раз уж сатанизм элитарен, можно вспомнить и такое слово, как «благородство».

И это абсолютно не мешает насаживать головы врагов на колья, раздавать одеяла с возбудителем черной оспы или загонять толпы в газовые камеры.

Но есть действия, после которых ни один индивид, обладающий личным достоинством, не подаст руки. И таковые действия — как ни странно на первый взгляд — не совместимы с сатанизмом.

¹ В целом совпадает с имперской этикой (4-я по Крылову): «Не давай другим поступать с тобой так, как ты с ними не поступаешь», «Пусть все, но не я», «Не позволяй — ни себе, ни другим делать то, что ненавидишь в себе и в других». Понятно, что под «этикой сатанизма» подразумевается не «единственная шаблонная этика для любого сатаниста», а некие общие принципы, разделяемые всеми сатанистами; личные же этические принципы сатанистов неизбежно имеют отличия — любая личность уникальна.

Исключительно виртуальная деятельность

Нужны ли маски безликим?

С. Тиунов

Сатанизм не может быть «костюмом на выход». Либо имярек — сатанист, либо нет. Если он сатанист — то он *все* делает как сатанист, даже пьет пиво или чистит картошку. Разумеется, это не обозначает, что есть «самый сатанинский способ» чистить картошку либо «самый сатанинский» сорт пива¹. Это означает лишь то, что нельзя быть где-то — сатанистом, а в другой точке пространственно-временного континуума — *не* сатанистом.

Наиболее часто встречающийся пример — это «виртуально-интернетный сатанизм», когда некто включается в трепологию на «сатанинских» форумах, а в действительности ничем не отличается от обычного обывателя (что весьма заметно по содержанию разговоров на этих самых форумах). Иногда даже в явном виде высказывается концепция: «Я — крутой сатанист, а в жизни вы никогда меня не определите, я никому об этом не говорю и веду себя как все окружающие!».

Понятно, что никто не призывает кричать о своей принадлежности к сатанизму на каждом перекрестке либо вешать табличку себе на грудь. Но поведение «я ничем не отличаюсь от обычного обывателя, кроме того, что я — сатанист» выглядит несколько подозрительно. Если нечто крякает как утка, плавает как утка и на вкус как утка — очень уж вероятно, что это утка и есть, как бы это нечто себя не именovalo.

Менее часто встречающийся, но не менее показательный пример — это, условно говоря, «антивиртуал», который заявляет о «своих реальных делах», которые в интернете и светить-то опасно, и вообще о них говорить нельзя — поэтому он о них ничего и не скажет, кроме того, что это, мол, — реальный сатанизм, а не обсуждение чего-то там в интернете. Опять же — я лично знаю сатанистов, которые *не пишут* в интернет и даже не особо его читают. Но, в отличие от «антивиртуалов», они не пишут в интернете о том, что не считают нужным пребывать в интернете.

¹ Есть некая аналогия с «безупречным завязыванием шнурков на ботинках» по дону Хуану.

Заявление о своих великих, но строго засекреченных делах, о которых никому и рассказать нельзя — лажа с вероятностью 99,9%. Еще Петросян обстебывал «секретных физиков», которые, пользуясь такой легендой, снимали баб. Резюмируя:

1. Если некто опасается называть себя сатанистом в действительности — это не сатанист, так как он избегает ответственности¹;

2. Если некто заявляет о своей великой пользе для сатанизма, при этом отказываясь предъявить таковую² — то он не сатанист. А если он отказывается это делать под предлогом высокой секретности — то он еще и, гм, альтернативно одаренный...

Попытка разделить сатанизм на -измы

Unix is user-friendly. It's just selective about who its friends are.

Здесь все просто: сатанизм — *един*, и его проекции не могут противоречить друг другу — понятно, что по сути, а не по форме. Т.е. если некто в такой ситуации заявляет, что «и ты прав, и ты прав», — он однозначно не воспринимает сатанизм непосредственно. Вывод очевиден.

В качестве пояснения: личностное и безличностное восприятие — это форма; а вот эгоцентризм vs развитие самости — уже противоречие по сути.

Нажива на идее

Humans have no pride. Only price

Опять же все очень просто. То, что от тебя неотделимо — *не продается*.

Причем «неотделимость» — это не обязательно физическое понятие, достаточно вспомнить словосочетание «продать

¹ Профилактика против возражения «а как же Штирлиц и т.п.»: Штирлиц занимался конкретным делом; я вот как-то не представляю аналогичного дела для сатаниста в современном мире — хотя бы потому, что нет Сатанинской Империи, которой требовалось бы вести разведку таким способом.

² Строго говоря, эту пользу следует не доказывать, а показывать, а еще точнее — ее должно быть видно без специальной демонстрации. Если ее не видно — это не польза.

Родину».

Как нетрудно догадаться, разговор идет не о том, чтобы, скажем, сатанисты-музыканты раздавали свои диски бесплатно. Но это — *компенсация*, а не самоцель¹. А вот участие в некоем «престижном концерте» совместно с попсовыми группами с целью заработка или стремление сорвать бабки на торговле информацией, имеющей ценность для сатанистов — неприемлемо по определению.

Дело, как понимаете, не в «нельзя ни за что, относящееся к сатанизму, получать деньги!» — вполне можно зарабатывать на продаже *формы*, давая свободный доступ к *информации*. Разумеется, может быть информация личная или для узкого круга, но разговор идет отнюдь не о категории *privacy*, а именно об «общетеоретических» разработках и т. д.

Активно не люблю этот термин, но в данном контексте более адекватного не вспоминается: *духовное несовместимо с меркантильностью*. И тот, кто стремится нажиться на чем-то мировоззренческом — рассматривает это что-то как средство. А для сатаниста сатанизм — мировоззрение, а не средство. Однако это не обозначает того, что некто *имеет право* на халяву.

«Бесплатное тру» — секс для нищих. Такой подход пошел от закомплексованных подростков-блэкушников из сытой Европы, где можно жить на одно пособие по безработице и рассуждать о собственной нетрендовости. Написанное относится именно к *равноценному обмену* по Ницше, когда каждый превосходит другого в каком-либо отношении. И для того, чтобы иметь право требовать что-либо за бесплатно, требуется *самому* предоставить на таких же условиях что-либо *равноценное*.

Вседозволенность

*Вы молоды только раз, но незрелым
можете оставаться вечно.*

Профанация идет от куцых мозгов, которые трактуют индивидуализм и адогматичность как *вседозволенность*. Даже

¹ Кроме всего прочего, в идеале занятие, которое любишь и умеешь делать, должно тебя кормить — так что речь по сути идет именно о недопустимости подмены цели средствами.

христиане понимают, что не все, что дозволено, полезно (критерии их полезности — другой вопрос). Совсем тупо: сатанизм не запрещает ничего — но это не значит, что сатанист будет делать то, что пожелает левая пятка; точнее — даже его левая пятка не будет желать «все, что угодно». Здесь имеет место прямая аналогия с Законом Телемы: *Do what thou wilt shall be the whole of the Law.*

Психологически вопрос наглядно демонстрируется разницей между «свободой от» и «свободой для». Первая подразумевает отсутствие каких-либо ограничений, *включая внутренние*; вторая подразумевает если не Путь, то, как минимум, Цель. Понятно, что, продвигаясь по Пути, невозможно идти одновременно в разных направлениях — но разве это является отказом от свободы? Можно беззаботно разгуливать на Изначальном Перекрестке и заявлять о своей свободе — куда хочу, туда и иду — но это будет лишь *топтанием на месте*, и не более того. Реальная свобода немыслима без осознания себя; а для этого необходимо избрать Путь — оставив остальные.

Как ни парадоксально звучит: *истинная свобода — это когда делаешь лишь то, что должен.*

Пояснение: если кто не понял, то категория долженствования¹ здесь *метафизическая*, и не имеет ни малейшего отношения к каким-нибудь «служебным обязанностям» и вообще чему-либо внешнему.

Позиция «плевать я хотел на других сатанистов»

Друг — это тот, кто зная нас, не стал врагом.

Здесь достаточно процитировать из старого²:

Темных — всегда мало! Именно поэтому они готовы помочь друг другу — общаться с серой массой невозможно, а знания, умирающие вместе с их носителем, бесполезны. Это не значит, что Темный будет раздавать знания своим «коллегам» просто так (но может и сделать это, если захочет) или

¹ См. CONTRA DEI №2 «О терминах».

² Den-M, Warrax «Образ Тьмы в современной литературе».

не может выйти на смертельный поединок с другим Темным. Но это значит, что при встрече Темные не станут рвать друг другу глотку, а посмотрят друг на друга с симпатией и уважением.

Проще говоря, такой вот «сам себе сатанист» декларирует, что ему безразлично как развитие сатанизма в целом, так и углубление его собственного понимания. И то, и другое требует *коллективной* работы (не обязательно совместной). А имярек, следовательно, — а ргіогі крут и сатанистее его не бывает.

Вариант стандартный, обсуждалось выше.

Тем не менее из этого не следует, что один сатанист не может быть врагом другому. Конечно, этого желательно избегать — причем не потому, что «нельзя»; просто еще Кроули говорил, что одно Истинное Желание не может противоречить другому. Но никто не совершенен — и, хотя понятно, что в таком случае как минимум одна сторона ошибается, определить ошибку далеко не всегда представляется возможным.

Сатанисты могут заниматься многими видами деятельности, но если ваш путь пересекается с устремлениями другого сатаниста — подумайте оба, правы ли вы? Однако если ваша правота для вас бесспорна — то отстаивайте ее.

Можно сказать, что в этом сатанизм похож на боевое искусство.

Понимание оккультизма как «обретения могущества на Земле»

*Елбереть вашу Гилтониель тридцать три
раза через Кольцо Всевластья в Мордор
через орочий пуждук, а потом налево!!!*

Оккультизм — это прежде всего *познание* себя и мира; практические его аспекты — *следствие*. Таким образом, стремление не к могуществу Мага, а к земной власти является стандартной подменой цели средствами и совсем не отличается от обычного стремления к вертикальному продвижению по стадной иерархической лестнице. Подобное «этологическое» могущество просто бессмысленно без окружающего стада себе подобных, над которым особь стремится возвыситься, безусловно оставаясь при этом все в том же стаде, но перейдя на более высокую ступеньку

в его иерархии. Помимо всего прочего, подобное стремление, ставшее самоцелью, изначально ущербно для личности стратегически, т. к. любая иерархическая вертикаль конечна, и по достижении «своего предела» значимых целей просто не остается.

Поклонение

Те глупцы, кому люди поклоняются; как их Боги, так и их люди — глупцы.

Liber AL

Здесь все совсем элементарно: вы себе представляете *поклоняющегося* Сатану? Разумеется, это относится и к «поклонению себе».

Восприятие сатанизма как религии

Если бы не было веры, не было бы невежд.

Д. Бруно

Религию я определяю формулой: вера + поклонение. Первое слагаемое несовместимо с разумностью — Станислав Лец очень хорошо сказал по этому поводу: «Как? Одним и тем же мозгом думать и верить?» Второе же противоречит сатанизму. Все это я расписывал не раз, поэтому не имеет смысла повторяться.

Примечание: ЛаВей называл сатанизм религией, но вкладывал в этот термин иной смысл.

В первую очередь у ЛаВея речь идет о религии как системе, идущей через эмоциональное восприятие. Некоторые вещи в сатанизме, которые могут восприниматься как догмы, на самом деле таковыми не являются. Просто идет интуитивное, доосознанное их восприятие. Утрируя: лобные доли — наука, височные — религия.

Определение сатанизма через некий набор черт

Если Вы не знаете, как правильно есть лобстеров — ешьте том.

Именно через *любой* набор — не имеет значения, какой именно. Система не описывается простым перечислением компонентов; а если еще и учесть, что мы не можем перечислить *все* черты того

же архетипа Сатаны (а это лишь одно из множества полей рассмотрения!) — то все очевидно. Классическая профанация: не в силах понять *систему*, отдельные индивиды пытаются именовать сатанизмом свое «понимание».

Восприятие самого себя богом

Если вы пытаетесь подставить в формулу Святой Дух, то зачем вы вообще измышляете формулы?

А. Панов

В «Сатанинской Библии» ЛаВея есть глава «Бог, которому ты поклоняешься, может быть тобой»¹. Разумеется — а что вы ожидали? — при поверхностном прочтении довольный обыватель понимает написанное как: «Конгениально! Я буду поклоняться себе, любимому! Это и есть сатанизм!» — ну а про эгоцентризм и эготизм я уже писал.

Давайте глянем на оригинал: «The god you save may be yourself».

Налицо грубейшая смысловая ошибка переводчика: не «которому ты поклоняешься», а «который тебя спасает»²: т. е. смысл можно раскрыть как «человек, не надейся на спасение свыше, действуй сам!» — что, в отличие от поклонения, хорошо согласуется с другими мыслями А. Ш. ЛаВея.

Профанация идет от невладения темой. Дело даже не в некомпетентности переводчика: столь явное несоответствие тезиса той *системе* взглядов, которую описывает ЛаВей, непременно должно было бы вызвать подозрение если не в кривости перевода, то в неудачности выражения мысли самим ЛаВеем. Таким образом: те, которые повелись на «поклонение себе», не являются сатанистами, так как не воспринимают *систему* — сатанизм в целом, и не могут отличить имеющее отношение к сатанизму от случайной эклектики.

И еще: помимо несовместимости сатанизма с поклонением, сатанизм рассматривает бога именно как Врага, и стремление стать богом самому ни одному сатанисту в голову не придет по

¹ Русский перевод — Martyn, Unholy Words & F.O.D. Inc, второе издание.

² Вероятно, ЛаВей обыграл стандартную фразу «god save you» («спаси тебя боже»).

определению. Про отношение сатанизма к богу см. мою статью «Теология сатанизма».

Примечание: разговор идет именно о «единственном боге» монотеизма — «поклонение себе» не подразумевает множественности «себя-бога».

Языческие же боги — это совсем другой разговор, так как они не требуют поклонения себе. Впрочем, тезис «я — языческий бог» также соответствует не сатанизму, а психиатрической клинике...

Сциентизм

Заблуждения, заключающие в себе некоторую долю правды, самые опасные.

А. Смит

Сциентизм — это вера в науку, включающая позицию «этого не может быть, поскольку не может быть никогда». Другими словами: то, что не доказано наукой, не существует (по крайней мере — не должно приниматься во внимание). Дело здесь даже не в интеллектуальном примитивизме (наука знает далеко не все, а когда-то знала еще меньше), а в *рационализации* сатанизма. Как я уже не раз писал, основы личности находятся куда глубже осознаваемых слоев психики, и любое сведение лишь к доказанному *de facto отбрасывает самое важное.*

То, что остается после осознания — это не суть сатанизма, а лишь проекция того, что субъект воспринял бессознательно, на его осознанное — базу знаний и умение мыслить. В этом нет ничего страшного — собственно, мы все познаем именно так; необходимо лишь помнить, что часть модели действительности не равна реальности и даже может, как и любая другая модель, вообще не иметь к этой самой реальности никакого отношения. Речь может идти только о степени удобства моделей для того, кто ими пользуется. С другой стороны, самая удобная для одного модель может быть абсолютно неприемлемой для другого...

Вполне можно рассуждать о Сатане как об архетипе — в рамках психологии бессознательного это будет вполне корректно. Но сатанисты воспринимают Сатану не только как архетип. Это именно *чувство родства* в самом универсальном, метафизическом смысле — и вот оно-то отсекается сциентистским подходом, хотя является самым важным для классификации на сатанистов и не сатанистов.

Стремление подражать

*Неповторимая личность — вот кому
надо подражать!*

Разумеется, в начале Пути многие выбирают себе некоторый ориентир, пример для подражания. В этом нет ничего страшного *на начальном этапе*, но если этот период затягивается... Скажу формально: возникают предпосылки к догматизму и поклонению. И даже это не главное — куда важнее то, что по своему Пути можно идти лишь *самостоятельно*. Да, у сатанистов есть общий Путь, но при этом каждый идет по нему своим, индивидуальным Путем; двигаясь по проторенной дорожке, можно в начале двигаться очень быстро, но рано или поздно неизбежно дойдешь до тупика. И недаром говорится, что проще научить заново, чем переучивать...

Отождествление признака и явления

*Зная, на чем стоишь, хорошо еще понять,
куда идешь.*

Авессалом Подводный

В разговорном языке часто встречаются конструкты с пропущенными словами, которые легко дополняются, исходя из контекста. Однако такие обороты понимаются, так сказать, в меру своей испорченности. Пример: верную фразу «быть сатанистом — значит иметь инвольтацию к эгрегору Сатаны» часто можно увидеть (в том числе и у меня) в несколько не корректном виде: «сатанизм — это инвольтация к эгрегору Сатаны». Некорректность здесь заключена в том, что не указано *когнитивное поле* рассмотрения. Оно прекрасно понятно мне и любому сатанисту, и поэтому часто не пишется явно. Понятно, что у неискушенного в теме читателя может возникнуть не совсем верное восприятие.

Еще хуже дело обстоит с «сатанизм—это прогресс / разумность / оккультизм / борьба с богом и божественным / единение с Бездной / etc». Подразумевается, что «сатанизм, в частности, проявляется как...» — но не-сатанист легко воспримет именно в виде «сатанизм — это именно вот оно, и все», тем самым вырвав из системы отдельную составляющую.

Так что «сатанизм—это прогресс» (как пример) однозначно говорит о профанации¹.

«Сатанинское счастье»— здоровье, деньги и власть

Жить — значит мыслить.

Цицерон

Подобное идет от эгоцентризма, который обсуждался в самом начале. Перечисленные «компоненты счастья» — типичная обывательская «американская мечта». Сатанизм же — это *Иное*, а отнюдь не земное / социумное.

Гедонизм

...лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им.

Аристипп

Очень близко к предыдущему. Прямолинейная кривая логика — если можно так выразиться, — типичная для обывателей. Мол, в сатанизме ничего не запрещено, значит, все можно! Да здравствует моча, ударяющая в голову! — все уже раскрывалось выше.

Человеческое

— Слушай, — ты никогда не поймешь меня, поскольку сидишь в зале и смотришь на все как на фильм ужасов. А я живу на экране.

Ihsahn («Emperor»)

Даже не чел-овеческое, а именно человеческое. Да, мы находимся здесь в телах хуманов — и *не имеет значения*, рассматривать это как телесную оболочку жителя Бездны «в командировке» либо как то, что сатанизм — это лишь феномен, берущий начало

¹ Кроме того, «прогресс» — по определению понятие относительное; так что прогрессировать можно не куда угодно. Когда мы с Олегерном писали в «Principes Omnium», что Сатана — это Прогрессор, направление нами было уже расписано во всей книге.

из коллективного бессознательного биологического вида Homo Sapiens. Точки зрения, с которых систему можно рассматривать, не влияют ни на ее структуру, ни на ее цели.

Прочитую окончание своей статьи «Концепт и архетип Сатаны: современное состояние»:

Возможно, гипотеза выглядит слишком смелой, но... Можно предположить, что архетип Сатаны начал оформляться в единую цельную систему именно в то время: как следствие мирового распространения символа (Имени), служащего «центром кристаллизации», а также по причине повсеместного уничтожения языческих воззрений христианами. Более того, в новой и новейшей истории всеми т.н. «цивилизированными государствами» взят курс (либерализм, демократия) на потакание желаниям «среднего человека», для всего вида выбрана стратегия «сытого обывателя» как наиболее оптимальная, беззатратная и... эволюционно тупиковая. Таким образом, появление сатанизма как мировоззренческой системы, начиная с ЛаВея, вполне можно рассматривать как окончание формирования соответствующего архетипа, который не завязан на человечестве как биологическом виде: развитие разума привело к неприятию многих черт, важных для биологического выживания на ранних стадиях развития вида; потребность, говоря словами Ницше, избавиться от «человеческого, слишком человеческого» стала эволюционно неизбежна, и это уже отразилось в коллективном бессознательном.

Однако нельзя забывать, что стопроцентная нечеловечность попросту невозможна (хотя бы потому, что тело и психика тесно связаны, а мы все находимся в телах хуманов). И здесь уже каждый сам определяет для себя, что подлежит уничтожению в первую очередь.

Кроме того — не буду выносить отдельным пунктом — не надо забывать, что речь идет о человеческом как *системе*, а не о некоем наборе признаков, и поэтому тупое отрицание либо выворачивание назнанку чего-либо, имеющегося у людей, — попросту некомпетентность. На примере: «дружба» — понятие, относящееся к взаимоотношениям между мыслящими индивидами, а не исключительно между людьми, поэтому заявлять, что

дружба — это, дескать, человеческое и от этого надо избавляться, равнозначно заявлению, что люди ходят на двух ногах, и от этого надо отходить.

Другое дело — стадное чувство, которое присутствует у людей именно *системно*, за редкими исключениями, — но речь об отдельных индивидах здесь и не идет.

Восприятие как субкультуры

Затупым углом зрения проще спрятаться.

Б. Крутиер

Насколько мне известно, напрямую тезис «сатанизм — это субкультура» никто в явном виде еще не выдвигал. Тем не менее такое восприятие имеется: некоторые полагают, что сатанизм — это некая «тусовка для своих», и только в этой среде надо общаться, только в ней демонстрировать свое творчество (скажем, музыку или литературу). Т.е. имеется претензия на некое «общество избранных», члены которого с презрением смотрят на окружающих — мол, не понять им... При этом очень часто «инструменты», то есть — средства, принимаются за суть. Самый напрашивающийся пример — это позиция некоторых «трублэкеров», которые очень возмущаются тем, что Black Metal играют группы не строго сатанинской направленности, а еще и язычники и национал-социалисты (так называемый NSBM). Если подумать, то заявление «такой-то стиль музыки имеем право играть только мы» затыкает за пояс даже регистрацию CoS Знака Бафомета как trade mark. Характерная цитата (автора опускаю, персоналии здесь не важны): «Большинству тех, кто пиздит о смерти Black Metal, я хочу сказать следующее: выметайтесь нахуй из андеграунда! Нехуй щенкам вертеться под ногами тех, чьи помыслы им не ясны и цели неведомы».

Такая позиция, если упрощенно, сводится к уходу от действительности и варке в собственном соку. Что неизбежно приводит к увеличению «трушности», и именно что к уходу *в андеграунд*. И это в конечном итоге *вредит* сатанизму, так как *уменьшает* его воздействие на мир. Кроме того, отказ от взаимодействия с другими разумными попросту неадекватен.

Разумеется, я не призываю к опопсению, но позиция междусобойчика ущербна — Личность всегда стремится *распространить*

свое влияние на весь мир, прогнуть его под себя; принципиальный отказ от этого однозначно указывает на *отсутствие* личности.

В качестве примеров «как надо» приведу работы Валентина Скавра и творчество Diabolos Rex (см. CONTRA DEI №1). Философско-мистические и художественные произведения, опубликованные на этих сайтах, будут понятны далеко не каждому; я рискну утверждать, что достаточно адекватно их может воспринять лишь сатанист. Но при этом *доступ к информации открыт всем*: если некто, зашедший на сайт, воспринял хоть что-то — это уже маленький шаг к Открытию Врат.

И это не «агитация», а *завоевание информационного поля*. О сатанизме должны говорить сатанисты, а не вещать СМИ.

Уход же в подполье означает *отказ от борьбы*. Психологически подобное у многих может быть связано с подсознательной концепцией: «очень хочу заявлять себя противником человечества и принципиальнейшим мизантропом, но при этом опасаясь реакции человечества, и поэтому сразу заявляю, что безопасен — у нас просто мелкая тусовка, а как-то влиять на социум и в мыслях нет». Честно говоря, подобный «тотальный андеграунд» у меня однозначно ассоциируется с т. н. готами. Схема одна и та же, только антураж слегка отличается.

Поиски «Красной Кнопки»

Истина для глупцов — это факел, который светит в тумане, не рассеивая его.

Гельвеций

Или «всех убью, один останусь». Да, одним из аспектов сатанизма является Разрушение; но оно — *не бесцельно*. Разрушение *расчищает место* для Созидания — сатанинского constructio взамен божественного creatio.

Конечно, Земля — это не наш мир; но при этом поиски «Красной кнопки» идут отнюдь не от большого ума, а от прямолинейного мышления в один ход глубиной. «Логика» в подобном случае проста: «Раз наш мир — Ад, то этот мир — не наш, и его надо уничтожить».

«Не все стриги, что растет», — говорил Козьма Прутков. Что понимать под разрушением этого мира? Физическое ли уничтожение?

«...мы *против* человеческих войн¹. Против, ибо плоть убивает лишь плоть... Несуществование бога в духовной сфере человека будет началом нашего Триумфа»,— Bellicum. Конечно, если нет человека — то нет и его духовной сферы, и в ней ничего не может существовать, но с моей точки зрения имеется в виду несколько другой подход.

Даже если исходить из самого что ни на есть личностного восприятия Сатаны и Ада, расположенных где-то вовне этого мира, даже в этом случае — задача сатанистов в том, чтобы *подготовить* этот мир к вторжению Легионов Ада, а отнюдь не в уничтожении потенциальной новой территории для Империи. Ну а если исходить не из фантазии, а из того, чем можно оперировать в действительности, то мир, в котором мы живем, — единственный, существование которого не имеет смысла подвергать сомнению на практике (солипсизм и конструкторы наподобие «Matrix has you» логически неопровержимы, но не имеют практической ценности). Соответственно — уничтожение этого мира ведет к уничтожению всех сатанистов.

Уничтожение этого мира с точки зрения сатанизма — суть его *преобразование*.

Вспомним XIII-й Аркан — Смерть. Это именно архетипизация перехода, перемены сущности. Смерть физическая — это только один из планов, причем второстепенных, данного Аркана. Прежде всего следует понимать смерть своей старой сущности, своего старого мировоззрения, резкую смену плана или уровня бытия. Важным моментом графики данного Аркана является то, что Смерть пребывает не в пассивном ожидании, а в *действии*. Фигуры же, которые простирают свои руки и/или дары Смерти, суть не жертвы: они ростки *нового*, благодарящие Смерть за то, что она избавила их от старой сущности.

Этот мир осквернен Светом, порождающим Серость. И тенденции, имеющие место в настоящем, и так ведут к его саморазрушению от человеческой глупости. Так что, как это ни странно на первый взгляд, сатанисты в *социуме* имеют те же цели, что и просто разумные люди... *Princeps Omnium*:

¹ Разумеется, это не обозначает, что сатанисты — это пацифисты или что они не могут участвовать в какой-либо войне. Просто это не будет иметь отношения к сатанизму непосредственно (но может иметь косвенно).

Таков Сатана, ipse philosophus, daemon, heros et omnia, отец знания, непримиримый к глупости, факел, освещающий глубочайшие пропасти жизни, ясновидческий прыжок в будущее, беззаконник и бунтовщик, творящий и разрушающий, ниспровергающий условности правил и норм... заклятый Враг человечества, благодаря наличию которого разум на Земле все же имеет шанс выжить.

Цель сатанистов — отнюдь не уничтожить физические тела людей (и планету); цель — сменить человеческую расу на расу тех, кого действительно можно называть *разумными*. И тогда это будут если и не сатанисты, то их союзники, так как разум и вера в бога — несовместимы, а познание — это исследование Бездны. Уже имеющееся знание — это Свет, но познание — это Тьма.

Когда дым погребальных костров застелет небеса, и скорбный вой заглушит плач ветра, тогда мы наполним все протянутые к нам кубки горьким вином милости Дьявола, и капли вина, упавшие на спекшуюся землю, смешавшись с нашей кровью, напоят стойкие ростки расы Демонов. И еще не высохшая на пергаменте кровь скрепит вечный союз Дьявола и Человека¹.

V. Scavr, «*Maledictum*» I:VII

Те, кто хотят преобразовать мир — начинают с себя; те, кто желают лишь уничтожить мир — начните с себя!

Примечание: В подавляющем большинстве случаев «поиски Красной Кнопки» указывают на застревание в *pigredo*.

Отсутствие Сатаны

[удалено цензурой]

Сатанизм без Сатаны не существует, как не существует и любой -изм без того, кто образует этот самый -изм. *Все*.

Маркеры расставлены. *Cujusvis hominis est errare; nullius, nisi*

¹ Именно Человека с большой буквы, а не то чел-овечество, что мы имеем в настоящем

insipientis in errore perseverare. Становясь на Путь, осознайте — ваш ли он?

Не скажу: «Знаю». Не скажу: «Верю». Скажу: «Я понял».
Это — то, чем я хочу завершить эту статью.

Опубликовано в журнале «CONTRA DEI» №2¹, XLIII A.S.

¹ Электронная версия: http://warrax.net/contra_dei/2/cover.html

Essentia

Что бы ни понималось под «душой», у сатаниста этого — нет. То, что могло бы так именоваться, не является «собственностью»: оно либо отдано — а не продано!¹ — Аду, либо изначально являлось частью Ада.

Но есть то, что у сатаниста занимает место души; сатанист — это авангард Ада в этом мирке, и, следовательно, обладает также и тем, что принадлежит этому миру, а не Аду — иначе мы не могли бы здесь существовать. Суть сатаниста, принадлежащего отчасти этому миру, неизбежно будет отражать как реалии Ада, так и земные; а также реалии того, кто претендует на власть над этим миром — поскольку рождение в теле человека, со свойствами человека, формирующегося по образу и подобию, неизбежно накладывает свой отпечаток.

Итак, *essentia* сатаниста как *homo* может быть разделена на следующие составляющие:

Дьявольское. Стержень. Центр формирования. Скрытое, проявляющееся через самые глубинные черты психики. Потерянный в памяти старт и все четче проявляющийся Путь в Бездну. Центр вихря Хаоса, меняющего действительность вокруг субъекта. Дьявольское не может быть привнесено извне и неизбежно проявляется в процессе становления.

Духовная составляющая.

Это — то, что *взращивается* сатанистом в себе.

Божественное. Да, вы не ослышались. В сатанисте, поскольку он принадлежит и этому миру тоже, есть и то, что инспирировано богом. Это — то, что искушает сатаниста остановиться в развитии, успокоиться на достигнутом; это — позыв к стагнации. Также божественное склоняет к выравниванию, к уравниловке — отсутствию четкой позиции, нивелированию гордости;

¹ «Продажа души» — достаточно распространенный в литературе и фольклоре сюжет — является действием сугубо чел-овеческим. Сама эта идея для сатаниста неприемлема. Впрочем, в ряде случаев можно говорить не о чел-овеческом, а просто о человеческом: скажем, доктор Фауст продал душу не ради земных благ.

божественное стремится смягчить Ненависть и превратить Любовь к Сатане в слюнявое заискивание.

Раковые клетки, которые, притворяясь «своими», пожирают организм и отравляют его своими токсинами — «благодатью».

Это — то, что *уничтожается* сатанистом в себе.

Человеческое. Кожа, которую сдирает с себя сатанист при понимании, кто и что он есть. Внешняя оболочка, в которой мы вынуждены существовать в этом мире. Система жизнеобеспечения, которую приходится носить и после того, как она содрана с себя живьем. Вынужденная необходимость, легенда разведчика.

Шкурка.

Это — то, от чего сатанист *желал бы избавиться*, обретя свою истинную форму в Хаосе.

Чел-овеческое. Стадность. Соглашательство. Существование обывателя. Чел-овеческое — следствие проявления божественного, но на животном уровне. Подачки своему эгоцентризму, низведение Бунта до «греха», псевдоинтеллектуальный онанизм на отражение себя в зеркале. Боязнь посмотреть внутрь себя; страх перед Дьявольским и божественным; ужас от одной мысли, что Бездна может поднять взор и посмотреть хотя бы мимолетно.

Зловонная слизь, медленно капающая со шкурки.

Это — то, чего *не может быть* в сатанисте; пока это наличествует, то это — не сатанист.

Животное. Здоровые инстинкты. То, что позволяет выжить в этом мире — среди других животных.

Плоть.

Это — то, что сатанист *контролирует и использует*.

Первая стадия — ощущение смрада божественного.

Вторая стадия — дезинфекция от чел-овеческого.

Третья стадия — понимание чуждости человеческого.

Четвертая стадия — отдача животного под контроль Дьявольскому.

...Пятая стадия — должна быть заслужена.

Опубликовано в журнале «CONTRA DEI» №2¹, XLIII A.S.

¹ Электронная версия: http://warrax.net/contra_dei/2/cover.html

Сатанизм не является идеологией, мы не составляем партии, не можем — и не желаем — руководствоваться некими догмами, тем более — заданными извне. В конечном, последнем счете каждый из нас ответственен только перед Ним и перед собой, и потому любое стороннее, сколь угодно «авторитетное» мнение может показаться нам интересным, полезным, доказательным или нет, но никогда не будет принято как инструкция или догма. Во всяком случае — так должно быть. И потому мы не предлагаем рецептов — мы предлагаем пищу для размышлений. Ну а уж если в результате этих размышлений нам случится смотреть друг на друга сквозь прорези прицелов — что ж...

Сатана рассудит нас.

CONTRA DEI №2

Прим.: публикуется только мой текст, в журнале были и другие.

Сатанист и социум

Вопрос «сатанист и социум» я, собственно говоря, *de facto* затрагивал в статье «Апофатика сатанизма» — см. «Человеческое», «Восприятие как субкультуры» и в особенности «Эскапизм от социума» и «Поиски "красной кнопки"». Постараюсь не повторяться, а раскрыть тему в общем виде.

Рассуждение первое

Здесь придется повториться: сатанизм не подразумевает разрушения как самооценности. Сатанизм *разрушает божественное*, способствуя воцарению Ада. Строго логически: у нас нет никаких доказательств того, что «есть некий Ад где-то там, и там же есть Сатана лично, который сатанистов любит, ценит и уважает». Собственно говоря, такое «понимание» ничем не лучше христианской версии «Яхве в раю вас любит»: и то, и то, является с т.з. гносеологии *верой*, т.е. — попросту *интеллектуально убого*. О «spiritual dream pipes» писал еще ЛаВея, и, несмотря на то, что «американское понимание сатанизма буквально по книгам ЛаВея» сатанизмом не является¹, здесь он прав.

Рассуждения об «иных мирах» — это именно что «духовные

¹ Поверхностное понимание ЛаВея со стороны не является мнением самого ЛаВея. Подавляющее большинство критиков Черного Папы не учитывает того, когда, где, для кого и зачем была написана «Сатанинская Библия».

мечтания» (или кто-то может доказать их наличие?), которые, никто не спорит, *иногда* полезны: они могут способствовать становлению личности, вдохновлять и так далее. Субъективная метафизика неизбежно имеет место в любой сформировавшейся психике; главное — *не забывать об ее субъективности*.

Мы все живем в этом мире, на Земле; и задачей сатанистов, несколько пафосно говоря, является уничтожение этого мира и построение Ада на Земле. И если кому-то не понятно, что при «total destroy» строить будет *не из чего*, то либо он, выражаясь политкорректно, альтернативно одаренный, либо имеет лишь поверхностный контакт с эгрегором Сатаны: в этом случае воспринимаются «поверхностные эманации», форма без сути, а именно — средство (разрушение) без «зачем?».

Короче говоря, мнение о том, что этот мир надо разрушить любым путем¹, в самом лучшем случае указывает на стадию *nigredo* — которая является необходимым этапом становления, но которая *должна быть пройдена*. Говорить о сатанисте как о действительно сатанисте можно лишь начиная с *albedo*.

На стадии *nigredo* имярек может быть сколь угодно искренне предан Аду, но он еще не воспринимает его *полностью*: идет отторжение чел-овеческого и определения места человеческого, т.е. «чем я *не* являюсь»; «что я есть» — это вопрос следующей стадии становления.

Я не буду рассматривать здесь вопрос «является ли сатанистами означенная категория». Замечу лишь, что у сатанистов есть разные точки зрения на подобные вопросы: так, для некоторых главным и единственным является наличие какого-либо контакта с Сатаной; я же четко разделяю сатанистов и дьяволопоклонников. Все это — интересная и важная тема, но сейчас мы ведем разговор о другом.

¹ Кстати говоря: мне как-то не попадались адепты «Красной Кнопки», которые ради реализации своей идеи пошли служить в ракетные войска, сумели бы дослужиться до того, чтобы им доверили соответствующее вооружение, и попытались бы ее нажать. Или хотя бы подорвали атомную электростанцию и т.д. Все подобные деятели, с которыми я имел сомнительное удовольствие общаться, исходили из положения «мир надо уничтожить целиком, и я не буду размениваться на мелочи». Проще говоря: «Пиздеть — не мешки ворочать» ©. Примечание: это относится не только к называющим себя сатанистами, «стРРРашных аццких мизантропов» хватает и без них.

Рассуждение второе

Сатанизм — это *активная* жизненная позиция. Думаю, с этим никто спорить не будет. Как пример, из интервью с редакцией первого номера журнала: «Часто в сети говорят о сатанизме как о мировоззрении, философии, корректно ли это на ваш взгляд? — Мы не приветствуем данные тенденции. Сатанизм означает действие, деяние, а не философию или пассивную позицию, с которой можно взирать на мир».

Здесь очевидно непонимание термина «мировоззрение», который отвечающие почему-то воспринимают исключительно как пассивное мирозерцание, но верно отражена суть: сатанизм — это всегда *активная* жизненная позиция, *действие*.

Искренности — недостаточно! Устремленность во Тьму не обозначает отказа от действий *здесь*, в этом мире. Более того — *у нас нет другого мира*. Разумеется, не в плане «этого не может быть, поскольку не может быть никогда», а «если вы утверждаете, что он есть — то предъявите, будьте так любезны».

Разумеется, быть сатанистом прежде всего обозначает работать над собой; но *личность не может отказаться от преобразования мира вокруг*. Из моей статьи на другую тему, но объяснение подходит и здесь:

«Можно сказать, что есть примитивный индивидуализм — индивидуализм "человека-атома". От которого ничего ни в чем не зависит, который дрожит за свою жизнь — пылинку на жерновах истории.

А есть мета-индивидуализм, когда *Der Wille zur Macht* в индивидуальности не разменивается даже на "государство — это я", а вообще *не отделяет себя от Вселенной*.

И это — не мания величия, как может показаться тому же обывателю, и не интеллигентское "я виноват во всех бедах мира"; никто не претендует на всемогущество и всезнание. Личные ресурсы могут быть весьма ограничены. Это обозначает другое: *отсутствие самоограничения* границ своего влияния. Если моих сил/способностей хватает на наведение порядка (в моем понимании) лишь в своей квартире — то я делаю все, что могу, хотя это и столь мало. Хватает сил на воздействие в более крупных масштабах — плацдарм воздействия расширяется. Если, гипотетически, можно будет диктовать свою волю всей Вселенной — то будет поиск выхода вовне.

Суть именно в том, что нет самоограничения "вот это — мой

мини-мирок, а вне его — делайте все, что хотите". И это — свойство *любой* цельной личности.

В общем виде: все влияет на все; если вы отказываетесь от своего влияния на окружающее — это означает лишь то, что, когда окружающее влияет на вас, оно делает это в одностороннем порядке».

Верность Аду и все такое — это замечательно, но зачем Сатане почитание (я умолчу о поклонении) — *и все?* Если сатанизму имманентно присуще именно *действие*, то надо *действовать*. А действовать иначе, чем в *действительности*, т.е. — в этом мире, это, простите, как? Как скептик, я не отрицаю возможности существования «других миров» и проч., но одно дело — это личное восприятие, «мне так удобнее», не претендующее на универсальность; и совсем другое, если таковая претензия есть — и это уже идет по категории «астральных паладинов» и прочей вялотекущей эзотерики.

Что характерно, вся подобная публика, будучи припертой к стене элементарным вопросом «а доказать?», отмазывается стандартным методом: «Не доросли вы до моей музыки» © Незнайка. Далее, думаю, понятно...

Рассуждение третье

«Человеческие особи достойны только презрения. Только бог достоин всей полноты нашей ненависти» © Bellicum.

На этой фразе очень легко показать возможность упрощенного ее понимания «по поверхности»: мол, будем презирать людей и ненавидеть бога. Ух, как мы его ненавидим! И что приятно — это все «духовная работа», для которой *в социуме ничего делать и не надо*. Подобное «понимание» очень легко вырождается в маргинальность и соревнования «кто лучше выскажется о своей Ух-Какой-Ненависти».

Я же понимаю эту фразу иначе: что является «самым божественным» во Вселенной? Человек. Созданный по образу и подобию (это — метафизический постулат, равно применимый и для атеистов, и для тех сатанистов, которые верят в существование бога как личности). Бога лично как-то не наблюдается, а ненавидеть принцип Deus (стагнация и т. д., см. Princeps Omnium) — несколько странно.

Ненавидеть людей «в розницу» — просто смешно. Как и оптом — верно, в массе своей они заслуживают не более чем презрения.

Работа CONTRA DEI должна проводиться именно против божественного в человеке — как в себе, так и в окружающих, так и в социуме в целом.

Сатане не нужно поклонение (и даже, повторюсь, почитание¹), Аду требуется Открытие Врат в этот мир. И это невозможно сделать, не преобразовав этот мир — а, значит, в первую очередь — социум. *Отказ от этого означает, что Сатана в принципе не способен преодолеть божественное.* С чем лично я категорически не согласен. Позиция «нажать на Красную Кнопку» — это жест отчаяния, способ *проиграть достойно.* Но не более того.

Рассуждение четвертое

Здесь придется сделать небольшое отступление о «разделении сатаниста». На когнитивном поле оккультизма сатаниста можно представить как «демона в теле человека». Но оккультизм — не надо забывать об этом — рассматривает все *в совокупности.* Микрокосм и макрокосм *тождественны.* Таким образом, с оккультной точки зрения нет «раздиранья на части», характерного для того же христианства. Как метко выразился С. Тиунов: сначала христиане делят себя на тело и душу, а потом удивляются воспалению вдоль линии распила. К сожалению, подобные воззрения встречаются и среди сатанистов: мол, мы — крутые демоны, а человеческая «шкурка» — это то, что надо давить и изничтожать.

На мой взгляд, метафора «демон в теле хумана» описывает нечто наподобие «индивид в скафандре в чужой среде». Да, скафандр не является частью индивида, но в том месте, где он находится, без скафандра нельзя выжить. Поэтому надо учиться управлять системами скафандра в совершенстве, улучшать, если есть возможность, сам скафандр, и так далее. А стремление избавиться от скафандра здесь равнозначно стремлению погибнуть (сюда же: предъявите мне сатаниста без человеческого тела, если не затруднит).

С точки зрения психологии все просто: сатанист, поскольку находится в человеческом теле, вполне соответствует *структуре* человеческой же психики. Психологические модели вполне

¹ Это не значит, что сатанисты не должны чтить Сатану: это чувство естественно для сатаниста.

адекватно описывают психику сатанистов¹, архетип Сатаны присутствует в коллективном бессознательном и т. д. Отличие людей от нелюдей, в т.ч. — сатанистов, в *наполнении* этой структуры, в *изначальных мотивациях* и так далее.

Однако в некоторых случаях кривое поверхностное понимание тезиса «сатанист — демон в теле человека» приводит к весьма странным выводам. Как пример:

И безупречность (кстати, она подтверждается отнюдь не перед, скажем так, людьми) это практически недостижимая цель. Потому что безупречный — это тот, кто в любой момент мог бы ответить на вопрос: «Если предыдущий час был твоим последним часом — прожил ли ты его так, как это должно быть?» положительно. Это значит, что он никогда не валяется с книжкой на диване, не пьет пиво, не ходит на работу и не спит.

Спрашивается, а *что* должен делать этот самый безупречный сатанист? Вот конкретно²? Еще:

— И понятно, что квартира, в которой я обитаю, не имеет никакого метафизического статуса, но тем не менее, тот, кто пытается ее отнять / ограбить / разрушить и т. п. — мой враг. — Он враг Андрея Борцова, но не сатаниста Варракса. Если так четко разделять физическое и метафизическое. Если доводить до абсурда, то, предположим, некий сатанист, весьма правильный, по какой-то причине решил ограбить твою квартиру. Он тебе враг? Потому что покусился на материальную собственность А.Б.? Или он соратник, поскольку вне материального вы оба стоите по одну сторону баррикад?

Вот до такого маразма можно дойти. Чем это отличается от того же христианского разделения на душу и тело — я не вижу.

¹ Здесь я про адекватные психологические модели, скажем, про аналитическую психологию, соционику и т.д., а не про какую-нибудь «гуманистическую психологию» и т.д.

² Дополнительно: нет принципиальной разницы между этим тезисом, утверждающим априорную безупречность, и тем же первородным грехом христианской мифологии. Воздействие на психику одно и то же: что бы ты не делал, ты не можешь собой гордиться, а можешь лишь рефлексировать над своим несовершенством. Последствия для психики, надеюсь, ясны.

Все просто: «демон в теле хумана» — это *модель*. Для удобства. Точно также есть психика и тело — вполне разделяемые понятия *для удобства моделирования*. И что, ежели некто отрубит руки и ноги, то к нему, по цитируемой выше «логике», претензий быть не должно — мол, психику-то он не трогает?

К сожалению, достаточно много сатанистов слабо разбираются в психологии и философии — что иногда приводит к смешному:

Как общественные (человеческие) явления скептицизм, рационализм, эгоизм не могут быть необходимыми составляющими сатанизма, поскольку изначально в них заложено противоречие самой нечеловеческой сути сатанизма. На ранних этапах это противоречие может быть незначительным, и достигаемый эффект может быть достаточным для начальных уровней сатанизма. На последующих этапах это противоречие будет стремительно нарастать.

Воин и философ. Человек действия и человек слов. Всем очевидно, что слова отличаются от действия. Действие может сопровождаться философско-логическими сентенциями, а может и нет. Акцент на результате, а не на теоретической базе. На служении Сатане, а не на размышлении о служении Сатане.

..различие заключается в степени этой взаимосвязи, в открытости перед Сатаной. Эта степень напрямую связана с возможностью воплощения Воли Сатаны.

Я не буду сейчас обсуждать, скажем, то, что сатанист не может не быть эгоистом и т.п., займемся более общим вопросом.

Вот интересно, какие способы познания предлагаются взамен таких человеческих методов, как, например, научная методология? Конкретно? Откровение а ля христианство? «Откровение» вместо познания — это уже даже не человеческое, а чел-овеческое.

Особенно умиляет в таких сентенциях *противопоставление* воина и философа. Оказывается, воин не может быть философом (и наоборот). Кстати говоря, из такого противопоставления однозначно следует, что кредо утверждающего такое — это *действовать, не думая*. Меньше слов, больше дела — и все такое. Это очень положительная черта, но *для тупого исполнителя*. Я же лично придерживаюсь мнения, что сатанист — это Личность; он встает на Путь осознанно, а не как слепой последователь. Если

кто-либо из сатанистов против — может попробовать оспорить.

Возвращаясь к теме: такое вот «отрицание всего человеческого» — не системно-человеческого, а «такое есть у людей», приводит, если подумать, к чему? «Акцент на результате, а не на теоретической базе» — позвольте, но если выкинуть теоретическую базу, то как определить, каков должен быть результат, а? Разумеется, это не обозначает, что все сатанисты должны ничего не делать и разрабатывать эту самую теоретическую базу; но отказ от теории — неизбежный проигрыш на практике.

Чтобы выигрывать Войну, мало личной доблести и умения сражаться. Требуются, помимо рядовых, также полководцы — стратеги и тактики; и также — оружейники, ученые, социологи, психологи и много кто еще. Стремление же действовать, не думая — это доблесть дикаря и достоинство *Светлого*. Это у них следование догме возведено в принцип: паладин должен быть прямолинеен и нестигаем как рельс и иметь ум короткий и деревянный как шпала. Сатана же — это изменение, динамика, разум. Подробно этот вопрос освещен в *Princers Omnium*, не буду повторяться.

Дополнение: интересно, если заявить, что скептицизм и всякая научная методология — это происки хуманов, не подобающие Настоящим Сатанистам, то чем же Настоящие Сатанисты должны заниматься? Философия, литература в целом, музыка, изобразительное искусство, да что угодно — изобретения, между прочим, именно человеческие. Так в чем именно должно заключаться то самое «действие, не оскверненное гнусными хуманами»?

Иногда это самое стремление «не думать, но действовать» доходит, до, гм... Цитата: «Леворучные сексуальные практики помогают разрушать себя как человека: трансформировать (или сбрасывать более грубый уровень) свое "Я" в духовно более совершенное существо, которое в конечном итоге (при физическом разрушении вселенной) сольется с Тьмой. На мой взгляд это наиболее действенный способ постижения и слияния с Тьмой».

Вот еще короткий диалог:

- Вчера нашла книгу Лео Таксила «Забавная Библия».
- Вульгарный атеизм. Когда критике подвергается не ядро учения, а частности — это зачастую выглядит ни чем не лучше базарной ругани. Насмешливое отрицание несуществующего бога не несет в себе настоящего CONTRA и даже не приближается к богохульству.

Собственно говоря, если «бог есть, причем он описан в Библии» — это *не* ядро христианства, то я уж и не знаю... Но дело в другом: вполне себе реальные действия Таксила против христианства¹ (кто не в курсе, советую ознакомиться с его биографией, а заодно прочитать текст анафемы ему) — это типа базарная ругань. В отличие от богохульства. И «настоящее CONTRA» — это совсем не это... а что, а?

Рассуждение пятое

Резюмируя предыдущее: сатанисты должны действовать в социуме², продвигая то, что гармонирует с принципами Ада. Разумеется, «огласить весь список» здесь не получится по понятным причинам. Тем не менее можно выделить три категории.

Во-первых, это то, что непосредственно вдохновлено Сатаной: литература, изобразительное искусство, музыка. Казалось бы, здесь не должно быть разногласий; тем не менее они имеют место быть. Разумеется, никто не предлагает вводить соответствующие произведения искусства в моду — да это и невозможно по определению. Но не надо бросаться и в другую крайность: излишний элитаризм очень легко перетекает в маргинальность. Как пример: стремление true black'еров издать свою музыку минимальным тиражом. Я всегда думал, что самое «тру» — это ббб экземпляров, но я был не прав: один знакомый поведал о группе (извиняюсь, забыл название), которая выпускает пластинки на виниле (!) тиражом 66 экземпляров. Вероятно, издать альбом тиражом 6 экземпляров на патефонной пластинке — еще более тру, а конечный итог такой тенденции — передача записки «мы написали новую песню, но никому ее не покажем» тому, кого члены группы сочтут самым сатанистским сатанистом.

Обоснованием такого вот подвального элитаризма является тезис «великое произведение сатанинского искусства не должно попасть в руки недостойных» (я даже не особо утрирую). Однако

¹ Примечание: я, конечно, не считаю, что все действия CONTRA DEI — это только антихристианские действия. Но возьмусь утверждать, что столь грандиозное выставление на посмешище христианской церкви и Библии — это однозначно действие CONTRA DEI.

² Разумеется, сатанист должен заниматься и саморазвитием; но это и так имманентно присуще любой настоящей личности, а тема статьи — именно о проявлениях сатанизма в обществе.

музыкальная композиция или книга — это *информация*. Которая никак не меняется от того, что с ней кто-либо ознакомился. Разумеется, может быть (и будет) неправильное и не полное понимание, но это относится к любой области знания. И развитие любого знания подразумевает не только обмен информацией между ведущими специалистами, но и доступность информации для всех — иначе откуда будут братья новые специалисты?

Примечание: есть точка зрения, что, мол, сатанист должен сам до всего дойти. Это верно в области «должен сам развиваться до осознания себя сатанистом»; сатанизму прозелитизм не свойственен (и невозможен в принципе). Однако заявление, что надобно каждому пройти развитие с нуля, обозначает отсутствие стратегического развития. Представьте себе, что исчезли все учебники, а знающие передают знание лишь одному-двум проверенным ученикам. Как скоро мир вернется в средневековье (как минимум)?

Во-вторых, есть то, что, с моей точки зрения, сатанист должен поддерживать — все то, что способствует *развитию*. В первую очередь это наука. И нет никакого противоречия в том, что это развитие человечества: как я уже указывал, *другого материала у нас нет*. Также есть социумные явления, которые однозначно противоречат сатанизму: монотеизм, гуманизм, либерализм, попса в любых проявлениях и т.д. — список не такой уж и короткий. Конечно, это не означает, что каждый сатанист должен бороться против всего в списке; но поддерживать что-либо подобное он не может. Не потому, что это кем-то запрещено, а потому, что это *несовместимо* с сатанизмом. Вот вы себе представляете, скажем, сатаниста-гуманиста? Или либерала?

Думаю, здесь все ясно, а тезисы наподобие «сатанист вообще не должен взаимодействовать с социумом» я уже разобрал.

В-третьих, есть то, что не решается «в общем виде».

Поясню на примере. Я за то, чтобы не было ни христиан, ни мусульман. Глобально и поголовно (и не только их, но не суть). Но что можно сделать в действительности? Слегка утрируя, есть лишь два выхода: трепать языком и ничего не делать, или же — действовать в меру сил. Первое ИМХО выглядит явно не по-сатанински. А второе — невозможно в одиночку. И в настоящем с моей т. з. весьма логично давить вахаббитов и проч. в первую очередь, так как они опаснее христиан (здесь и сейчас). При этом целесообразно действовать совместно с теми, с кем интересы

совпадают на данный момент, либо — однозначно проиграть, т. к. «один в поле воин» только в сказках; и если христиане¹ хотят того же, то в данной области они, конечно, не соратники, но — союзники. Точно так же — монотеизм должен быть уничтожен, но вреда от клерикализма куда больше, чем от просто личной веры, и целесообразно поддерживать христиан-антиклерикалов против клерикалов.

Приходилось слышать возражения в стиле «честному сатанисту запаadlo зашквариться общением с христианами». Поясняю для альтернативно одаренных: если у А и Б есть общие цели, то логично объединить усилия для их достижения. Кто не понял — перечитать и заучить наизусть. Еще одно пояснение для той же категории населения: сказанное относится к группам населения. Личные же отношения — это другой вопрос. Скажем так: есть некоторые христиане, которых как индивидуумов я уважаю больше, чем отдельных сатанистов.

Обобщая тему «Как можно ранжировать быдло (или людей в целом) по каким-то категориям, настоящий сатанист должен ненавидеть их всех!»: для того, чтобы делать что-то в социуме, необходимы союзники. Отказ от взаимодействия — сведение к нулю возможности влияния на среду обитания. Это — все тот же уход в «духовные мечтания», о которых уже говорилось. Ну и кроме того, во многих случаях это — отказ от борьбы. Если на меня нападают — я буду защищаться и нападать в ответ, а не поднимать лапки кверху. И если на меня нападают не как на сатаниста, а как (например) на русского (или даже хозяина вещей в ограбляемой квартире — см. выше), то подставлять вторую щеку я все равно не собираюсь. Ответные действия в этом случае не имеют отношения к сатанизму, национальность — это человеческое. Но отказываться от сражения, заявляя: «Не трогайте меня, я безродный космополит!» — означает быть обычным быдлом, а не сатанистом.

Ну и напоследок возражение на тезис: «Личностные отношения сатанистов не должны строиться исходя из их политических позиций. Сатанист может заниматься политикой или социальными проблемами сколь угодно серьезно и ответственно, но другим следует относиться к таким занятиям как к личному хобби». Если личность занимается чем-либо серьезно, то это — не хобби. По определению. И даже если это не-хобби не имеет отношения

¹ Христиане как верующие, а не как клерикальная клика типа церкви.

к сатанизму непосредственно, все равно оно не может противоречить личности сатаниста. Личность холистична, а не делится на части; но не буду повторяться.

Рассуждение шестое

Чем занимается «демон» в сатанисте, понятно. А чем занимается «человек» сатаниста? Да, *человек должен умереть*, и разговор идет не о физическом, так как тогда сатанист тоже не выживет; смерть здесь рассматривается как *перерождение* — см. Аркан «Смерть». Но если мы ведем разговор о сатанисте, то *не может* быть борьбы «демон против человека» в психике — она, повторысь очередной раз, холистична. Подобное еще возможно (но не обязательно) на стадии *nigredo*, на которой элиминируется человеческое. Личность же *не может* обладать двойственностью мотиваций и т.п. Таким образом, «внутренний человек» сатаниста *осознанно* желает умереть — т.е. переродиться в не-человека, в демона.

Отсюда возникает вопрос — а может ли этот «человек в сатанисте» быть каким-нибудь чмошником, обывателем и т.п.? Понятно, что нет — из говна мечи не куют. Образно говоря, этот внутренний человек обладает этикой самурая: он стремится умереть, но при этом — умереть *достойно*. А пока смерти еще нет — он будет стремиться саморазвиваться так же, как и «демон». Было бы странно, если бы к развитию стремилась бы лишь часть личности.

Соответственно, имеем еще один парадокс для поверхностного взгляда на ситуацию: *для становления сатаниста как личности необходимо развитие его и как человека*. Вопрос о приоритете — не стоит, иначе это будет не сатанист; но личность должна обладать *гармоничной* психикой. Попытка же отрицать часть себя приведет лишь к вытеснению проблемы в бессознательное, с дальнейшим включением психической защиты.

Невозможно уничтожить человека, кроме как через развитие, приведя его к полному исчерпанию человеческой природы и ее преодолению. Простое вытеснение/подавление человеческого не даст желаемого эффекта. Демон берет только самое лучшее, он не станет поглощать второсортного человека, даже если бы тот желал «метафизически умереть».

Zardoz

Примечание: психологическая защита — это система механизмов, направленных на минимизацию отрицательных переживаний, связанных с конфликтами, которые ставят под угрозу целостность личности. Подобные конфликты могут провоцироваться как противоречивыми установками в самой личности, так и рассогласованием внешней информации и сформированного у личности образа мира и образа «Я». З. Фрейд, первый приступивший к проблеме психологических конфликтов, трактовал их как форму разрешения конфликта между бессознательными влечениями и интериоризованными социальными требованиями или запретами. В дальнейшем в результате многочисленных исследований, проведенных прежде всего в рамках клинической практики, были выделены различные виды механизмов психологической защиты. За счет реализации психологических механизмов, как правило, достигается лишь относительное личностное благополучие. Но нерешенные проблемы приобретают хронический характер, так как человек лишает себя возможности активно воздействовать на ситуацию, чтобы устранить источник отрицательных переживаний.

В заключение

Любые Дела во имя Тьмы подразумевают разрушение мира человека и бога. На всех доступных уровнях, всеми доступными средствами. «Мы желаем воцарения Ада здесь» — не пустые слова, не пропагандистский лозунг, но суровая реальность происходящего. ...

Говоря о красоте Зла, воспевая Тьму и обозначая Ее принципы словом и своей жизнью, мы показываем тем, кто способен обрести в Дьволе Отца пути и возможности для служения Аду. Творя Зло, мы отстаиваем те принципы и отношения, что есть Ад, это подразумевает как социальный аспект, так и то, что принято называть магической работой.

Доетор

Еше от Zardoz:

Отношение индивидуума к себе не может строиться на принципах, кардинально отличных от тех, на который строится его отношение к социуму. Поскольку в обоих случаях эти принципы есть проявление внутренней сущности индивидуума, противоречить самому себе неэффективно. [...] Как следствие: если нечто является для меня недостойным, это не может быть стратегически приемлемо в социуме.

Таким образом, обсуждение сатанистами дел общественных важно по следующим причинам:

1) Прежде всего, это лекарство от эгоцентризма, рассматривающего разум как средство для обслуживания прихотей. Особенно от эгоцентризма в среде претендующих на то, чтобы считаться сатанистами. Многие научились в свое время рационализировать собственную мотивацию в терминах личной выгоды. Необходимо расширить понятие личной выгоды, включив в нее экспансию своих интересов вовне, и желательно обосновать это логически, а не только эстетически. Причем обоснование должно быть именно обоснованием проекции «я» на мир, в смысле «нам нужен мир, и это будет наш мир», а не в смысле «в каком социуме мой быт будет комфортней». Следует обосновать экспансию интересов через стремление к увеличению могущества. При этом мне видится вполне естественным начинать со своей страны, как наиболее подходящего плацдарма экспансии каждого.

2) Обсуждение обустройства социума переводит разговор из метафизически-абстрактной в практическую плоскость. Это очень полезно — особенно для тех, у кого круг общения делится на «продвинутый виртуальный» и «будничный реальный», из-за чего практические аспекты сатанизма нередко отстают. Вдобавок эта тема расширяет круг участников обсуждения. При этом нельзя сказать, чтобы в подобных обсуждениях метафизика страдала — «как ни собирай, все равно выходит пулемет».

Более сложный аспект вопроса: нередко замечают, что социум касается именно людей. Насколько эволюция людей как вида входит в стратегические планы сатаниста? Есть ли какое-то противоречие или неестественность в том, что он этим озабочен? Противоречие снимается допущением, что успешная эволюция человека неминуемо ведет к метафизическому уничтожению человека как вида — и к трансформации того, что это уничтожение переживет, в нечто иное. Причем я не утверждаю, что на

«человеческой» (даже в наилучшем смысле слова) личности возможно сделать «темную» надстройку. Напротив, я считаю, что человеческая личность ущербна в своей ограниченности. Пик ее удачной эволюции, которой следует способствовать — самоуничтожение и, возможно, переход в иное качество — т. н. нелюдя. Еще Ницше осознал, несмотря на все его затруднения с обозначением последующего этапа развития, что даже лучший человек должен умереть. Эволюционная равноправность Человека и сатаниста — миф, и я удивляюсь тому, как долго он продержался.

Опубликовано в журнале «CONTRA DEI» №2¹, XLIII A.S.

¹ Электронная версия: http://warrax.net/contra_dei/2/cover.html

Black Fire Pandemonium

<http://warrax.net>

Мой личный сайт, на котором, помимо сатанизма, можно ознакомиться с материалами на многие другие темы, которые побуждают мыслить самостоятельно.

Мои работы, которые не относятся к сатанизму, но затрагивают важные темы, и которые я рекомендую к прочтению:

Христианство на Руси с точки зрения соционики:

<http://warrax.net/socionic/cover.html>

Что такое интеллигенция и почему она не тонет:

<http://warrax.net/89/itnel.html>

Русофобия:

<http://warrax.net/89/10/rusophobia.html>

Сталин и национальный вопрос:

<http://warrax.net/91-92/01/nathionstalin.html>

К вопросу о смертной казни:

<http://warrax.net/93/02/death.html>

Агент влияния Аватар или Эссе о предательстве, суггестии, ученых, Родине, любви и близости к природе:

<http://warrax.net/93/avatar/00.html>

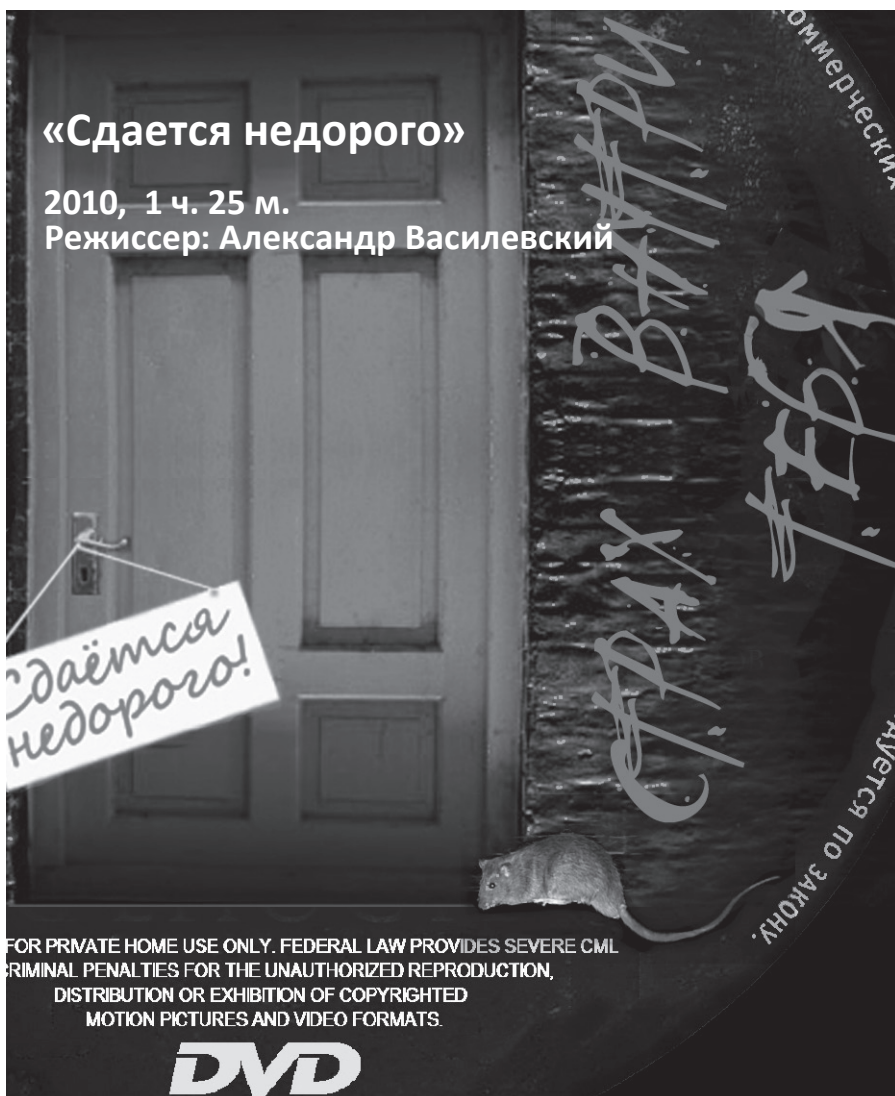
Нации и идеологии. Позиция русского социалиста:

<http://warrax.net/nnrs/nn00.html>

Warrax' FAQ по возвращению права на ношение короткоствольного оружия в России:

<http://warrax.net/95/03/ks-faq.pdf>

В этом арт-хаусном проекте объединены несколько жанров. В фильме поднимается не только вопрос преодоления страха, здесь есть время и посмеяться, и задуматься, и затаить дыхание...

http://warrax.net/sdaetsya_nedorogo.html

<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3558253>

Предыдущие издания ОСС:

- [01] Магия Смертной Силы: Протоколы допросов колдуна Стоменова (2005)
- [02] *Пимен Карпов*. Пламень (2006)
- [03] *Антон Шандор ЛаВей*. Основные трактаты (2008)
- [04] *Антон Шандор ЛаВей*. Сатанинская Ведьма (2009)
- [05] Библия Сатаны (2009)
- [06] Чёрная Библия (2009)
- [07] Некрономикон (2009)
- [08] Библия Гностиков (2010)
- [09] Наставления в практике Чод (2010)
- [10] Магические Гримуары (2010)
- [11] Девять Врат в Царство Теней (2010)
- [12] Русское народное Чернокнижие (2010)
- [13] *V.L.S.L.V.* Книга Великой Нави (2010; 2011 — 2-е изд.)
- [14] *V.L.S.L.V.* Деломеланикон: Алхимия Хаоса (2010; 2011 — 2-е изд.)
- [15] *Ахмед Салман Рушди*. Шайтанские суры /Сатанинские стихи/ (2010)
- [16] Трактаты по Некромантии (2010)
- [17] Молот Ведьм (2010)
- [18] Манускрипт Войнич (2010)
- [19] «Некрономикон» Джона Ди (2011)
- [20] *V.L.S.L.V.* Liber ABRAXAS /Книга «АБРАКСАС»/ (2011)
- [21] *Warrax*. Не-учение Тьмы. Сатанизм, XXI век. В 2-х тт. (2011)

Библиотека ОСС:

- [01] Масон без маски. *Изд.1784* (2011)
- [02] *Банзаров Д.* Чёрная Вера, или Шаманство у монголов... *Изд. 1891* (2011)
- [03] *Кузнецов С.К.* Черемисская секта КУГУ СОРТА. *Изд. 1909* (2011)
- [04] *Карл фон Эккартсгаузен*. Облако над Святилищем. *Изд. 1804.*
С приложением трактата: «Дух Эккартсгаузена, или Сущность учения сего знаменитого Писателя». *Изд. 1810* (2011)

